

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

904

52.

*QCA

МАЯКЪ

СОВРЕМЕННОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

■

ОБРАЗОВАНОСТИ.

РІДЛ. В. П.
Ранетв. 0111.
V. LOMBY
Арт.
Лит.

Luceat lux vestra coram hominibus.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1840.

МАЯКЪ

СОВРЕМЕННОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

И

ОБРАЗОВАНОСТИ.

ТРУДЫ

УЧЕНЫХЪ И ЛИТЕРАТОРОВЪ,

РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ.

РЕДАКТОРЫ-ИЗДАТЕЛИ:

П. КОРСАКОВЪ И С. БУРАЧЕКЪ.

Lucent lux vestra coram hominibus.

ЧАСТЬ VI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

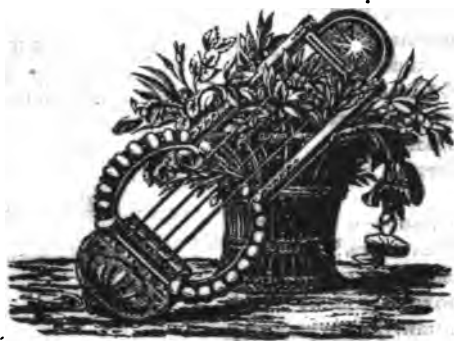
1840.

113817В

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи были представлены въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, Іюля 1840 года

ЦЕНСОРЪ *А. Крыловъ.*

СЛОВЕСНОСТЬ.

ОТХОТВОРЕНІЯ.

ПСАЛОМЪ

НА ДАВНОВОРСТВО ДАВИДА СЪ ГОЛІАСОМЪ.

(Преложение.)

Давь маю между братьями своими
И всѣхъ въ дому отца юнайшій, съ дѣт-
скими дѣш,

Я даю овецъ его среди степей —
И призываю считатьъ съ нами,
Столь низкой доли не кланя!

Тогда органъ мой образовалъ руки,
А персты робкіе псалтырь..... но кто изъ
звучи

Къ Творцу вознесъ бы отъ меня?
Онъ Самъ, Онъ Самъ, къ Кому изъ
жиди

Я въ горы прибѣгалъ, Онъ слухъ ко мнѣ
слышалъ —

И, Ангела пославъ вѣсть, пастыря отъ
стада,
„Здѣсь помазанъ“ мнѣ на главу воздѣлъ! (*)

(*) По Славянскому: „Я вознесъ къ Господу
помощнаго Своего.“

Часть VII. Гл. II.

О! братія мои прекрасны, горделивы....
Но гдѣ же избранный изъ нихъ?
Неси проклятія мнѣ отъ идоловъ своихъ,
Противъ меня возсталъ пришелецъ нече-
ственный:

Его я встрѣтилъ въ полѣ сѣчь,
Исторгнуть мнѣ грозившій мечъ —
И сопостата обезглавить.....
Тебя жъ, Израильскій народъ,
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ,
Отъ поношенія избавить!

И. ВОРОЗДНА.

ПСАЛОМЪ 83.

(Преложение.)

О! сколь Твои жилища возделаны,
Владими силъ! Уже подъ душа

PERLSTEIN 13 DEC 1940

Истомленъ желаньемъ безпредельнымъ
Урвать Твои чертоги! Плоть моя
И сердце радостью окрилены,
Въ стремлении къ Тебѣ, живому Богу! —
Воробушекъ приютъ себѣ находятъ
И горлица гнѣздо своимъ птенцамъ
У алтарей Твоихъ, Владыка силъ,
Мой царь и Богъ! Блаженъ, кто водо-
рился
Въ превыспреннемъ селени — и во вѣкъ
Вѣковъ Тебя хвалами величаетъ!
Счастливъ, кто ждетъ защиты отъ Тебя,
Свершая путь по сей долинѣ слезъ;
Въ чьемъ сердцѣ возвышаются ступени,
Ведущія въ святилище Твое!

Такъ, Онъ пролетѣть, законодавецъ див-
ный,
На избранныхъ Своихъ благословенъ!
Отъ силы къ силамъ перейдутъ они!
И наконецъ, на высотахъ Сиона,
Имъ явится всемогущий Богъ боговъ!

Господь! Владыка силъ! услышь меня!
О Богъ Иакова, ослони Свои стопы
Къ помазаннику Твоему! (*) О! — одинъ

Отради въ обителяхъ Твоихъ,
Чѣмъ тыслча! У прага Твоего
Я счастливы буду, чѣмъ подъ крошею
Жилища грѣшниковъ! — Господь есть

И солнце! Онъ дастъ милости и славу,
Онъ не лишитъ того даровъ небесныхъ,
Кто избралъ непорочности стезю!
Владыка силъ, блаженъ, стократно бла-
женъ
Всякъ на Тебя надежду цоложивший!

(*) Въ Славянскомъ переводѣ: *призри на
лице Христа Твоего*. Давидъ, въ качествѣ
царя Иерусалимскаго, часто именуетъ себя
Христомъ, т. е. помазанникомъ Божиимъ; но
это одно изъ мѣстъ въ псалмахъ, гдѣ ясно
пророчество объ истинномъ Христѣ, отро-
вленное царю-исповѣднику свыше, тѣмъ болѣе,
что онъ говоритъ (см. стихъ 17-й) передъ
этимъ о законодавцѣ, который пролетѣть свое
благословеніе на избранныхъ, или по Славян-
скому переводу: *благословеніе дастъ законо-
полагателю*.

И. БОРОЗНА.

РАЗСУДОКЪ И СЕРДЦЕ

АПОЛОГЪ.

То плачетъ человекъ, то надо
всѣмъ смѣется,
То презираетъ все, то отъ всего
мнителенъ:
Не столько въ воздухъ бываетъ
перемѣнъ:
О! какъ онъ легкою своею
обремененъ.

Ломоносовъ.

Ты правъ, бессмертный нашъ поэтъ!
Такъ, человекъ всѣхъ странъ, всѣхъ
лѣтъ,
Своею легкою обремененный,
Повсюду суетный и вѣчно привремен-
ный:

Въ метелицѣ страстей, на вихряхъ вѣкъ
промча,
Въ крутящей вихрь, якорю гаснетъ;
Иль жизньъ, какъ плугъ, въ нови упру-
гой, волоча,

Корыстью душится, въ расчетахъ влз-
нетъ,
Стараетъ алчностью и тухнетъ какъ
свѣча;

И онъ же, на землѣ, одинъ родился воль-
нымъ

Въ хощеньяхъ, въ помыслахъ и въ твор-
чествахъ своихъ:

Ни какъ, ни чѣмъ не хочетъ быть до-
вольнымъ...!

И эта дурь ему обычный всѣхъ дру-
гихъ.

Вотъ я, мальчишкою, въ болѣе на-
рохтѣся

На время быстрое, за медленность поп-
татъ;

А только возмужалъ;
Такъ тѣмъ, что прежде мнѣ наскучило,
Плывѣя

Въ дѣтяти захотѣлъ;
Всегда же устарѣлъ,

То всеюмнѣнемъ утратъ невозврати-
мыхъ,

Остатокъ дней моихъ гублю,
И всѣхъ друзей меня любившихъ, и мой

любимыхъ, —

Дряхлю старостью — но... молодо люблю,
И сердце старѣется, во мнѣ, но кипѣтъ;

Ломоносовъ

Надъ нимъ, мой грѣшный умъ,
Какъ надъ кокеткою хохочетъ,
А мой педантъ разсудокъ поднималъ шумъ;
Онъ вздумалъ сердце звать: угарною жаро-
ровней,

Лучиней дымною или чадной головней;
И сердце бѣдное томить своей брѣзгивей;
За то, что смѣетъ быть неровней
Монхъ сѣдичъ, морщинъ, и притупѣлыхъ
глазъ;

И, будто мальчику, даетъ ему приказъ;
Тотчасъ размолодѣть, и впредь, кдючемъ
кипящимъ,

Не биться въ голову и мозга не палить,
Не грезить будущимъ, прошедшее за-
быть

И отдыхать прохладно въ настоящемъ.
Тутъ, сердце вздрогнувъ, какъ въ бѣдѣ,
Въ мадсаженную грудь, вдругъ, моло-
томъ забило,

И распыхавшися свое заговорило:
Да настоящее твое и что? и гдѣ?
Межъ будущимъ и бывшимъ
Юркнетъ, мелькнетъ, ульнетъ и слѣдъ
простыль.

И если кто его видалъ, то развѣ, въ
тыль.

Такъ мнѣ съ тобой, полѣвка преходив-
шимъ

Въ очкахъ или оцупью: не стать его
ловить....

Нѣтъ, а, зажженное огнемъ неутаси-
мымъ,

Любви безлѣтной, имъ горю, хочу лю-
бить,

Люблю и жажду быть любимымъ:

Но пусть, само себя, безвременно истля,
Пускай взаимности неутомимо жажду;

Чужь всѣмъ, чужимъ бѣдамъ состражду,
За то и радости, чужил мнѣ, дѣлю!....

Но можешь ли постичь, корыстолюбенъ
жадный,

Души потухшій лучъ —
Печалей дружескихъ раздѣлъ отрадный?

Молчи, оставь меня, не мучь:

Мнѣ легче рваться отъ крушима
Пылающихъ, какъ я, сердецъ,

Чѣмъ сдлушать, ледяной мудрецъ!
Твои замерзла ученья.

Чего ты хочешь отъ меня?
Ужъ не того ль, чтобы я

Къ всему, что есть прекраснаго, остыло,
Оторвалось, отъ милаго всего,

Любезнаго, какъ прежде не любило;
А за успѣхъ расчета твоего

Какъ въ лихорадочномъ избилося бѣ оз-
нобѣ

И замирая день и ночь,
Хотѣло бѣ отдохнуть прохладно. въ гробѣ!

Или радѣючи въ бѣдахъ
Изныло бы, иссохло! и... за что же?...
За то, что точить червь, что моль и въ-
теръ тлѣть,

И что вода, огонь и воздухъ землѣнать?...
Нѣтъ, нѣтъ, избави Боже

Меня отъ этой сухоты!

На моль и на червей работай ты,
И сѣй, въ трудахъ, земное сѣмя;

Котораго плоды не знаешь кто пожнетъ;
А мною не завладѣетъ время!

И не *одряблео* меня сожжетъ
Огонь любви и солнце воспалившій,

И миръ затеплявшій и время освѣтив-
шій:

Изъ пещи моего, душа съ собой взнесетъ
Мою любовь, туда, гдѣ не живетъ

Ни что oprичъ любви, она моя стихія,
Она,.... тутъ сердце вздохъ удержанный
стѣсниль.

И прервалъ рѣчь; межъ тѣмъ разсудокъ
разсудилъ:

Что мудрованія его сухія
Спалить, какъ ветошь, сердца пыль

И что, оно, отъ спора, пуще вснхъ-
нетъ:

Такъ хладнокровно разоцтя,
Что сердце, сущее дитя

Порвется, покричитъ, дать волю, стих-
нетъ,

И утомля грудь дыханьемъ чуть ко-
лыхнеть:

Тутъ, на него, въ разплохъ, разсудокъ
нападетъ

И подъ свою плясать заставитъ лудку;
Да опытность, уже давно твердить

Какъ сердце, волю взявъ, свое загово-
рить,

То, съ нимъ не сговорить разсудку.

КНЯЗЬ А. ШАХОВСКОЙ.

~~ВЪЗВЪ~~

БОРЬБА,

Подражаніе Голландскому поэту Билдер-
дейку.

Какъ булатъ въ болѣхъ обдержанный,
Много бадъ я поборолъ;

Но меня въ борьбѣ ждалъ новый врагъ—
Разрушитель исполнивъ:
Гдѣ ногой толкнетъ, тамъ крѣпости
Рѣтеть — какъ снопы въ гумнѣ;
Гдѣ рукой махнетъ, тамъ — улица;
Не чинился онъ въ бою.

Бодро встрѣтилъ я противника;
Онъ — мнѣ горбъ наколотилъ:
У много бѣ слезы брызнули, —
Ни слезинки у меня.
Кто бѣ взглянулъ — чего мнѣ стоило
Удержаться на ногахъ,
Тотъ сказалъ бы: „карачунъ тебѣ!“
Я — стоялъ какъ мѣдный столбъ.

Наконецъ, онъ руки, ноги мнѣ
Издавилъ, переломалъ;
Я рванулъ. . . пафъ! и оземь — бацъ.
Такъ швырнулъ меня силачъ;
Сколько съ нимъ я ни барахтался,
Какъ ни бился, ни крахтѣлъ:
Онъ насѣлъ на добра молодца;
Не вставать ему съ земли.

Видно Врем я удалѣ насъ
Удальцовъ — богатырей;
Видно мышцы сына вѣчности
Посильнѣе нашихъ рукъ;
Какъ ни бьемся, ни хорзимся мы
А въ дугу согнетъ онъ всѣхъ:
Рано ль, поздно ль, а растопчѣтъ насъ
Разрушитель-исполнѣ.

~~***~~

ЧЕЛОВѢЧЕСКІЯ ЖЕЛАНИЯ.

(Изъ Билдердейка)

Никогда глухая ночь
Не смѣняла дня со стражи,
Чтобъ младенецъ не кропилъ
Первой слезкой колыбелю,
Или старецъ не стоналъ
На одрѣ своей печали.

Наслажденій тѣсенъ кругъ,
Какъ объемъ наземной жизни;
Всѣ желанья — какъ цвѣтокъ —
Нѣжный, пестрый, обидный:
Утромъ рано разцвѣтуть,
Смотришь: полдень — и завяли!

Мы лелѣемъ отъ души
Наши тщетныя надежды;

Прочимъ цѣлый рядъ утѣхъ. . .
Но скажите: гдѣ жъ плотина
Отъ напора дрыхъ воля,
Противъ времени потога?

Смертный! самъ себя спроси:
Далека ль твоя могила?
Оглянись — она какъ тутъ!
Врагъ твой близокъ: за плечами;
И шируетъ онъ съ тобой,
И твое онъ дѣлать ложе.

Изъ чего же бьешься ты,
Надѣваешь рабства цѣпи?
Ломить душу наъ чего?
Изъ ничтожной горсти праха, —
Лишней въ гробъ для тебя:
И безъ ней земли довольно
Чтобъ засыпать прахомъ — праха!

И. КОРДАКОВЪ.

~~***~~

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ.

Гибкую уду себя я промыслилъ, искусно приладилъ
Волосъ пестрый къ концу ея; вотъ и крючокъ ужъ навязанъ;
Въ легкій чеплокъ я поставилъ катушку,
куда бы мнѣ рыбу
Лову снастливого прятать, и утромъ на озеро выплылъ.
Бросилъ я уду въ хрусталь перекатный и думаю: скоро
Мой поплавокъ заиграетъ; серебряной рыбы на долю
Много себя наловлю я; домой возвращуся, съ друзьями
Весело ловъ раздѣлю мой; уха моя лакомымъ паромъ
Станетъ на красномъ огнѣ волноваться и вотъ на столѣ ужъ готова
Жиромъ жаренымъ подернута..... Тсъ!.....
клюнула рыба приманку!...
Сердце забилось!.... Попалась! п дернулъ я уду; — ахъ! лещъ черноперый!
Только я вбросятъ хотѣлъ его въ лодку, — какъ хищная щука
Бросилась вдругъ на добычу, и лещъ мой попался ей въ зубы.
Грустно и вмѣстѣ досадно мнѣ стало.
Бросилъ я уду!

На душе дума легла мнѣ: какъ будто не
тоже и въ жизни?
Ловишь ты счастье, ужь близко, схва-
тишь бы рукою,.... не тутъ-то!
Щука-судьба перехватитъ добычу, а съ
ней и желанную радость.

Я. ШЕТКОВЪ.

УСПОКОЕНЬЕ.

Посвящено Н. А. Ст. . еу

Я грустнымъ опытомъ узнать,
Какъ мало радости, какъ много въ жизни
гора.

Едва отъ берега роднаго я отсталъ
И жизнь свою волнамъ повѣрилъ мо-
ря —
Противный вѣтръ мой парусъ изо-
рвалъ

И я одинъ, беспомощный скитался
Надъ бездною, среди кремнистыхъ
скаль.

Мой слабый умъ сомнѣньемъ коле-
бался;

Но брошенный судьбѣ на произволь,
Я сохранилъ въ душѣ святое упованье
И пристань тихую нашель.

Теперь, смиришь мой желанья,
Не льщусь невѣрнымъ благомъ я;
И, испытавъ, какъ тягостны стра-
данья, —

Я понялъ цѣну бытія.
Необольщаемый мечтами,

Я вѣрю въ доброту, и въ зло людей;
Я усмирилъ борьбу страстей

И за собой смотрю, какъ за часами.
Учусь рассчитывать сколь вѣренъ шагъ
впередъ,

Что общаетъ мнѣ грядущая минута;
И въ тихой пристани смиреннаго при-
юта —

Ужъ не фантазія — существованье жи-
ветъ.

Но вращень путь, которымъ я до-
стигъ

Сердечнаго успокоенья;

И потому меня пугаетъ мнѣ
Забывтой музы появленья.

Страшусь, какъ тягостнаго сна,
Услышать сладкіе знакомые напѣвы,

Они напоминать мнѣ любимый образъ
дѣвы,
Я возмущусь опять, какъ бурная вол-
на, —
И соблазнительный потокъ воспомни-
нанья —

Разрушить мирнаго оплота, основанья.
Кто разъ любилъ, но истинно лю-
билъ,

Въ томъ не утасъ, затихнуть только
пламень; —

И опытъ, какъ холодный камень,
Прикрывъ его, — непрочно сторо-
жить.

Такъ послѣ гибели и громовъ извер-
женья,

Затихнетъ огненный вулканъ:
Поверхность спитъ подъ непломъ раз-
рушенья,

А лава въ глубинахъ кипитъ какъ океанъ!

Ст. СТЕПАНОВЪ.

МОРЕ.

Пустыня море — ты спокойно,
Свою не поднимаешь грудь,
Волною развой тихо, стройно
На брегъ стремишься отдохнуть;
У берега ты волной играешь,
Вдали недвижимо течешь,
Въ пространствахъ міра исчезаешь,
На безконечность воды льешь —
И всюду ты безмолвно море,
Нигдѣ не слышенъ голосъ твой,
Пока съ вѣтрами не поспоря
Ты не вступаешь съ ними въ бой:
Тогда жъ и голосъ твой проснется
И волны страшно полетятъ,
Въ пространствахъ воздуха ужаснется
Твоихъ неистовыхъ громадъ!
Завоевъ вѣтръ — вскипятъ и воды,
И забушуетъ пѣной ты,
И всѣ несчастливые чолны
Пошлешь испить своей воды;
Само себя вездѣ предѣлы
Начертишь ты своей браздой,
На вѣтры ты пускаешь стрѣлы
Своей неистовой волной,
Кипишь, крутишь, шумишь, сверкаешь,
Волнистой пѣной воздухъ бьешь
Изъ бездны воды подымаешь
И ихъ на воды шумно льешь!...

Утихнуть вѣтры!.. и ты море
Течешь спокойною волной,
Какъ прежде ты недвижно море;
Но твой надеженъ ли покой?

Такъ точно ты душа поэта,
Какъ море полная всегда,
Отъ чувствъ, страстей, неправды свѣта
Твоя взбунтуется мечта —
И ты вскипишь, какъ волны моря,
Какъ тѣ неистовства полна,
Свое неистовое горе
Волнами брызнешь ты со дна —
Прольешь на прежнія мечтавья,
А тѣ извержены тобой,
Какъ лавой оболъютъ желанья
Заблещутъ дивною волной!
И въ этотъ чудный мигъ волненья
Небесной жизнью поживешь,
И вся землица наслажденья,
Какъ море чолны унесешь,

Но волны въ волны снова льются,
На берегъ брызгы лишь летятъ;
Отъ чувства въ свѣтѣ остаются
Одинъ ихъ блескъ и ихъ нарядъ!

П. В.

ПѢСНЯ.

Не роса на алыи цвѣтъ падеть весной,
Плачетъ дѣвушка; оставиши сиротой.

Нажила себѣ любезнаго она,
Но взяла дружка чужая сторона.

Не тоскуеть онъ по милой, не груститъ,
Лишь поклонъ прислалъ — да долго жить велитъ.

Пишетъ грамотку: нашель невѣсту онъ,
Съ той невѣстою и въ землю воложивъ;

Та невѣста отъ врага подарена —
Въ ретивое такъ и врѣзалась она.

Не роса на алыи цвѣтъ падеть весной,
Плачетъ дѣвушка, оставиши сиротой.

Въ хороводъ она съ подружками нейдетъ,
Одиноко пѣсню грустную поетъ:

„Спи спокойно, милый другъ, въ землѣ
сырой,
„Не надолго я простилася съ тобой!

„Не на радость мнѣ дѣвичья красота,
„Не хочу я жить безъ друга — сирота!

„Когда вѣтры лѣсть съ деревьевъ обор-
вуть,

„Спустия лѣто по малинку въ лѣсъ ней-
дутъ;

„Если въ сердце грусть о миломъ запа-
детъ,

„Сокрушить его — злодѣйка, изведетъ!

Ст. СТЕПАНОВЪ.

19 июня, 1840.

КОШКИ.

Басня

=

Хозяинъ новый домъ построилъ
И такъ все въ немъ чинехонько устро-
илъ,

Что домъ былъ — хоть куда,
Когдабы не одна бѣда:

Изъ за стѣнныхъ шкаповъ, изъ подъ по-
лу, изъ крыши —
Куда ни обернись,
Куда ни оглянись

Отсюду выбѣгаютъ мыши!

И словомъ — развелось нечаянныхъ гостей
Такое множество, что отъ госпожъ мы-
шей —

Хозяинъ — весь свой домъ хоть выбрось
изъ окошекъ.

Вотъ бѣдный нашъ горюнь кой-съ-къмъ
поворожилъ,

И на базаръ сходя, купилъ
На тму своихъ враговъ десятокъ цѣлый
кошекъ.

И васаекъ съ машками онъ по полу пу-
стилъ;

А что за кошки-то! Ну — чудо!

Сперва мяукавъ пошло повсѣмъ углямъ;
А тамъ —

Еще денекъ — и нарачувъ мышамъ!

Не дурно, кажется? И подлинно не худо
Настала ночь; хозяинъ задремалъ,

Заснул, и высказал, ни мышки не слы- халь.

Прекрасно! кошкамъ — благодарность: За ихъ усердіе, и ловкость, и исправ- ность!

И вотъ хозяинъ всталъ... анъ- хватъ!

Чтожъ вышло? Лучше бь не выдать...

Его наперсницы — злодѣйки кошки, Передавъ съ поддожины мышей,

Взялись за пѣвчихъ снигирей, За канаректъ, за чижей!

И перушками ихъ усypпали окошки!... Глядь въ шкапъ и что же тамъ? Про- визин — ни крошки!

„Ахъ! вы проклятыя, вы пакостныя кошки!

Кричить хозяинъ пмъ: „считалъ васъ за друзей

„И потерялъ отъ вашихъ я когтей

„Любимыхъ пташечекъ — мою отраду въ жизни! —

„Вонъ — чтобы вашъ духъ не пахъ: сей- часъ съ двора долой!“

— Хозяинъ — другъ ты мой!

Что кошки сдѣлали съ тобой, —

То либеральныя блюстители отчизны Частенько дѣлаютъ съ родимой стороной.

КОЛОМЕНСКІЙ СТАРОЖИЛЬ.

(Р. В. КРОУНЪ)

Задумчивъ, безмолвенъ, недвижимъ и тихъ,

Безсильныя руки сложа на колыни, Герой, современникъ для двухъ поко- льній, —

Сидитъ у камина главою поникъ. Узнаете ль, кто онъ, какъ время, масти- тый?

Смотрите, вся снѣгомъ покрыта глава, Но дѣлъ его память, какъ юность жива — То Несторъ героевъ, то Кроунъ знамени- тый!

Не онъ ли въ державѣ Великой жены, Когда разсвѣтало зарею блестящей Величье Россіи, какъ утро весны, Покрывъ себя славой, въ народъ гремя- щей?...

Не онъ ли такъ славно чѣсть флота вѣнчалъ Побѣдою дерзкой — и имя героя

Часть VI. Гл. II.

Стыжалъ отъ Великой неравенствомъ болъ? Не онъ ли фрегатовъ стопушечный взлѣтъ? Не онъ ли, бывало въ порывистый шквалъ, Когда корабли въ стѣнахъ трещали, И пастью, какъ смертью пучины зѣлаи, Ботъ къ спуску и въ ботъ безстрашно лежалъ?...

И вотъ онъ, недвижимъ, безмолвенъ и тихъ,

Безсильныя руки сложа на колыни, Герой, современникъ для двухъ поколѣ- ній, —

Сидитъ у камина главою поникъ...

А. ВЫ — СКОЙ.

СОЗДАНИЕ ОЧЕЙ.

Въ первый день земнаго вѣка —

Какъ людей Зевесъ создалъ, Надъ очами человѣка

Онъ задумавшись стоялъ.

Думалъ онъ, средь міра ночи,

Въ размышленья и тиши —

Изъ чего бы сдѣлать очи,

Это зеркало души?

И дневнаго, и ночнаго

Собралъ онъ лучи свѣтлѣя,

Блескъ метала золотаго,

Грань сапфира голубаго

Съ свѣтомъ неба вмѣстѣ слилъ;

Взялъ алмаза блескъ привѣтливый,

Блескъ всѣхъ камней дорогихъ,

Тихій свѣтъ дуги трехцвѣтнѣя,

Искръ отливы огневыхъ,

Тму беззвѣздной полуночи,

Бездну морл, неба высъ —

Слилъ въ одно и мигомъ очи —

Яче дил, мрамлѣ ноци —

Подъ рѣсницами зажглись,

Отразился міръ кипучій

Въ ихъ лазуристой ноци, Сквозъ рѣсницъ — какъ изъ за тучи —

Взора хлынули лучи;

Мигомъ — міръ онъ имъ окинулъ,

Гдѣ такъ пышно все цвѣло

И потомъ — онъ взоры вскинулъ

Гордо небу на чело.

Закипѣлъ во взорахъ страстныхъ

Пылъ души, огонь небесъ

И творецъ очей прекрасныхъ

Заглядѣлся въ нихъ Зевесъ.

В. ЗОТОВЪ.

НЕБЕСНАЯ НИВА.

Посмотри — как разбрелись
Облака на волю,
Разостлались, развились!
Неба царственная высь —
Вспаханное поле!

Кто-то чудный разбросалъ
Ихъ рукой могучей:
То, Творецъ небесъ вспахалъ
Облака и тучи.

Вдоль по крову всѣхъ племенъ
Ихъ разбилъ, разсыпалъ
Только чѣмъ-то дивнымъ онъ
Облака засыпалъ.

Для кого-то возрастетъ
Плодъ небесный, дивный,
Кто-то жатву соберетъ
Съ этой чудной нивы?

Кто-то будетъ тамъ вкушать
Не земнаго хлѣба;
Будетъ въ счастья утопать
Будетъ съ Богомъ пировать
За трапезой неба!!

В. ЗОТОВЪ.

ТРИ ЭПИГРАМЫ.

1.

На Фенюшкѣ женился Власть;
И какъ они другъ друга страхъ—любили,
То договоромъ положили. . .
Въ недѣлю ссориться не болѣе трехъ
разъ.

2.

„Душа моя, душа моя!“
Всегда, вездѣ одно отъ Кнута мнѣ про-
званье.
О люди добрые! За что же долженъ я
Отъ Кнута выносить такое нареканье?
Чего нѣтъ хуже въ немъ — онъ тѣмъ
бранитъ меня!

3.

Гоняся цѣлый вѣкъ за похвалою молвы,
Юриста спрашивалъ одинъ густой санов-
никъ:
„Читали ль голосъ мой?“ — Нѣтъ, отвѣ-
чалъ чиновникъ:
А вы? —

КОЛОМЕНСКІЙ СТАРОЖИЛЬ.

П Р О З А.

НѢСКОЛЬКО ПИСЕМЪ

Суворова къ Императрицѣ Екатеринѣ II и къ Князю Потемкину.

ВЪ ПРОДОЛЖЕНІЕ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ

съ 1787 по 1791 годъ.

I.

Свѣтлѣйшій Князь! вручитель сего курьеръ Ламакинъ, очевидный свидетель нашихъ здѣшнихъ игрушекъ (1). Какъ же быть, не безъ убытку. Заряды изпорченной пушки, я дополняю изъ Херсона. Об. Пр-мейстеръ (2), по-

(1) Нападѣнїя, произведеннаго Турецкимъ флотомъ, на крепость Кинбурнъ 13 сентября — (2) Оберъ-Провіантмейстеръ.

терялъ два судна, одно 100 четвертей въ буръ потонуло съ нѣсколькими людьми, другое 60 чет. взяли Турки безъ людей: отъ Кинбурна примѣчено что повреждено было у нихъ одно судно и побиты люди нашей пальбою. Я просилъ нашихъ флотскихъ, чтобъ изъ Глубокой (3) секундировали, ихъ

(3) Пристани.

флотъ еще не прибавился. Легко-конный Мариупольскій (4) будетъ завтра къ Кинбурну, Павлоградскій. послѣ завтра, С. Петербургскому драгунскому писалъ я сего дня, чтобъ отъ Каменнаго моста, тудажъ выступилъ.

Вашей Свѣтлости и проч.
нижайшій слуга
АЛЕКСАНДРЪ СУВОРОВЪ.

ч. 14 Сентября 1787 г.
На пути къ Кинбурну.

II.

Милостыми Вашими, Ваша Свѣтлость меня дѣлать изволите Вашимъ Дежурнымъ Оберъ-Корпораломъ, для Высочайшей службы. За гостинцы (5) приношу мою нижайшую благодарность, особливо за Ломбарда (6) По сему, Милостивый Государь, Осипъ Михайловичъ (7) нечто Вашей Свѣтлости примѣтить и что не изволили оставить бѣднаго Тунцелмана. Теперь галеру Десну, отпустить, Свѣтлѣйшій Князь! сумнительно: ш... (8) ее ничего, но она даетъ Туркамъ корму; а слѣзни у нихъ очень легки: ядры 36-ть и накопилось ихъ до 25, не говоря о бомбардахъ.

Николай Семеновичъ (9) всегда усер-

(4) Юлкъ.

(5) За награды подчиненнымъ, отличившимся при отраженіи Турокъ отъ Кинбурна. — (6) Мичманъ Ломбардъ, родомъ Малтйзецъ, не задолго до войны съ Турціею, вступилъ въ Русскую службу. Въ продолженіе военныхъ дѣйствій у Кинбурна, онъ находился въ Херсонской Эскадрѣ, подъ начальствомъ Контръ-Адмирала (нынѣ Адмиралъ и Графъ) Н. С. Мордвинова и командовалъ галерою *Десна*. Необыкновенно смѣлые его маневры, равно изумлявшіе и своихъ и непріятелей, принесли много пользы войскамъ Суворова, занимавшимъ Кинбурнскую косу и, по представленію сего полководца, доставили ему орденъ Св. Георгія 4 класса. — (7) Де Рибасъ, бывший тогда Бригадиромъ, а въ послѣдствіи Адмираломъ. — (8) Слова сего, за связностью буквъ, разобрать нельзя. — (9) Мордвиновъ, началь-

ствовавшій флотомъ въ Херсонѣ, какъ выше сказано. (10) Здѣсь Суворовъ говорить о Командирѣ Севастопольскаго флота, Контръ-Адмиралѣ Графѣ М. И. Вонновичѣ, котораго онъ не жаловалъ.

дѣ имѣлъ, хорошо колюбъ таковыжъ были Севастопольцы (10) и меньше хитрили, все бы здѣсь Стамбульское пропало, и тамъ бы гораздо меньше осталось. Послѣ равноденствія начинаются здѣсь бури и уже, около Покрова бываютъ сильны

Поручаю себя въ Ваше покровительство! и буду всегда съ глубочайшимъ почитаніемъ.

Свѣтлѣйшій Князь
Милостивый Государь!
Вашей Свѣтлости
нижайшій слуга
АЛЕКСАНДРЪ СУВОРОВЪ.

ч. 22 Сентября 1787 года.
Кинбурнь.

III.

Батюшка Князь Григорій Александровичъ! простите мнѣ въ штѣгъ, право силы нѣтъ, ходилъ на батарею и озябъ. Милостивое Ваше письмо получилъ, ей ей всякой день одинъ разъ къ Вашей Свѣтлости курьера посылалъ.

Флотъ нашъ, Свѣтлѣйшій Князь! изъ Глубокой въ далеку уже здѣсь виднѣнъ. О! колюбъ опъ, какъ баталя была, въ ту же ночь показался, дешева бъ была раздѣлка; кромѣ малаго числа всѣ ихъ (11) морскіе солдаты, были на косѣ противъ насъ; только и тутъ имъ мало выигрышу, ночью ближнія казачьи къ намъ на косѣ пикеты, не видали чтобъ кто ни есть изъ оставшихъ перевозился, рано днемъ по большей мѣрѣ, перевезлось сотъ 6. 7. Тутъ натурально и раненныя; какіяжъ молодцы, Свѣтлѣйшій Князь, съ такими еще я не дирался, летать больше на холодное ружье. Насъ, особливо жестоко и почти на полувыстрѣлѣ, бомбами, ядрами, а паче картечами, — билн, мнѣ лицо все засыпа-

ствовавшій флотомъ въ Херсонѣ, какъ выше сказано. (10) Здѣсь Суворовъ говорить о Командирѣ Севастопольскаго флота, Контръ-Адмиралѣ Графѣ М. И. Вонновичѣ, котораго онъ не жаловалъ.

(11) т. е. Турокъ.

ло пескомъ и подъ сердцемъ рана кар-
течнаяжъ, хорошо что ихъ двѣ щебеки
скоро пропамя; а какъ ужъ Турки убра-
лись на узкой языкъ мыса, то ихъ за-
хватившія суда стрѣляли вдоль на насъ,
по косъ, еще больше. У насъ уронъ по
пропорціи малъ, лишь двѣ насъ великъ,
много умираеть отъ тяжелыхъ ранъ,
тожъ у нихъ и пули были двойныя,
въ томъ числѣ у моего об. ад. (12) Ма-
нѣва вырвана такая пуля изъ шеи.
Но, Милостивый Государь! ежели бы
не ударили на адъ, клянусь Богомъ,
адъ бы насъ здѣсь поглотилъ. Адмира-
лу (13) тепѣрь лучше, раздѣльваться
съ оробѣвшими людьми. Мой другъ
Иванъ Григорьевичъ (14) тоже слабъ,
тошно мнѣ было, какъ его было не ста-
ло, онъ меня по крѣпче; реляція тихо
поспѣваетъ; не оставьте, батюшка, по
ней будущиъ рекомендованныхъ, а
грѣшниковъ простите. Я иногда забы-
ваюсь. Присылаю Вашей Свѣтлости
двѣнадцатое знамя.

Нижайшій Вашъ

Милостиваго Государя слуга
АЛЕКСАНДРЪ СУВОРОВЪ.

ч. 3. Октября 1787 г.

К. Кинбурнь.

IV.

Свѣтлѣйшій Князь

Милостивый Государь (*).

Ваша Свѣтлость мнѣ простите, ка-
кой недостатокъ по Реляціи, мнѣ нѣ-
сколько сего дня легче. У Ивана Гри-
горьевича (15) была ночью сильная ли-
хорадка. Благодарю, Милостивый Госу-
дарь! за произведенныхъ Вашею Свѣ-

(12) Оберъ-Аудитора. — (13) Н. С. Мо-
рвинову. — (14) Генераль-Маіоръ Рекъ,
старшій по Суворовъ, въ Кинбуринскомъ
отрядѣ, и тяжело раненный при нападе-
ніи Турокъ на Кинбурнь, 1 Октября.

(15) Река.

(*) Въ слѣдующиъ письмахъ пропущены
такія же «форменныя вступленія и
окончанія оныхъ. Редакт.

тлостію предъ симъ отличившихся мо-
ихъ храбрыхъ товарищей. Буду всегда
съ глубочайшимъ почтеніемъ.

Свѣтлѣйшій Князь
Милостивый Государь
Вашей Свѣтлости
нижайшій слуга
АЛЕКСАНДРЪ СУВОРОВЪ.

4 Октября 1787 года.

Кинбурнь.

V.

Вашей Свѣтлости, за милость, въ
письмѣ 5-го сего мѣсяца, я отблагода-
рить не могу, какъ тою же службою
Ея Императорскому Величеству,
и преданіемъ подъ Ваше повелитель-
ство моей жизни и смерти.

Вашей Свѣтлости и проч.

АЛЕКСАНДРЪ СУВОРОВЪ.

7 Октября 1787 г.

Кинбурнь.

VI.

Во все время прошедшихъ произше-
ствіевъ, въ Херсонскомъ К.....
имѣющемъ вліаніе въ части Вашею Свѣ-
тлостію мнѣ порученныя, облегчали
меня и обезпечивали совершенно Г.
Генералы: Бибииковъ и Шевичъ; такожъ
частью и Г. Дунинъ, заслуживаютъ на-
граждения. Ихъ рекомендую въ высо-
кую милость, Вашей Свѣтлости.

Но въ милосердіе Ваше, Свѣтлѣйшій
Князь! Муромскаго Полковника Нейт-
гарда, его полка (16) легкіи баталіонъ,
сдѣлавъ первой отвѣсъ побѣдъ, 1-го
Октябр. Жена умерла, двѣ дочери не-
вѣсты, иныя дѣти, хлѣба нѣтъ.

Самуиловичъ и Маіоръ Поляркинъ,
поставили на ногу полки; природное
великодушіе Вашей Свѣтлости не за-
будеть и ихъ! Должно Свѣтлѣйшій
Князь! порадовать Атамана Иловайскаго,
котораго войска 1-го Октября толь му-
жественно поступали, роднымъ его пле-
мянникомъ Павломъ Елис. сыномъ,

(16) Муромскаго пѣхотнаго.

который тогда оставленъ былъ на важномъ Александровскомъ посту.

Обременяю Вашу Свѣтлость, простите: общаясь кровію моею Ваши милости заслужить, пребуду съ глубочайшимъ почитаніемъ.

Свѣтлѣйшій Князь ипроч.

АЛЕКСАНДРЪ СУВОРОВЪ.

7 Октября 1787 г.

Кинбурнь.

VII.

Вашей Свѣтлости, за милостивое письмо отъ 9-го сего мѣсяца, за особливия высокія милости къ моимъ товарищамъ, и за гостиницы, нижайше благодарю! рана моя (17) продлится до заговѣнья, и чѣмъ лучше лѣчится, тѣмъ больнѣе. Повелѣнія Вашей Свѣтлости исполню. Розень у меня давно живетъ, служить иногда для корреспонденціи, съ А мъ, котораго я унижаю мельницы воевать, но и будущее бомбардированіе Очакова, можетъ не столько воспламенить, сколько прошедшія, тамо два простые пожара. При семъ, Г. Р , мало знающъ: но я учреждаюсь въ запасъ на обоюдной десантъ отъ косы и Гендровъ. Богъ наказалъ плывучею батареею (18) и Ломбардомъ. Буду по гробъ мой, съ глубочайшимъ почтеніемъ.

Свѣтлѣйшій Князь ипроч.

АЛЕКСАНДРЪ СУВОРОВЪ.

Кинбурнь

12 Октября 1787 г.

(17) Въ сраженіи 1 Октября Суворовъ былъ рапелъ пулею, въ лѣвую руку, на вылетъ. — (18) о 16 пушкахъ, далеко-прошедшею въ Турецкій флотъ и взятою имъ, вмѣстѣ съ находявшимися на ней Кап. Лейт. Веревкинымъ и Мичманомъ Ломбардомъ. Сей послѣдній былъ отвезенъ въ Константинополь, гдѣ его заключили въ Эдикуль (Семибашенную), но нашелъ случай уйти и, въ 1790 году, явил-

VII.

Такого писанія (19) отъ Высочайшаго Престола, я никогда ни у кого невидывалъ: Судите жъ, Свѣтлѣйшій Князь! мое простонравіе, какъ же мнѣ не утѣшаться милостями Вашей Свѣтлости. Ключъ таинства моея души, всегда будетъ, въ Вашихъ рукахъ.

По двумъ письмамъ Вашей Свѣтлости, отъ 2-го сего мѣсяца, извѣстенъ, и о исполненіи повелѣніевъ впредъ донесу. Милостивый Государь! Исаевъ имѣетъ медаль Благодарю Вашу Свѣтлость за шафюръ. Буду по гробъ мой, съ глубочайшимъ почтеніемъ.

Свѣтлѣйшій Князь ипроч.

АЛЕКСАНДРЪ СУВОРОВЪ

Кинбурнь

5 Ноября 1787 года.

IX.

Вашего Императорскаго Величества, Высочайшее собственноручное начертаніе, награждаетъ меня выше моихъ малыхъ заслугъ, блистательныя знаки вѣры и вѣрности, (20) утверждаютъ меня къ непомянутому соблюденію сихъ отечественныхъ добродѣтелей обоимъ Богомъ (21)! Одно Высочайшее матернее милосердіе Вашего Императорскаго Величества оныхъ меня удостоило, припадаю къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества! посвящаю остатки дней моихъ.

ся на флотилію, дѣйствовавшую на Дунаѣ, подъ начальствомъ Ген. Маіора Де-Рибаса и тамъ, въ одномъ изъ сраженій, лишился жизни.

(19) Говорится о благодарственномъ рескриптѣ Императрицы за дѣйствія при Кинбурнѣ.

(20) т. е. Знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, пожалованные Суворову 9 ноября 1787 года. (21) Богу и Престолу.

X.

Когда я себя вспомню десятилетнимъ, въ нижнихъ чинахъ со всеми къ тому присвоенными; могъ ли себя вообразить, исключая суетныхъ желаній, толь высоко быть вознесеннымъ. Свѣтлѣйшій Князь, мой Отецъ! Вы то могли одинъ совершить: великая душа Вашей Свѣтлости освѣщаетъ мнѣ путь къ вѣщней Императорской службѣ, мудрое Ваше повелительство ведетъ меня къ твердому блюденію должностей обоимъ Богомъ. Милостивый Государь! Цѣлую Ваше письмо и руки, жертвую Вамъ жизнь мою и по конецъ оной.

Свѣтлѣйшій Князь и проч.

АЛЕКСАНДРЪ СУВОРОВЪ.

Книбурнъ

26 ноября 1787 года.

XI.

Нижайше благодарю за особливую Вашу милость къ моему племяннику.

Какъ же далеко отъ насъ Ваша Свѣтлость! Свидѣтель Богъ, мнѣ очень прискучило, торопился сюда ѣхать безъ памяти, лучше бы ужъ съ Вами былъ.

По С. П. Б. (22) я прожилъ и провздился; что бы поправить мое состояніе, позвольте мнѣ Милостивый Государь! (если можно) пользоваться опредѣленными мнѣ предъ симъ Вашею Свѣтлостію, столовыми деньгами, коихъ я не бралъ, генваря съ 6 ч.

Поручаю себя въ Вашу милость, и буду всегда съ глубочайшимъ почтеніемъ.

Свѣтлѣйшій Князь и проч.

АЛЕКСАНДРЪ СУВОРОВЪ.

Берладъ

10 Юля 1789 года.

(22) С. Петербургу.

XII.

Милостивое письмо Вишей Свѣтлости, отъ 12 ч. сего мѣсяца, получилъ: оно мѣлко, кратко и хорошо, за него и Гг. Подполковниковъ, Васъ, Милостиваго Государя, нижайше благодарю! и пребуду съ глубочайшимъ почтеніемъ, до исхода моей суеты.

Свѣтлѣйшій Князь и проч.

АЛЕКСАНДРЪ СУВОРОВЪ.

М. Берладъ.

15 Августа 1789 года.

XIII.

Между прочимъ, 16 лѣтъ: близъ 200000, возрите на статуы милосерднымъ окомъ Былъ бы я между Цицинатомъ и Фабриціемъ, но въ общемъ видѣ та простота давно на небесахъ. Сей глупъ, тотъ совѣсти чуждъ, оный между ими: Хотя рѣдчи, токмо есть Леониды, Аристиды, Эпиминонды. Неккеръ хорошъ для кабинета, Демостенъ для катедры, Тюренпъ въ полѣ. „Дайте дорогу моему простодушію, я буду въ двое лучше, естество мною править. Драгоценное письмо Ваше цѣлую! остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ.

Свѣтлѣйшій Князь и проч.

АЛЕКСАНДРЪ СУВОРОВЪ.

Текучь.

18 Сентября 1789 года.

XIV.

Вашей Свѣтлости письмо сего 16 ч, имѣлъ честь получить: повелѣнное въ немъ исполню. Блестаніе побѣдительнаго оружія, подъ Вашимъ руководствомъ, умножи всюду Господь Богъ! новыми побѣдами, и чтобъ Г въ Васъ, Милостивый Государь, скоро потѣшилъ, пропущеваньемъ сосѣдняго

герцогства. Остаюсь съ глубочайшимъ почтениемъ.

Свѣтлѣйшій Князь и проч.

АЛЕКСАНДРЪ СУВОРОВЪ.

20 Сентября 1789 г.
Текучь.

XV.

Отъ Вашей Свѣтлости уже дней до 12-ти, ничего не получалъ. Но теперь слышу и съ радостнымъ восхищеніемъ нижайше Васъ, Милостиваго Государа поздравляю, съ завоеваніемъ Акермана и Паланки. Боже, благослови дайте высокіе подвиги Вашей Свѣтлости! остаюсь съ глубочайшимъ почтениемъ.

Свѣтлѣйшій Князь и проч.

АЛЕКСАНДРЪ СУВОРОВЪ.

Берладь.
11 Октября 1789 года.

XVI.

Не презрите моей малой просьбы. Сей провіантмейстеръ Тоузаковъ можетъ загаснуть, какъ его дядя, провіантской прокуроръ. Онъ имѣетъ доброе сердце, способности и довольно просвѣщенъ. — Ежели Ваша Свѣтлость его высоко — повелѣтъ изволите, переименовать фрутовымъ, съ милосердымъ счисленіемъ старшинства, станеть онъ на ноги и полезнѣе будетъ къ службѣ. Милостивый Государь! себя и его поручаю въ Вашу милость, и пребуду съ глубочайшимъ почтениемъ.

Свѣтлѣйшій Князь и проч.

АЛЕКСАНДРЪ СУВОРОВЪ.

8 Октября 1789 года.
Берладь.

XVII.

Ангель Вашъ, подарилъ Вашей Свѣтлости Бѣлградскіе ключи, (22) жаль что я тамъ не присутствовалъ, на толь пріятномъ банкетѣ. — Препоручая себя въ Вашу милость, отпрадную здѣсь и буду съ глубочайшимъ почтениемъ.

Свѣтлѣйшій Князь и проч.

АЛЕКСАНДРЪ СУВОРОВЪ.

Берладь
15 октября 1729 года.

XVIII.

Подъ предводительствомъ Вашей Свѣтлости, будучи ознаменованъ за службу мою отъ Его Величества Императора Римскаго Г. (23) Нахожу принести чувствительнѣйшую благодарность мою!

Позволеніе принять достоинство сіе отъ Высочайшей воли, и потому полученные отъ Его Величества, дипломъ и рескриптъ, Вашей Свѣтлости, отправляя, поручаю себя въ милости! и пребуду съ глубочайшимъ почтениемъ моимъ и преданностію на всегда.

Свѣтлѣйшій Князь и проч.

АЛЕКСАНДРЪ СУВОРОВЪ.

Берладь.
17 октября 1879 года.

XIX.

Вашего Императорскаго Величества изъ Всемиловѣйшаго мнѣ указа, отъ 18 октября, всего восхитительнѣе мнѣ знаменіе старой моей Высочайшей службы. Неограниченными, неожиданными и незаслуженными мною милосердіями Монаршими Вашими, Великая Императрица! я нынѣ пока

(22) Т. е. ключи крѣпости Аккермана.

(23) Графскимъ достоинствомъ, пожалованнымъ отъ Императора Юсифа II, за знаменитую побѣду при Рымникѣ.

нововербованный рекрутъ; жертвуя ей, когда предълюбо Божимъ, случится мнѣ разстаться съ свѣтомъ, ничего мнѣ горестнѣе не будетъ, разставанія съ Нею и Моею матерью, Матерью Отечества! У меня кромѣ Бога и Великия Екатерины нѣтъ. . . . и, простите Ваше Величество, посредникъ сближенія моего къ нижнимъ степенямъ Высочайшаго Престола Вашего, великодушный мой начальникъ, великій мужъ Князь Григорій Александровичъ. Да процвѣтетъ славнѣйшій вѣкъ царствующаго Вашего, въ наипозднѣйшія времена! мышца твоя да водворяетъ благоденствіе Европы и вселенной? Я уже, послѣднѣйшій держакъ ко священному стопамъ Вашего Императорскаго Величества! и буду съ наипорочнѣйшею вѣрностію и рвеніемъ Всемилостивѣйшая Государыня.

Г. А. С. р. . . .

Берладъ

5 ноября 1789 года.

XX.

Свѣтлѣйшій Князь

Милостивый Государь!

И копчилось съ Бендеромъ покорственныхъ вопрестъ, геройской отвѣтъ! мудрыя мѣроположенія наградили время, кроволитіе умолкло. Въ нѣсколькихъ, важнѣйшая крѣпость у Турковъ — и нынѣ, въ семь вѣку, никогда Россіи, такъ пріятно не здавалась. Высокіе подвиги Вашей Свѣтлости, да благословитъ провидѣніе Божіе, въ роды родовъ.

Пребуду съ глубочайшимъ почтеніемъ

Свѣтлѣйшій Князь и проч.

Графъ Александръ

СУВОРОВЪ-РИМНИКСКІЙ.

Берладъ.

11 ноября 1789 года.

XXI.

Повелѣніе, Вашей Свѣтлости сего года 8 ч. Муха-Өнзу предварено: суеть

Часть VI. Гл. II.

взрѣнь въ судебныхъ золотыхъ словахъ на дымъ, двѣлетъ малые марши, послать развѣдать въ Браиловъ. . . . Поручаю себя въ Вашу милость съ глубочайшимъ почтеніемъ.

Свѣтлѣйшій Князь проч.

Графъ Александръ

СУВОРОВЪ-РИМНИКСКІЙ.

Берладъ

10 января 1790 года.

XXII.

Нѣтъ крѣче крѣвности, ни отчаяннѣе обороны, какъ Измаиль — павшій предъ Высочайшимъ трономъ Ея Императорскаго Величества, кровопролитнымъ штурмомъ! нижайше поздравляю Вашу Свѣтлость.

Генераль Графъ Александръ

СУВОРОВЪ-РИМНИКСКІЙ.

Измаиль

11 декабря 1790 года.

XXIII.

Простите что самъ не пишу; глаза отъ дыму болятъ (24). Благодарю, Свѣтлѣйшій Князь, за милостивое ободрительное письмо; благодарю за гостинцы, чрезъ В. С. (25), я ими разговяюсь. Отправится въ Бендеръ Александръ Николаевичъ (26) сокрушенный Раевскимъ. Г. Безбородко (27) раненъ, съ знаменами пошлю къ Вашей Свѣтлости, отъянно отличнаго Золотухина (28), имѣвшаго имульзю и содручность съ дунайскимъ героемъ Осипомъ Михайло-

(24) Писано вскорѣ послѣ Измаильскаго штурма — (25) Василия Степановича Попова. — (26) Самойловъ, Генераль Поручикъ, въ послѣдствіи Д. Тайн. Св. и Графъ. (27) Графъ Илья Андреевичъ, Ген. М. — (28) Полковникъ, командовавшій Фанагорійскимъ гренадерскимъ полкомъ, коего Суворовъ былъ

вѣдемъ (29). Браиловъ, поздно. (30)... хотя мы все готовы за Васъ умереть; усильте, Свѣтлѣйшій Князь, вашихъ Серетскихъ, въ запасъ для лучшаго успѣха войскомъ и осаднымъ, по Вашему высокому разсмотрѣнiю, до возвращенiя Турковъ. Сегодня у насъ будетъ благодарный молебень, у нашего новаго Спиридонiя (31). Его будетъ пѣть Полоцкiй попъ, бывший съ крестомъ,

шефъ. — (29) де-Рибасомъ. — (30). Въ томъ же году Потемкинъ предполагалъ взять еще крѣпость Браиловъ. — (31) т. е. въ церкви Св. Спиридонiя, обращенной изъ Турецкой мечети и такъ названной въ честь святаго, въ день ко-

предъ снѣ хрѣбрымъ полкомъ. (32), Фанагорцы (33) съ товарищами отъ сюда, пойдуть, сего числа, домой. Пребуду съ глубочайшимъ почтенiемъ.

Свѣтлѣйшій Князь и проч.

Графъ Александръ
СУВОРОВЪ-РИМНИКСКIЙ.

Измаиль

13 декабря 1790 года.

торого былъ взятъ Измаиль. — (32) Священникъ полковаго пѣхотнаго полка, во время Измаильскаго штурма, шедшiй передъ полкомъ, съ крестомъ въ рукахъ. — (33) Фанагорiйскiй гренадерскiй полкъ.

•••••

ВОТУЦДЕНІЕ

ВЪ МОЕ НАЗЕМНОЕ ПОПРИЩЕ. (*)

(ПИСЬМО КЪ П. М. В.)

Наконецъ я получилъ ваше письмо, и прошу у васъ, добрыйша П. М. прощенья, за неугомонность моей дружбы; ваша безответственность сводила меня съ ума; и я, сколько помнится, написалъ къ вамъ кучу глупостей; да кто ихъ, и не бывши стихотворцемъ, не писывалъ? — чтобы заслужить, или задуть скукой, мою вину, хочу скорый исполнить мое послѣднее обещаніе, я кажется уже писалъ вамъ о моемъ намѣреніи представить образцами раз-

*) Однажды Езопъ вышелъ изъ дому. На встрѣчу ему прохожій: — „куда идешь?“ — не знаю! — „А — а! ты смѣнешся, ступай же въ тюрьму!“ — не правда ли моя: могъ ли я знать, выходя изъ дому, что попаду въ тюрьму? — Такъ вотъ и это письмо, могъ ли думать почтенный авторъ, два года тому, писавшій его какъ дружескій отвѣтъ на письмо прекрасной дѣвицы — поэта, — что его письмо, изъ заповѣднаго, неприступнаго, ароматнаго портфеля попадетъ въ популярную и всегда неприглядную типографію? но вотъ же случилось, и почтенный авторъ — рукой махнулъ. Заголовокъ къ письму представленъ редакціей.

ныхъ стопосложеній исторію моей умственной или лучше сказать духовной химіи; воспоминанія прошедшихъ ощущеній, могутъ безъ придумокъ, возбуждать мое дремлющее стихотворство, и разнообразить мои образчики: которые по настоящему моему чувствуванію былибъ всѣ на одинъ унылый напѣвъ. — И сверхъ того душевная жизнь поэта, можетъ быть не совсемъ бесплодною для другаго поэта, хотя и не одного съ нимъ пола: но я ужъ вамъ говорилъ о замѣченномъ мною сходствѣ врожденныхъ свойствъ почти всѣхъ стихотворцевъ, которыми вы часто напоминаете мою молодость: хотя, признаюсь, въ гораздо въ лучшемъ видѣ; можетъ быть, оттого что женщины вообще лучше мужчинъ; когда онѣ не хотятъ *мушкетствовать*. Но дѣло не о нихъ, а о пожиломъ, чтобы не сказать старомъ, мужчинѣ, котораго легкая голова и слишкомъ живое воображеніе, очень долго кружились по женски, и который исповѣдью своихъ разнообразныхъ *дуростей*, хочетъ вамъ сообщить разнообразныя стопосложенія. Послѣ всего вы должны знать, что я наслѣ-

Довалъ даръ авторства отъ моей матери, которой долговременная болѣзнь помѣшала сдѣлаться истиннымъ поэтомъ, но она умѣла заронить въ мою душу искру творческаго огня, и онъ, какъ вы знаете, еще вспыхиваетъ, и оживотворяетъ остатки моего длиннаго существованія, или вѣрите, мнимо духовнаго бытѣ въ свѣтѣ: гдѣ я вотъ какъ проявился.

Мчится легкій челнъ
Въ безднѣ шумныхъ волнъ
По зыблямъ кипучимъ:
То на дно нырнетъ,
То сверхъ волнъ мелькнетъ
Огонькомъ летучимъ.

Такъ шестнадцати лѣтъ
Я въ кружащійся свѣтъ
Брошенъ горькой долей,
И какъ челнъ, самъ не свой
Мчался въ путь роковой
Не своею волей.

Челна вихрь не разшибъ,
Я бѣдой не погибъ:
Какъ удѣлъ былъ сходенъ.
Чтожъ причиной тому?
Плотникъ челна въ корму
Врѣзалъ Крестъ Господень.

Я отпущенъ отцемъ,
Такъ же съ честнымъ крестомъ
Съ злой судьбой на битву.
Молодъ, пылокъ, убогъ,
Погибалъ я; но Богъ
Внялъ отца молитву.

Ты знаешь въ поморьи, тотъ берегъ сырой,
Гдѣ все превращенье: и даже природа,
Причудно мѣшая всѣ времена года,
То день покрываетъ завѣсой почной,
То ночь убѣляетъ дневнымъ озареньемъ;
Гдѣ дивнаго мужа чудеснымъ твореньемъ
Возникли твердыни межъ топкихъ болотъ;

Гдѣ, нынче родятся громады красотъ
На стебляхъ древесныхъ изъ горъ пер-
вобытныхъ;
Гдѣ, — женщины волей, въ утесахъ
гранитныхъ
Тьсятся прорывы бушующихъ рѣкъ;

Гдѣ въ нѣдро земное, насильственно вда-
вленъ,

Гигантъ доказатель: что Богомъ поста-
вленъ

Земли властелиномъ, творецъ — человекъ;

Гдѣ въ мразномъ туманѣ, подъ глыбами
снѣга

И запада роскошь и южная нѣга,

Въ хитонѣ прозрачномъ, въ пахучихъ
цвѣтахъ

Лельютъ богатство. въ обмерзлыхъ стѣ-
нахъ;

Гдѣ, блескъ отраженья
Зарницъ полуденныхъ, по льдинамъ сколь-
знуть;

Гдѣ, лоскъ просвѣщенья,
Какъ мраморъ поддѣльный, въ чертогахъ
блестить:

Я тамъ очутился
По волѣ судьбы;
И скоро пробился,
Безъ сильной борьбы
Въ толпу *большесвятства*
Ахъ! я ли одинъ —
И женщинъ кокетство,
И ловкость мужчинъ —
Почелъ просвѣщенемъ?
И въ обществахъ новъ
На тѣхъ чудаковъ
Смотрѣлъ съ восхищенемъ,
Которыхъ потомъ
На сценѣ позорилъ:
И кѣлимъ перомъ
Съ собой перессорилъ?
Тогдажъ ослѣпленъ
Мишурнымъ ихъ блескомъ,
Я самъ былъ смѣшонъ
Въ невѣжествѣ дерзкомъ:
Натершись отъ нихъ
Дресвой чужеумства,
Въ чаду вольнодумства,
Отъ чувствій своихъ
И мыслей отрекся,
И въ *шутство* увлекся
Французскимъ умомъ,
Изъ давна привычнымъ
По заламъ столичнымъ
Жужжать комаромъ.

Промышляя обезьянствомъ и попу-
гайствомъ, я 19 лѣтъ изъ сельскаго ба-
рича, попалъ въ столичные любезники;
но чтобы этотъ невѣроподобный пе-
реходъ не показался вамъ скачкомъ

Зарницкаго *), или вспорхомъ оптической вольности, я прозой расскажу вамъ отъ чего и какъ онъ сдѣлался.

Пріѣхавъ въ Петербургъ на службу съ дядькой Емельянычемъ, со 120 рублями на прожитокъ, гвардіи сержантомъ, однакожь передъ офицерствомъ, я тотчасъ явился къ родному дядѣ моей матери П. Б. Пассену, придворному Генералъ Аншефу. Онъ принялъ меня съ приличною благосклонностью и узнавъ изъ матушкина письма, что я началъ стихотворничать, просилъ И. О. Эмина, любимца кн. Зубова узнать есть ли во мнѣ талантъ? Этому, тогдашній Жуковский, котораго имя нынче забыто, нашель, что я съ его помощью могу сдѣлаться стихотворцемъ; но дѣдушка мнѣ сказалъ: «похвально, и съ твоимъ именемъ писать стишки для удовольствія общества; но неприлично сдѣлаться записнымъ стихотворцемъ, какъ какому нибудь студенту безъ всякаго родства и протекціи.» А чтобы доказать мнѣ пользу его родства и протекціи, послалъ меня съ запискою къ моему полковому начальнику, и не забываясь ни о комъ кромѣ себя, пустилъ на волю Божию, не справляясь, какъ и чѣмъ я живу. Только вашъ почтеннѣйшій дѣдъ И. Л. К. истинный образецъ русскаго вельможи, бывъ двоюроднымъ отцу моему братомъ, приглубилъ меня какъ ближняго родственника, давалъ мнѣ родительскія наставленія, приказалъ ходить учиться съ его меньшимъ сыномъ и породилъ во мнѣ ту неизмѣнную привязанность и дружбу къ достойному его семейству, которая счастливитъ мою безпріютную душу; я пользовался благодушіемъ вашего дѣда; но не долго: молодые сослуживцы мои оттянули меня отъ ученья; къ счастью (чего о сю пору я еще хорошенъко не знаю) я понравился тѣмъ изъ нихъ, которые также какъ я пописывали стишки, нарочитались въ поэты, и лю-

били страстно театръ: сыновья знаменитаго Книжнина познакомили меня съ славнымъ Дмитревскимъ, и по его совѣтамъ полвилась черезъ годъ на сценѣ моя маленькая комедія въ стихахъ *).— Я, едва 18 лѣтъ, былъ первый вызванъ какъ авторъ: разумѣется моими товарищами, въ подражаніе Парижскимъ модамъ, невошедшимъ еще къ намъ въ обычай. Одинъ изъ моихъ товарищей, уже офицеръ, представилъ меня какъ увѣнчаннаго комика вашему же родственнику А. А. Бибикову; изъ его гостинной я перепрыгнулъ, черезъ нѣсколько такъ же страннопріимныхъ гостиныхъ, въ большой свѣтъ, пустился французить, сдѣлался непоследнимъ членомъ стихотворческаго общества графа Чернышева, названнаго Académie des bagatelles. Мои стишки въ родѣ Демутье были увѣнчаны, я пустился сочинять Французскую оперу, и хотя почти никто изъ моихъ новыхъ собесѣдниковъ не видалъ моей комедіи (которую я самъ сжегъ за безчинство) и не слыхалъ моей оперы (неокончанной и разодранной за безтолковщину), однако я былъ провозглашенъ драматическимъ авторомъ, любезнымъ молодымъ человекомъ: не изирая даже на нетерпимую въ свѣтъ неблагосклонность ко мнѣ природы и фортуны; но русская смѣтливость надоумила меня: написать по Французски, *Épître à ma laideur*, и первому смѣяться надъ своей телесной пухлостью и карманной сухостью, что охотно признано было оригинальствомъ и даже философіею. Я считалъ себя большимъ счастливецомъ и достигъ цѣли моихъ всегдашнихъ желаній. Мадригалы мои красовались въ богатыхъ альбомахъ, романы мои пѣлись милыми голосами, за дорогими фортепианами; зная всѣ маленькія игры, болтая иногда забавно, отличаясь въ мистификаціяхъ, дѣлалъ за

*) Изъ комедіи *Нелюбо не слушай*.

*) Женскія шутка сожженная самимъ авторомъ.

присѣсть proverbы и сюрпризы, я былъ званъ на всѣ праздники; и чуть-чуть не попалъ въ цѣхвые забавники; за мною начали присылать экипажи, какъ за вѣткой ворожеей, стали находить страннымъ, когда я не являлся по призыву ихъ, не былъ веселымъ, хотя мнѣ, по сердечнымъ и хозяйственнымъ обстоятельствамъ, часто было не до веселья; излишняя полнота души и совершенная пустота кармановъ притупляли мою природную веселость, а неумолкная болтовня лица моего измѣняла поддѣльной. Наконецъ мнѣ стала надоѣдать мой должностная любезность, которую отъ меня требовали какъ службы, и я уже началъ бѣситься на мое свѣтское счастье; но къ другому счастью графъ Ксавье Местръ, авторъ многихъ прелестныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, за нѣкоторыя услуги, случайно мною ему оказанныя, сдружился со мною и сжался надъ моимъ глупымъ положеніемъ, открылъ мнѣ всю его нелѣпность—вотъ какъ: рассказывая объ одномъ англичанинѣ, который услыша что кого нибудь называютъ умнымъ, всегда спрашивалъ, «а что умъ его сдѣлалъ?» онъ вдругъ спросилъ меня: «что твой умъ хочетъ сдѣлать изъ тебя?» Я, пораженный этимъ неожиданнымъ вопросомъ, не зналъ что сказать; но онъ отвѣчалъ за меня: — «пустаго человека, котораго умъ, не обращенный ни на какую пользу, выдохнется со временемъ и какъ

завялый цвѣтокъ, ни себѣ, ни другимъ, ни для чего непригодится; повѣрь мнѣ, что всякой человекъ испытать свои способности, долженъ поставить себѣ цѣль жизни и трудами достигать ее.» Судя можетъ быть, слишкомъ дружески о моемъ стихотворномъ дарѣ, онъ сказалъ: твою цѣлью должна быть словесность, доставляющая пользу и славу не только истинному словеснику, но и отечеству его; учись, трудись, пиши, ты будешь поэтомъ.» И тогда у меня:

Брызнули искры отъ тѣмъ до пять:

Сердце трепещеть и мысли кипать
Огненной рѣкою.

Яснаго неба радужный лучъ
Тѣму разскажетъ сумрачныхъ тучъ
Пламенной стрѣлою.

Минутные скопы чужеземныхъ думъ
Вихремъ умчалась, освѣтлится умъ

Животворнымъ свѣтомъ
Ты постигаешь всю радость души
Вспыхнутой рѣчью поэта: „пиши:

Ты будешь поэтомъ.“

Дай Богъ, чтобъ это слово подѣйствовало такъ же прочно надъ вами, какъ надо мной! Съ этой минуты призраки свѣтскаго счастья исчезли: я увидѣлъ яркій свѣтъ, устремился къ нему всей силой души: съ той минуты началась вторая часть ея наземнаго похождения. . . .

Рогаль

1 Марта 1838.

КНЯЗЬ А. ШАХОВСКОЙ.

ЭТО НЕ ОНЪ.

ОТЮДЫ

БОЛЬШОЙ, ВЕЛИКОЛЫНОЙ, РОМАНТИЧЕСКОЙ

ПОВѢСТИ

СЪ ТРОЙНЫМЪ ЭФФЕКТОМЪ ИСПОЛНИТЕЛЬСКАГО ДАВЛЕНІЯ, (à triple effet de haute pression), съ двойною интригою (à double intrigue), простою дуэлю, нѣсколькими убійствами, разводами, сумасшествіемъ и эпиграфами.

C'est une fiction? Non c'est un fait.

I.

Удивительное дѣло! Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ необыкновенныхъ открытій и усовершенствованій, вѣкъ, который все знаетъ — и потому, весьма справедливо, ничего знать не хочетъ, который все рѣшилъ — и потому спорить до безконечности о чемъ угодно, доказываетъ что угодно, отвергаетъ что ему вздумается и все это, на основаніи авторитета своего всезнанія и высокаго просвѣщенія; и вотъ въ такой-то чудный вѣкъ, обезсмертившій себя уже однимъ открытiемъ силы пара и романтизма, и проявившій плодотворность свою въ безчисленныхъ открытiяхъ «легкаго чтенія», гдѣ такъ изящно сочетаются паръ и романтизмъ, рассыпающійся, въ клубкахъ облаковъ пароваго мышленія и творчества, безконечною разнообразностью тысячи радужныхъ огней, блесковъ, игръ и отраженій, къ неопisanному удовольствію и наслажденію читающаго человечества, — и вотъ въ такой-то вѣкъ, говорю, къ удивленію того же человечества, которое ничему уже не удивляется, могутъ еще быть люди, способные посягать на недоступную неприкосновенность «легкаго чтенія!» — Къ тому этому повѣрилъ; — и вотъ же вѣрите, удивляйтесь!.... Маякъ гонить со свѣту наше безцѣнное легкое чтеніе!.... и

почему же? — потому только что оно строится на пескъ! Не знаешь самъ — сердиться или смѣяться надъ такимъ бесплоднымъ, но все таки дерзкимъ покушеніемъ? — Возможно ли, послѣ того, какъ наука построеній, положительно доказала, что песокъ — самый лучший фундаментъ для какихъ угодно колоссальныхъ зданій, и хотя еще не пробовала созидать на пескъ, но все равно: доказываетъ. Можно ли послѣ этого, сомнѣваться, что тотъ же самый песокъ — лучший фундаментъ и для легкаго чтенія; потому что песокъ не сжимается, не садится: стройте смѣло какую угодно повѣсть, романъ, хоть на поемныхъ мѣстахъ — нужды нѣтъ! Вы боитесь что потокъ времени вымоетъ изъ подъ нихъ фундаментъ? — Что жъ за бѣда? — ну вымоетъ такъ вымоетъ! и повѣсть ваша — поплыветъ! романъ вашъ поплыветъ! Пловучая повѣсть, романъ — да это просто, чудо! Это шагъ впередъ, новое открытіе, а эффектъ! — разительный эффектъ! Повѣсть плыветъ, волны ее качаютъ, буруны обдають, громы гремятъ въ ея облакахъ, бури воютъ въ ея ущельяхъ . . . да, да! Пловучая повѣсть тысячу разъ выше. всѣхъ морскихъ романовъ вмѣстѣ спущенныхъ на воду! а каждый морской романъ, самъ по себѣ, объяденье!

Дѣло рѣшенное! Легкое чтеніе — вещь священная, неприкосновенная, недоступная ни какимъ всплескамъ критики! И кто же вздумалъ ополчаться на него? — Маякъ «современнаго просвѣщенія и образованности!» Воля ваша господа, названіе Маяка съ его дѣлами — чистый парадоксъ! Въ чемъ же и состоитъ «современное просвѣщеніе и образованность» какъ не въ легкомъ чтеніи? — Современные юноши, мужи и старцы гдѣ черпаютъ свое просвѣщеніе, чѣмъ образуютъ себя, какъ не легкимъ чтеніемъ, которое послѣ денегъ составляетъ шестую стихію? — Что я говорю, шестую! — Это стихія стихій: въ легкомъ чтеніи вы разомъ находите воду,

воздухъ, землю, огонь и жизнь человечества, т. е. *десятой* доли человечества: — остальные $\frac{9}{10}$ такъ ничтожны, что онихъ не стоитъ и говорить; легкое чтеніе — само родитъ деньги: это неисчерпаемый родникъ золота жильнаго и рассыпнаго! И когда человечество истощитъ Сибирскіе, Перуанскіе и всякіе рудники, тогда золото исключительно стануть добывать изъ легкаго чтенія. Однимъ словомъ, легкое чтеніе — стихія стихій: оно неисчерпаемо источаетъ воду, воздухъ, землю, огонь и деньги! И эту истинную душу природы и человечества стараются убить, уничтожить! . . . усиліе тщетное! скорѣе убьете всю природу и человечество, чѣмъ легкое чтеніе! Но то неоспоримо, что Маякъ, святотатственно посягающій на самый существенный элементъ современнаго просвѣщенія и образованности, вовсе не достоинъ своего вышшаго прозвища: это самозванецъ, это Маякъ стараго разбора, который освѣщается, по старинному, дровами, тогда какъ теперь у насъ есть гасъ, лампа и рефлекторъ — и все это сосредоточено въ легкомъ чтеніи.

Я не хочу бороться съ Маякомъ; я свалю его однимъ ударомъ! Вотъ я на что рѣшился. Напишу большую, великолѣпную, романтическую повѣсть à triple effet, à double intrigue, à simple duel, съ убійствами, разводомъ, сумасшествіемъ и — эпитафией. Но чтобъ это было chef-d'oeuvre, и устояло противъ всѣхъ нападковъ маячныхъ сторожей, я поступлю осторожно, послѣдуя Брюлову, напередъ набросаю эскизъ, нѣсколько этюдовъ, и на зло — отошлю въ Маякъ; напечатаетъ! — увидите, напечатаетъ! напечатать? — Извольте же читать; а ужъ я съумѣю воспользоваться оплошностью Маяка!

II.

— Воля твоя, мой другъ, пора взять учителя Алivia! — сорокъ четыре

дѣвочкѣ, а она еще ничего не знаетъ, ни чему не училась — только и дѣла, что читаетъ романы да журналы, да бѣгаетъ по саду, и ссорится съ гувернанткой. . . На нее глядя и Луиза. . . такъ началъ было мужъ, въ сотый разъ въ теченіе мал и юни мѣсяцевъ; но жена въ сотый разъ не дала ему договорить и перебила слѣдующимъ образомъ.

— Фи, топ сег, какъ ты несправедливъ! Ни чего не знаетъ! . . . да она знаетъ все: она знаетъ наперечотъ не только имена, но и самую манеру, слогъ и философію лучшихъ современныхъ писателей, не только Французскихъ, даже Русскихъ. Книги — страсть ея! ты видишь, она и безъ того такая томная, блѣдная, я ужъ и такъ боюсь за ея здоровье, а ты еще хочешь присадить какъ въ школѣ — фи, топ аге, этого никто нынче не дѣлаетъ! . . .

— Я тоже самое говорилъ тебѣ тысячу разъ: пора ей запретить романы! дѣвочка набиваетъ голову и сердце всякимъ вздоромъ, плачетъ, боится, трепещетъ за своихъ героевъ, — эти сильныя потрясенія изсушаютъ жизненныя силы, не даютъ ей развиваться, и сдѣлаютъ изъ нее только героиню одного изъ современныхъ романовъ. . . увидишь!

— Ты меня бѣсишь топ аге, какъ можно такъ глупо рассуждать? . . . а еще мужчина! Да впрочемъ вы мужчины никогда не поймете женскихъ потребностей. Вы мужчины должны развивать свой умъ, мы женщины должны развивать эстетическое чувство, изящный вкусъ, быть украшеніемъ, усладой вашей сухой, холодной мужской жизни; — а для этого что можетъ быть лучше, какъ не практическое упражненіе въ легкомъ чтеніи, гдѣ шутя просвѣщается умъ и образуется чувство изящнаго? — Ну согласись: Алина играетъ à l'ivre ouvert, поетъ какъ ангелъ, танцуетъ прелестно, а какъ говорить! . . . еще ребенокъ, — миашка, — а ужъ ее за-

слушаешься! . . . Послушай душечка, можно ли требовать, чтобы дѣвочка въ ея лѣта была академикъ? это, такъ смѣшно! согласись, теперь лѣто: позволь мнѣ окончить ея воспитаніе по своему. Пусть ужъ разыграетъ два послѣдніе концерта, разучитъ твою любимую каватину, усовершенствуется въ качучь и въ па изъ Хитаны — до осени все это кончится; а тамъ учи ее сколько тебѣ хочется. Но скажи чему бы, на примѣръ, ты сталъ учить ее напередъ?

— Я ужъ давно твердилъ тебѣ, что прежде всего надо взять хорошаго священника, чтобы она выучилась закону Божію. . .

Жена (нюхал спиртъ) — мнѣ дурно, топ сег, отъ твоихъ стереотипныхъ рассужденій. Пощади меня; хоть при людяхъ этого не говори. . . осмѣютъ! Развѣ я не христинка? — но меня никогда не учили по школьному. Нынче на все есть приличные средства! Подумай самъ: еще прошлаго года я нарочно купила для нее Французскую священную исторію съ безподобными картинками. Алинѣ такъ она понравилась; гувернантка такъ ей хорошо все рассказала — чего жъ тебѣ еще? — Другіе совсѣмъ этого не дѣлаютъ, во я уважила тебя. . . . больше же не требуй!

Мужъ. Ну ужъ воля твоя — это будетъ сдѣлано! А чтобы намъ не погубить и Луизу, то я записалъ ее въ институтъ, и въ сентябрѣ она поступитъ. . .

Жена падаетъ въ обморокъ. Мужъ — въ кабинетъ. Дѣвушки суетятся. Картина.

III.

Алина, т. е. Александра, Александрина, не успѣла къ осени разучить два концерта, каватину и па изъ Хитаны, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ лѣтнихъ, разсѣяностей; всего на все, и то на великую силу, урывками, кое-какъ могла пробывать десять рома-

новъ, четыре ежемѣсячныхъ журнала, сколько-то водевилей, и еще такъ кой чего; послѣ третьяго бала на минеральныхъ водахъ простудилась и очень, слегла въ постель — мать испугалась.

Луизу, т. е. Лизу, отдали въ институтъ — мать разсердилась, и умерла. Отецъ принялъ въ домъ пожилую родственницу. Алина, между-тѣмъ выздоравливая и расцвѣтавшая здоровьемъ, жизнью и красотой, приняла родственницу въ руки. Дѣла хорошо пошли. Взяли священника — Алина въ его классѣ зѣвала, дремала, и никогда уроковъ не знала; взяли учителей — Алина училась всему по методу Жакога, т. е. любила слушать сказки учителей, каждаго по своей части, и за первымъ романомъ забывала ихъ. Когда наступило шестнадцатилѣтне, родственница, введенная во всѣ функции инспектора и цензора Алины, доложила, «по предмету своего назначенія,» директору семейства, что ученица все кончила, и больше не для чего продолжать учение; тогда директоръ — отецъ принялъ дочь въ свои объятія и любовь, нѣжная дочь приняла отца тоже въ руки, и дѣла опять хорошо пошли. Домъ открылся, установились вторники, появились охотники наполнять пустоту дома и вторниковъ. Алина заиграла роль хозяйки, завела себѣ десятка полтора подругъ: а съ ними завелась и секретъ. Мужчины тотчасъ были расписаны на два разряда: на миленькихъ и несносныхъ, и разобраны по номерамъ. Изобиліе искателей обезпечивало выборъ и выборомъ не спѣшили. Дни мелькали какъ спицы на колесѣ жизни, и развивали дѣвическую практику и философію. Три — четыре миленькія эпиграмы, отпущенныя тремъ — четыремъ изъ рѣшительныхъ искателей, поудержали, какъ водится, десятковъ другихъ. Наступилъ двадцать одинъ годъ. Счастливыи отецъ, столько же какъ прежде счастливый мужъ, отъ избытка домашняго счастья, чув-

ствовалъ себя день ото дня хилѣе: сталъ сперва намекать, потомъ говорить, наконецъ настаивать дочери о замужствѣ. Счастливая дочь сперва краснѣла, потомъ улыбалась, наконецъ смѣялась настойчивости отца и бросаясь ему на шею, говорила.

Неужели дочь вамъ надоела, папаша, столько же, какъ ей надоели женихи? — Такіе несносные! ни одинъ не гармонируетъ съ моими чувствами, никто не понимаетъ меня, не можетъ оцѣнить меня, они цѣнятъ меня только какъ хорошенечкую игрушку въ золотомъ футлярѣ. Ну посудите, папаша, кого изъ нихъ я выберу?

— Да чѣмъ тебѣ не нравится, напримѣръ, Щуровъ? Онъ хорошъ, и молодежь и Генераль.

— Фи, какой! пренесносный! Только и хорошаго въ немъ, что ловко танцуетъ мазурку, да богатъ какъ Штиглицъ. Такой холодный, сухой резонеръ, — повѣрьте, онъ *вмыслился*, а не влюбился въ меня. . . не люблю его!

Черезъ четыре мѣсяца изящно нѣжные билеты повѣстали весь городъ о помолвкѣ Щурова и Алины. На огромномъ, великолѣпномъ балѣ, по этому случаю, между многочисленными гостями появился левъ любезностей и совершенствъ, кавалеристъ Леновъ. Глаза Алины и Ленова встрѣтились магнитическимъ взглядомъ; сила удара этого взгляда ударила по сердцамъ; въ сердцахъ разомъ отдалось.

— Мой!

— Моя!

Счастливыи женихъ вопреки установленному порядку, въ самомъ началѣ бала затѣялъ мазурку и танцевалъ ее съ невѣстой. Счастливая невѣста два раза выбрала Ленова. На третій разъ Леновъ самъ выбралъ ее на кадрили; и невѣста, полная огня и любви, поминутно подбѣгала къ жениху, осыпала его ласками, и отъ него ворочаясь къ своему кавалеру, всѣмъ раствореніемъ глазъ

пожирала Ленова. Жениху сквозь затылок этого не видно было — и онъ утонулъ въ восторгахъ.

Черезъ недѣлю послѣ бала Щуровъ былъ командированъ въ губернію по весьма важному порученію на мѣсяць. Леновъ въ теченіе мѣсяца нѣсколько разъ имѣлъ случай видѣть и утѣшать тоскующую невѣсту. Онъ мастерски умѣлъ смѣшить ее, читать ей и отцу веселыя книжки, пѣлъ водевильные куплеты, по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ со старикомъ о нравственности, благочестіи и воспитаніи, и отецъ былъ очень радъ, что нашелся человекъ такой нужный на случай печальной разлуки. Къ счастью еще, тутъ же Луиза была выпущена изъ института; по настоянію этого радостнаго случая и печальной Алины, былъ опять огромный балъ; Луиза всѣми нервами впивала въ себя всѣ упоенія новой жизни. Баронъ Раухъ сразу впился въ Луизу. Послѣ бала на другой день утромъ Луиза сказала сестрѣ.

— Ахъ, та соеиг, какъ весело, все бы танцевала! — Да что же ты такая скучная? — а еще такъ смѣялась на балѣ съ кавалерами... вѣрно по жениху скучаешь... перестань! онъ въ пятницу прѣдетъ.

Откровенная сестра, въ назиданіе не опытной, вздохнула; при имени — пятницу и жениху, проявила улыбку похожую на презрѣніе, и такую, что добрая Луиза испугалась, и бросилась на шею сестрѣ.

— Ты несчастлива, Алина? Ты не любишь его?

— Ахъ! не люблю...

— А Щуровъ такой любезный, такъ часто навѣщалъ меня въ Институтъ, носилъ конфеты, мы всѣ такъ полюбили его — предобрый.

— Ахъ! ты неопытна Луиза; эта доброты и любезности дѣловаго, положительнаго человека, скучны какъ ариеметика, ... хоть бы искра эстетическаго чувства, хоть бы капелька поэзіи.

Онъ не понимаетъ потребностей женскаго сердца,

— За чѣмъ же выходишь за него?

— Институтка! за чѣмъ? — сказала улыбаясь Алина, разбирая локоны сестры, своей, за тѣмъ, — что онъ будетъ хорошій мужъ. Къ тому же, роль его въ свѣтъ... богатъ... ахъ, еслибъ онъ хотъ капельку былъ похожъ на Ленова!... прелестный мужчина!

Алина вздохнула и задумалась.

— Кто это Леновъ? спросила Луиза глядя всѣми глазами на сестру.

— Развѣ ты не замѣтила, со мной танцевалъ вчера мазурку и кадрили... кавалеристъ, ... хорошенькій? ... ахъ, какъ миль! —

— Право не помню; этотъ несносный Баронъ Раухъ покою мнѣ не давалъ, — морилъ со смѣху. Съ нимъ весело...

— Да, не будь онъ такой поленькой, онъ бы не дурной былъ мужчина; а ужъ какой огонь — не Щурову чета: къ тому же не бѣденъ, въ орденахъ... тебѣ онъ нравится? —

— Не знаю; мнѣ всѣ нравятся съ кѣмъ весело; только твоего Ленова не замѣтила, ни разу не ангажировала меня.

— Ахъ, онъ такой несчастный!... Наши сердца родились одно для другаго и ихъ безъ жалости разрознили. — Въ пятницу онъ ѣдетъ въ армію, и можетъ быть на... долго (*вздыхаетъ*) онъ просилъ меня позволить ему прѣдти сегодня проститься. Я не могу принять его въ гостиной, я такъ не здорова... не выду. Ты пожалуста проводи его сюда, когда Папа уйдетъ отдыхать.

— Ахъ Алина! что ты хочешь дѣлать? Ну если женихъ узнаетъ.

— Узнаетъ, такъ узнаетъ: я не боюсь его... я скажу ему... да — нѣтъ, онъ не узнаетъ. Ты проводи черезъ бібліотеку, а Машу я пошлю съ запиской къ Барановичевой.

— Да какъ же это — ты одна съ нами . . .

— Нѣтъ ты будешь съ нами.

— Алина, право я боюсь . . . и грѣшно, и какъ то совѣстно.

— Фи, mon ange, какая ты суевѣрка! Пожалуста, Луиза, если любишь сестру . . . брось свои институтскіе предрассудки.

Леновъ простился и уѣхалъ въ армію. Сцены и картины.

Щуровъ женился на Алинѣ; черезъ годъ и Луиза сдѣлалась Баронессой Раухъ Старикъ съ радости отъ семейнаго счастья дѣтей — умеръ. Щуровъ какъ дворовой челоуѣкъ занимался своими дѣлами, Алина—своими; они жили такимъ образомъ очень согласно. Всѣ имъ завидовали . . . ужъ эти мнѣ завистники — вѣчно сглазятъ!

IV.

Ярко былъ освѣщенъ домъ Князя Равольскаго. Безчисленные огни кацделабровъ и люстръ, ярко отгвняла лица танцующихъ, переливались то радужными, то матовыми цвѣтами, въ дали, созданной для одного глаза, отражались въ огромныхъ зеркалахъ.

Послѣ одной изъ несчетныхъ кадрилией, которыми такъ изобилуютъ балы и повѣсти нашего времени, танцоры красивыми группами, разошлись по заламъ, «для паливанія свѣжею водою» остроты и каламбуровъ на предметъ мазурки, безконечнаго вѣнца и финала нашихъ балныхъ ощущеній.

Въ одной сторонѣ залы, оживляя утомленные члены вѣромъ, одиноко сидѣла Алина Сергѣевна Щурова. Это какъ вы уже знаете, одна изъ тѣхъ женщинъ которыя слывуть образцомъ супружеской вѣрности, не смотря на выразительное, прелестное лицо, на роскошный станъ, темно-небесныя глаза. . . . Она равно была недоступна, какъ клеветъ, такъ и самымъ отважнымъ *dandy*, свѣрвной Пальмиры. Такъ всѣ думали, такъ говорили, такъ слы-

шаль и я! — И точно, теперь она, казалось, вся занята была своею усталостью; ни одна мысль не отгвняла ея чела; ни одно движенье не противорѣчило ей! Самый опытный наблюдатель, поклялся бы честию и долготѣннымъ опытомъ, что всѣ мысли, всѣ чувства ея, заняты мужемъ, хозяйствомъ, даже, легко станется, политической экономіей, только не баломъ и его актерами.

Вдругъ руманецъ, мгновенно опушцовилъ матовую близну ея щекъ. Быстро окинула она взоромъ всѣхъ находившихся въ залѣ; и вѣрѣ скорѣе стала описывать четверть круга въ рукѣ ея.

Съ той милою небрежностью, такъ хорошо извѣстною въ манерахъ людей хорошаго общества, молодой, статный Офицеръ отдѣлился отъ одной изъ самыхъ веселыхъ группъ, подошелъ къ Щуровой, опустился возлѣ нее на стулъ, такъ свободно, такъ непринужденно, такъ прелестно!

«Признаюсь, *chère Aline*, я сегодня не узнаю твоего мужа; ты здѣсь безъ него»? сказалъ онъ ей, и разсванный его видъ, незначущій тонъ, такъ хорошо скрывалъ его мысли.

Едва замѣтная улыбка скользнула на губахъ Щуровой. Но чрезъ секунду она была холодна, безчувственна какъ прежде.

— Alexis! ты меня оставишь теперь . . .

Никакъ не намѣренъ; напротивъ, танцую съ тобою мазурку.

— Это невозможно! ты забываешь, что здѣсь есть глаза и уши.

«Они ничего не увидятъ».

— Станутъ подозрѣвать, и увидятъ болѣе чѣмъ ты думаешь.

«Aline! я не хочу потерять недѣлю, которую мы здѣсь пробудемъ . . . мнѣ надо быть съ тобою»; . . . и рука его сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Ты измѣнишь себя—быстро произнесла Алина, робко взглянувъ вокругъ себя. Но опять она осталась безъ малѣйшаго выраженія; она была довольна

общимъ невниманіемъ — Я увижу тебя, сегодня, послѣ бала, на концѣ большой аллеи, въ Китайскомъ павильонѣ. —

«Согласенъ — съ кѣмъ же я буду танцовать мазурку?»

— Съ моей сестрою.

«Я не знаю ея мужа».

— Онъ не ревнивъ.

Офицеръ легко улынулся.

Раздались первые звуки мазурки. Загремѣли стулья, закипѣла зала танцорами, и летучая, граціозная пара, отдѣляясь отъ хаотической толпы, быстрымъ своимъ движеніемъ, какъ бы магической силой, сплела круглую гирлянду мазуристовъ.

«Кто началъ мазурку?» спросилъ мушкетеръ съ просьбою, въ черномъ фракѣ, и звездою на правой сторонѣ, нагнувшись къ одному изъ сидѣвшихъ мазуристовъ, въ темвозеленомъ фракѣ съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ и бѣлыми гербовыми пуговицами.

— Алексѣй Леновъ съ баронесою Раухъ. — отвѣчалъ дипломатъ, не поднимая головы.

«Славная пара!» продолжалъ мушкетеръ съ звездою.

— Онъ гораздо лучше ее! — перебила дѣвушка танцовавшая съ дипломатомъ.

«А!» произнесъ тотъ ничего незначающимъ тономъ, и самодовольный, пошелъ къ карточнымъ столикамъ.

Фигуры смѣнялись одна за другою; ни разу Леновъ не подошелъ къ Шуровой, ни разу Алина не выбрала его.

Мазурка кончилась.

Среднихъ лѣтъ, поленькой, блѣднущій мушкетеръ, подошелъ къ баронессѣ Раухъ.

«Кто танцовалъ съ тобою?» — спросилъ онъ ее.

— Это какой то Леновъ. Мнѣ подвѣдала его Алина, ты не повѣришь, Шарль, какъ онъ смѣшилъ меня. Il est charmant! —

Шарль отвернулся, брови его встрѣтились.

V.

Домъ Князя Равольскаго, въ планѣ, былъ выстроены «покоемъ», т. е. имѣлъ видъ литеры П. Двѣ большія пристройки, параллельныя одна другой, примыкающая къ угламъ главнаго корпуса, вдались въ старинный голандскій садъ, составляя такъ сказать, внутри дома террасу, сообщавшуюся съ внутренними покоями, какъ дома, такъ и пристроенъ, тремя великолѣпными портиками.

Отбытіе Царской фамилии на лѣтнее время изъ Петербурга, позволило богатому Князю заманить въ дебри своей Псковской вотчины на нѣсколько времени высшій кругъ столицы. Избранные сосѣди наполнили общество, и въ деревенскихъ забавахъ Князю удалось блеснуть столичной роскошью.

Въ обоихъ пристройкахъ помѣщались пріѣзжіе гости. Въ одной мужчины; другую можно было назвать вольнымъ гаремомъ: въ ней все дамы и двѣтцы.

Разговоръ послѣ мазурки произвелъ страшное впечатлѣніе на Барона Карла Рауха. Занимая особую комнату въ мужскомъ отдѣленіи, обращенную окнами въ садъ, онъ могъ вполне предаваться терзаніямъ ревности. Этотъ отзывъ жены его, о красивомъ офицерѣ; это — «il est charmant» — не выходило изъ его головы, не давало уснуть ему; превращало тюфякъ въ раскаленное желѣзо инквизиціонной рѣшетки. Онъ всталъ съ постели. Мѣсяць, другъ, повѣренный и болтунъ любовныхъ тайнъ, рѣзко глядя своей плоской физиономіей въ окна, и будто шутилъ съ Барономъ, когда тотъ отворачивался отъ окна, рисовалъ на концѣ длинной его тѣни, двѣ какія то черточки. Баронъ судорожно ощупывалъ голову — мученіе было неизяснимо, онъ не могъ терпѣть долѣе. . . . Ему представлялось, что онъ сидитъ въ клеткѣ какъ дорогая заморская птица, а жена его, Луиза. . . о! ужасъ — сидитъ

на колынях этого проклятого Ленова, и из милости къ заморской пташкѣ, просовываетъ ему, сквозь раззолоченныя проволоки его темницы, кусочекъ сахару..... Душно стало ему, онъ отворилъ окно.

Вотъ, казалось, свѣжій воздухъ оживить Барона; нѣтъ, онъ обратилъ его въ бують барона. Двѣ тѣни пыли по аллеѣ: эполеты Ленова, мелькнули въ лучахъ мѣсяца....

Не прошло пяти минутъ, Баронъ преслѣдовалъ по аллеямъ удалявшихся мужчину и женщину.

— Такъ, — думалъ онъ, — нѣтъ сомнѣнья это она, ея ростъ, жена! — и невнятный шопотъ ихъ разговора долеталъ до его тревожнаго слуха.

Они подошли къ дамской пристройкѣ; дубовая дверь портика тихо отворилась; они скрылись за нею, и немолчимый ключъ щелкнулъ въ замкѣ. Баронъ впѣ себя.

Первая мысль Барона, была, дожидаться выхода торжествующаго соперника. Онъ присѣлъ на мраморнаго чербера, стережнаго денно и ночью входъ въ эту пристройку — теперь, никому не принадлежащій гаремъ, въ которомъ (такъ мечталось барону) роль султана, разыгрывалъ все онъ, все тотъ же проклятый Леновъ! Тоже сравненіе, доводило его самого, до роли султанскаго внука. Это певыносимо! Баронъ безмилосердно душилъ мраморнаго чербера...

Вскорѣ ночной холодъ, и мраморный черберъ, напомнили барону что онъ въ постельномъ костюмѣ. Но что значить въ нашъ вѣкъ сильныхъ ощущеній, чувства естественныя передъ нравственными! Баронъ человекъ XIX-го столѣтія: онъ остался на черберѣ.

Вдругъ тихій шорохъ послышался за дверью: Баронъ притаилъ дыханіе, насторожилъ уши, и спрятался за чербера. Вотъ ключъ повернулся, дверь отворяется.

«А, ты слишкомъ жестока!» гово-

рить мужской голосъ. «Зачѣмъ гнать меня такъ рано; еще, еще хотъ одинъ поцѣлуй!»

— Не болѣе.... былъ отвѣтъ. И жаркій, страстный трехсаженный поцѣлуй отгрянулъ на сердце Барону, и все, тотъ же Леновъ! да, онъ тотъ же Леновъ, быстро прыгнулъ съ крыльца.

Баронъ бросился къ двери — она заперта.

Леновъ шелъ по аллеѣ, насвистывалъ какой то романсъ. Счастливый, онъ не думалъ ни о чемъ; нѣтъ онъ думалъ о повтореніи свиданія, свиданія только что прерваннаго, какъ вдругъ, кто то рванулъ его за плеча, и лѣвый эполетъ его, отдѣляясь отъ погончика, повисъ на спинѣ. Быстро обернулся онъ.

«Государь мой! вы должны объясниться со мною! Знаете ли меня? Я обруганъ, осмѣянъ, опозоренъ вами! вы кровью должны смыть безчестіе нанесенное мнѣ!...» Такъ ревелъ Баронъ, на обернувшася Ленова.

— Вы сумасшедшій! я васъ не знаю, а вы....

«А! вы не хотите знать Барона Раухъ, потому что вы познакомились съ баронессою.... Нѣтъ! вы не обманете меня! нѣтъ! я вамъ не позволю такъ издѣваться надъ собою....

— Баронъ! умѣрьте порывъ вашъ — что вамъ нужно отъ меня.

«Какъ, что нужно!... Ну да, если вы благородный человекъ, вы должны объяснить мнѣ, съ кѣмъ вы гуляли здѣсь, у кого вы были, тамъ сударь! тамъ! понимаете.....» и онъ трясся какъ въ лихорадкѣ, страшныя судороги коверкали губы, и онъ показывалъ на дамскую половину:

— Баронъ! вамъ нѣтъ дѣла до этого.

«Какъ нѣтъ дѣла! вы соблазните мою жену, и мнѣ нѣтъ дѣла.....»

— Можетъ быть.

«Такъ вотъ отвѣтъ мой!...» и рука Барона закинулась въ воздухъ.

Толкнуть Барона въ грудь, повалить вторымъ толчкомъ наземъ, и погово-

рять: «Покойной ночи, Баронъ! отъ души желаю вамъ, вѣрной супруги!» было дѣломъ одного мгновенія для Ленова. Закинувъ назадъ голову, Леновъ, — истинный *герой нашего времени* — насвистывая продолженіе прерваннаго романа, скрылся въ густотѣ деревь.

«Завтра!» простоналъ обезумленный баронъ—завтра я убью тебя, проклятый соблазнитель!»

Мѣсяцъ по прежнему глядѣлъ на Барона.

VI.

За голандскимъ садомъ, была роща. Въ этой рощѣ была лужайка, обнесенная деревянными скамьями.

Два секунданта отмѣрили шесть шаговъ, воткнули шпаги; потомъ отмѣрили еще по шести шаговъ въ каждую сторону, осмотрѣли пистолеты, зарядили, размѣнялись ими, и подали одинъ Ленову, другой Барону.

Лицо послѣдняго горѣло; грудь колыхалась; рука, казалось, приросла къ пистолету. Быстро подошелъ онъ къ барьеру, и сталъ цѣлить въ противника.

Тихо подходилъ Леновъ къ барьеру. Онъ былъ спокоенъ, какъ вчера полкъ Алины.

Противники сошлись.... вдругъ раздался выстрѣлъ, и Леновъ медленно повалился на землю. Онъ не успѣлъ выстрѣлять.

Его секунданта бросился къ нему. Левый отворотъ мундира былъ прошибенъ и кровь начинала сочиться изъ подъ мундира.

«Онъ убитъ!» вскричалъ онъ, приподнимая его голову.

Леновъ открылъ глаза; сильно рвануль за отвороты мундира, крючки повиновались его усилю, грудь обнажилась и кровь потокомъ хлынула изъ раны. Послѣднимъ усилюемъ сорвалъ онъ медальонъ съ шеи.

«Отдайте это ей!» вскрикнулъ онъ, и мертвый опрокинулся назадъ.

Жадно перехватилъ Баронъ, изъ рукъ секунданта упавшій и поднятый имъ медальонъ, это былъ портретъ Алины Щуровой.

VII.

Самое скучное, самое несносное время въ деревенскихъ праздникахъ, это, промежутокъ между завтракомъ и обѣдомъ. Дамы, лишеныя въ деревнѣ способности дѣлать визиты и тѣмъ наполнять ежедневную пустоту дообеденной жизни, безжизненными группами ходили по длиннымъ заламъ, или еще вѣрнѣе, находились въ состояніи вагона, сдвинутаго съ своихъ рельсовъ. Подъ тяжкимъ усилюемъ казаться веселыми, бѣдныя, такъ и вяли съ своими улыбками и разговорами въ сыпучую безпредметность. Одинокіе кавалеры, изъ числа тѣхъ великихъ современниковъ, которые въ одинъ вечеръ высказываютъ весь умственный балансъ цѣлой жизни своей, бѣдствовали не лучше дамъ: гдѣ имъ взять въ деревнѣ того топлива, того сору, котораго въ городѣ такъ много подбирается въ каждомъ домѣ? — а безъ этого топлива, чѣмъ подогрѣть и подживить силы къ новой борьбѣ съ неодолимымъ празднымъ временемъ? И вотъ, иной искалъ спасенія за картами, другіе посвящали себя бильярднымъ подвигамъ, философы жгли сигары, любезники, кочуя между дамами, донашивали остатки фразъ легкаго чтенія, вывезенныхъ изъ города. Послѣдніе съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе чувствовали недостатокъ въ свѣжей провизіи.

Княгиня Равольская, желалъ занять гостей своихъ, предложила шанты. Всѣ приняли предложеніе, но игра вяло разыгрывалась. Кто то замѣтилъ что нѣтъ Ленова, царя баловъ и шантовъ. Многіе, пользуясь оказіей заняться чѣмъ нибудь дѣльнымъ, бросились искать его.

Баронъ показался въ садовой двери.

— Гдѣ Леновъ? Развѣ онъ не знаетъ что здѣсь фанты? Почему его нѣтъ? Гдѣ онъ? — Кричали многіе голоса на встрѣчу Барону.

Дико обвелъ Баронъ глазами собранные; насмѣшливая, ужасная улыбка, свела его губы.

— Онъ вынулъ послѣдній фантъ свой, изъ урны судьбы! отвѣчалъ аронъ. Б— Сударыня! — сказалъ онъ, подходя къ Щуровой, — Леновъ поручилъ мнѣ, отдать вамъ этотъ медальонъ, не покидавшій груди его, во время жизни.... Мы стрѣлялись — онъ убитъ! — И дикой хохотъ Барова страшно раздался въ сердцахъ окружавшихъ его.

«Убитъ!» застала Алина, и руки ее, судорожно сжимали медальонъ.

— Безстыдница! не умѣла даже скрыть своихъ чувствъ — проговорила среднихъ лѣтъ дама, нюхая табакъ, и отходя отъ окружавшихъ безчувственную Алину.

— Дуракъ, обнаружилъ ее тайну! — прибавилъ кто то.

— Да, сколько ни прячь свое дурное, самъ же все выведешь наружу!... проговорилъ чей-то утвердительный голосъ. Многіе вздрогнули; иные оправдывались, какъ бы стараясь прикрыть что вибудъ.

VIII.

Случилось мнѣ пробѣжать одною изъ степныхъ губерній, и желая поспѣть, по кратчайшей дорогѣ, изъ одного уезднаго города въ другой, я выбралъ проселочную. Вечеръ застигъ меня въ полѣ. Страшная мятель бушевала вокругъ; и я, рвшась замерзнуть достойнымъ образомъ, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку съ драматическими чувствами нашего вѣка, избрала, въ глубинѣ рогожаной кибитки, ту позу, которая показала мнѣ граціознѣе. Мы плутали въ сугробахъ снѣгу по произволу ямскихъ коней, какъ современная литература въ сугробахъ

романтизма, столько же какъ снѣгъ холоднаго, но зато не такъ благо какъ снѣгъ; ямщикъ бросивъ возжи, хлопалъ одной рукавицей въ другую, и по времени встряхивался самымъ отчаяннымъ образомъ. — Вдругъ лошади стали; ямщикъ бросился къ коренной, и радостно объявилъ мнѣ, что мы наехали на жилье. Черезъ четверть часа, я уже былъ у подъезда, довольно большаго помѣщичьяго дома. Видно не суждено мнѣ было тогда замерзнуть! Домъ принадлежалъ вдовѣ баронессѣ Раухъ.

Молодая, прекрасная женщина, о которой я мѣсяца три спустя мечталъ какъ влюбленный, приняла меня. Самоваръ кипѣлъ на столѣ, и уже съ полчася мы разговаривали о неудобствахъ ѣздить въ мятель, рассказывая другъ другу несчастные случаи, оканчивавшія такіа поѣздки, какъ противоположная дверь гостинной отворилась. — Съ крикомъ «Леновъ! Леновъ!» вбѣжала къ намъ женщина въ черномъ платьѣ, съ распущенной русою косою, и остановилась противъ меня.

— Это не онъ! — проговорила она жалобно: — когда же онъ придетъ... продолжала она, тихо обернувшись къ двери и ломая руки, исчезла за нею.

Я былъ пораженъ, и молчалъ.

— Это сестра моя! — сказала мнѣ баронесса, тяжело вздохнувъ: — она очень несчастна....

И то, что я написалъ, мнѣ было рассказано, только гораздо лучше и подробнѣе.

«Какимъ же образомъ она познакомилась съ Леновымъ?» спросилъ я баронессу.

— Это было еще до моего выхода изъ Института... Я застала уже полную завязку. Темное предчувствіе говорило мнѣ что то недоброе; всячески отводила я сестру; нѣсколько разъ разстроивала свиданія: но это лишь пуце ихъ поджигало...

«А что стало съ Барономъ?»

— Онъ застрѣлился.

Слеза скатилась по щеку Баронесы.

Современная теория романа терпеть не может морали; я тоже не люблю, когда другие начнут ее напивать моей персонъ; но самъ, грѣшный человекъ, — люблю такъ примолвить слово другое въ назиданіе желающимъ; хотя, по правдѣ сказать, этихъ желающихъ до сихъ поръ еще «не вывозили въ свѣтъ» — я разумю свѣтъ большой, образованный и просвѣщенный, гдѣ каждый все очень хорошо знаетъ самъ. И потому совершенно согласенъ съ романтизмомъ, что ни въ началѣ, ни въ серединѣ, — а въ концѣ повѣсти и подавно — не слѣдуетъ философствовать; и во всякомъ другомъ случаѣ я и не сталъ бы этого дѣлать. Но здѣсь совсѣмъ другое: здѣсь не философія, а быль. Баронеса кончила свой трагическій расказъ: эти плачевныя явленія живо наполнили воображеніе и душу мою; о Баронесѣ и говорить нечего. Плачевная жертва превратной жизни, Алина, — была, можно сказать, передъ глазами. Въ такихъ случаяхъ всякія паутинныя теоріи сами собой разлетаются отъ дыханія дѣйствительности, которою Провидѣніе громкогласно высказываетъ человеку истину безъ словъ, вводитъ его насильно внутрь себя, настраиваетъ умъ къ глубокому мышленію. Долго Баронеса и я молчали.

— Какъ легко человеку быть счастливымъ, и какъ онъ не умѣетъ пользоваться, сказала я наконецъ.

— Да, произнесла съ тяжкимъ вздохомъ Баронеса, — гдѣ нѣтъ страха Божія, тамъ невозможно счастье. Суетное воспитаніе маменьки, переданное сестрѣ, погубило ихъ обѣихъ, преждевременно свело въ могилу добраго, но слабаго моего отца, погубило заслуженное счастье Щурова, принудивъ его къ разводу съ женой, которой до сихъ поръ онъ не можетъ позабыть, и только мнѣ оставило незабвенные, ужасные уроки. — Воспитанная въ институтѣ въ страхъ Божіемъ и въ чистотѣ нравовъ,

Часть VI. Гл. II.

я едва едва не увлеклась въ свѣтъ примѣромъ окружавшихъ меня. Я начинала уже находить вкусъ въ удовольствіи бѣсить ревниваго мужа — притворною втрренностью, и первый мой дебютъ былъ такъ удаченъ, такъ плодотворитъ ужасными послѣдствіями. Не повѣрите, вотъ уже полгода какъ я отрекаюсь отъ всѣхъ обольщеній свѣта, и всю себя отдала попеченію о несчастной сестрѣ, которая безъ моей непростительной опрометчивости, быть можетъ, какъ нибудь опомнилась бы, — этому полгода, и до сихъ поръ каждая встрѣча съ сестрою шевелитъ мою совѣсть, и совѣсть меня ужасно мучитъ. Я не была влюблена, но искренно любила моего мужа, а онъ меня безъ памяти; я могла бы легко сдѣлать его счастливымъ, отводя мало по малу отъ того вольнодумства и холодности къ Религіи, которыми такъ заражены нынѣшніе просвѣщенные люди *), болѣе изъ тщеславія, изъ увлеченія примѣрами, а еще болѣе отъ незнанія, нежели отъ испорченности сердца, но отъ которыхъ сердце, въ самой вещи, день ото дня болѣе портится и грубѣетъ.

Баронеса замолчала, посмотрѣла на меня, и я понялъ этотъ свѣтлый, воспросительный взглядъ.

— Я совершенно согласенъ съ вами, Баронеса. Только христіанинъ находитъ въ собственномъ сердцѣ своемъ рай, котораго люди напрасно ищутъ на землѣ, въ самыхъ утонченнѣйшихъ наслажденіяхъ. Но потопъ этихъ наслажденій до того заноситъ наше сердце пластами суетности, проступковъ и зла всѣхъ видовъ и породъ, что безъ тѣхъ ужасныхъ вулкановъ и потрясеній, на которые люди такъ безотчетно и бессознательно смотрятъ въ современныхъ повѣстяхъ, въ книгахъ и въ жизни, безъ этихъ потрясеній человекъ никогда бы не стряхнулъ съ своего сердца тѣхъ убійственныхъ пластовъ, никогда бы не повѣрилъ, что счастье — это рай,

*) Не всѣ, не всѣ, г. авторъ! Редакт.

такъ близко къ нему, никогда бы не сдвинулся, подобно вамъ, Баронеса, опытнымъ христіаниномъ. Теперь я хорошо понимаю причину плачевнаго самоубійства Баронова.

— Да, онъ не могъ помириться съ мыслью, что онъ напрасно убилъ Ленова, что онъ убійца человѣка, въ отношеніи къ нему невиннаго, что онъ тираннъ своей женѣму искренно преданной, что онъ открытый преступникъ передъ закономъ, что онъ смѣшонъ передъ обществомъ какъ ревнивецъ — имъ овладѣло отчаяніе самое изступленное. Напрасно истощала я всѣ ласки, попеченія и утѣшенія въры: они лишь пуще раздирали его. . . . ужасное дѣло, самолюбіе и эгоизмъ! если съ малыхъ лѣтъ начать они роста и зрѣть вмѣстѣ съ нами — человѣкъ заживо погибъ! Несчастія, кресты, даже проступки, которые смиреннаго лишь очищаютъ, дѣлаютъ счастливые — лѣчатъ; тѣ же самыя лѣкарства, для сердца гордаго, самолюбиваго, стало быть невѣрующаго, обращаются въ ядъ, убиваютъ. Такъ вотъ погибли маменька, мужъ мой и сестра.

Баронеса замолчала. Я самъ былъ растроганъ не меньше ее. Такъ нѣсколько разъ начинался и прерывался нашъ разговоръ, и всегда въ томъ же тонѣ. Я видѣлъ что она очень довольна встрѣчей такого человѣка, который принимаетъ ея положеніе, раздѣляетъ ея чувства — которому она можетъ высказать свою душу, и поэтому старался держаться на одномъ и томъ же предметѣ, заставляя повторять и выяснять разныя семейныя подробности. Время отъ времени вдавались мы съ ней опять въ практическое философствованіе. — Какъ удивительно мила и велика женщина въ этомъ случаѣ! Никогда перо мужчины не въ состояніи уловить и выразить тѣхъ очаровательныхъ прелестей сердечнаго краснорѣчія, которыя такъ сродны женщинамъ умной и нравственной. Бьюсь объ закладъ, ни

какой вольнодумецъ, боецъ на словахъ не нашелъ бы возраженій слушая Баронесу. Это не слова, это живой свѣтъ, это кроткое тепло, это яркіе колера, которые женщина прямо переноситъ съ своего чувства на ваше чувство! Долго мы говорили съ ней о томъ, какое бы удивительное, быстрое, можно сказать, волшебное преобразование произошло бы въ обществѣ, если бѣ женщины хорошо поняли и сердечно разыгрывали свою истинную роль. Но я не сообщу вамъ читателямъ этихъ усладительныхъ бесѣдъ; въ книгахъ вы ихъ терпѣть не можете: и очень справедливо. Посмотрите какъ я изуродовалъ слова Баронесы моимъ изложеніемъ. Вамъ я передалъ чистое розонѣрство, а самъ я наслаждался чистымъ свѣтомъ, согрѣвался живымъ тепломъ. Я даже думаю, что и сама Баронеса написала бы свой разговоръ не многимъ лучше меня. Вообще женщины гораздо лучше говорятъ чѣмъ пишутъ: онѣ говорятъ всѣмъ прелестнымъ существомъ своимъ всему увлеченному существу моему, и притомъ, говорить онѣ учатся у своего огненнаго сердца, у своего тонкаго чувства, а писать — у насъ сухихъ, холодныхъ грубыхъ мужчинъ. И такъ не стану продолжать нашего философствованія, а расскажу лучше о томъ, что вамъ болѣе нравится — я влюбился въ Баронесу всюю глубиною уваженія. Дѣло было къ ночи; мнѣ отвели комнату: я цѣлую ночь провелъ безъ сна — все мнѣ слышался голосъ Баронессы, только голосъ — лица я не видалъ. По утру поднялась такая же вьюга, я хотѣлъ вѣхать, Баронеса рѣшительно удержала, и наградила меня цѣлымъ райскимъ днемъ. На третій день я уехалъ и увезъ съ собой — ея образъ въ душѣ. Она позволила мнѣ писать къ ней. Нѣсколько мѣсяцевъ мы переписывались какъ искренніе друзья. Въ послѣднемъ писмѣ я слишкомъ ужъ дружески записался — и вотъ уже третій мѣсяцъ не получаю

отвѣта. Въ сентябрѣ беру отпускъ и здѣшнымъ буду имѣть честь васъ увидѣть лично — за отвѣтомъ, и о послѣдующемъ.

И. ЛИХАРЕВЪ.

—*—*—*—

ЗАУТРЕШЯ

СВѢТЛАГО ВОСКРЕСЕНІЯ. (*)

Среди безмолвія ночи раздался звукъ колокола, и благовѣсть о заутреніи свѣтлаго воскресенія радостно отозвалась въ христіанскихъ сердцахъ. — Все, что спало, проснулось; но большая часть православныхъ, въ сію таинственную ночь, и совсѣмъ не вкушали сна. Все приготовлялось, и ожидало *Воскресенія*. Теперь — толпы народа воссѣлыми стопами устремились ко храму святому. Иду и я. — Во храмъ таинственный мракъ. Только одна погребальная свѣча изливаетъ унылый свѣтъ надъ гробомъ

Жизнедавца. Посреди церкви лежитъ образъ Великаго Страдальца, обвѣтаго плащаницею, и могильное безмолвіе храма прерывается только тихимъ голосомъ чтеца, читающаго *Дѣянія* св. Апостоловъ.... Все — и образъ великой Жертвы, и чтеніе о дѣяніяхъ учениковъ Его — все говоритъ о страданіяхъ.... Сія вѣсть о страданіи такъ сродна человеческому духу, такъ намъ естественна, что послѣ нея вѣсть о какихъ-либо земныхъ радостяхъ кажется выдумкою и мечтою. Кто не страдалъ, не страдаетъ, или не будетъ страдать? ... Земное счастье есть опасная ошибка человеческого сердца, или — еще опаснѣйшее искушеніе.

(*) Это одна глава изъ книги: *Картинны православнаго богослуженія*. Книга еще въ рукописи, и будетъ напечатана, когда авторъ удостовѣрится, что она достойна печати, — не прежде.

Соч.

Смѣемъ увѣрить автора, что если вся его книга писана въ томъ же свѣтѣ, тою же силою и съ тою же любовью, какъ этотъ отрывокъ, то ради бѣднаго человечества — пусть не медлитъ. — Для контраста съ предшествовавшей статьею, въ которой умный авторъ такъ мило издѣвается надъ нашимъ ганеніемъ „легкаго чтенія“ — мы нарочно помѣщаемъ „Заутреню“ послѣ „Романтическихъ этюдовъ.“

Вмѣстѣ съ народомъ спѣшу еще разъ облобызать сія язвы гвоздинныя, изъ которыхъ истекло наше спасеніе; спѣшу упасть во прахъ предъ святою плащаницею, покрывшею грѣхи всего рода человеческого. — Толпа раздвигается, и предъ святою плащаницю выходитъ священникъ. Отдавъ поклоненіе лику усопшаго, и окуривъ его ѳиміамомъ, священникъ съ клиромъ приступаетъ къ послѣднему печальному обряду: поетъ погребальный канонъ, и при

надгробномъ пѣвнѣ уноситьъ святуя плащаницу въ алтарь. Самыя плачевныя пѣсни погребальнаго канона уже растворены надеждою скорого воскресенія. Душа какъ бы предвкушаетъ радость готовую явиться за страданіемъ и крестною смертію. — Торжественная минута ожиданія! — Православные люди зажигаютъ свѣчи, и въ предшествіи священника и клира, со знаменіями победы, воспѣвъ предначинательную пѣснь воскресенія, исходятъ изъ храма. Полупечальное, полуторжественное шествіе вокругъ церкви, шествіе, исполненное ожиданія, во мракъ ночи, *сушу утра глубоко*, невольнымъ образомъ напоминаетъ о шествіи мруносицъ ко гробу Господню. Въ сумракъ глубокаго утра какъ будто небо соединяется съ землею; слезы трепещатъ на рѣсницахъ, и уста невольно повторяютъ пѣснь церкви: *воскресеніе твое, Христе Спасе, ангелы поютъ на небеси; и насъ на земли сподоби чистимъ сердцемъ Тебе славити*. Наконецъ — священникъ останавливается предъ затворенною дверью храма, и, подобно ангелу — благовѣстнику, восклицаетъ во всеуслышаніе: *Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ!*... Слезы брызнули изъ глазъ!... Воскресло все, что было мертво по паденіи Адама; воскресло все человечество! Воскресъ и я, и ты, и всь мы!... Крестомъ открывается затворенная дверь церкви, въ церкви открывается пучина свѣта и еміама; мы входимъ, все блещетъ радостію, обновленіемъ, воскресеніемъ!... Все продолженіе заутрени есть уже какъ бы одна непрерывная, торжественная пѣснь воскресенія. Прислушайтесь къ этой пѣснѣ; слѣдите за каждымъ ея словомъ. Среди радостныхъ пѣснопѣній, священникъ, съ крестомъ въ рукахъ, разноситъ по храму небесное благоуханіе благовѣщенія: *Христосъ воскресъ!* И всь вѣрные съ радостію отвѣтствуютъ: *авоистинну воскресъ!* Все утреннее богослуженіе сосредоточивается на сихъ

привѣтственныхъ словахъ; всь предстоящіе участвуютъ въ богослуженіи. — Наконецъ — торжественность еще увеличивается. Священникъ, съ крестомъ и иконою воскресенія, исходитъ на средину церкви для взаимнаго цѣлованія со всеми предстоящими христіянами. Начинается торжество любви, вѣры и надежды! — И ликъ поетъ, единственную по своей высотѣ и трогательности пѣснь, пѣснь прелагающую сердца людей въ мягкій воскъ: (*) *«Воскресенія день! Просвѣтились торжествомъ, и другъ друга облылемъ! рцемъ: «братіе!» и ненавидящимъ насъ, простимъ есл, воскресеніемъ! и тако возопиимъ: Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смертью поправъ, и сушимъ во гробѣхъ животовъ даровавъ.»* — Въ этой пѣснѣ каждое слово дышетъ любовью, чистою, возвышенною, небесною любовью. И кто не плакалъ при этой пѣснѣ, и не спышалъ броситься въ объятія своего врага? Чье сердце не растаетъ при этомъ любвеобильномъ призваніи церкви: «все простимъ для воскресенія (*). Рцемъ: «братіе» и ненавидящимъ насъ!» — И сколько думъ, благодатныхъ думъ пробуждается въ душѣ во время сей чудесной утрени!.. Какъ суетна, несчастна и погибельна вся наша жизнь безъ Христа! Какъ мало мы думаемъ о назначеніи земной нашей жизни! Какъ жалко изуродовали мы всь отношенія нашего земнаго странствованія! Такъ ли мы должны жить, какъ доселѣ жили? кто мы? гдѣ мы? куда идемъ? что насъ ожидаетъ?.....

Мы родомъ изъ неба, по прозванію *человѣки*; мы блуждаемъ въ странѣ

(*) Приглашаемъ нашихъ стихотворцовъ переложить эту пѣснь въ Русскіе стихи, съ сохраненіемъ всей простоты и силы. Нельзя сдѣлать лучшаго употребленія изъ дара писать стихи.

(*) По-Славянски такъ: *есл простимъ воскресеніемъ.*

испытанія, и идемъ домой, въ небесное наше отечество. Известно, что странника ожидаетъ дома: покой, радость, любовь. Но пока мы достигнемъ родительскаго дома, надобно намъ перенести многія горести; надобно совершиться надъ нами многимъ чудесамъ Божественнаго Провидѣнія. Половина сихъ чудесъ уже совершилась. Изъ сѣмени, сперва бездушнаго, потомъ одушевленнаго, вдругъ дѣлается человекъ, и изъ тѣсной утробы матерней выходитъ, какъ женихъ изъ своего чертога, украшенный божественными дарами — разумомъ, чувствомъ, волею и безсмертиемъ. Передъ нимъ — поприще животной, разумной и духовной жизни. На этомъ поприщѣ онъ можетъ возвыситься до безплотныхъ существъ, или — унизиться до скотовъ безмысленныхъ... Выбирай, любимецъ неба — чѣмъ ты хочешь быть. Учись, терпи, надѣйся; *здѣсь* школа, а публичное испытаніе будетъ *тамъ*.... Наконецъ — человекъ, или правильнѣе, та наружная часть человекъ, подъ которою онъ былъ известенъ въ кругу людей, ветшаетъ, разрушается, гниетъ, и превращается въ прахъ. Небесная половина человекъ — духъ, парить въ таинственную страну отцовъ, гдѣ все люди, отъ Адама до послѣдняго человекъ, ожидаютъ *имѣющей явиться славы*. Этотъ ожидаемый моментъ нѣкогда наступитъ. Произойдетъ непостижимое превращеніе; тѣла опять соединятся съ душами, восприняты изъ гробовъ; и для новыхъ жителей явится небо новое и земля новая . . .

И такъ — вся наша земная жизнь есть только навечеріе нашего воскресенія. Вокругъ насъ мракъ. Блѣдный лучъ естественнаго разума силится освѣтить эту темноту, но напрасно; мы только падаемъ и падаемъ. Свѣтъ вѣры надежнѣе можетъ освѣщать наше навечеріе, и видимо показываетъ намъ путь, по которому мы должны идти. Увы, сей путь услаивъ терніемъ, нашъ

путь — путь страданій. Для утѣшенія и напутствія нашего, вокругъ насъ гремятъ дивные глаголы. Эти глаголы слышатся и въ тишинѣ безпредѣльнаго моря, и въ стенаніи бури, и въ раскатахъ грома, и въ тихомъ западѣ солнца. Еще слышнѣе эти глаголы для души благочестивой — въ писаніи, вдохновенномъ отъ Бога. Таинственный смыслъ всѣхъ этихъ словъ есть: смирись, вѣруй, не умничай, терпи, и надѣйся! — Человекъ идетъ въ сумракъ, запинается, падаетъ подъ тяжестью своего креста, опять встаетъ, истаетъ, умираетъ.... Его уносятъ, и скрываютъ въ нѣдро земли. Навечеріе почти уже кончилось; близко къ разсвѣту, и — настаетъ минута ожиданія. Все эти холмы, толпящіеся на кладбищахъ, чего-то ждуть. Вотъ-вотъ блеснетъ радостное утро! и все усопшіе возстанутъ изъ своихъ гробовъ. *сотворившии благая — въ воскресеніе живота, а сотворившии злая въ воскресеніе суда*.... Тогда-то откроется безпредѣльная пучина свѣта и блаженства, котораго досель ни око не видѣло, ни ухо не слышало! Тогда-то начнется для сотворившихъ благое торжественная, вѣчная утрѣна свѣтлаго воскресенія!.. Тогда-то все прославленные другъ друга обумутъ! — Прощать уже будетъ нечего; все прощено; все забыто!.. «Свѣтися, свѣтися, новый Иерусалимъ, — Слава Господня на тебѣ возсіяла!» . . . Тогда-то . . . ахъ, не для сего ли дивнаго, непостижимаго *тогда-то* мы и раждаемся, и живемъ, и умираемъ?..

О чѣмъ другомъ должны мы непрестанно думать, какъ не объ этомъ вожделѣнномъ концѣ нашего странствованія, нашихъ подвиговъ и страданій?.. Такъ, — мысль о смерти и воскресенія естественно должна быть неразлучною спутницею всѣхъ дѣлъ нашей жизни семейной и общественной.

Я умру, и можетъ быть гораздо скорѣе, нежели какъ предполагаютъ мои дѣла и мое здоровье. Я могу умереть

сегодня, сейчас, сію минуту: развѣ это пустыя слова? развѣ мы не видѣли скоростно умиравшихъ?... Я умру, и уже не возвращусь въ другой разъ жить на землѣ, чтобъ поправить упущенія и ошибки прежней жизни, слѣдовательно — послѣ смерти нѣтъ покаянія?.. Что же со мною будетъ, ежели я умру именно въ такомъ состояніи моей души, какъ нахожусь въ настоящую минуту?... Конечно, благодѣть Божія безмѣрна; заслуги моего Спасителя безковечны, и вся моя нечистота ничто предъ святостью Божіей. Но развѣ это меня оправдываетъ въ моей медленности исправиться, радикально исправиться, исправить всего своего вунтренняго челоуѣка?.....

Я имѣю жену и дѣтей. — Подаю ли я имъ примѣръ въ христіанскомъ благочестіи? руковожу ли ихъ въ душевномъ спасеніи? — Жена моя никогда еще не слышала отъ меня разговоровъ о смерти, о воскресеніи и вѣчности. Я всегда старался развлекать ее разсказами о новостяхъ текущаго дня, участвовалъ въ ея совѣщаніяхъ о модномъ покрое платя, о выборѣ лентъ; я старался угождать ей въ малѣйшихъ ея прихотяхъ, а о Богѣ не говорю съ нею. Она еще не видѣла меня молящимся. Правда, праздниками мы съ нею ѣздимъ иногда въ церковь, но это дѣлается чуть-ли не по одному обычаю. — Случалось даже, что жена моя, по какому-то инстинкту сердца, сама хотѣла соблюдать посты, установленныя церковью; но я, изъ глупой заботливости о ея здоровьи, совѣтовалъ этого не дѣлать. Она, зная по слуху о святости праздничныхъ дней, старалась сама, и меня побуждала, встрѣчать эти дни въ надлежащей святости; но я — какъ это исполнялъ?.. увы, сколько разъ я нарушалъ мои обязанности, если не дѣломъ, то помышленіемъ!.. Какъ мнѣ нравились эти соблазнительныя картины, гдѣ нагота изображена такъ пагубно-вѣрно! Съ какою жадностію чи-

талъ я эти книги, въ которыхъ пороки изображены въ такомъ ядовито-привлекательномъ видѣ! А нескромныя взгляды на чужую красоту? а помышленія злыя?...

У меня есть дѣти. — Какъ же я ихъ воспитываю? — Я забочусь, чтобъ они говорили по-французски, и чтобъ приобрѣли познанія необходимыя въ государственной службѣ; я забочусь, чтобъ имъ послѣ меня остался кусокъ хлѣба; я забочусь даже и объ ихъ нравственности. Они у меня умѣютъ пріятно кланяться, вѣжливо отвѣчать, и вообще они довольно скромны, учтивы и нравственны, — короче, *просвѣщены, образованы*. — Ахъ, достаточно ли этого для душевнаго ихъ спасенія? говорилъ ли я имъ когда-либо о Христв распятомъ? внушалъ ли я имъ любовь къ нашему Спасителю? пріучалъ ли ихъ къ внутреннему благочестію? подавалъ ли имъ примѣръ милосердія, безкорыстія, самоотверженія, правдолюбія?... Правда, у нихъ есть законоучитель; да я развѣ не отецъ? Не я ли долженъ буду сказать Господу въ страшный день Суда: *«зотъ я и дѣти мои»*?.... Надобно съ горестью признаться, въ семейной моей жизни я никогда еще не думалъ о смерти и воскресеніи.....

У меня есть прислуга, крестьяне дворовые люди; я *покупалъ* ихъ и *продавалъ*. Но — думалъ ли я, что эти люди, мои братья и дѣти? Училъ ли я ихъ познанію Бога — нашего общаго отца? исправлялъ ли ихъ недостатки? училъ ли я ихъ быть добрыми христіанами, утѣшалъ ли я ихъ въ тягостяхъ ихъ служенія? говорилъ ли я имъ о нашемъ общемъ воскресеніи?..

Я нахожусь въ службѣ, имѣю начальниковъ, товарищей и подчиненныхъ. — Ахъ, сколько разъ въ сношеніяхъ съ моимъ начальствомъ я терялъ свой характеръ, до того что самъ себя послѣ не узнавалъ! Сколько расточалъ я лести! Сколько искательства и при-

творнаго смиренія!.. Когда начальники обнадеживали меня своею милостью, мнѣ казалось, что уже не нужна болѣе ни чья помощь, даже Божія. Безумецъ, я осмѣливался болѣе надѣяться на людей, нежели на самаго Творца и Спасителя; еще хуже — я часто надѣялся на расчеты моего бѣднаго разума, созидалъ планы, располагалъ будущую мою судьбою, и мнѣ казалось, что мой жребій устроится мною самимъ. Мнѣ казалось, что я умнѣе и добрѣе всѣхъ моихъ товарищей. Чтобъ утвердить и другихъ въ этой несправедливой мысли, я изподтишка старался выставлять наружу недостатки моихъ друзей и пріятелей, и потомъ, чтобъ предательство не открылось, я удвоивалъ ласки и іудинскіе поцѣлуи моимъ пріятелямъ. Товарищи служили мнѣ ступенями къ возвышенію. Увы, у меня до сихъ поръ еще не было друга....

Мои подчиненные вы знаете, что такое подчиненный у чловѣка большаго самолюбіемъ. Никто изъ нихъ не смѣетъ быть умнѣе меня; а ежели случится кому либо изъ нихъ силою своихъ дарованій и неутомимостью въ трудахъ сдѣлать какой-либо подвигъ, — то награду за сей подвигъ получаю — я. Не только награду за труды, даже всякую счастливую мысль я похищаю у моихъ подчиненныхъ. «Они, дескать, чернорабочіе, имъ слѣдуетъ трудиться, а мнѣ пожинать плоды» Какое дьявольское искусство возвышаться на чужой счетъ! . . .

Въ отношеніяхъ моей общественной жизни еще менѣе можно было примѣтить во мнѣ какое либо достоинство чловѣка, рожденнаго съ благороднымъ и высокимъ назначеніемъ умереть и воскреснуть. — Правда, я со всѣми ласковъ, милъ, для всѣхъ пріятно улыбаюсь съ видимою готовностію къ услугамъ; но всѣ эти прекрасныя качества я, подобно новымъ перчаткамъ, надѣваю на себя только на короткое время, пока

сталкиваюсь съ людьми. И межъ людьми уже принято не вѣрить этимъ улыбкамъ и доброжелательству. Это известный способъ взаимнаго пріятнаго обмана, такъ точно какъ и наши визиты, освѣдомленія о здоровьи и т. п. — А какое употребленіе изъ божественнаго дара слова дѣлаю я въ обществѣ подобныхъ мнѣ безсмертныхъ чловѣковъ? — известно — разговариваю о погодѣ и городскихъ сплетняхъ, осуждаю ближняго, хвалю новую актрису, рассуждаю о собакахъ, лошадахъ, и о новомъ романѣ Жоржъ-Зандъ. Общество людей сжалилось надъ самимъ собою, и какъ будто для устраненія себя отъ подобныхъ разговоровъ, избрѣло молчаливое *занятіе* картами. Я славно играю, и торжествую, когда мнѣ случится обыграть, т. е. ограбить моего лучшаго пріятеля. — Кромѣ игры и разговоровъ о *вышеизложенныхъ* важныхъ предметахъ, являюсь я въ общество еще для того, чтобъ вѣсть и пить, и забавляться картиною страстей, интригъ и сплетней, которую праздные люди, въ подражаніе дѣйствительной жизни, представляютъ на сценѣ, для забавы праздныхъ людей Иногда мы собираемся еще слушать музыку; впрочемъ это дѣлается рѣшительно не для музыки, но для того только, чтобъ встрѣтиться съ людьми и *убить* какъ-нибудь это досадное, неотвѣзчивое *время*.

Остальные часы отъ моихъ важныхъ занятій я употребляю на сонъ и на мой туалетъ. — Конечно, наши прародители въ раю, одѣвшись, послѣ грѣхопаденія, въ звѣринья кожи, не могли себя представить, что умные потомки ихъ изъ этихъ кожъ сдѣлаютъ себѣ нѣкоторый родъ заслуги и украшенія. Да; покрой платья, способъ завязыванья галстука, и выборъ пуговичекъ на манишку у меня составляетъ предметъ важнаго размышленія, и чутьли не это одно даетъ рѣшительный тонъ всѣмъ моимъ поступкамъ. Умѣть одѣться, и

умѣть пообвѣдать: вотъ мои два важныя занятія, между коими никакъ не можетъ помѣститься мысль о моей смерти и о будущемъ моемъ воскресеніи.— Вотъ каковъ я! и не всѣ ли вы такіе же, мои любезныя сочеловѣки? Подумайте, не такъ ли мы всѣ живемъ?.. И такъ живя день за днемъ, годъ за годомъ, мы нечувствительно приближаемся ко гробу Счастливы еще тотъ, кому Богъ передъ смертью пошлетъ продолжительную болѣзнь. Лежа на одрѣ страданія, онъ еще можетъ одуматься, раскаяться, и перейти въ вѣчность съ исправленнымъ и обновленнымъ сердцемъ. Но ежели минута смерти застанетъ насъ въ располѣхъ, какъ это видимъ на многихъ умершихъ

. . . . что тогда будетъ? Потрудитесь объ этомъ подумать

Я ничуть не желаю, чтобъ наше свѣтское общество превратилось въ собраніе квакеровъ, или чтобы наши салоны превратились въ кельи отшельниковъ; пусть все остается на своемъ мѣстѣ; но весьма не худо было бы намъ всѣмъ подумать и позаботиться о исправленіи своего внутренняго челоуѣка, о исправленіи своей домашней, семейной жизни, и всѣхъ своихъ личныхъ отношеній. Тогда и общественная жизнь сама собою начала бы исправляться. Тогда мысль о смерти и воскресеніи была бы общею усладительною, а не страшною, темною всѣхъ нашихъ дѣлъ, мыслей и желаній.

***-18-38-113-

НОВЫЙ НЕДОРОСЛЬ *)

КОМЕДИЯ.

ОЧЕРКЪ СОДЕРЖАНІЯ КОМЕДИИ.

1. ГЛАВНЫЯ ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Г-жа *Простакова* (вдова 40 лѣтъ). женщина добрая и свѣтская, страстно любить своего сына *Митрофана*; но при недостаткѣ религіознаго и основательнаго образованія, при слабости характера, увлекаемая образцами вычитан-

ными ею во Французскихъ романахъ, примѣромъ людей ея круга и безразсудною любовію къ сыну, — она и въ 40 лѣтъ не перестаетъ кокетничать, разстриваетъ свое состояніе и губитъ сына излишнимъ баловствомъ; играли-

*) Всѣ давно уже поговаривали, что Недоросль фонъ Визина устарѣлъ, что подлинники его дѣйствующихъ лицъ не существуютъ въ наше время. Ни кому, какъ видится, и въ голову не приходило, что всѣ они „живы и здоровы“, только форму измѣнили; и что поколѣніе „Недорослей“ и ихъ ассистентовъ, также безсмертно какъ бессмертенъ тотъ, кто первый заклеивалъ ихъ позорнымъ именемъ. Послѣ фонъ Визина, князя Шаховскаго, Б. М. Федорова, Хмѣльницкаго, Грибоѣдова и Загоскина — комедія наша замерла, погребена и засыпана курганомъ прахообразныхъ, пустопорожнихъ водевилей и фарсовъ. Гоголь чуть-чуть пошутилъ и бросилъ. По нашему мнѣнію, мысль Навроцкаго, создать Новаго Недоросля — весьма

удачная! планъ комедіи — очень хорошъ. Исполненіе — судите сами: а по моему, дай Богъ, чтобъ все такъ было. Недоросль фонъ Визина жилъ 50 лѣтъ; отъ души желаемъ Навроцкому такого исполненія, чтобъ новый Недоросль устарѣлъ — въ пять лѣтъ; т. е. чтобъ его удары, своею силою и мѣткостью, въ пять лѣтъ согнали съ лица Русской земли всѣхъ Недорослей — „героевъ нашего времени“; чтобы черезъ пять лѣтъ всѣ таковыя были уже анатроннамомъ Русскаго быта. Пусть они примутъ новую форму — нужды нѣтъ: ляжется *Недоросль 3-й*, и снова погонитъ ихъ со свѣта. Дѣло въ томъ, чтобъ этимъ почтеннымъ господамъ и госпожамъ житья не было въ ихъ *бемлодо-перемпномъ* хозяйствѣ. Ш. К.

ще страстей и свѣтскихъ мнѣній, она способна на всякую месть, хотя и добродушна отъ природы, готова завести процессъ изъ бездѣлицы, — экономничаетъ (по новой модѣ) на каждую чашку чаю и бросаетъ тысячи на прихоти сына.

Митрофанъ сынъ Простаковой (19-ти лѣтъ), *новый Недоросль*, представитель юнаго поколѣнія, образованнаго *легкимъ чтеніемъ*. — Въ 19-ть лѣтъ онъ уже перешелъ всѣ степени разврата. — Любовь къ Отечеству, уваженіе къ людямъ, жажда ученія, для него пустяка слова: онъ хочетъ служить только для того, чтобы носить эполеты и блестящимъ мундиромъ побѣждать сердца женщинъ, которыхъ считаетъ рожденными для прихотей мужчинъ; онъ равнодушенъ къ Россіи, именно потому, что не потрудился узнать и изучить ее; уваженія къ людямъ онъ не имѣетъ, потому что себя считаетъ умнѣе и выше всѣхъ; на ученіе смотритъ какъ на сущій вздоръ, потому, что считаетъ себя гениемъ, который превышаетъ всякой науки, а главное потому, что *легкое чтеніе* приучило его къ легкому приобрѣтенію поверхностныхъ энциклопедическихъ свѣдѣній и внушило ему, что логика, риторика и прочія науки — вздоръ, выдумка педантовъ, что не должно сковывать себя никакими правилами, что обо всемъ можно спорить до безконечности и слѣдовательно не стоитъ труда ломать себѣ голову основательнымъ ученіемъ. — *Фонъ-Визина Вральманъ* *проявляется* здѣсь *въ видѣ легкаго чтенія*; — ибо пагубное вліяніе иностранныхъ гувернеровъ замѣнилось нынѣ не менѣе пагубнымъ послѣдствіемъ легкаго чтенія. — Вральманъ нѣтъ на сценѣ, но духъ его оказывается въ книжкахъ — *легкочетахъ*... Митрофанъ за дѣло, а книжка легкочетка въ красивой оберткѣ заставлятъ его бросать дѣло. — Начитавшись вздорныхъ книгъ, безъ разбора, Митрофанъ сыплетъ чужими стихами *въ его вкусъ* и

— считаетъ себя поэтомъ; надѣвъ очки, говорить туманными фразами и — увѣренъ, что онъ философъ. — Наставники Митрофана: *Кутейкинъ* и *Цыфиркинъ*. — *Кутейкинъ* литераторъ (23-ти лѣтъ), послѣдователь *юной школы*; онъ не окончилъ университетскаго курса, потому что Русскіе Университеты считаютъ недостаточными для образованія своего генія и нешелъ за лучшее, самому (безъ руководителей) заняться современной литературою и въ особенности Германскою философіею, въ которой онъ ничего не понималъ. — Онъ безъ пощады бранитъ Бальзака, Жоржъ Зандъ и проч. и — безпрестанно ихъ обкрадываетъ; критикуетъ всѣхъ Русскихъ писателей, отъ Ломоносова до Полеваго включительно, усиливается быть преобразователемъ отечественнаго языка и — сочиняетъ однѣ повѣсти, ниже всякой критики, искажаетъ языкъ нововведеніями, въ которыхъ самъ путается. *) Вліяніе его на Митрофана сильно въ особенности потому, что онъ — товарищъ во всѣхъ безпутствахъ молодаго Простакова и уклоняется отъ серіозной роли наставника, что Митрофану и на руку.

Цыфиркинъ, отставной артиллерійскій капитанъ (60-ти лѣтъ), родственникъ Простаковой. — Изъ любви къ математикѣ, онъ самъ навязывается ей учить Митрофана. — Хотя уроки его обыкновенно ограничиваются однѣми похвалами превосходному курсу, составленному *пищаніемъ штыхъ юнкера Войтхловскаго*; — но Митрофанъ давно бы отказался и отъ этихъ уроковъ, если бы не боялся рассердить старика, который иногда даетъ ему денегъ на лакомство.

Цыфиркинъ добръ и уменъ; своимъ простымъ, но вѣрнымъ взглядомъ иногда

*) Не здобровать Навроцкому отъ Кутейкиныхъ: при первомъ чтеніи — закрываютъ, при первомъ представленіи — зашикаютъ его, если только не побоятся выказать себя Кутейкинцами, П, К,

поставляетъ въ затрудненіе Кутейкина и Митрофана; однако и онъ имѣетъ свои странности, такъ напримѣръ, все бывшее за 30 или 40 лѣтъ назадъ онъ считаетъ совсѣмъ новымъ и въ 60 лѣтъ полагаетъ себя завиднымъ женихомъ, потому что онъ капитанъ и кавалеръ бронзовой медали.

У Простаковой живетъ бѣдная сирота *Софья* (17 лѣтъ), принятая въ домъ Простаковыхъ послѣ смерти ея родителей, бывшихъ некогда благодѣтелями Простаковой, но въ послѣдствіи раззорившихся. — *Софья*, до 14 лѣтъ, воспитана была въ страхъ Божіемъ и видѣла предъ собою образцы семейныхъ добродѣтелей; три года жизни въ домъ Простаковой сдѣлали то, что образование ея осталось недоконченнымъ и если дурной примѣръ Простаковыхъ и ихъ круга не имѣлъ пагубнаго вліянія на характеръ *Софьи*, то это собственно потому, что сѣмена вѣры и добродѣтелей такъ воспроизводительны, что ихъ не можетъ вовсе заглушить никакое терніе и они всегда пробьются сквозь сорныя травы и дадутъ плодъ свой.

Всегдашній гость у Простаковыхъ — *Скотинскій*, помѣщикъ Витебской Губерніи (50 лѣтъ), страстный охотникъ *погивать* и вести процессы. — Онъ ищетъ руки *Софьи*, потому что послѣ ея родителей остался недоконченный процессъ, который онъ надѣется развить и сдѣлать чрезвычайно важнымъ. а для него интереснымъ въ особености потому, что этимъ процессомъ можно разорить противника, сосѣда по деревнямъ *Скотинскаго* и всегдашняго его врага по тяжбамъ. — Между всеми этими лицами, самое отрадное явленіе — *Правдинъ*, (35 лѣтъ), начальникъ отдѣленія въ министерствѣ, человекъ религиозный, основательно образованный. и до изступленія любящій отечество и все родное, Русское. — Съ пылкимъ и нетерпѣливымъ характеромъ, онъ всегда готовъ сказать дерз-

кую правду и тѣмъ пріобрѣтаетъ враговъ. — Онъ страстно любитъ *Софью*, видитъ, что она платитъ ему тѣю же любовію; но все таки хочетъ увѣриться въ ея къ нему расположеніи; дѣлаетъ испытаніе сердцу *Софьи*, но любовь и пылкость характера заставляютъ его прервать испытаніе, при первомъ подозрѣніи въ нерасположеніи къ нему *Софьи*.

2. ВВОДНЫЯ ЛИЦА:

Григорій Остановичъ Коллда, управляющій канцеляріей министра.

Лафиря Павловна, жена его, урожденная *Нерагадинная*.

Надворная Советница *Штокфнишъ*.

Мазурочкинъ, адъютантъ.

Литера А. } нужные люди.
Литера Б. }

№ 1. } вистовыя оцѣры
№ 2. }

Голубчикъ, Департаментскій чиновникъ.

Графъ Усиковъ, прапорщикъ въ отставкѣ.

Мюсикхенгеръ, чиновникъ по особымъ порученіямъ у министра.

Дѣвица 1. }

Дѣвица 0. } кадрилиски.

Дѣвица 00. }

Госпожа 0. }

Госпожа 00. } матери своихъ дочерей.

Тришманъ, портной изъ Вѣны.

Еремьичъ, старый слуга Простаковыхъ.

Аннушка горничная Простаковой.

Курьеръ.

3. ЗАВЯЗКА ПЬЕСЫ.

Завязка пьесы очень проста. — *Софья* получаетъ повѣстку на билетъ въ 50,000 руб. изъ Московскаго опекунскаго совета, а изъ письма полученнаго *Правдинымъ* объясняется, что деньги эти положены на имя *Софьи* крестнымъ ея отцомъ *Стародумовымъ*. — О *Стародумовѣ* всѣ забыли, потому что онъ

былъ очень бѣденъ и уже нѣсколько лѣтъ, не давал о себѣ ни какого извѣстія, живетъ въ Москвѣ, въ отставку, однимъ пенсіономъ. — Въ письмѣ къ Правдину Стародумовъ объявляетъ, что онъ эти 50 т. руб. выигралъ въ Польской лоттерей, но не имѣя никого родныхъ и наследниковъ и привыкши довольствоваться однимъ своимъ пенсіономъ, выигрышъ свой передаетъ своей крестницѣ Софьѣ; но съ тѣмъ условіемъ, что она не можетъ получить эти деньги безъ согласія Правдина, на котораго онъ вполне полагается. — Между тѣмъ, какъ добрая Софья, забывшая огорченія, часто переносимыя ею отъ Простаковой, радуется своимъ деньгамъ собственнo потому, что они даютъ ей возможность помочь Простаковой и заплатить за нее 15 т. руб. по векселю поданному ко взысканію, — Простакова прочитъ ее за Митрофана, который очень радъ случаю *купнуть* на Софьины денюжки; Скотинскій настоятельно требуетъ руки Софьи, обещанной ему Простаковою; даже старикъ Цыфиркинъ лѣзетъ въ женихи, потому что онъ 25 лѣтъ тому назадъ положилъ себѣ правиломъ взять за женою не мѣнѣе 50 т., чтобы не уронить званія капитана и кавалера бронзовой медали.

Необходимость согласія Правдина поставяетъ всѣхъ въ затрудненіе. — Сначала всѣ льстятъ къ Правдину, всѣ стараются выказать ему свои достоинства; Простакова, сама неравнодушная къ Правдину, — кокетничаетъ, и чтобы заставить его имѣть выгодное мнѣніе о Митрофанѣ, просятъ его проэкзаменовать Митрофана, готовящагося въ юнкера и котораго она считаетъ дивомъ учености. — Когда открывается, что Правдинъ самъ ищетъ руки Софьи, всѣ встаютъ противу него: Скотинскій грозитъ ему процессомъ, Кутейкинъ — пашквилью, Митрофанъ — дуэлью, Простакова — очерненіемъ въ глазахъ начальства. — У Простаковой бывають *Пятницы*, экономическая выдумка ино-

странцевъ, сатира на Русское хлѣбосольство. — По пятницамъ собираются къ Простаковой гости, собираются для того, что бы выпить по двѣ чашки холоднаго чая, проходитьъ подь звукъ фортепяно (что называется танцами) посплетничать, повидать людей въ которыхъ имѣють нужду, и по возможности выказать свое ничтожество. — Въ одну изъ такихъ *Пятницъ* Простакова приводитъ въ исполненіе замышленное ею мщеніе Правдину. — Она чернить его въ глазахъ Коляды, управляющаго канцеляріей министра, который и безъ того озлобленъ дерзкою правдою, тутъ же высказанною ему Правдинымъ. — Всѣ гости Простаковой рѣшають, что Правдинъ дурной человекъ, корыстолюбцею, который, пользуясь довѣренностію Стародумова, хочетъ воспользоваться Софьиными деньгами. — Общій говоръ доходитъ и до ушей Правдина; но Правдинъ все терпитъ, онъ знаетъ, что нѣсколько словъ его измѣняютъ всѣ къ нему отношенія и сдѣлають совсѣмъ неожиданную развязку; но онъ не произноситъ этихъ словъ, потому, что хочетъ и *долженъ* видѣть расположеніе и довѣренность къ нему Софьи въ то время, когда всѣ и все противу него. — Волокитство адъютанта Мазурочкина и нѣсколько необдуманннхъ словъ Софьи рѣшають его и довольно! развязка — авторскій секретъ.

ЗА НЕДОРОСЛЕМЪ СЛѢДУЕТЪ

ЭПИЛОГЪ,

ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Цѣль эпилога — высказать послѣдующую судьбу дѣйствовавшихъ въ Недорослѣ лицъ и общественное о нихъ мнѣніе, всегда превратное и всегда приуроченное къ личному самолюбію судящихъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

КАРТИНА I.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПРОСТАКОВА (въ неглиже) *читаетъ счетъ Тришмана*; МИТРОФАНЪ (въ ар-халукъ, причесанъ à la poujik, въ очкахъ съ усами), *развалившись въ креслахъ куритъ сигару*; ЕРЕМЪИЧЪ (въ ливрѣ съ аксель-бантомъ) *стоитъ у десрей.*

ПРОСТАКОВА.

Счетъ огромный. — Еремъичъ, по-проси сюда господина Тришманна.

(*Еремъичъ уходитъ.*)

Нечего сказать, Тришманнъ самый модный портной, за то уже за всякую вещь беретъ вдвое дороже другихъ. — Фаи! доволенъ-ли ты имъ, mon ange? пожалуйста примѣрь и покажи мнѣ твой новый пельто.

МИТРОФАНЪ (*потлгивалсъ въ креслахъ.*)

Ахъ! дайте отдохнуть и съ силами со-браться.

ЯВЛЕНІЕ 2.

ТѢ ЖЕ, ТРИШМАННЪ И ЕРЕМЪИЧЪ.

ПРОСТАКОВА (*Тришманну*).

Monsieur Тришманнъ, пожалуйста сю-да! сколько разъ я говорила вамъ, что вы берете чрезвычайно дорого. Во первыхъ, мой Фаи безпрестанно даетъ вамъ новую работу, а во вторыхъ вы всегда получаете отъ насъ чистыя деньги, отчего же вы берете съ насъ такія ужасныя цѣны?

ТРИШМАННЪ.

Мой тысяшу разъ фамъ каварилъ, мой иностранна портной. — Изволте отдавай Русскимъ.

ПРОСТАКОВА.

Да, развѣ иностранцы непременно должны брать дороже Русскихъ?

ТРИШМАННЪ.

Да Русска портной дѣлать по Русска, а мой по иностранна.

ПРОСТАКОВА.

Противъ этого и говорить нечего. Впрочемъ, вы Нѣмецъ, другой Французъ, третій Англичанинъ; а вѣдь работають-то у васъ все Русскіе.

ТРИШМАННЪ.

Ваша говорить правдъ; абер мой прошиваетъ десять тысящъ, а Русска портной можно кушать шѣрна кльбъ съ квасъ.

МИТРОФАНЪ (*Тришману*).

Не безпокойтесь, *самъ* заплатятъ. (*Простаковой*) Полно шатап, ты (*) опять начинаешь спорить. — Тришманнъ славно шветъ; пожалуйста оставь его въ покоѣ, *де ерасъ лессе лѣ анъ репо!* (de grace, laissez le en repos).

ЕРЕМЪИЧЪ.

Баринъ правду говорить: и *Тарасъ Елисейевъ въ препорцію* пьетъ, а беретъ то вдвое подешевле.

ПРОСТАКОВА.

Молчи Еремъичъ, — не стыди насъ при господинѣ Тришманѣ. — Вотъ какovy наши Русскіе слуги: только и знаютъ Русскую рѣчь, не смыслятъ разобрать Французскую. — (*Тришманну*) какъ вамъ угодно, а я такъ дорого не дамъ; хоть заводите процессъ.....!

*) Новые *Недоросли* родителямъ своимъ, а также Русскому купечеству, говорятъ *ты*; а всѣмъ Французамъ, Нѣмцамъ, пор-тунымъ и сапожникамъ, *вы!*

ДВАНІЕ 3.

Тъ же и Скотинскій.

Процессъ? . . . съ кѣмъ? — за что? Нѣтъ, панни Простакова, теразъ мы мусимъ заняться нашимъ дѣломъ, а потомъ, я помогу вамъ въ какомъ хотите процессъ. Але-жь не будь я Скотинскій, жели не выиграю вишнего процесса. — Да что же за казусъ случился у васъ пани Простакова? *)

Простакова:

Да вотъ, помѣицъ Скотинскій, судите сами: каковъ этотъ счетъ?

Скотинскій (*разсматривая счетъ.*)

Зоставленъ якъ слѣдуе.

Простакова.

Да слѣдуетъ-ли по немъ все заплачивать?

Скотинскій.

А то-же есть лишнее. — Я и по настоящимъ векселямъ ни не плачивалъ, да еще мнѣ же кредиторы мои плачивали, только бѣ я закончилъ процессъ. . . . (*хочетъ.*)

Простакова (*Тришманку.*)

Очень хорошо, вы получите это слѣдуетъ. (*Тришманку уходитъ.*)

Простакова (*Еремьичу.*)

Поди Еремьичъ, приготовь Фанъ одѣваться. Онъ верно пойдетъ на Невскій.

Еремьичъ.

Онъ и такъ, сударыня, всю ночь проходилъ подъ окнами вашей Аннушки.

*) Читатель не забудетъ сказаннаго въ „очеркѣ комедіи“, что Скотинскій не Польша, а помѣщикъ Витебской губерніи; весьма натурально, что ему знакомъ русскій языкъ, но по привычкѣ, онъ безпрестано сбивается на смѣсь Варшавскаго съ Петербургскимъ.

Простакова.

А тебѣ какое дѣло?

Еремьичъ.

Какъ не дѣло, сударыня? вѣдь на Митрофана Герентьевича уже двѣ ваши дѣвушки плачутся.

Простакова.

А тебѣ жаль третьей? (Скотинскому) Вотъ что значить *крѣпостной* человекъ: нѣтъ ни какого усердія къ барину.

Еремьичъ.

Богъ съ нимъ, сударыня! — Вѣдь я для него же говорю. Пробродилъ всю ночь, легъ на разсвѣтъ, а потомъ до самаго полдня былъ въ бреду.

Простакова.

Ахъ, Боже мой! что съ тобою было, Фаня?

Митрофанъ.

Было что?.. порывъ, смятеніе, и холодность, и восторгъ, и отпоръ, и увлеченіе, смѣхъ, и слезы, и самъ чортъ.

Еремьичъ (*крестится.*)

Съ нами крестная сила!

Митрофанъ (*продолжая.*)

Пыль полуденнаго лѣта,
Урагана красота,
Иступленнаго поэта
Безпокойная мечта.

Скотинскій.

О тожъ все зъ печатнаго! а прошу повѣдать, что-жь то зъ вами было?

Митрофанъ (*вздыхая.*)

Что прибыли, monsieur, предъ вами зашираться.

Я все перескажу

Сначала видѣлъ я прелестный сонъ:
Вотъ во снѣ, какъ на лву,
Я витаю въ черномъ цвѣтѣ,
Чернымъ пламенемъ живу.

Еремьичъ (*крестясь.*)

Съ нами крестная сила!

Митрофанъ.

Предо мною, все простерто —
Глазъ Адели черна ночь.
Вотъ смотрю ей долго съ очю
Взоромъ въ мракъ ихъ тоню,

Глубже, глубже — тамъ одну
вижу искру въ безднѣ ночи.

Простакова.

Послушай Фаня, я тутъ ничего не
понимаю. Давеча ты говорилъ что-то
про смѣхъ и про чорта.

Митрофанъ.

Смѣхъ и слезы, и самъ чертъ!

А, да, это послѣ. — Вотъ я (проти-
раетъ очки) какъ теперъ вижу *тебя*
tata будто ты любез-
ничаешь съ Правдинымъ, а Правдинъ
хочетъ обнять тебя.

Простакова (*жеманясь*).

Какой ты, Фаня!

Митрофанъ.

А покойникъ *рара* будто еще живъ,
— и мнѣ такъ досадно было!

Простакова (*въ смущеніи*).

На кого же досадно, Фаня?

Митрофанъ.

На *рара*, который помѣшалъ тебѣ
обниматься съ Правдинымъ.

Простакова.

Обойми меня, топ анге! . — (Ско-
тинскому) у моего Фани прекрасное
сердце.

Скотинскій

Только-жъ онъ сегодня *въ серцѣ*.

Митрофанъ

Нѣтъ, я не сержусь; а такъ, не мно-
го разстроень . . .

Мнѣ душно здѣсь,
я въ дѣсь хочу!

Простакова

Не полвчиться-ли тебѣ Гомеопатією?

Митрофанъ

Покорнѣйшій слуга,
Мнѣ жизнь моя всегда,
казалась дорога.

Простакова

Ну, такъ прибѣгни къ Гидропатіи.

Митрофанъ

Я не употрѣблю воды, лучше я по-
ѣду въ Павловское; сегодня тамъ по-
ють цыгане, такъ можетъ быть я раз-
влекусь немного.

Простакова

Въ самомъ дѣлѣ — поезжай, раз-
влекись немного.

(*Митрофанъ и Еремьгиъ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Простакова и Скотинскій

Простакова

Хорошо, что вы пожаловали: сего-
дня же объявлю Софѣ о вашемъ
предложеніи. — Я не забочусь о ея
согласіи: въ ея лѣтахъ и положеніи
пора понимать, что бѣдной дѣвуш-
кѣ не прилично быть разборчивой на
жениховъ. Да и какаго ей жениха
еще! . . . (*Скотинскій охорашивается*)
впрочемъ въ согласіи Софѣ нѣтъ и
надобности большой: я спрошу ее толь-
ко для формы, а изъ моей воли она
выйти не можетъ круглая сирота,
изъ милости взята мною, и вотъ
уже три года у меня въ домѣ.

Скотинскій.

Запевно въ тягость вамъ, панни Про-
стакова?

Простакова

Не скажу, чтобы въ тягость; — ро-
дители ея были моими благодѣтелями;
однако сами согласитесь, monsieur Ско-
тинскій, нынче время дорогое, лажа
нѣтъ, всякой лишній разходъ счетъ со-
ставляетъ, а притомъ вовсе не интерес-
но смотрѣть, какъ всѣ занимаютъ
только Софѣю, прѣзжаютъ только для
Софѣи я, вы знаете, не самолю-
бива, но согласитесь, всякой хозяйкѣ
дома пріятно самой быть предметомъ
общаго вниманія. (*Оправляется*.)

Скотинскій

Справедливѣйше, панни Простакова!

Простакова

Софѣя такъ умна, что она вѣрно все
это хорошо понимаетъ, и вы можете дѣло
это считать оконченнымъ; нынѣшній же
мѣсяцъ мы сыиграемъ вашу свадьбу. Толь-
ко признаюсь вамъ, я очень опасуюсь за
ея характеръ: до 14-ти лѣтъ она про-
жила у отца, и ей внушили такіа стра-

ныя, такіа смѣшныя правила, что она и до сихъ поръ *выглядитъ* какою-то монастыркою.

Скотинскій

Ниць не значить, панни Простакова; а лежь закончанъ-ли процессъ съ паномъ Костичемъ?

Простакова

Несчастный процессъ съ вашимъ со-сѣдомъ и всегдашнимъ врагомъ г. Кости-чемъ только и остался въ наследство Софьѣ, и вотъ уже три года нѣтъ ни-какого по немъ движенія.

Скотинскій *(потиралъ руки)*

Добрже, добрже, отождь намъ и потр-шебно.

Простакова

Такъ вы считаете очень важнымъ этотъ процессъ?

Скотинскій

Ниць не важно, а лежь мы зроби-мъ важно, и пана Костица *(показы-ваетъ ногою, что онъ его раздавитъ.)* Прощу-жь повѣдаць панни Софьѣ она-шемъ дѣль.

Простакова

Я сейчасъ же объяснюсь съ нею. *(звонитъ . . . входитъ Еремпычъ.)*

Простакова. *(Еремпычу)*

Позови сюда Софью Александровну.

(Еремпычъ уходитъ)

Скотинскій.

А цожъ будемъ робиць, жели панни Софьѣ откаже? Свода Зако-новъ, Тома

Простакова. *(перерывалъ его)*

Сводъ законовъ для Софьи—моя воля.

ЯВЛЕНИЕ 5.

Тѣ же и Софья.

Софья. *(вбгая съ дѣт-ского рывостію)*

Вы меня звали, маменька!

Простакова. *(нѣжно)*

Да, мой другъ, мнѣ нужно говорить съ тобою . . . Сей часъ мы съ Казиміромъ Станиславичемъ обдумывали какъ бы устроить твое счастье.

Софья. *(присѣдала пе-редъ Скотинскимъ.)*

Покорно благодарно!

Простакова.

Да, и я не менѣ тебя благодарна ему. Въ твои лѣта, въ твои положенія, пора думать и о томъ, какъ-бы пристроить себя. Благодарни судьбу: отнынѣ ты будешь имѣть покровителемъ и руководителемъ въ жизни почтеннаго и любезнаго Казиміра Станиславича!

(Скотинскій раскланивается)

Софья. *(веселымъ ви-домъ, присѣдала передъ Скотинскимъ)*

Много милости! *(Простаковой)* еще что вамъ угодно было сказать?

Простакова. *(съ недоуль-пніемъ)*

Какъ что? . . . Развѣ мало того, что отнынѣ участь твоя связана съ жизнію господина Скотинскаго?

Софья. *(шутливо)*

Стало быть вмѣстѣ съ жизнію его кончится и моя? у! какъ страшно! я не хочу такъ скоро умирать.

(Скотинскій съ досады нагибаетъ жохать табакъ.)

Простакова. *(серьозно.)*

Ежели ты не хочешь понимать меня, то я скажу тебѣ просто: Казиміръ Станиславичъ, просилъ руки твоей, я согласна, и — съ этой же минуты долж-на ты считать себя его невѣстою.

Софья. *(хочетъ)*

Ха! ха! ха! ха! какія же вы шутяницы, маменька!

(Скотинскій грызетъ съ до-сады ногти.)

Простакова. *(строго)*

Прощу оставить *вашъ* смѣхъ! Я обещала *вашу* руку господину Скотинскому, следовательно это дѣло рѣшеное.

(Софья съ недоульпніемъ сло-титъ то на Скотинскаго, то на Простакову.)

Софья.

Вы говорите так серьезно, как будто это и въ самомъ дѣлѣ возможно.

Скотинскій.

А для чѣго-жъ не возможно? . . .

Софья (*охоро и съ увлеченіемъ*)

Но *счастью* не возможно: вы ровно втрое старше меня; я начну жить тогда вы перестанете; наши привычки, нашъ образъ мыслей, наши склонности, желанія, совершенно противоположны, сколько отъ разницы въ лѣтахъ, столько же и отъ природы; батюшка завѣщалъ мнѣ никогда не лгать, и я скажу вамъ прямо: что я васъ не люблю, и не вѣрю, чтобы и вы могли любить меня искренно; следовательно, мы оба будемъ несчастны. (Простаковой) можно мнѣ идти въ лѣтній садъ?

(Простакова и Скотинскій въ недоумѣніи. — Минута молчанія.)

Простакова. (*одралась отъ олуцненія*)

Ты разсуждаешь какъ романтическая героиня. — Видишь, какими нутлками набили твою голову! . . . Къ счастью твоему, Казиміръ Станиславичъ столько благоразуменъ, что вѣрно проститъ твою дерзость, навинная тебя молодостию и незнаніемъ свѣта.

Скотинскій.

(*Кланяется Простаковой и хочетъ поцѣловатьъ руку у Софьи, но Софья отнимаетъ руку.*)

Простакова.

Свѣтъ совѣтъ не таковъ, какъ описываютъ его въ романахъ. — Въ свѣтъ нужные всего: званіе и—деньги; человекъ чиновный, основательный, богатый, какъ подпіеиѣ Скотинскій, такая лестная партія, какой могутъ дозавидовать дворянны имѣющія и свое состояніе, а твой отецъ раззорился на нищихъ, на пустые проекты, на глупцы

Часть VI. Гл. II.

Софья. (*перерываетъ Простакову*)
Остановитесь! я выслушаю все, кромѣ оскорбленія памяти моего отца.

Простакова.

Твой отецъ былъ сумазбродъ. . . .

Софья.

Маменька — три года я называла васъ этимъ именемъ, — вы заставляете меня напомнить вамъ, что отецъ мой былъ вашимъ благодѣтелемъ.

Скотинскій (*Софья*).

И для тѣго вамъ можно zostaць для насни Простаковой въ тягость?

Софья (*пораженная послѣднимъ словомъ*).

Въ тягость? . . . въ тягость? . . . (Простаковой) Ради Бога, маменька, скажите, точно я отягощаю васъ собою?

Простакова.

Я этого не говорю; но признаю, положеніе мое стацовится затруднительнымъ; состояніе разстроено, и если Зацѣпнѣнъ подасть ко взысканію мой просроченный вексель въ 15 тысячъ, то и малѣйшій лишній расходъ будетъ для меня въ тягость.

Софья (*рѣшительно*).

Прощайте, маменька!

Простакова.

Что это значить?

Скотинскій.

Что то есть?

Софья.

Пойду снискивать себѣ хлѣбъ трудами!

Простакова (*въ испугѣ*).

Постой, безумная! . . . Боже мой! что стануть говорить въ свѣтъ? пожалуй провозгласятъ, что я обращаюсь съ тобою жестоко, что я притѣсняла тебя, что я. о! нѣтъ, нѣтъ, оставимъ это, ты не такъ поняла меня; твое время еще не ушло, ты еще молода. еще много времени подумать

ЯВЛЕНИЕ 6.

Тъ же и Дъвица $\frac{1}{2}$ (*съ полнама одъ-
нии дла верховой вѣды съ
хлыстикоми въ руки*).

Дъвица $\frac{1}{2}$.

Bon jour, M-me!... bon jour, M-r!...
(цѣлуя Софью) ah, Sophie, bon jour! не
хочешь-ли кататься вмѣстѣ со мною: я
ведѣла и дла тебя привести верховую
лошадь.

Софья.

Благодарю. — Дъвухъ моего состо-
янія совсѣмъ не кстати наряжаться въ
полу-мужскую одежду и рыцарствовать
на конѣ: это все равно, что мужчинъ
надѣть чепчикъ и състь за самопрялку...

Дъвица $\frac{1}{2}$.

Ты мизантропка, Sophie, ужъ я знаю
тебя. — А право, я совѣтую попробо-
вать прокатиться: въ верховой вѣдѣ дла
далея есть еще особенное удовольствіе.

Софья.

Я его не испытала, и потому не могу
судить о немъ, и даже не знаю, прилич-
но ли мнѣ это особенное удовольствіе.

Дъвица $\frac{1}{2}$.

Ну, съ тобою не сговоришь..... (вы-
нимаетъ изъ футляррика депъ сига-
ры и предлагаетъ одну Софью) Не хо-
чешь ли попробовать? — самый легкой
vaudeville. (Софья дѣлаетъ знакъ отри-
цанія)... Можетъ быть ты куришь однѣ
только пахитосски?... Дачто ты сегодня
такъ важничаешь?... что это значить?...

Скотинскій (который отъ на-
чала сего вѣленія ходилъ по
сценѣ и что-то обдумывалъ).

А значе то, что пани Софья выхо-
дитъ за мужъ.

(Простакова хотеть гово-
рить, но Скотинскій зна-
лами показываеъ ей, чтобы
она не противорѣчила ему).

Дъвица $\frac{1}{2}$.

За мужъ?... (обнимая Софью) Раувге
Sophie! вѣрно что нибудь этакое.... по
любви.... вѣчныя оковы....

Софья.

Не вѣрь, Полина, ничего не бывало.

Скотинскій.

То есть секретъ: только пани Шток-
финшъ о немъ знае.

Дъвица $\frac{1}{2}$.

Ну, если знаетъ М-me Штокфиншъ,
такъ знаетъ и весь Петербургъ; — ста-
ло быть это не секретъ. А ргоров, кто
женихъ?

Скотинскій (*расклакивался*).

Падамъ до ногъ!...

Дъвица $\frac{1}{2}$.

Вы?... (Софья) Поздравляю, ma chere!
какая ты счастливица; пожилой мужъ!
да это прелесть! у тебя будетъ толпа
обожателей, полная свобода... прелесть,
прелесть!... а я ужъ боялась, что какой
нибудъ молодой влюбленный мужъ, вѣч-
ная безотвязная любовь... вѣчныя оковы...

Софья.

Говорю тебѣ, это не правда, и ни-
когда не состоится.

Дъвица $\frac{1}{2}$.

Finissez donc! Какъ можетъ не со-
стояться, когда о томъ уже знаетъ
весь Петербургъ? — Qu'en diga-t-on?
Тогда ни тебѣ, ни твоей теткѣ нель-
зя будетъ въ люди показаться. — Что
ты такъ смотришь на меня!... да!
да, тогда репутація твоя навсегда по-
теряна; да, да!

Софья (*пораженная словами
Дъвицы $\frac{1}{2}$ съ видомъ безу-
мія повторляетъ*).

Да! да!

Дъвица $\frac{1}{2}$.

Bon jour! — Постараюсь рассказать
всѣмъ эту новость: не ловко же бу-
детъ, если узнаютъ ее отъ М-me Шток-
финшъ ранѣе, нежели отъ меня, кото-
рая всегда была твоею bonne amie. . .

Софья (*съ забвеніемъ*).

Да! да! (*падаетъ съ кресла*).

Дъвица $\frac{1}{2}$.

Bon jour! (*убѣгаетъ*).

Простакова.

Что вы надѣлали, monsieur Скотинскій?
Скотинскій.

Юшъ закончаво! . . . сказано: да, да!

А собственное сознание, на основании
Свода Законовъ, тома. . . .

ПРОСТАКОВА.

Боже мой! она, кажется, въ безпа-
мятствѣ!

СКОТИНСКІЙ (*беретъ Про-
стакову подѣ руку
и насильно увлека-
етъ изъ комна-
ты.*)

Добрже, добрже; нехъ себѣ пораз-
думае; а я вамъ чтось сказаць вамъ....
(*уводитъ Простакову.*)

ПРОСТАКОВА (*за дверями*)

Аннушка, Аннушка! Ступай скорѣй
къ Софѣ! . . .

ЯВЛЕНІЕ 7.

Софья и Аннушка.

(*Аннушка хлопочетъ около Софьи,
даецъ ей похатъ спиртъ, третъ ви-
ски и распускаетъ платье.*)

Софья (*приходя въ
чувство, повторлетъ
последнія свои слова.*)

Да! да! . . .

(*Рветъ цыпочку на шеть; вистпыйй
на цыпочкѣ медальонъ падаетъ на
полъ, раскрывается, и при этомъ вы-
падаетъ изъ него записка*)

Софья (*пробужденная
стучкомъ паденія
медальона.*)

Ахъ! . . . батюшкинъ портретъ!
(*схватываетъ медальонъ и цылуетъ его*)
Батюшка! . . не оставь меня!

Аннушка (*поднимал за-
писку.*)

Изъ медальона выпала записка.

Софья.

Записка? . . . (*схватывая записку*) по-
дай, дай ея! . . . ахъ, безцвнннй бату-
шка! . . . умирая, далъ мнѣ эту записку и
сказалъ, какое-бы ни случилось со мною
несчастье — я всегда найду въ этой
запискѣ самое верное и даже един-
ственное средство къ спасенію! . . . (*раз-
печатываетъ записку.*) Теперь настало
время для этого средства! . . . (*читаетъ:*)
молись! . . . (*падаетъ на колена*) Го-
споди! да будетъ воля Твоя! . . .

(*Аннушка утираетъ слезы. Зана-
тись падаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 8.

2-я КАРТИНА 1-ГО ДѢЙСТВІЯ.

Комната Митрофана.

Въ одной сторонѣ огромный станокъ
со множествомъ чубуковъ à la Sultane, à la
George Sand и проч.; въ другой сторонѣ
станокъ съ различными тростями à la Bal-
zac, à la Cromwell и проч.; на письменномъ
столѣ, между множествомъ романовъ, жур-
наловъ, флакончиковъ съ духами, бюстъ
Наполеона; на другомъ столѣ бюстъ
Тальони; на окнѣ еще бюстъ Тальони
на одной стѣнѣ портретъ Тальони, на
другой стѣнѣ еще портретъ Тальони. —
Митрофанъ сидитъ въ креслахъ назы-
ваемыхъ Финляндскими и качается въ
нихъ, какъ въ люлькѣ; передъ нимъ
стоитъ клятка съ попугаемъ, котораго
онъ дразнить рукою; въ другой рукѣ
книжка. — Еремьичъ повязываетъ Митро-
фану огромный галстухъ, стараясь уло-
вить минуту, удобную во время кача-
нія Митрофана.

Еремьичъ

Да не извольте же качаться, этакъ я
никогда не одѣну васъ.

МИТРОФАНЪ (*п. одолжала
качаться, поетъ.*)

Lorsque le champagne
Fait, en s'échappant,

Pan! pan!

Ce doux bruit me gagne . . .

(*При послѣднихъ словахъ входитъ
Правдинъ*)

ПРАВДИНЪ

Здравствуйте Простаковъ! что вы по-
дѣлываете?

МИТРОФАНЪ (*продолжая
качаться въ креслахъ.*)

Какъ видите, хотѣлъ дочитать новый
романъ Поль де Кока — чудо! — какія
сцены! . . . Сколько художественнаго ма-
стерства! . . . Особенно сцена любовнаго
сваденія — прелесть! chef-d'œuvre! —
да не успѣлъ: моротилсъ со двора.

ПРАВДИНЪ

Вижу, что вы очень торопитесь, и
вѣрно за дѣломъ?

МИТРОФАНЪ.

Да, я отправляюсь въ Павловское. — Впрочемъ еще прежде зайду къ Кампини навѣдаться, какъ идетъ работа по моему проэкту.

Правдинъ

По вашему проекту? . . . это должно быть очень интересно!

МИТРОФАНЪ

Да, я сдѣлалъ проектъ, чудный, превосходный, гениальный проектъ! . . . Я пожалуй открою вамъ его, только чуръ! не проговориться ни слова, никому, чтобы кто нибудь не предупредилъ меня.

Правдинъ

Будьте увѣрены въ моей скромности; но прежде позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ вашему человеку (Еремьигу) пожалуйста братецъ, доложи барынь, что я имѣю крайнюю нужду видѣться съ нею.

(Еремьигъ уходитъ)

(Митрофану). — Теперь я готовъ слушать васъ.

МИТРОФАНЪ

Я представляю себѣ отчаяніе Верхолетова, Прыжкова и Дудочкина; да что я говорю? весь Петербургъ съ ума сойдетъ отъ моей выдумки Вообразите: я заказалъ Кампини сдѣлать колоссальный бюстъ Тальони!

Правдинъ

Вѣдь у васъ уже есть два бюста ея.

МИТРОФАНЪ

Е! эти ужъ слишкомъ обыкновенны; въ великой ихъ имѣть, а я заказалъ бюстъ въ колоссальныхъ размѣрахъ. — Представьте себѣ: несоразмѣрная, божественная, волшебница Тальони, во весь ростъ, одною ногою на колесѣ самопривала, стоять, вотъ въ такой позѣ (статюетка въ позѣ à la Talloni) прѣлестъ! чудо!

Правдинъ

А есть ли у васъ бюстъ Петра Великаго?

МИТРОФАНЪ

Петра Великаго? . . . да . . . но . . . помилуйте, къ какой же стати, развѣ я археологъ? . . .

Попугай

Дурракъ! ду-р-р-р-акъ!

МИТРОФАНЪ

Попка, молчать! (Правдину) славная птица! драгоценная птица! я два мѣсяца упрашивалъ Дудочкина продать мнѣ ее, а когда Дудочкинъ согласился, представьте себѣ мое несчастье, тогда у меня не было денегъ; я туда, сюда нѣтъ денегъ! я уже приходилъ въ отчаяніе, какъ вдругъ, къ счастью моему, въ запасныхъ магазинахъ въ деревнѣ было сколько-то четвертей хлѣбъ по боку! и попка мой!

Попугай

Дурракъ! ду-р-р-р-акъ!

ЯВЛЕНИЕ 9.

Тѣ же, Простакова и Скотинскій.

Простакова

Здравствуйте, Сергій Петровичъ! извините, что я заставила васъ ждать. — Мнѣ нужно было кое-о-чемъ переговорить съ помещикомъ Скотинскимъ.

Правдинъ

Я торопился сообщить вамъ о такомъ обстоятельстве, которое верно васъ порадуетъ, потому, что дѣло идетъ о счастливой перемѣнѣ судьбы Софьи Александровны.

Простакова (въ слезахъ).

Я думаю, вы немножко опоздали: участь Софьи уже рѣшена.

Скотинскій

Юшъ!

Правдинъ (съ горячностью).

Что вы хотите этимъ сказать?

Простакова

Это уже не секретъ. — (Звонитъ. Входитъ Еремьигъ) Зови сюда барыньку*)

*) Особая черта госпожи Простаковой — приглашать благочестивую дѣву въ комнату холостого мужа.

(Еремичъ уходитъ. — Правдинъ съ до-
сдаго озираетъ кругомъ комнату Ми-
трофана, но видя что все въ порядкѣ
успокоивается.)

ПРОСТАКОВА.

Софья сама скажетъ вамъ, что буду-
щій распорядитель судьбы ея! — вотъ!
(показываетъ на Скотинскаго).

Правдинъ (запальчиво).

Скотинскій? . . . Нѣтъ, это не воз-
можно!

Скотинскій

А якъ же не возможно?

Правдинъ

Я вамъ говорю, этому не бывать!

ЯВЛЕНИЕ 10.

Тъ же и Софья (въ замѣтномъ вол-
неніи, входитъ, держа почтовую по-
стъску и не замѣчая Правдина.)

Софья (подбѣгая къ Про-
стаковой)

Маменька, маменька!

Простакова

Что это значить Софья? ты
такъ взволнована что за тра-
гедія?

Софья (подавая ей по-
стъску)

Посмотрите, посмотрите!

Простакова

Что это? (читаетъ) Въ
Санктпетербургскомъ Почтамтѣ полу-
ченъ на имя Софьи Александровны Да-
шиной билетъ Московскаго Опекунскаго
Совѣта въ пятьдесятъ тысячъ рублей!!
(Скотинскій и Митрофанъ подбѣ-
гаютъ къ Простаковой, оглядываются
въ постьску; при семъ случаетъ Ми-
трофанъ сдергиваетъ съ себя очки,
чтобы лучше видѣть).

Скотинскій

Пентдесонтъ тысонць!

Митрофанъ

Cinquante mille roubles!

Простакова

Пять де . . . сять . . . ты сять!

Часть VI. Гл. II.

Простакова (встава съ кресла)

ВМЕСТѢ { Пять . . . де . . . сять ты . . . сять!
МИТРОФАНЪ
Чертъ возьми! да это ровно на
триста дюжинъ шампанскаго!
СКОТИНСКІЙ (схватываетъ
и цѣлуетъ руку Софьи)
Вздѣншна Софья!

Простакова (вскочивъ съ
кресель, становится между Скотин-
скимъ и Софьею)

Это что, monsieur Скотинскій? . .
что за вольности? . . (обнимая Софью)
поздравляю, mon ange! да откуда
такое счастье?

Софья (съ грустными видомъ)
Счастье? ахъ! нѣтъ, мамень-
ка, я совсѣмъ не желала-бы этого
счастья.

Простакова

ВМЕСТѢ { Какъ такъ?
СКОТИНСКІЙ
{ Что то есть?

Софья

Вы знаете, у меня нѣтъ род-
ныхъ, кромѣ дядюшки Ивана Ильича
Горюнова; если это наследство послѣ
него, то Богъ съ нимъ!
я не желала-бы . . .

Простакова

Э, Соня! что за филантропія; грустить
о смерти дяди, котораго никогда въ
глаза не видала.

Скотинскій

И ктурый мѣсь пентдесонтъ тысонць!

Софья

Родныхъ можно любить и не выдав-
ши; — но можно-ли безъ грусти по-
думать о судьбѣ несчастнаго Горюнова:
двадцать лѣтъ онъ провелъ въ горѣ и
бѣдности, ведя процессъ съ своимъ
родственникомъ Г. Пршеракальскимъ,
который его ограбилъ и двадцать лѣтъ
пользовался его имѣніемъ; нѣсколько
мѣсяцевъ тому назадъ смерть Пршера-
кальскаго ускорила окончаніе процесса,
но бѣдный Горюновъ, послѣ двадцати-
лѣтняго страданія, не успѣвъ воспользо-

ваться спокойною жизнью, доставляемою избыткомъ.

Правдинъ (*который во все продолженіе этого леленія стоялъ въ сторонѣ, не замѣченный Софьею*).

Ропотъ на Провидѣніе грѣхъ!

Софья.

Ахъ! Сергій Петровичъ, извините я не замѣтила васъ.

Правдинъ

Вы напрасно ропщете, и Горюновъ и Пршеракальскій найдутъ свою мзду въ будущей жизни.

Софья

(*Беретъ руку Пrawdина*) Ваша правда! но — простите слабости женскаго сердца—не могу подавить грустное чувство.

Правдинъ

На этотъ разъ можете быть спокойны: ващъ дядюшка не умиралъ.

Простакова

Какъ не умиралъ? помилуйте Сергій Петровичъ, а эти пятьдесятъ тысячъ, шутка, что-ли?..

Правдинъ (*вынимаетъ изъ кармана письмо*).

Это письмо все объяснить вамъ. — Помните-ли Стародумова?

Софья

Моего крестнаго папеньку?.. (*негально*) какъ, не ужели и онъ

Простакова

Полноте, полноте, у Стародумова отъ роду не было и не могло быть пятидесяти тысячъ; да и вѣрно онъ уже давно приказалъ долго жить: нѣсколько лѣтъ не было о немъ никакого извѣстія.

Правдинъ

Имѣйте терпѣніе выслушать письмо Стародумова. — (*читаетъ*) «Любезный другъ Сергій Петровичъ! Богу угодно было явить на мнѣ свою милость: я выигралъ въ Польской лоттерей 200 тысячъ золотыхъ, то есть около ста тысячъ рублей. — Я уже старъ, мнѣ не долго остается жить и я привыкъ до-

вольствоваться мощью пенсіонатъ, а какъ у меня вѣтъ родныхъ и законныхъ наследниковъ, то я рѣшился всю выигранную мною сумму употребить на добро ближнему. — На первый случай я положилъ въ Московскій Опекунскій Советъ 50 т. руб. на имя моей крестницы Софьи Дашинвой

Простакова (*бросается обнимать Софью*).

Милая Соничка!

Скотинскій

Отожь сценсцье!

Митрофанъ

Comme de raison! у него остается еще на триста дюжинъ, на его вѣкъ хватить.

Правдинъ

Позвольте дочитать. — «Остальныя пятьдесятъ тысячъ въ послѣдствіи времени

Простакова (*перерываетъ его*).

Ужъ конечно достанутся Софьѣ же, только надо будетъ подождать смерти Стародумова.

Правдинъ (*читаетъ*)

«Въ послѣдствіи времени раздѣлю нищей братіи.

Софья

Добрый папенька!
Митрофанъ
Comme c'est bête!
Простакова
Какой безсовѣстный!
Скотинскій
(*Только махнулъ рукою*).

Правдинъ

Позвольте дочесть остальное.

Митрофанъ

Если остальныя пятьдесятъ тысячъ розданы, такъ дальше и читать нечего.
Скотинскій (*Митрофану*).

Почекайте, може ту ещѣ казусъ Простакова

Полноте, монзieur Скотинскій, хуже этого казуса быть не можетъ. Прошу покорно: *отнять* у своей крестницы остальныя 50 т. руб. чтобы отдать ихъ нищимъ! ужъ настоящій Стародумъ.

Правдинъ (*читаетъ*).
«Я слыхалъ, что у васъ въ Петербур-
гѣ на каждую невѣсту приходится до
12 жениховъ, такъ весьма вѣроятно,
что для невѣсты съ пятидесятью тыся-
чами приданого, найдется и 120 жени-
ховъ, которые будутъ искать не жену,
а деньги»

Простакова (*Скотинскому*).
Прошу прислушаться.

Правдинъ (*читаетъ*).
«Такимъ образомъ, часто неопытныя
дѣвушки цѣною хорошаго приданого
покупаютъ себѣ несчастье; а какъ я
назначилъ Софьѣ 50 т. руб. съ чистымъ
желаніемъ ей добра, то и счелъ нуж-
нымъ волю ея оградить волею надеж-
наго и опытнаго человѣка.»

Скотинскій (*прерываетъ*).
Ктурый могъ-бы зъ тѣхъ пентдесонть
тысонць зробиць еще пентдесонть.

Простакова
Конечно, Софья должна руководиться
волею той, которая три года заступала
ей мѣсто матери.

Правдинъ (*читаетъ*).
«Почему, при положеніи 50.000 въ
Опекунскій Советъ, я включилъ усло-
віе, чтобы Софья Дашина не могла по-
лучить тѣхъ денегъ, безъ согласія Кол-
лежскаго Ассесора Правдина»

Всѣ, *кромя Правдина*.
Правдина!!

Правдинъ
Такова воля Г. Стародумова. — Я
лщущу себя надеждою, что оправдаю его
дѣвѣренность.

Простакова (*съ досадю*).
Это мнѣ нравится! . . . это очень ми-
ло! . . . я . . . (*одумавшись, обращается*

къ Правдину) Выборъ Стародумова дѣ-
лаетъ честь его принципиальности;
(*можно*) если бы дѣло шло о счастіи
всей моей жизни, я бы избрала васъ
моимъ руководителемъ.

Правдинъ
Благодарю (*Скотинскому*) те-
перь для васъ ясны мои давнишнія сло-
ва.

Скотинскій (*въ сторону*).
Нехъ ценъ вшищи дѣябли везмо!
Простакова (*беретъ за
руку Правдина и Митрофана*)
Сергѣй Петровичъ, поидемте въ мой
кабинетъ, мнѣ нужно съ вами перего-
ворить; и ты Фаня ступай съ нами;
(*Софья*) Sophie, прикажи объявлять
всѣмъ что меня нѣтъ дома.

*Софья уходитъ прежде, поможе
Простакова уходитъ съ собою Прав-
дина и Митрофана.*

Скотинскій (*видя что всѣ
отъ него уходятъ*).
Цо то есть, ланни Простакова?
добрже, у васъ бендзе процесъ! . . .
(*бросается за Простаковою и ро-
ляетъ со стола бюстѣ Тальони*).

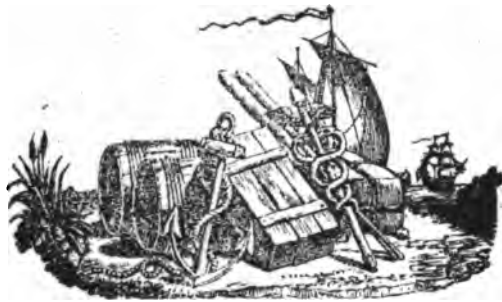
Митрофанъ
Ахъ моя Тальони! . . . (*хочетъ во-
ротиться, но Простакова насиль-
но увлекаетъ его*).

Скотинскій
Процессъ!
Митрофанъ (*за дверьми*)

Моя Тальони!!
Скотинскій (*убѣгал*).
Процессъ!

Попугай
Попенькѣ каша!
СЕРГѢЙ НАВРОЦКОИ.

КОНЕЦЪ I-ГО ДѢЙСТВІЯ.

МАТЕРІАЛЫ.

ПРЕБЫВАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ПЕРВАГО ВЪ ПАРИЖѢ.

Есть предметы, о которыхъ *глаголютъ не насговорившись*; есть люди, о которыхъ и малѣйшія подробности драгоценны. Таковъ былъ нашъ Великій Петръ, мужъ възковъ, честь и слава Россіи. Ни о комъ не писано *такъ много и такъ мало*: множество авторовъ повѣствуя о немъ вступили перья свои, а публика все еще прислушивается, не скажутъ ли чего новаго? . . .

Недавно попалось намъ старинное, довольно рѣдкое собраніе писемъ Г-жи Дюнуайе, изданное въ 1740 году, уже послѣ ея смерти *). Жизнь этой при-

*) *Lettres historiques et galantes par Mademoiselle Du Nouvray (Paris et Avignon MDCCXL).* Въ Главо III.

мѣчательной женщины — настоящій романъ. Она принадлежала къ одной именитой протестантской фамиліи Лангедока. Лишась рано родителей своихъ, она испытала почти въ младенчествѣ — ужаснѣйшія гоненія за вѣру, скрывалась долго съ своею теткою (г-жею Сапорта), ревностною *Гугеноткою*, по разнымъ городамъ Франціи, бѣжала по приказу ея за Юраскія горы въ Швейцарію, скиталась по Рейну и Нидерландамъ, привезена въ Парижъ, почти

одной изъ книжекъ стараго С. О. (если не ошибаюсь), помѣщенъ былъ рассказъ о томъ же: но онъ писанъ былъ другимъ авторомъ и иными словами.

насилно обращена въ Римско Католическую вѣру и наконецъ, несмотря на привязанность ея къ другому жениху, по волю Короли, выдана замужъ за Г. Пѣти Дюнуайе, котораго она почти все не знала, потому не могла и любить по сердцу. Женщина эта одарена была мужескою силою воли, духомъ наблюденья, просвѣщеннымъ, острымъ умомъ, и дивною красотою: по словамъ издателя писемъ этой писательницы, ее называли въ свое время *прекраснѣйшею женщиною въ Парижѣ*. «Въ письмахъ» г-жи Дюнуайе, какъ и вообще бываетъ въ письмахъ каждой умной и пылкой женщины, есть много любопытныхъ подробностей о тогдашнемъ Французскомъ и прочихъ дворахъ Европы, о современной автору политикѣ, о *рейзвейкскихъ мирныхъ переговорахъ* и особахъ которые занимались ими, о гоненіяхъ претерпѣнныхъ несчастными *каллизарали* **); въ нихъ довольно и болтовни и фамилныхъ сплетень, занимательныхъ для современниковъ, а не для насъ, которыхъ разделяетъ съ повѣствовательницею вѣковая потокъ времени и разность нравовъ, обычаевъ и мнѣній. Намъ показалось, однакожъ, нелишнимъ выписать изъ этого десятка томовъ *дѣла и пустяковъ* — нѣсколько любопытныхъ страницъ разсказовъ *самовидицы* о «пробываніи Императора Петра Перваго въ Парижѣ.» Читатели Маяка увидятъ изъ нихъ, какъ высоко цѣнили современные Европейцы великаго преобразователя нашего и настоящаго отца возрожденной имъ Россіи. Письмо это адресовано было г-жею Дюнуайе къ своему мужу, находившемуся тогда въ Гагъ (въ Голландіи).

Царь Великороссійскій (Le Tsar de la Grande Russie) блеснувшій уже два раза въ вашихъ *поднебесностяхъ*; Государь, котораго мы еще не имѣли чести

** Такъ называли во время Людовика XIV бѣдныхъ Гугенотовъ обобранныхъ гонителями до послѣдней рубашки (camisia)

Редакт.

видѣть, оставилъ вамъ передъ отъѣздомъ своимъ сюда другаго самаго себя, и этотъ драгоценный залогъ *) служить вамъ порукою скорого возвращенья знаменитаго нашего гостя. Тѣмъ не менѣе радуемся мы что столь великій Монархъ, прибывъ сюда изъ такой дали, озарилъ и нашъ дворъ своимъ присутствіемъ; что ему понравились обычаи наши и сдѣланный ему пріемъ. По указу Короля и Регента **), на встрѣчу Царю высланъ былъ Маршалъ де Тессе, и придворныя кареты, ожидавшія его въ Дюнкирхентъ. Вся расходи его въ пути и во время пребыванія въ Парижѣ, были приняты *на казенный счетъ*, и во всѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя проѣзжалъ онъ, приказано было воздавать ему всевозможныя почести, почести, отъ которыхъ онъ часто отказывался: онъ быстро и безостановочно проѣхалъ много мѣстъ, гдѣ нарочно приготовлены были балы и подарки для развлеченія его въ пути. 8 мая (1716) прибылъ сюда передовой взводъ Королевскихъ *придворныхъ войскъ* (de la maison du Roi) изъ поеланнаго къ нему на встрѣчу отряда, котораго часть должна была ѣхать впередъ, другая позади царскихъ экипажей, а остальные ѣхали по обѣ стороны ихъ и такимъ образомъ сопровождали ихъ до самаго Лувра, гдѣ приготовлены были для принятія Царя особенныя покои и ожидалъ его накрытый столъ съ богатѣйшимъ ужиномъ состоявшимъ изъ *осмисотъ людей!* Монархъ сей отказался отъ ужина и отъ покоевъ, обозрѣвъ ихъ великолѣпіе и прохладясь питьемъ, сѣлъ опять въ карету и велѣлъ отвести себя въ Отель Ледигерскій (Hotel de Lesdiguieres) равномерно для негоже убранный, гдѣ и оставался онъ во все время пребыванія своего въ Парижѣ,

*) Императрица Екатерина I.

** Петръ Великій былъ въ Парижѣ во время Регентства Филиппа Орлеанскаго, попечителя малолѣтнаго Короля Людовика XV. Редакт.

продолжавшагося шесть недѣль. На другой день поутру прибылъ къ нему съ визитомъ Герцогъ Орлеанскій (регентъ королевства), а послѣ объѣда самъ Король, въ сопровожденіи наставника своего Маршала де Виллурюа и пятидесяти лейбъ-гвардейцовъ. Царь встрѣтилъ малолѣтняго Короля у дверцовъ его кареты, провожалъ его до своихъ покоевъ и галлерей, а потомъ обратно до кареты, послѣ посѣщенія, продолжавшагося съ часъ времени. *) 11 числа, Царь со спутственнымъ княземъ Куракиннымъ, графомъ дель Гуруки (княземъ Долгоруковымъ?), барономъ Шафировымъ и маршаломъ де Тессе, отправился въ придворной каретѣ въ Тюильерскій дворецъ, отдать Его Королевскому Величеству сдѣланный имъ визитъ и Король отплатилъ ему тѣмъ же, встрѣтивъ его самъ у дверцовъ его кареты, съ такими же точно почестями. Французская и Швейцарская гвардія была подъ ружьемъ, когда Петръ вѣзжалъ на дворъ, выходилъ изъ кареты и обратно садился въ оную: знаменитый гость осыпанъ былъ всѣми возможными почестями. Того же дня — *городской глава* (Prévost des marchands) и *Синдикы* (Echevins), торжественнымъ образомъ привѣжали поздравлять его съ привездомъ и предлагали ему обычные дары отъ лица всей столицы. Герцогъ Орлеанскій угощалъ его въ Сен-Клудскомъ дворцѣ великолѣпнымъ обѣдомъ, и отдалъ повелѣніе также угощать его во всѣхъ королевскихъ дворцахъ, которые благоудно было ему посвятить: всѣ покои этихъ дворцовъ, были убраны для торжественной встрѣчи его самымъ роскошнымъ образомъ. Монархъ сей прибылъ нѣсколько дней въ Фонтенебло и пользовался въ немъ удовольствіемъ нарочно для него устроенной оленьей травли. Онъ собралъ и увезъ

*) По некоторымъ извѣстіямъ того времени, „Царь несъ его на рукахъ“. Лудовику было тогда шесть лѣтъ отъ роду. Редакт.

съ собою планы всѣхъ прекраснѣйшихъ мѣстъ имъ посѣщенныхъ, и если судить по пріемамъ его, то нѣтъ сомнѣнія что онъ придастъ странѣ своей столько прелестей, сколько придалъ уже ей величія и довелъ ее до цвѣтущаго состоянія. Говорятъ, что ему очень понравился обычай наши и что ему хочется *одѣтъ свѣту свою по Французской модѣ* *). Всѣ здѣсь безъ ума отъ него и находятъ его *величайшимъ изъ когда либо виданныхъ Монарховъ*; до его времени — на Московію всѣ смотрѣли съ какимъ то отвращеніемъ. Это была страна, которую едва знали по картѣ и частнымъ извѣстіямъ нѣкоторыхъ писателей, которые не боялись опроверженій и часто *разсказывали о ней неблудны* **). Теперь дѣло другое: Московія или великая Россія весьма часто посѣщается иностранцами и производитъ значительный торгъ. Многочисленныя арміи сформированныя новымъ царемъ превосходно обучены; искусства и мануфактуры сей страны процвѣтаютъ, равно какъ и науки; умъ блещетъ между знатными особами и въ этомъ не усомнится никто изъ знавшихъ князя Куракина, котораго достоинства оценены здѣсь также радушно какъ и у васъ. Однимъ словомъ, Имперія Царя, уже и безъ того обширнѣйшая и пространнѣйшая, послѣ новѣйшаго образованія ея и устройства, сдѣлалась одною изъ страшнѣйшихъ Имперій въ мірѣ. Все это свидѣтельствуетъ о величинѣ Генія сего Государа, который одною силою ума своего и воли создалъ и привелъ въ исполненіе столѣко великихъ начинаній, и который для успѣшности оныхъ

*) И тогда — какъ теперь — мода была домашнимъ божествомъ Франціи! Одежда составляла въ ней едва не человека, вопреки одной ветхой пословицы: *l'habit ne fait pas le moine*.

**) Тогда простительно; а теперь? . . . не тоже ли самое? . . . стоитъ только взглянуть во Французскія газеты!

Редакт.

подвергся всем родам опасностей, перенесъ столько трудовъ и совершилъ столько долговременныхъ и тягостныхъ путешествій, наблюдая нравы и обычаи разныхъ націй Европы и замѣчая въ нихъ все достойное подражанія для своего Государства. Изящный вкусъ его проявляется въ этомъ выборѣ и дворъ его вмѣщаетъ уже въ себѣ все, что онъ подсмотрѣлъ изящнѣйшаго при дворахъ другихъ вѣнценосцевъ. Со всеми правительственными Европы успѣлъ онъ заключить союзные договоры, все они отправили министровъ къ его двору и приняли его посланниковъ. Многочисленность его флота и военныхъ сухопутныхъ силъ, мудрость его совѣтниковъ таковы, что онъ заставилъ себя бояться и искать союзовъ съ его державою, и вы видѣли уже какой перевѣсъ въ дѣлахъ политики произвело дѣятельное его участіе въ оныхъ. Должно сознаться, что и наружность сего Монарха отвѣчаетъ внутреннимъ его достоинствамъ: онъ хорошъ собою и статенъ, взоръ его живъ и воинственъ. Особы, которые могли бесѣдовать съ нимъ безъ переводчиковъ, увѣряютъ, что онъ чрезвычайно уменъ, смѣлливъ и изящный вкусъ его проявляются во всехъ похвалахъ его и сужденіяхъ, страсть его къ наукамъ доказывается тою любознательностью, съ которою онъ слѣдилъ за дѣйствіями нашей обсерваторіи, все осматривалъ, обо всемъ спрашивалъ понѣскольку разъ у нашихъ математиковъ, тщательно собиралъ и скупалъ все любопытное и существенно полезное для блага своей державы и образованія своихъ подданныхъ. Смѣло можно сказать, что онъ съ пользою употребилъ каждый день, каждый часъ своего кратковременнаго пребыванія въ нашей столицѣ: со двора выходилъ не позже шести часовъ утра и спѣшилъ осматривать все достойное любопытства. Обѣдалъ всегда въ десять часовъ, и послѣ легкаго ужина, рано ложился спать. Посѣтилъ и оперу и комедію

нашу, болѣе изъ любопытства, чѣмъ по склонности къ развлеченію: во всехъ дѣйствіяхъ своихъ менѣе показываетъ наклонности къ увеселенію чѣмъ къ настоящему дѣлу. Часто совѣщался съ министрами нашими, а въ особенности съ маршаломъ де Тессе, назначеннымъ ему въ собесѣдники на все время пребыванія Государя сего во Франціи: говорятъ что все совѣщанія эти происходили частію о замиреніи сѣвера, а отчасти о торговомъ договорѣ съ Франціею. Придворные, наперерывъ старались доставлять ему всевозможныя удовольствія, но всехъ болѣе угождалъ ему герцогъ Антенскій подаривъ ему описаніе города Парижа, переведенное на *Московский* (Русскій) языкъ и врученное Государю Русскому на пиру, которымъ онъ угощалъ его въ своемъ домѣ: это приношеніе до того понравилось Царю, и такъ пріятно изумило, его что онъ воскликнулъ: «только одни Французы въ мірѣ умѣютъ быть такъ отлично вѣжливыми!» Герцогиня Беррійская осыпала его ласками, когда онъ прибылъ къ ней въ Люксамбургскій дворецъ, тоже самое сдѣлали и герцогиня Орлеанскія, когда онъ посѣтилъ ихъ въ Сен-Клу и Пале-Рояль. Онъ былъ также въ Шальё у вдовствующей Королевы Англійской, и вообще говоря, соблюлъ все обязанности учтиваго гостя. На канунъ отъѣзда своего ѣздилъ онъ въ Тюильерійскій дворецъ и простился съ Королемъ, который ѣздилъ потомъ въ Отель Ледигерскій пожелать высокому посѣтителю своему счастливаго пути. 20 іюня (1716) отправился онъ отсюда на почтовыхъ и ночевалъ въ Ливри. Отрядъ войскъ Королевскаго двора (*de la maison du Roi*) имѣлъ повелѣніе сопровождать его до Реймса (*Reims*) въ Шампани, откуда Царь отправился въ ваши предѣлы или покрайности въ Аахенъ, гдѣ намѣренъ пользоваться минеральными водами. Описывая мнѣ Царицу супругу его, вы возбудили во мнѣ такое непреодолимое желаніе: видѣть ее,

что я, предубежденная въ пользу ея и общественною мольбою, очень бы желала посмотреть на нее и готова хоть сей часъ къ ней отправиться. Царину эту ждали здѣсь, и весьма жалѣли что ожиданія не исполнились Я совсѣмъ было позабыла сказать, что на встрѣчу Царю выслано было по Дюнкиркенской дорогѣ множество ковровъ, обоевъ и другихъ вещей, для уборки всѣхъ комнатъ, въ которыхъ онъ могъ

остановиться. Говорятъ что расходы нашего двора на содержаніе его во Франціи простирались ежедневно до 14.000 ливровъ. Наконецъ онъ уѣхалъ довольный всѣмъ для него сдѣланнымъ и оставя по себѣ незабвенное воспоминаніе о своихъ достоинствахъ. — Маркизь де Пріе, отъ лица Императора принималъ его съ такими же почестями въ Брюссель, а принцъ Турниъ и Таксисъ сопровождали его до сюда. . . .

МАРЦАЛЬНЫЯ ВОДЫ

ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ, ПЕТРОЗАВОДСКАГО УЪЗДА.

Петрозаводскій уездъ, Олонецкой губерніи, изобилуетъ естественными ключами, изъ коихъ многіе можно назвать минеральными, ибо въ нихъ заключается довольно большое количество желѣза. Качество сихъ ключей происходитъ вѣроятно оттого, что въ недрахъ земли разлагается желѣзный колчеданъ; въ нихъ даже замѣчается свръный запахъ водострѣнаго газа (*).

Къ такимъ ключамъ можно отнести Кончозерскія марціальныя воды находи-

щіяся въ осьми верстахъ отъ Кончозерскаго чугуноплавильнаго завода (*) и въ сорока пяти верстахъ отъ губернскаго города Петрозаводска; онѣ лежатъ подъ 63 градусомъ сѣверной широты и 56 градусомъ восточной долготы. — Мѣстоположеніе сихъ водъ весь-

(*). Такъ качество сихъ водъ объяснено въ одночъ изъ прибавленій къ Олонецкимъ губерскимъ ведомостямъ.

Соч.

(*). Второй устроенъ въ 1707 году, въ 45 верстахъ на сѣверъ отъ губернскаго города, на узкомъ перешейкѣ между Перть и Конч-озеромъ. Вначалѣ, до 1719 года въ этомъ заводѣ плавилась только мѣдь, а съ того года устроена доменная печь для выплавки чугуна. Мѣдь выплавливали до 1788 года, послѣ чего устроенъ былъ Петровскій мѣдиплавильный заводъ въ губернскомъ городѣ. Чугунъ выпла-

ма живописно, оно составляет продолжение Долины, которая заключаетъ въ себѣ озеро Гобь. Долина сія съ обѣихъ сторонъ окружена горами довольно высокими, въ срединѣ которыхъ растутъ березовый лѣсъ. Надо замѣтить, что березовый лѣсъ — рѣдкость въ тамошнемъ краѣ; сосна, ель и осина всего чаще повстрѣчаетъ приплещь, въ сей дикой и пустынной странѣ. —

На западномъ берегу Гобь-озера при подошвѣ горъ, находится главный минеральный источникъ, открытый въ 1714 году, молотовымъ работникомъ Рябоевымъ, который первый испыталъ на себѣ дѣйствіе открытыхъ имъ водъ. До сихъ поръ еще крестьяне въ Виданской волости, Петрозаводскаго уѣзда, десять душъ, суть потомки вышесказаннаго мастероваго, который *облаженъ* былъ за сіе открытіе Императоромъ Петромъ I, т. е. пожалованъ былъ отъ царя льготною грамотою на освобожденіе, съ потомствомъ, въ вѣчныя времена отъ всякихъ податей и повинностей. (*) — Грамота сія есть собственноручная Его Величества, отъ 22 Марта 1720 года. —

Вотъ ея переводъ: (*)

вмѣли болѣе или менѣе успѣшно до прибитія директора Олонецкихъ горныхъ заводовъ Гаскоина. При немъ заводъ въ 1787 году перестроенъ, но въ 1793 сдѣлался добычею пламени. По вторичномъ возобновленіи онъ переименованъ въ чугуно-плавильный заводъ и существуетъ до-сихъ-поръ, бывъ остановленъ въ дѣйствіи, только отъ 1804 до 1809 года.

Соч.

(*) Въ издаваемой мною книгѣ, я буду имѣть случай говорить и о другихъ еще *облаженныхъ* крестьянахъ, коихъ въ Петрозаводскомъ уѣздѣ считается 298 душъ мужескаго пола. Соч.

(*) Снимокъ съ подлинной собственноручной грамоты, за краткостью времени не успѣлъ къ VI части. Мы помѣстимъ его въ одной изъ слѣдующихъ частей,

«За объявленіе сего, что первый знакъ спасенія на немъ означился, освобождается съ домою и съ землею чѣмъ владѣеть отъ всякъ работъ и податей «на мѣдныхъ заводахъ въ 22 Марта 1720».

На подлинной подписано: Петръ.

Эта грамота можетъ быть подтвержденіемъ того, что воды сіи дѣйствительно открыты молотовымъ работникомъ Рябоевымъ; хотя до нынѣ хранится при источникѣ чугунаа доска съ надписью, что марціальные воды открыты, для пользы Государевой и всенародной въ 1716 году полковникомъ де-Гениномъ, бывшимъ тогда, Олонецкимъ комендантомъ и начальникомъ Петрозаводскихъ заводовъ. Названіе, Марціальныхъ водъ, показываетъ, что воды сіи содержатъ въ себѣ желѣзо и другія металическія частицы въ соединеніи съ серною кислотою. Въ горахъ прилежащихъ этому источнику открываютъ двѣ породы: діоритъ и брекчювидную породу, въ иныхъ мѣстахъ; основаніе которой составляетъ азавитъ. Полагаютъ, что свойство руды и марціальныхъ водъ имѣетъ своимъ происхожденіемъ разложеніе колчедана, который находится не подалеку въ формаціяхъ.

Великій, нѣсколько разъ посѣщавъ марціальныя воды съ своимъ августѣйшимъ семействомъ; здѣсь онъ излѣчивалъ недуги, посѣщавшіе Царственнаго труженника отъ многочисленныхъ трудовъ его; здѣсь стаканомъ воды подкреплялъ Омъ силы Свои и съ новою бодростію брался за творческій рѣзецъ и изъ грубаго матеріала создалъ Россію; — великій памятникъ — великаго художника! Излѣчивая такимъ образомъ физическія силы и вполне удостоившись въ пользѣ сихъ водъ, Государь

вмѣстѣ съ снимками другихъ знаменитыхъ Русскихъ, нами собранныхъ,

Редакт.

издать указъ 20 марта 1719 года, переписанный мною слово въ слово, изъ собраній указовъ по Оловецкой губерніи; вотъ онъ:

«Понеже оныя воды исцѣляютъ различныя жестокія болѣзни, а именно: цѣнготную, ипохондрию, желчь, безсилство желудка, рвоту, поносъ, отъ апелепсіи, также лѣчатъ килы и отъ прочихъ болѣзней силу имѣютъ; и ежели кто добрымъ порядкомъ, съ воздержаніемъ въ пищу и питіи, будетъ ихъ употреблять: то совершенно можетъ исцеленіе получить; а когда безъ порядку кто будетъ ихъ употреблять, съ худою пищею и питьемъ, такъ же и не во время, то не токмо пользу какую получить, но еще вѣщнее поврежденіе здоровью своему и болѣзнь наведетъ, и за то Его Царское Величество, милосердуа къ своимъ подданнымъ, яко отецъ надлежащія регулы о употребленіи оныхъ водъ, докторомъ, при своемъ бытіи и употребленіи оныхъ, написать Всемилоствѣйше указалъ, и объявить для вѣденія въ народъ, чтобъ всякъ свѣдомъ былъ, какъ оныя воды употреблять, дабы непорядочнымъ употребленіемъ оныхъ не былъ никто своему здоровью повредитель.»

Вслѣдъ за симъ указомъ Великій предначерталъ правила съ согласія докторовъ; я ихъ выписываю здѣсь вполнѣ:

«Правила докторскія, какъ при оныхъ поступать:

1.) По пріѣздѣ къ тѣмъ водамъ, надлежитъ нѣсколько дней отдохнуть, а паче когда кто изъ дальняго пути пріѣдетъ, и потомъ отъ пребывающаго тамъ придворнаго лѣкаря проносное лѣкарство повиненъ принять. И впредь съ его совѣту во всемъ поступать.

2.) По принятіи проноснаго лѣкарства надобно на другой день зачать пить воду, такимъ образомъ, какъ отъ

лѣкаря будетъ указано и потомъ на всякой день ихъ пить, какъ лѣкарь разсудитъ, сколько надобно, усматривая по силѣ болѣзни каждаго человека.

3.) Надлежитъ тѣ воды по утрамъ рано употреблять такимъ образомъ, чтобъ въ два или три часа опредѣленную мѣру, которую въ тотъ день выпить надлежитъ, скончать, и потомъ конечно еще три часа не обѣдать, а что далѣе кто не обѣдаетъ, то лучше.

4.) Въ то время, когда тѣ воды кто пьетъ, не надлежитъ и сидѣть, но надобно, сколько можно, ходить, чтобъ движеніемъ хожденія дѣйству водъ помогать, однакожь примѣчать, дабы отъ ходьбы не лишнее потѣть, и для того не гораздо скоро ходить.

5.) Послѣ окончанія питья водъ, обѣдать (какъ выше помануто), а предъ обѣдомъ чарку водки тѣмъ, которые обыкли или которымъ смутится, выпить позволяется, а особливо анисовой, а за обѣдомъ рюмки три вина бургондскаго или рейнвейну, или легкаго вина французскаго, (которое называть обыкли ренскимъ) можно выпить, такъ же отъ жажды поапива, или легкаго самаго пива пить по малу не запрещается. А которые для скудости рейнвейну, бургондскаго, французскаго не имѣютъ, тѣмъ другую чарку водки выпить позволяется, а небольшое, а квасу, кислыхъ шей, также браги весьма запрещается.

6.) Равнымъ же образомъ надлежитъ себя хранить и въ пищу, а именно: за обѣдомъ студенаго ничего не встѣ; по надобно сперва похлебки есть и потомъ жаркое а именно: употреблять баранину, телятину, говядину, куры, рябчики, тетеревы, индѣйскія куры, зайцы, оленину, что вольно въ ухѣ и въ жаркомъ употреблять, такъ же яйца свѣжія въ сметку, а печеныхъ и которыя твердо варены, запрещается.

7.) Насупротивъ же того, нижеписанныя непотребныя *пищи* весьма запрещается вкушать: всякое соленое,

кислое, копченое мясо, также всякия, какъ соленныя, такъ и свѣжія рыбы, молоко, масляныя кушанья, огурцы, капуста, рѣпа, чеснокъ, лукъ, рѣдька, грибы, грузди, которые въ употребленіи тѣхъ водъ дѣлають великой вредъ; а напаче лѣтомъ землянику, чернику и прочія ягоды, или горохъ, бобы, морковь и прочіе овощи ѣсть такожъ весьма запрещается, какъ свѣжія, такъ и соленныя.

8.) По вечерамъ ужинать по немного позволяется, однако такъ, чтобъ послѣ ужина часа два или три еще не спать, а лучше тому воды будутъ дѣйствовать. кто не будетъ ужинать.

9.) Послѣ обѣда во всѣ спать запрещается. Промежъ обѣдомъ и ужиномъ, отъ крайней жажды стаканъ, два или три полпива, или легкаго пива выпить можно; а ежели у кого полпива или легкаго пива нѣтъ, тому тоежь лѣкарственную воду отъ жажды пить позволяется.

10.) Буде у кого тѣ воды останутся, что на низъ или мочею не будетъ дѣйствовать, то лѣкаря спросится надобно и съ его позволенія и совѣту, что прикажетъ, или какое лѣкарство дастъ тѣкъ и двѣать.

11.) Когда окончатся употребленіе водъ по совѣту лѣкареву, то проносное отъ него взять надлежитъ и потомъ нѣсколько дней отдохнуть до отъѣзду надобно; а лѣкарства настоящую цѣну платитъ помянутому лѣкарю, что надлежитъ.

12. Сіе все по употребленіи тѣхъ водъ весьма хранить и ради своего здоровья по окончаніи питья тѣхъ водъ еще по послѣдней мѣрѣ три или четыре недѣли, такимъ же образомъ въ пищу и въ питьѣ каждому себя содержать; ибо по отпиту водъ болѣе дѣйство отъ оныхъ бываетъ, и человекъ послышится нежели во время питья, и для того зѣло вышесказанное время хранить надлежитъ и почтай пуще.

13.) Во время питья водъ лѣтомъ въ

Іюнѣ и въ Іюль, а именно: когда теплыя дни, зимою съ половины генваря, февраль весь и мартъ до половины, когда морозы; ибо тѣ воды дѣйствительны суть въ жары и морозы, а весною и осенью не дѣйствительны, для того, что отъ таия и отъ дождей другая вода примѣшается и оную испортитъ. Во время питья водъ, также и по отпиту оныхъ зимою и осенью, надобно отнюдь изъ избы не выходить, и стужи весьма беречься; ибо уже нынѣ, при присутствіи Его Царскаго Величества опытъ тому былъ: которые выходили, тѣ долго гортанью и грудью болѣли.»

Вотъ еще весьма любопытный указъ на докторскія правила Императора Петра I-го.

«Понеже Господь Богъ, по своей къ намъ милости, здѣсь такую цѣлебную воду явить благоволилъ, (которая прежде незнаема была,) которую не только многіе больные исцѣленіемъ своимъ освидѣтельствовали, но и Мы сами съ своею фамиліею и многыхъ знатныхъ персонъ присутствіемъ и употребленіемъ оныхъ водъ всю пользу получили; и могу сказать, что паче другихъ водъ, которыя Мы двои, а именно: Пирмонтскія и Шпадавскія употребляли, отъ сихъ пользу получили; того ради повелѣли мы выше помянутыя правила докторамъ написать, какъ оныя воды употреблять, и какой порядокъ въ житьѣ и въ употребленіи пищи и питья содержать; дабы невѣденіемъ, вмѣсто пользы, паче траты здоровью своему не принесть, и тѣмъ бы сей отъ Бога дарованный даръ хулы отъ неразумнаго простыхъ людей не воспріялъ. Буде же кто отъ упрямства своего сихъ регулъ хранить не станетъ и такихъ до употребленія тѣхъ водъ допускать не велѣли.»

Наконецъ въ 1720 году мая 10-го дня послѣдовалъ именной указъ, объявленный изъ Сената, въ которомъ сказано; до Его Величества дошли слухи,

что многіе падать на воды безъ дозволенія докторовъ и не справляются по печатнымъ *реэстрамъ*, какъ воды сія надлежитъ употреблять, портятъ свое здоровье; а потому Государь не приказалъ пускать никого безъ освидѣтельства докторовъ: «дабы такое дарованіе Божіе милостиво явившему для всенародной пользы, не порочили, и за дальностію пути больше въ здоровье себя не повреждали и въ напрасные убытки не впадали.»

Для удобнѣйшаго питья водъ при самомъ родникѣ находился дворецъ Императора; теперь онъ не существуетъ; подлѣ самаго дворца была устроена дворцовая кладовая, которой тоже теперь нѣтъ. Не много выше той дороги, которая ведетъ отъ Кончезерскаго завода къ марціальнымъ водамъ и въ деревню Пуй-губу, находится небольшой деревянной дворецъ Императрицы Екатерины I-й; дворецъ сей именовался зимнимъ, ибо былъ еще лѣтній дворецъ для Государыни, устроенный выше зимняго, нинѣ эти мѣста подъ пашнею и подъ лѣсомъ который густыми своими вѣтвями прикрываетъ, отъ взора любопытнаго, сіи священныя мѣста для русскаго!... Между зимнимъ и лѣтнимъ дворцами Государыни Императрицы, былъ устроенъ деревянной дворецъ, для царицы Параскевіи Теодоровны, остатки коего уцѣлѣли до нашего времени.

Любопытнѣйшій памятникъ въ этой безмолвной пустынѣ, уцѣлѣвшій, какъ будто для того, чтобы въ стѣнахъ своихъ заставлять каждого христіянина помянуть представшаго отъ насъ къ горнему престолу царя-царей, царя Петра I-го: есть деревянная церковь во имя святаго Апостола Петра. Церковь сія считалась придворною и въ то время украшалась образами, живопись коихъ весьма схожа съ живописью Рима. Церковь сія построена по указу

Царя Петра I въ 1721 году; утварь церковная перенесена съ Олонецкой верхи, и опредѣлены священникъ, дьячекъ, пономарь, и просвирня, коимъ выдаваемо было жалованье хлѣбомъ и деньгами, потому что приходскихъ дворовъ и земли у церкви не было. — По отбытіи царской фамилии церковь сдѣлана приходскою для мастеровыхъ Кончезерскаго завода.

Ниже церкви устроены были дома, для священника, дьячка и пономаря, которые существуютъ.

Церковь во имя святаго Апостола Петра существовала болѣе ста лѣтъ, наконецъ сдѣлалась столь ветхою, что требовала поправки въ 1831 году и съ разрѣшенія вачальства она исправлена, безъ всякаго измѣненія какъ внутри, такъ и снаружи. — Въ ризницѣ замѣчательны уцѣлѣвшія ризы и утварь; въ самой церкви иконостасъ, иконы и лампы.

Я увѣренъ, что каждый, кто только посѣщалъ это, драгоценное русскому сердцу, мѣсто, вѣроятно соболѣзновалъ, что этотъ родникъ, животворная влага котораго укрѣпляла силы великаго творца Русскаго славнаго царства, совершенно заброшенъ; и каждый день разрушаетъ его бытіе... Въ Олонецкой губерніи находится множество подобныхъ ключей; теплыхъ же вовсе нѣтъ. Есть еще одинъ слабый соленый источникъ, который находится въ Велико-губской трети Кижской волости.

При марціальныхъ водахъ есть селеніе, которое жители именуютъ *дворцемъ*; селеніе это заключаетъ въ себѣ дома: священно-служителей и одну крестьянскую избу.

Жители губернскаго города, почти каждое лѣто совершаютъ прогулку, водою, къ тѣмъ водамъ; прогулка эта обыкновенно бываетъ водою до Кончезерскаго чугуно-плавильнаго завода;

гдѣ путешественники и путешественницы останавливаются отдохнуть у лакового смотрителя заводовъ и побывавши съ горы, которая высится

надъ заводомъ, на удивительное мѣстоположеніе, отправляются сухимъ путемъ къ водамъ, находящимся въ 8-ми верстахъ отъ завода.

ВАСИЛИИ Д. ШК. ВЪ.

СТАРИННЫЯ СВЯТОЧНЫЯ ПѢСНИ.

Доселѣ нижеслѣдующія пѣсни, если не единственно, то предпочтительно предъ всеми прочими, пѣвались во время (и почти ни когда кромѣ) святокъ, на вечеринкахъ — по мѣстному названію *послѣдухахъ* — узднаго города Т. И какинъ давнѣе это было? — но теперь уже во все не то! такъ все измѣняется въ свѣтъ. Такъ въ послѣдніе годы начала измѣняться и *старина* простаго Русскаго быта, о которой кстаті сказать здѣсь нѣсколько словъ. — Мнѣ *кажется*, нынче въ Русскомъ народѣ, стали гораздо замѣтнѣе противъ прежняго, двѣ весьма разительныя противоположности, именно: долго и очень долго, по какой то невѣроятной причинѣ — въ которой иногда мы и сами себѣ не можемъ дать отчета — не обращали должнаго вниманія на Русскую *не письменную старину*, но наконецъ, отдали справедливость и оцѣнили ее по достоинству. И когда послѣ изданнаго въ свѣтъ, небольшого собранія этой заманчивой и увлекательной старины, многіе умные и просвѣщенные люди

усердно принялись трудиться по этой части, стали собирать и описывать, уцѣлѣвшія старинныя обряды и обыкновенія, другіе люди въ родѣ тѣхъ, про которыхъ Репетилъ говоритъ: «дичь,» какъ будто на перекоръ первымъ, сильнѣе чѣмъ когда либо пристрастились къ нововведеніямъ: — Первые дорожатъ старинкою; послѣдніе замѣняя все новымъ, бросаютъ ее какъ негодный хламъ; не разбирая и не рассуждая, стоитъ ли вводимая новизна этого хламу? до этого имъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла! было бы ново, вотъ и все! А такъ какъ этихъ *послѣднихъ* по сто разъ болѣе нежели *первыхъ*, то не удивительно, что мы съ каждымъ годомъ лишаемся многога, не только просто занимательнаго и любопытнаго, но и такого, что могло бы намъ однимъ словомъ, встрѣе кучи своеобразныхъ догадокъ, пояснить или дать понятіе о темныхъ мѣстахъ исторіи, особенно касающихся до жизни и обычаевъ нашихъ предковъ! — А такъ какъ о томъ (то есть: о старинныхъ обычаяхъ и вообще

о семейномъ (быть) упоминается и въ простыхъ народныхъ пѣсняхъ *), то и онѣ могутъ почестся въ известной степени матеріалами, или комментаріями при описаніи Русской старины, ста-лобыть стоять того, чтобы о нихъ позаботиться и сохранить ихъ отъ всепожирающаго времени, что очень легко, и до чрезвычайности трудно! . . .

Не смотря на то, что каждый день непримѣтно и безвозвратно утрачиваемъ мы старинныя пѣсни, ихъ столько остается еще разнаго разбора на ма-тушкѣ Святой Руси, что едва ли можно все собрать, сличить и рассмотреть критически въ *поль-столицѣ*!! это не преувеличено! — кто изкрестилъ Рос-сію въ доль и поперегъ, и имѣлъ время для наблюденій, тотъ, я думаю, согласится со мною если я скажу, что не только каждый уздѣй городокъ, но почти каждое селеніе имѣетъ какую нибудь свою притоманную родимую пѣсенку, которую — на примѣръ, ко-ренную селенія *A*, чрезъ двадцать версть въ *B*: уже во всё не такъ рас-пѣваютъ какъ въ *A*; а еще чрезъ двад-цать въ *B*, опять иначе нежели въ *A*, и *B*, и на оборотъ. И это въ одну только сторону, а не рѣдко такая же исторія повторяется на все на четыре! — Судите же теперь, сколько бы понадо-билось корреспондентовъ (для одного

этого — невозможная вещь) по однимъ уздѣймъ городкамъ кромѣ сель съ при-селками! — но это не главное! штука въ томъ, что всё старинныя пѣсни во все заброшены. Ихъ помнятъ только прежніе пѣсельники и пѣсельницы — нынѣшніе старички и старушки; а какъ узнаешь? который изъ стариковъ зали-вался соловьемъ, и которая изъ стару-шекъ распѣвала малинкой? — спра-шивать! но не покажется ли такой во-просъ отъ незнакомаго человѣка изъ десяти, девяти старикамъ и старушкамъ за явную насмѣшку, надъ ихъ старос-тію? и не въ правдѣ ли каждый отвѣ-тить на него, пословицею: *ты не ду-ховный отецъ, а мнѣ не послѣдній ко-нецъ*? — И безъ предварительнаго зна-комства девлносто девять и семь ось-мыхъ изо-ста отвѣтять въ родѣ этой поговорки (что извѣдано собственнымъ опытомъ). А для знакомства надобно время; ни больше ни меньше, какъ вре-мя, которое между тѣмъ все таки не перестанетъ пожирать старину, разру-шая сѣдые архивы одинъ по одному!.. Чемъ же помочь этому горю? — О! весьма просто! — Есть вѣрное сред-ство чрезъ которое всю Русскую *не-письменную старину*, всё преданія, пѣс-ни, сказки, народные загадки, послови-цы, однимъ словомъ все, въ какія ни-будь два года можно собрать и издать — но объ этомъ не мое дѣло толко-вать! . . .

*) старинныя пѣсне-слагатели были не такъ затѣйливы, какъ нынѣшніе стихо-кропатели; они не залетали высоко и не пускались въ туманную даль, а воспѣвали о томъ, что было у нихъ подъ рукою! — Есть пѣсни, которые увѣдомляютъ насъ даже о цѣнѣ състныхъ припасовъ, толь-ко къ сожалѣнію не упоминаютъ о вре-мени когда существовала такая цѣна. Вотъ начало одной (а на вѣрно ихъ есть не одна) такой пѣсни.

.....
Лонской годъ былъ намъ тяжелой;
На базарѣ въ Елзарьѣ,
Была мучка по полтнвѣ,
Зерновой хлѣбъ по двѣ гривны.

СТАРИННЫЯ

СВЯТОЧНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Ай на дворѣ, на улицѣ;
Вью, вью на улицѣ;
И дождь, и снѣгъ, и вѣялица,
Вью, вью, да и вѣялица;
И вѣялица заметелица;
Вью, вью, да заметелица;
Кути-метѣ-въ глаза несе
Вью вью, да въ глаза несе;

Въ глаза несе-во бѣло лицо;
 Вью, вью да во бѣло лицо;
 Въ бѣло лицо во-румянное;
 Вью, вью да во-румяное!
 Меня младу, молодешеньку
 Вью, вью, да молодешеньку,
 Тоска беретъ, кручинушка;
 Вью вью, да кручинушка;
 Домой зоветъ свекоръ-батюшко;
 Вью вью, да свекоръ-батюшко!
 Поди домой невѣстушка
 Вью, вью да невѣстушка;
 Поди домой голубушка
 Вью, вью да голубушка;
 Поди домой, скорешенько,
 Вью вью, да скорешенько,
 Скорешенько — веселешенько,
 Вью вью, да веселешенько! —
 Я для ра-ади свекра-батюшка
 Вью вью, да свекра-батюшка;
 Нейду домой не слушаю;
 Вью, вью, да не слушаю;
 Я съ мѣстечка не скрянуся,
 Вью вью, да не скрянуся;
 Не скрянусь, не сворохнуся;
 Вью, вью не сворохнуся! . . .
 Аѣ на дворѣ, на улицѣ;
 Вью, вью на улицѣ;
 И дождь, и снѣгъ, и вѣлица,
 Вью, вью, да вѣлица;
 И вѣлица заметелица;
 Вью, вью, да заметелица
 Кути-метѣ-въ глаза несе
 Вью вью, да въ глаза несе;
 Въ глаза несе во бѣло лицо;
 Вью, вью да во бѣло лицо;
 Въ бѣло лицо во румяное
 Вью вью да во румяное!
 Меня младу, молодешеньку
 Вью, вью да молодешеньку,
 Тоска беретъ, кручинушка;
 Вью вью да кручинушка;
 Домой зоветъ свекровь-матушка;
 Вью вью, да свекровь-матушка;
 Поди домой невѣстушка
 Вью, вью да невѣстушка;
 Поди домой голубушка
 Вью, вью да голубушка;
 Поди домой, скорешенько,
 Вью вью, да скорешенько,
 Скорешенько-веселешенько
 Вью вью, да веселешенько!
 Я для ра-ади свекровь-матушки
 Вью вью, да свекровь-матушки;
 Нейду домой не слушаю?

Вью, вью, да не слушаю;
 Я съ мѣстечка не скрянуся,
 Вью вью, да не скрянуся;
 Не скрянусь, не сворохнуся;
 Вью, вью не сворохнуся!
 Аѣ на дворѣ и проч.
 Вью....
 И дождь,....
 Вью....
 И вѣлица....
 Вью....
 Кути-метѣ....
 Вью....
 Въ глаза несе-во бѣло лице
 Вью вью да во бѣло лице
 Въ бѣло-лице-ворумяное
 Вью....
 Меня младу....
 Вью....
 Тоска беретъ....
 Вью....
 Домой зовутъ, деверья-братья
 Вью вью, да деверья-братья.
 Поди домой....
 Вью....
 Поди домой....
 Вью....
 Поди домой....
 Вью....
 Скорешенько....
 Вью....
 Я для ра-ади деверья-братьей
 Вью вью, да деверья-братьей;
 Нейду домой....
 Вью....
 Я съ мѣстечка....
 Вью....
 Не скрянусь,....
 Вью....
 Аѣ на дворѣ, на улицѣ
 Вью....
 И дождь, и....
 Вью....
 И вѣлица
 Вью....
 Кути-метѣ....
 Вью....
 Въ глаза....
 Вью....
 Въ бѣло лице....
 Вью....
 Меня младу....
 Вью....
 Тоска беретъ....
 Вью....

Домой зовутъ золовки-сестры
 Вью вью, да золовки-сестры
 Поди домой....
 Вью....
 Поди домой....
 Вью....
 Поди домой....
 Вью....
 Скорешенько....
 Вью....
 Я для раади золовокъ-сестеръ
 Вью, вью, да золовокъ-сестеръ;
 Нейду домой....
 Вью....
 Я съ мѣстечка....
 Вью....
 Не скрянусь
 Вью....
 Ай на дворъ....
 Вью....
 И дождь....
 Вью....
 И вѣдлица....
 Вью....
 Кути-метъ....
 Вью....
 Въ глаза....
 Вью....
 Въ бѣло-лицо....
 Меня младу молодешеньку
 Вью, вью да молодешеньку; *)
 Домой зоветь мила-ладушка;
 Вью вью, да мила-ладушка!
 Я для ради мила-ладушки
 Вью вью, да мила-ладушки;
 Пойду домой, послушаю;
 Вью, вью, да послушаю;
 Я съ мѣстечка сокрянуся,
 Вью вью, да сокрянуся;
 Сокрянуся, да сворохнуся,
 Вью вью, да сворохнуся.

*) Здѣсь долженъ слѣдовать стихъ, противоположный стиху: *тоска беретъ кручинушка*. Но на вопросы мои объ этомъ стихѣ, никто изъ старожиловъ не могъ мнѣ дать удовлетворительнаго отвѣта. „Да, кормилецъ, въ забылъ тутъ что-то шло припѣвалось, да и пѣсня та инако оканчивалась,“ — *говорили* нѣкоторые; а что припѣвалось, и какъ оканчивалась по старинному пѣсня, ни отъ кого не могъ я узнать обстоятельно. Впрочемъ кто съ какой точки смотритъ на старинныя пѣсни: иной, и во все не сталъ бы спрашивать о такой бездѣлица — объ

Подъ горой лень — лень,
 Подъ горой лень — лень;
 Вѣтромъ раздуваетъ,
 Буйный развѣваетъ.
 По двору-двору,
 По двору-двору
 Вдоль по широкому двору
 Невѣстушка ходитъ
 Молодая гуляетъ! —
 Что, что невѣстка
 Что, что голубка
 Не весело ходишь
 Ничего не молвишь?

Али тебя невѣстка,
 Али тебя голубка,
 Свекоръ батюшко не любить;
 Лютой ненавидитъ?
 У меня — а, свекоръ
 У меня — а, свекоръ,
 Паче батюшки-роднаго,
 Паче-дорогаго!

Подъ горой лень — лень
 Подъ горой бѣлой;
 Вѣтромъ раздуваетъ,
 Буйнымъ развѣваетъ.

По двору-двору,
 По двору-двору
 Вдоль по широкому двору
 Невѣстушка ходитъ
 Молодая гулетъ!
 Что, что невѣстка
 Что, что голубка
 Не весело ходишь
 Ничего не молвишь? —

Али тебя невѣстка,
 Али тебя голубка,

одномъ недостающемъ стихѣ, и для полноты пѣсни замѣнилъ бы его по своему произволу какимъ нибудь другимъ подходящимъ подъ масть, что и мнѣ сдѣлать совѣтовали; но я никогда не послѣду на такое самоуправство съ Русскими старинными пѣснями, какое позволяютъ себѣ нѣкоторые издатели; и какъ здѣсь, такъ и вездѣ при сообщеніи старины не прибавлю и не убавлю отъ себя ни полслова, а со всей дипломатическою точностию (передавалъ) передаю и буду передавать только то, что слыхалъ изъ устъ Русскаго народа, просто, ясно и безъ всякихъ прикрасъ.

Свекровь-матушка не любить;
Люта ненавидитъ?
У меня-а свекровь
У меня-а свекровь
Паче матушки родима
Паче-дорогия!

Подъ и проч.
Подъ горой....
Вѣтромъ....
Буйнымъ....

По двору....
По двору....
Вдоль....
Невѣстуха....
Молодая....

Что, что....
Что, что....
Не весело ходишь
Ничего не молвишь

Али тебя невѣстка,
Али тебя голубка,
Деверья-братья не любятъ;
Люты ненавидятъ?
У меня деверья,
У меня деверья,
Паче-братницы родимыя,
Паче-дорогихъ!

Подъ горой лезъ — лезъ,
Подъ горой бѣлю;
Вѣтромъ....
Буйнымъ....

По двору....
По двору....
Вдоль....
Невѣстуха....
Молодая....

Что, что....
Что, что....
Невесело....
Ничего не....

Али тебя невѣстка,
Али тебя голубка,
Золовки-сестры не любятъ;
Люты ненавидятъ?
У меня золочки,
У меня золочки,
Паче-сестрицы родима,
Паче-дорогихъ! —

Подъ горой лезъ — лезъ,
Подъ горой лезъ — лезъ;
Вѣтромъ раздуваетъ,
Буйнымъ разиваетъ.

По двору-двору,
По двору-двору
Вдоль по широкому двору
Невѣстуха ходитъ
Молодая гуляетъ!
Что, что невѣстка
Что, что, голубка
Не весело ходишь
Ничего не молвишь?

Али тебя невѣстка,
Али тебя голубка,
Мила-ладушка не любить;
Лютой ненавидитъ? —
У меня лад(а)о,
У меня лад(а)о, *)
Какъ душа въ балахъ тая! —

3.

На Дону,
Да на Дону
Да чтоль на Дону Дону гоголь кричитъ,
Да чтоль на Дону Дону гоголь кричитъ.
На бережку,
Да на бережку.
Да ай на бережку гоголюшко,
Да ай на бережку гоголюшко
Яль молода
Да яль молода
Яль молода да думу думала одна,
Да яли молода думу думала одна.
Какъ то мнѣ,
Да какъ то мнѣ
Какъ то мнѣ да ко двору придти,
Какъ то мнѣ да ко двору придти.
Какъ назвать,
Да какъ назвать

*) Въ пѣни это слово оканчиваютъ и на А: и на О: безъ-разбора; которое изъ нихъ правильнѣе, не мое дѣло судить, скажу только, что если гнаться за правильностию грамматики, то многія пѣсни сдѣлаются оборотнями; то есть: будутъ уже не такъ переданы какъ (пѣвали и) поютъ ихъ въ народѣ: — Помоему лучше неправильный стихъ или оборотъ замѣтить а не передѣлывать, какъ въ выше прописанной пѣсни. — Изъ этого современемъ, можно даже будетъ извлечь пользу (вѣдь извлекаютъ же газъ изъ покоев), случалъ ошибки между собою можно будетъ видѣть, въ какой части рѣчи, неграмматическіе наши предки были болѣе тверды и въ какой слабы.

Какъ назвать да свекра батѣшка,

Какъ назвать да свекра батюшка.

Отъ горя,

Да отъ горя

Отъ горя горя свекоръ батюшко,

Да отъ горя горя свекоръ батюшко.

На Дону,

Да на Дону

Да чтоль на Дону Дону гоголь кричитъ,

Да чтоль на Дону Дону гоголь кричитъ.

На бережку,

Да на бережку

Да ай на бережечку гоголюшко,

Да ай на бережечку гоголюшко.

Яль молода,

Да яль молода

Яль молода да думу думала одна,

Да яль молода думу думала одна.

Какъ то мнѣ,

Да какъ то мнѣ

Какъ то мнѣ да ко двору придтись,

Какъ то мнѣ да ко двору придтись.

Какъ назвать,

Да какъ назвать

Какъ назвать да свекровь-матушку,

Какъ назвать да свекровь матушку.

Отъ горя,

Да отъ горя

Отъ горя горя свекровь-матушка,

Да отъ горя горя свекровь-матушка.

Ай на Дону,

Да на Дону,

Да ай на Дону Дону гоголь кричитъ;

Да ай на Дону Дону гоголь кричитъ.

На бережку,

На бережку,

Да ай на бережечку гоголюшко;

Да ай на бережечку гоголюшко.

Яль молода,

Яль молода,

Яль молода думу думала одна;

Яль молода думу думала одна.

Какъ то мнѣ,

Какъ то мнѣ.

Ищо какъ то мнѣ ко двору придтись;

Ищо какъ то мнѣ ко двору придтись.

Какъ назвать,

Какъ назвать

Ищо какъ назвать деверьей-братъей;

Ище какъ назвать деверьей-братъей.

Отъ горя,

Отъ горя,

Отъ горя горя деверья-братья;

Отъ горя горя деверья-братья.

Да на Дону,

Да на Дону,

Да ай на Дону гоголь кричитъ;

Да ай на Дону Дону гоголь кричитъ.

На бережку,

На бережку,

Да ай на бережечку гоголюшко;

Да ай на бережечку гоголюшко.

Яль молода,

Яль молода,

Яль молода думу думала одна;

Яль молода думу думала одна.

Какъ то мнѣ,

Какъ то мнѣ,

Ищо какъ то мнѣ ко двору придтись;

Ищо какъ то мнѣ ко двору придтись.

Какъ назвать

Какъ назвать

Ищо какъ назвать золовокъ-сестеръ;

Ищо какъ назвать золовокъ сестеръ.

Отъ горя,

Отъ горя

Отъ горя горя золовки-сестры,

Отъ горя горя золовки сестры.

Да на Дону

Да на Дону

Да ай на Дону Дону гоголь кричитъ;

Да ай на Дону Дону гоголь кричитъ.

На бережку,

На бережку,

Да ай на бережечку гоголюшко;

Да ай на бережечку гоголюшко.

Яль молода,

Яль молода,

Яль молода думу думала одна;

Яль молода думу думала одна.

Какъ то мнѣ,

Какъ то мнѣ,

Ищо какъ то мнѣ ко двору придтись;

Ищо какъ то мнѣ ко двору придтись.

Какъ назвать,

Какъ назвать,

Ищо какъ назвать мила-ладушку;

Ищо какъ назвать мила-ладушку.

Отъ рада,

Да отъ рада,

Отъ рада рада мила ладушка;

Да отъ рада рада мила ладушка!

Въ этой пѣсни слова: *ищо чтоль, и да,* не имѣютъ постоянного мѣста; ихъ употребляютъ тамъ, гдѣ они по *голосу* согласныя сочетаются съ другими словами, что по большей части зависитъ отъ скорого, или протяжнаго пѣнія этой пѣсни

и что хотя нѣсколько можно видѣть изъ первой и послѣдней половины оной.

Въ первой половины порядокъ и послѣдовательность словъ при скоромъ, а въ послѣдней при протяжномъ пѣніи.

4.

Внизъ по рѣченькѣ струйка бѣжитъ 2.
 Возлѣ крута красна бережка 2.
 Ужь какъ плыль выплывалъ челонокъ 2.
 Въ челонку дѣвка посиживала 2.
 Съ челонкомъ разговаривала 2.
 Ужь ты сукинъ сынъ челонокъ 2.
 Раздурачей сынъ челонокъ 2.
 За малымъ дѣвку не выпрокинулъ 2.
 Ка-бы я да не сама спаслась 2.
 Не веселечка перовчатые 2.
 Я бы пала каменемъ ко дну 2.
 А не кто по мнѣ не стужится 2.
 А не кто не разгорюется 2.
 Ищо есть у меня батюшко 2.
 Да чтоль тотъ по мнѣ не стужится 2.
 Ищо тотъ не разгорюется 2.
 Внизъ по рѣчкѣ струйка бѣжитъ 2.
 Возлѣ крута красна бережка 2.
 Ужь какъ и проч.
 Въ челонку
 Съ челонкомъ
 Ужь ты
 Раздурачей
 За малымъ
 Ка-бы я да
 Не веселечка
 Я бы пала
 А не кто по
 А не кто не
 Ищо есть у меня матушка 2.
 Да чтоль та по мнѣ не стужится 2.
 Да чтоль та не разгорюется 2.
 Внизъ по рѣчкѣ струйка бѣжитъ 2.
 Возлѣ крута красна бережка 2.
 Ужь какъ и проч.
 Въ челонку
 Съ челонкомъ
 Ужь ты су
 Раздурачей
 За малымъ
 Ка-бы я да
 Не веселечка
 Я бы пала
 А не кто по
 А не кто не
 Ищо есть у меня братьница 2.
 Да чтоль тѣ по мнѣ не стужатся 2.

Ищо тѣ не разгорюются 2.
 Внизъ по рѣченькѣ струйка бѣжитъ 2.
 Возлѣ крута красна бережка 2.
 Ужь какъ и проч.
 Въ челонку
 Съ челонкомъ
 Ужь ты су
 Раздурачей
 За малымъ
 Ка-бы я да
 Не веселечка
 Я бы пала ка
 А не кто по
 А не кто не
 Ищо есть у меня сестрицы 2.
 Да чтоль тѣ по мнѣ не стужатся 2.
 Ищо тѣ не разгорюются 2.
 Внизъ по рѣчкѣ струйка бѣжитъ 2.
 Возлѣ крута красна бережка 2.
 Ужь какъ плыль выплывалъ челонокъ 2.
 Въ челонку дѣвка посиживала 2.
 Съ челонкомъ и проч.
 Ужь ты су
 Раздурачей
 За малымъ
 Ка бы я да
 Не веселечка
 Я бы пала
 А не кто по
 А не кто не
 Ищо есть у меня миленькой 2.
 Да чтоль миленькой сердечной другъ 2.
 Ищо тотъ то по мнѣ стужится 2.
 Ищо тотъ да разгорюется 2.

5.

Мой ты младъ-соловей
 Мой ты младъ-соловей
 Соловейко,
 Да соловейко.
 Да соловей не вей глѣзда
 Соловей не вей глѣзда
 При долинь,
 Да при долинь.
 Да чтоль при горькіе ягоды
 При горькіе ягоды
 Калинь,
 Да при калинь.
 Да и ты вей совивай
 И ты вей совивай
 При теремъ,
 Да при высококомъ.
 Да во которомъ терему
 Да во которомъ высококомъ

Дѣвица сидѣла,
 Да красная сидѣла.
 Да она шила коверъ
 Она шила шитой
 Вышивала,
 Да вышивала.
 Да вышивавъ, коврѣ —
 Да вышивавъ, коврѣ
 Сдивовалась,
 Да сдивовалась.
 Да сдивовавъ коврѣ —
 Да сдивовавъ коврѣ,
 Сговорила,
 Да сговорила.
 Да чтоль кому этотъ коверъ,
 Чтоль кому этотъ шитой
 Достается,
 Да достается?
 Да доставался коверъ
 Да доставался шитой
 Старому мужу,
 Да старому мужу!
 Да я могу жъ ковра,
 Я могу жъ ковра
 Поубавить,
 Да поубавить.
 Со всѣхъ четырехъ со сторонъ —
 Со всѣхъ четырехъ со сторонъ
 По два узора,
 Да по два узора.
 Да я по маленькому —
 Да я по маленькому
 По кружечку,
 Да по кружечку.
 Да по лазуревому —
 Да по лазуревому
 По цѣточку,
 Да по цѣточку.
 Да мой ты младъ соловей,
 Мой ты младъ соловей
 Соловейко,
 Да соловейко.
 Да соловей не вѣй гнѣзда
 Соловей не вѣй гнѣзда
 При долинѣ,
 Да при долинѣ.
 Да чтоль при горькіе ягоды
 При горькіе ягоды

Калинѣ,
 Да при калинѣ.
 Да и ты вѣй совивай
 И ты вѣй совивай
 При теремѣ,
 Да при высокому.
 Да во которомъ терему
 Да во которомъ высокому
 Дѣвица сидѣла,
 Да красная сидѣла.
 Да она шила коверъ
 Она шила шитой
 Вышивала,
 Да вышивала.
 Да вышивавъ коврѣ.
 Да вышивавъ коврѣ
 Сдивовалась,
 Да сдивовалась.
 Да сдивовавъ коврѣ
 Да сдивовавъ коврѣ
 Сговорила,
 Да сговорила.
 Да чтоль кому этотъ коверъ
 Чтоль кому этотъ шитой
 Достается,
 Да достается.
 Да доставался коверъ —
 Да доставался шитой
 Младому мужу,
 Да младому мужу.
 Да я могу жъ ковра —
 Я могу жъ ковра
 Поприбавить,
 Да поприбавить.
 Со всѣхъ четырехъ со сторонъ —
 Со всѣхъ четырехъ со сторонъ
 По два узора,
 Да по два узора.
 Да я по маленькому —
 Да я по маленькому
 По кружечку,
 Да по кружечку.
 Да по лазуревому
 Да по лазуревому
 По цѣточку,
 Да по цѣточку!

ГРИГОРІЙ ПАРИХИНЪ.

Тихвинскій купецъ.

ПРОГУЛКА ПО ДУНАЮ ОТЪ РЕГЕНСБУРГА

къ

ВЪНЬ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ГР. Ф. С. — КА)

Это было въ половинѣ сентября 18** года; посѣтивъ сѣверную Германію, Голландію и Францію, я возвращался домой черезъ Стразбургъ, Штутгардъ и Мюнхенъ; въ последнемъ изъ нихъ, мнѣ предстояли для выбора двѣ дороги къ Вѣнѣ: одна, сухимъ путемъ, черезъ Тирольскія горы; другая черезъ Регенсбургъ, и следовательно, по Дунаю, къ самимъ предмѣстіямъ этой столицы. Мнѣ сказали, что последняя изъ нихъ, сколько невыгодна, столько же и привлекательна красотою живописныхъ видовъ на берегахъ Дуная, потому, что изъ Регенсбурга переѣзжаютъ обыкновенно на простомъ суднѣ, построенномъ для одного лишь перевоза товаровъ, которое по причинѣ быстроты рѣки не можетъ идти противъ теченія, и, потому, спустивъ

его въ назначенное мѣсто, ломаютъ и продаютъ на дрова. — Не многіе изъ путешественниковъ избираютъ эту дорогу; всякій предпочитаетъ ей ближайшую и выгоднѣйшую; — я однако жъ, следуя влеченію свойственной намъ суэтности, избралъ менѣе посѣщаемую, и, следовательно, менѣе известную, — привлекаемый сверхъ того предвиднымъ удовольствіемъ поѣздки по одной изъ величайшихъ рѣкъ Европы, — по рѣкѣ, надъ берегами которой минувшія столѣтія оставили памятники своихъ дѣяній, среди прелестнѣйшихъ произведеній природы.

Свѣжіе снѣга покрывъ Тирольскія горы, охолодили въ особенности атмосферу въ Мюнхенѣ, при выѣздѣ моемъ изъ этой столицы; но за то, что за привлекательный былъ видъ этихъ горъ

въ некоторомъ разстояніи отъ города! Вершины ихъ, озаренныя свѣтлымъ спокойнымъ утромъ, красовались въ своей новой снѣговой ризѣ, будто торжествуя какой нибудь праздникъ среди лазурнаго неба. внизу, темная синяя скаль, не касаясь земли, исчезала въ необозримомъ пространствѣ, черезъ роши, дуга и поля, за чертою видимаго горизонта, обозначенною разноцвѣтными красками на сумрачномъ нѣбѣ покрывалъ.

Семнадцати-мильное разстояніе Мюнхена отъ Регенсбурга, не много представляетъ любопытныхъ картинъ. Быстрое теченіе Ивера при городѣ Landsbut, оборонительный некогда замокъ Trausnitz, возвышающійся на горѣ подъ этимъ городомъ и состоящій какъ говорятъ, изъ 134 комнатъ; — каедральный соборъ съ одною изъ величайшихъ въ Германіи башенъ, и сельскіе домики построенные на подобіе Швейцарскихъ хижинокъ, чѣмъ они и отличаются отъ деревенскихъ Нѣмецкихъ домовъ: — вотъ единственные предметы, которые занимали насъ въ этомъ путешествіи. — Чѣмъ ближе къ Регенсбургу, тѣмъ окрестность становится веселѣе; вдали показываются высокіе берега Дуная; бѣлые домики и башни церквей блестятъ у подошвы горъ покрытыхъ деревьями или виноградниками. Въѣзжая въ городъ мы увидѣли публичный садъ, и разставленные среди его кюмбовъ надгробные памятники: они воздвигнуты здѣсь въ память мужей служившихъ честно отечеству; мужей, которыхъ колыбели стерегъ некогда этотъ городъ, и которыхъ гробы хранитъ теперь тишиный этотъ садъ. Замѣчательнѣйшій изъ памятниковъ, не столько по своей постройкѣ, сколько по останкамъ, въ немъ хранимымъ, принадлежитъ могилѣ Кеплера.

Прекрасна была мысль — устроить кладбище для заслуженныхъ и любимыхъ земляковъ тамъ, куда потомки

ихъ собираются для игры и увеселенія. — Это соединеніе достойнѣйшихъ и блистательнѣйшихъ воспоминаній прошедшаго съ вседневною жизнію народа, невольно заставляетъ людей; топчущихъ знаменитыя могилы, обратить вниманіе на то, что одна только заслуга и добродѣтель могутъ пережить суету мірской славы. На могилахъ родныхъ и друзей воспоминаніе проведенныхъ съ ними минутъ исторгаетъ изъ глазъ нашихъ нежнѣйшія слезы; при гробовыхъ камняхъ знаменитыхъ мужей, возвышается нашъ разумъ, просвѣтляется воображеніе доблестью жизни, и человекъ невольно узнаетъ то высшее утѣшеніе, которое возбуждаютъ въ немъ однѣ лишь его достоинства!

Регенсбургъ, древняя столица Германскихъ владѣній, носитъ на себѣ отпечатокъ своей дряхлости; высокіе, старые дома; тѣсныя извилистыя улицы, принадлежатъ времени, когда еще ни кто не заботился о симметрическомъ украшеніи городовъ. Ратуша, церковь готической архитектуры и каменный мостъ на Дунаѣ, всего болѣе въ городѣ возбуждаютъ любопытство; особенно каедральный соборъ, съ высокими, смѣлыми сводами и съ разноцвѣтными стеклами въ окнахъ, чрезъ которыя солнечные лучи распространяютъ, такъ сказать, свѣтъ среднихъ вѣковъ по темнымъ, стѣнамъ церкви. — При храмѣ двѣ башни, изъ которыхъ одна еще не кончена; съ ней видна мостъ на Дунаѣ, въ 1091 футовъ длиною, построенный на 15 огромныхъ каменныхъ аркахъ.

Мы не долго оставались въ Регенсбургѣ, потому, что судно, отправлявшееся съ Голландскими сырами изъ Ульма въ Вѣну, должно было отчалить отъ берега на другой же день послѣ нашего приѣзда. Одна наружность этого судна и неблаговопіе перевозимаго на немъ товара, могли уже возбудить отвращеніе въ путешественникъ, мѣтве

моего привыкшемъ сносить неудобствія дороги, лишь бы только поспѣть прекрасную страну. Но что сказать о многочисленномъ и пестромъ обществѣ, съ которымъ пришлось мнѣ познакомиться и продолжать вмѣстѣ путешествіе? — Впереди нѣскольکو скитающихся ремесленниковъ, ничего неплатящихъ, но обязанныхъ только поочередно грести веслами, и ссорящихся при каждой перемѣнѣ очереди въ этомъ утомительномъ трудѣ. Сзади, частію въ тѣсной каютѣ, частію на узкой палубѣ, отдѣленные отъ путешествующихъ прислужниковъ кучкою сыровъ, гости высшаго разряда: полковой экск-цирульникъ, ищущій счастья и киданія крови въ дальнѣйшихъ окрестностяхъ, совсѣмъ еще его незнающихъ; лавочникъ съ сундукомъ товаровъ, охраняющій его въ непрерываемомъ ничѣмъ молчаніи; какая-то, быть можетъ добрая, но несносная для сотоварищей путешествія, мать съ двумя визжащими дѣтьми; четверо студентовъ лѣсной школы похожихъ на бандитовъ своими усами, бородами, шляпами и палками, — вотъ любезное общество, о которомъ я должепъ былъ забывать всякій разъ, когда мнѣ хотѣлось предаться душою возвышеннымъ чувствамъ, возбужденнымъ обворожительнѣйшими картинами природы, и которое, то своимъ крикомъ, то пѣснями, то табачнымъ дымомъ, безпрестанно тревожило утомленные мои мысли.

Судно наше плыло медленно; такъ, что едва можно было замѣтить, что оно подвигается впередъ, и не только рассмотреть, но даже снять на бумагу главнѣйшіе очерки древнихъ замковъ, торчащихъ на горахъ, между лѣсами. На самой ближайшей къ Регенсбургу горѣ возвышаются развалины замка Donau-Stauf, выстроеннаго на закругленной ея вершинѣ; далѣе уцѣлѣвшій вполнѣ замокъ, Woerth, который, при частыхъ изгибахъ рѣки, со всякой

стороны иначе представляется плывущимъ. — Лучи заходящаго солнца бросали яркій блескъ на дрихлые дубы острова, видяющагося посреди Дуная, и дрожа въ быстрыхъ валахъ, разсѣвали по всей окрестности это меланхолическое сіяніе угасающаго дня, которое невольно возбуждаетъ въ душѣ раздуміе о невозвратныхъ минутахъ былаго.

Есть какая-то особенная прелесть въ путешествіи водою. Привыкнувъ къ безопасному но слишкомъ обыкновенному странствованію сухимъ путемъ, мы нервдко оставляемъ его съ радостію, и пускаемся по раздольному простору стихій, гдѣ одна ломкая доска отдѣляетъ насъ отъ глубокой могилы. Чуждые низкихъ зрѣлищъ и всего что приковываетъ насъ къ мѣстамъ и людямъ, мы ищемъ новыхъ впечатлѣній среди бездоннаго пространства, и, взирая съ восхищеніемъ на колеблющіяся въ тихую погоду валы, забываемъ, что и въ глубинѣ ихъ, и съ заоблачныхъ высотъ угрожаетъ намъ двойная опасность. Истинный образъ человеческой слабости! Лишь только очнутя въ душѣ желанія, — и уже мѣсто назначенное намъ среди общества на землѣ, кажется слишкомъ тѣснымъ, слишкомъ обыкновеннымъ; — мы рвемся все далѣе, все выше, забывая, подобно мореплавателю, что парямъ надъ гибельною бездною, въ которую могутъ насъ низвергнуть и собственные наши заблужденія и грозящіе свыше удары!

Среди этихъ думъ, пробужденныхъ въ душѣ при взглядѣ на мимолетный слѣдъ, оставляемый судномъ нашимъ на прозрачной поверхности Дуная, я почувствовалъ нечаянный ударъ ладьи о берегъ къ которому мы пристали; движеніе весель утихло; голось кормщика напомнилъ о привалѣ. — Мы принуждены были выдти для ночлега въ небольшомъ прибережномъ селѣ; — здѣсь наступилъ для меня обыкновенный

въ жизни нашей переходъ, отъ милыхъ, внутреннихъ чувствованій къ неприятнымъ впечатлѣніямъ извнѣ, отъ возвышеннѣйшихъ думъ, до самой приторной дѣйствительности. Общество наше раздѣленное на суднѣ различнымъ занятіемъ и помѣщеніемъ такъ, что каждый самъ съ собою, или съ равнымъ себѣ обращался, соединилось опять на берегъ, и обратилось къ находящемуся въ некоторомъ разстояніи питейному дому. Трудно было отлучиться и избѣгнуть неприятнаго впечатлѣнія, производимаго обыкновенно на насъ сообществомъ людей, съ которыми мы не желали бы имѣть ни чего общаго.

Разбуженный передъ разсвѣтомъ, послѣ ночи среди разгульнаго шума проведенной, я былъ въ томъ неприятномъ положеніи неудовлетворенной нужды отдыха, которое дѣлаетъ насъ неспособными къ воспріятію сладостныхъ впечатлѣній отъ окружающихъ насъ предметовъ, и заставляетъ предпочитать минуту сна всѣмъ другимъ удовольствіямъ. — Я приютился какъ могъ въ тѣсномъ уголкѣ такъ называемой каюты нашего судна; но непрерывный разговоръ моихъ товарищей на несносномъ южномъ нарѣчій, и сгущенный дымомъ шести трубокъ воздухъ, выгнали меня вскорѣ изъ этого убѣжища на палубу. Впечатлѣніе прежнихъ неудовольствій сдѣлало все для меня несноснымъ, даже свѣтлые лучи восходящаго солнца, озарившіе среди туманнаго сумрака церковь съ чудотворною иконою, воздвигнутую среди высокой горы на развалинахъ замка Bogenberg; далѣе, огромное зданіе аббатства Oberarthai, бльвущееся между деревьями, у подошвы горъ, среди прекрасной долины, и башни города Sigauhing, смотрящіяся въ вѣковы въ лазурныхъ водахъ Дуная.

Черезъ нѣсколько времени безмолвіе наше прервано было набожными пѣснями, долетавшими съ бережья; у по-

дошвы круглой горы, покрытой темнымъ лѣсомъ, съ свѣтлѣвшимися на вершинѣ остатками замка Naternberg, — медленно тянулся длинный рядъ людей различнаго пола и возраста, шедшихъ на богомоліе въ незадолго предъ симъ видѣнную нами чудотворную церковь; въ некоторомъ отъ него разстояніи на зеленой муравѣ отдыхала другая такая же группа. Разноцвѣтные платья этихъ людей, прекрасно разнообразили побережье, отражаясь въ зеркалѣ рѣки. Долго еще потомъ во все слабѣе и слабѣе раздавались голоса ихъ пѣсень.... Все оживляло живописную картину Наддунайской окрестности.

Солнце стало закатываться; я съѣлъ на носу судна, желая уйти какъ можно далѣе отъ моихъ товарищей, и глядя на тихій закатъ дневнаго свѣтила, на эту столь обыкновенную, но всегда привлекательную картину, предался безмятежному наслажденію, которое зарождаетъ въ насъ — пробужденныя вечернею тишиною думы. Какое различіе между впечатлѣніями, производимыми на насъ путешествіемъ водою, и впечатлѣніями странствованія по сухому пути, и между людьми! Мы издали взираемъ на жилища современниковъ и на развалины убѣжищъ нашихъ предковъ; въ тѣхъ мы изображаемъ себѣ людей такими, какими желали бы ихъ видѣть; въ этихъ представляемъ ихъ быть въ томъ видѣ, въ какомъ изображаютъ намъ его историческія преданія и обогащенное ими воображеніе; мы создаемъ міръ мечтаній, разукрашенный желаніями и воспоминаніями, доколѣ встрѣча съ людьми или съ другими мѣстами не разсвѣтъ, всѣхъ нашихъ виднѣй. Очарованіе исчезаетъ вблизи; мы видимъ людей и ихъ дѣла безъ прикрасъ, которыя придаетъ имъ наше воображеніе. . . . Всѣ грезы и видѣнья въ прахъ разбиты тревогами жизни!! Мы начинаемъ жить чужою жизнью, болѣе чѣмъ своею собственною, и когда кончатся наше

страшное, когда произведенныя имъ на насъ впечатлѣнія перелыются въ однѣ лишь воспоминанія, — тогда только мы вполне можемъ оцѣнить оставленные ими въ душѣ нашей слѣды. . . . Хотите ли разсмотрѣть землю, будто сквозь волшебное стекло, представляющее въ самыхъ прелестнѣйшихъ картинкахъ природу? Поднимитесь надъ горизонтомъ, станьте на вершинѣ скалы, теряющейся среди облаковъ, или въверте жизнь свою ладью, несущейся по влажному пространству надъ берегами земли!

Душа разнѣженная сладкими мечтами, никогда не хочетъ покинуть ихъ и продолжаетъ теряться въ проникающемъ ее чувствѣ. Впечатлѣнія вечера отразились и во снѣ, и приготовили сердце къ лучшему постиженію прелестей наступающаго утра. — Солнце еще не взошло, когда наше судно отчалило; первые лучи денницы сіяли за лазурью высокихъ горъ; легкій туманъ покрывалъ долины, медленно поднимаясь вверхъ, подобно бѣлому дыму; холмы на лѣвомъ берегу Дуная покоились еще въ тѣни, между тѣмъ, какъ луга, рощи и села въ долинѣ на противоположномъ его берегу озарены были разительнѣйшимъ свѣтомъ. — Такое утро, проведенное среди очаровательнѣйшихъ картинъ возноситъ младенческую мысль нашу съ чувствомъ вѣры и надежды къ престолу Всевышняго, туда — куда въ страданіи обращается со слезою каждое око, и грустное упованіе ищетъ благаго утѣшенія.

Весь день этотъ сопровождаемый столь прелестными впечатлѣніями, я провелъ съ удовольствіемъ; все казалось мнѣ пріятнымъ, веселымъ; даже завтракъ въ древнемъ мѣстечкѣ Osterhofen, показался вкуснѣе обыкновеннаго нѣмецкаго кушанія. — Но всего болѣе привлекло мое вниманіе устье рѣки Vils въ Дунай, подъ мѣстечкомъ, Vilshofen: любуясь прекраснымъ видомъ, на лѣвомъ берегу Дуная, я восхищался вмѣ-

стѣ и положеніемъ города, который въ этомъ отношеніи занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между городами Европы. Послѣ нѣсколькихъ часовъ дороги, мы очутились вдругъ въ значительно суженномъ руслѣ рѣки; огромныя скалы, возвышающіяся съ обѣихъ ея сторонъ образовали узкое ущелье, на днѣ котораго протекаетъ Дунай. Дорога, выломанная не задолго въ скалѣ, вѣется у подошвы горъ на правомъ берегу; — при поворотѣ ея, лежатъ колоссальный левъ изъ песчанаго камня, на пѣдесталѣ и на повиснувшей надъ самымъ берегомъ скалы. Это символъ Баваріи, воздвигнутый здѣсь въ память дороги, пробитой въ скалѣ съ величайшими издержками по повелѣнію покойнаго короля Баваріи. Этотъ довольно обыкновенный истуканъ поражаетъ всякаго путешественника: онъ стоитъ среди дикой природы, окруженный отвескою скалами и увѣнчанный тѣнистыми, угрюмыми слоями; — здѣсь нѣтъ слѣда воздѣлывающей и совершенствующей руки человека. . . . какъ единственное произведеніе искусства, онъ возвышается здѣсь одинокій среди дѣловыхъ громадъ, будто въ удивленіе всей этой необразованной страны! — Скалистая стѣна, съ обѣихъ сторонъ рѣки, скрывали на нѣкоторое время предъ нами городъ; вода летѣла, кипя все крѣпче и крѣпче въ сжатомъ руслѣ. . . . Мы взѣхали на открытомъ мѣстѣ; — посреди рѣки находится островъ, мокрый низкими деревьями, надъ которыми торчатъ церковныя башни; на лѣво, еще выше, надъ самой оконечностію скалы, гордо высится укрѣпленіе, споря о первенствѣ со всею окрестностію. Мы миновали островъ; здѣсь — картина разивается: красивый городъ Пассау съ высокими каедральными башнями, глядится въ зеркалѣ Дуная; длинный каменный мостъ соединяетъ оба берега; укрѣпленіе, совершенно открытое взорамъ, громитъ, кажется, всей окрестности, а суровымъ,

недоступныя скалы, на которыхъ оно возвышается, живописно противоположны бѣлымъ стѣнамъ города. Осмотръ паспортъ отнялъ у насъ нѣсколько часовъ времени и не позволилъ посетить города и противулежаще валы цитадели. Съ вершины ея смотритъ весь городъ, раздѣленный теченіемъ трехъ рѣкъ на три части: первая, составляющая собственно Пассау, находится между Дунаемъ и рѣкою Инномъ; вторая, Инштадтъ, лежитъ за той же рѣкою, соединенная съ первою мостомъ; третья, при устьѣ р. Ильсъ въ Дунай, отдѣлена отъ второй тою же рѣкою. Съ высотъ укрѣпленія переходить обыкновенно, чрезъ большія, въ скалы устроенныя ворота, которыя напоминаютъ собою извѣстный въ Саксонской Швейцаріи Kulstal.

Въ самомъ городѣ Пассау достоинъ привычанія кафедральный соборъ Св. Стефана, который сгорѣлъ въ 1662 году, но послѣ былъ еще лучше отстроенъ; своды и колонны, на которыхъ онъ утверждёнъ, украшены богатыми барельефами и фресками. — Мы застали въ городѣ ярманку и многочисленное собраніе окрестныхъ жителей, — и хотя красота Пассаускихъ женщинъ вошла въ пословицу, однако жъ въ этотъ разъ, мнѣ показалось, что это совсемъ не справедливо; — потому, что за исключеніемъ одного только замѣчательнаго личика, котораго красоту уменьшало нероманическое занятіе продажей вина въ питейномъ домѣ, всѣ прочія во множествѣ видѣнныя мною въ городѣ, отнюдь не оправдывали названія *прекраснаго пола*, которое мы, мужчины, единственно изъ снисхожденія, даемъ всѣмъ женщинамъ. Привычка особеннымъ образомъ убирать голову, сдѣлалась слишкомъ обыкновенною; и потому не возможно было казаться хорошею при зачесанныхъ вверхъ подъ низкую, золотую застежку волосахъ, или темной головною повязкѣ, насажденной почти нижней части лба.

Въ некоторомъ разстояніи отъ Пассау намъ представилось устье двухъ рѣкъ въ Дунай, раздѣляющихъ этотъ городъ на треугольники; рульщикъ обратилъ наше вниманіе на р. Ильсъ, увѣряя, будто бы въ ней находится жемчугъ; нѣкоторые изъ путешественниковъ смотрѣли на нее съ любопытствомъ; я обратилъ вниманіе на живописныя берега, темными слоями покрытыя скалы, и, въ особенности, на воздвигнутое на одной изъ нихъ зданіе, котораго бѣлыя стѣны кажутся перпендикулярнымъ продолженіемъ поддерживающихъ ихъ громадъ. Это опасное гнѣздо называется у простолюдиновъ *das Schneiderloch*, отъ внезапной, какъ говоритъ преданіе, смерти одного портнаго, который ринулся съ высотъ этихъ въ пропасть съ любимымъ своимъ козломъ, схвативъ его за хвостъ на лету. Бѣдные, эти пѣмецкіе портные! Вездѣ и всегда они участвуютъ съ козлами въ какой нибудь винъ, и служатъ предметомъ для всеобщаго посмѣшища народа. — День воскресный населилъ, такъ сказать, Дунай провозжики; въ первый разъ въ повзѣкъ нашей мы встрѣтили ладьи съ народомъ; онъ возвращались съ Пассауской ярмарки; вся окрестность дышала жизнью. Вечеромъ мы вышли на берегъ въ послѣднемъ изъ пограничныхъ городовъ Баваріи Hafnersche Иъ прекрасно выстроенномъ у подошвы горы надъ берегами быстрой рѣки. — Луна ярко озаряла всю окрестность, и совершенно въ другомъ видѣ представляла намъ прекрасные виды, которыми въ продолженіе всего дня мы пѣвлялись.

Плаваніе наше на другой день было непродолжительно; потому, что въ разстояніи двухъ миль отъ мѣста ночлега, судно наше было задержано пошлинной Австрійской конторкою въ г. Engelhardtschell, гдѣ мы принуждены были оставаться весь день для осмотра товаровъ и другихъ находящихся при насъ вещей. — Здѣсь граница между

Австрію и Баварію: огромный камень, торчащій почти посреди Дуная, служить знакомъ предѣла двухъ этихъ державъ. Наконецъ на другой день въ 9 часовъ утра, мы отправились въ дальнѣйшій путь; при трогательномъ прощаніи нашемъ съ досмотрщиками, забавлявшими насъ 24 часа, мы узнали, что еще два раза — въ Линцъ и Вѣну будемъ принуждены подвергнуться подобному же приему. Въ этой окрестности видъ береговъ и русла рѣки совершенно измѣняется; цѣпь скалъ прекращается съ обѣихъ сторонъ; Дунай раздольно плыветъ по долицамъ, окружающимъ особенно деревню Архахъ; острова покрыты растеніями и частые водовороты замедляютъ плаваніе; вдали указываются горы, и на одной изъ нихъ древній, отстроенный въ послѣдствіи замокъ — мѣсто рожденія одного изъ Императоровъ Германіи, отъ чего и получилъ онъ названіе Ottensheim: онъ стоитъ на вершинѣ горы окруженной со всѣхъ сторонъ городкомъ того же названія.

Въ 3 часа по полудни мы пристали къ берегамъ Линца; солдаты, разставленные на пристани и даже на самомъ суднѣ, не позволили никому изъ насъ выдти, доколѣ вещи и паспорта наши не были осмотрѣны, и при томъ снисходительнѣе, чѣмъ мы этого ожидали, за исключеніемъ только остатка Турецкаго табаку, благополучно перевезеннаго мною чрезъ двѣ части Европы, и высыпаннаго здѣсь въ Дунай для устраненія заразнаго для здѣшней атмосферы контрабанднаго дыму.

Въ Линцѣ мы были удивлены скалистою поверхностію этого города; длинный рядъ домовъ утверждён на высотахъ дикихъ скалъ; — мостъ соединяетъ двѣ отдѣльныя части города; вдали, за предмѣстіемъ, находящимся на лѣвомъ берегу, видна чудотворная церковь, сооруженная на высокой горѣ. Линцъ принадлежитъ къ числу большихъ городовъ, выстроенъ хорошо и

отличается особенно длиною улицею и рынкомъ, среди котораго стоитъ статуя, воздвигнутая въ память морской лавы, которой мысль чрезвычайно вѣрно изображена рѣзбою: на четырёхугольномъ гранитномъ пьедесталѣ, возносится перпендикулярное облако изъ бѣлаго мрамора, въ видѣ спиральной колонны, украшенное со всѣхъ сторонъ, вызолоченными головками ангеловъ, а сверхъ него изображеніе Св. Троицы. — Отъ Линца суда плывутъ гораздо быстрее, по причинѣ увеличивающейся наклонности русла. — Прѣхавъ еще три мили по равнинамъ, мы встрѣтили среди острова живописныя развалины, называемыя Spielberg; далѣе миновавъ городокъ Mauthausen, получившій это имя отъ стараго набережнаго дома, въ которомъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій собираема была пошлина, мы увидѣли надъ берегами прекрасныя гранитныя скалы, которыя снабжаютъ всю Вѣну камнями для мостовой. Эти скалы становятся еще живописнѣе за мѣстечкомъ Kraib, гдѣ въ особенности поражаетъ путешественника, первый разъ посѣщающаго это мѣсто, внезапное паденіе Дуная огромною, стремительною массою воды, летящею все ниже и ниже, такъ, что кажется будто вся рѣка низвергается по отлогому, искусствомъ устроенному руслу. Чрезъ нѣсколько времени намъ послышался вдали чрезвычайный шумъ воды; намъ сказали, что судно наше приблизилось къ славному водовороту (Ger Strudel), который вмѣстѣ съ слѣдующимъ за нимъ водоворотомъ (der Wirbel) составляетъ самыя опаснѣйшія переходы чрезъ Дунай, до такой степени, что всѣ, желающіе изъ окружающихъ окрестностей переѣхать здѣсь Дунай, нанимаютъ обыкновенно мѣстнаго рульщика для переправы судовъ чрезъ эти двѣ бунтующія пучины.

У самаго изгиба ущелія, Дунай вдругъ виспадаетъ со скалъ на другія меньшія скалы, между которыми вода съ

пенциарной быстротою ищетъ себя простора, вздымаетъ валы и разбиваетъ ихъ объ оковывающія ее со всѣхъ сторонъ громады. По срединѣ рѣки живописно возвышается значительной величины скала, покрытая густыми елями, и на одномъ изъ ея краевъ, знамя Спасителя, предостерегающее путешественниковъ о неизбежной опасности, и напоминающее, что всякій изъ нихъ долженъ возноситься мыслями къ Всеблагому Творцу. — У подошвы этой скалы, вдоль течения рѣки, находится каменная плотина, по повелѣнію Императрицы Маріи Терезіи сооруженная, которая стѣсняя русло рѣки, обезпечиваетъ нѣсколько дорогу. Окруживъ на лету судна эту скалу, мы замѣтили на противоположномъ берегу, у другаго ея изгиба, еще красивѣйшую скалу со старыми развалинами, на вершинѣ которыхъ какъ будто для увеличенія красоты этого мѣста, растетъ огромная ель, а у подножія четыре-сторонней башни, покоятся живописнаго вида скалы, вокругъ коихъ съ шумомъ разбрызгиваются пѣнистыя волны.

Миновавъ этотъ водоворотъ, мы увидѣли на право передъ собою, среди воды, еще одну скалу, башню и болѣе замѣчательныя, чѣмъ прежде, развалины, а на камнѣ, перпендикулярно стоящемъ надъ бездною, крестъ и статую Св. Іоанна *Непомучена*. Это былъ ожидаемый нами водоворотъ (der Wirbel). Вода стремясь изъ ближайшей пучины, встрѣчаетъ бездонную глубину, бурлитъ, низвергается, и въясъ страшными кругами, разступается ужасающею взору бездною. Рульщикъ удаляется отъ этого опаснаго мѣста, и кончивъ переезду, подходитъ къ всякому путешественнику, прося не большой награды за благополучный перевозъ судна. Мѣстное обыкновеніе велитъ еще сверхъ того посвятить не большую сумму для бѣдныхъ, послѣ избѣжанія всѣхъ этихъ опасностей; — съ берега посылаема обыкновенно бы-

звать лодка съ квесторной, собирающею эту, такъ сказать, дань ужаса; весь этотъ эпизмательный эпизодъ путешествія, совершенный въ безмятежной опасеніи, даже среди шума возмолнованныхъ валовъ, могъ бы столь же поэтически кончиться, какъ и былъ начатъ, еслибы вмѣсто старой и дурной собою женщины, приплыла съ берега къ спасенному судну, молодая, одѣтая въ бѣлое платье квесторка, и своимъ появленіемъ возвратила спокойствіе встревоженнымъ недавно сердцамъ.

Пока хорошая погода намъ благоприятствовала, дотолъ все шло хорошо въ моемъ путешествіи; но когда дождь припудилъ насъ скрыться въ тѣсной каютѣ и искать сквозь маленькое окно воздуха и открытаго вида; когда туманенная ненастьемъ окрестность исчезла совершенно изъ виду, — всѣ удовольствія, для которыхъ я единственно рѣшился на столь невыгодную повѣзду, среди чуждаго и докучливаго общества, исчезли въ одно мгновеніе. Я заложилъ уши бумагою, чтобы не слышать шумнаго разговора, и высунувъ лицо сквозь рѣшетку окна для отдыха на свѣжемъ воздухѣ, отчужденный такимъ образомъ мыслящею моею частію отъ сосѣдей, смотрѣлъ попеременно то на башни возвышавшіяся на прибрежныхъ скалахъ, то на паденіе мелькавшей среди елей рѣки, то на оставляемые нами вдали селенія.

Одинъ только день оставался намъ до конца дороги; и хотя это былъ седьмой день отплытія судна нашего изъ Регенсбурга, однакожь я нисколько еще не былъ выведенъ изъ терпѣнія: доказательство, сколько неудовольствій можемъ мы забыть среди безмятежнаго совѣщанія души нашей съ красотою природы. Съ другой стороны быстрота плаванія отъ города Ланца, много тоже способствовала къ удержанію моей твердости, хотя мы и напрасно потеряли 5 дней свободной дороги

отъ Регенсбурга къ этому городу, гдѣ на пространствѣ славнаго 30 миль, и рѣка и люди столько противупологаютъ ей преградъ.

Въ концѣ путешествія, вся прибрежная окрестность принимаетъ другой видъ; горы и скалы исчезаютъ; дорога продолжается къ самымъ стѣнамъ Визны по однимъ лишь равнинамъ. Историческіе памятники поражаютъ живою воображеніемъ. — Недалекъ отъ города Штейнъ мы были удивлены развалинами укрѣпленнаго, некогда, на высокой горѣ и славнаго, еще во время крестовыхъ походовъ, замка: здѣсь-то провелъ столько горькихъ, дней герой того времени, Ричардъ Лыцное-Сердце, Король Англійскій; подъ одною изъ этихъ низвергнутыхъ сегодня башенъ, вѣрный Блондель прерывалъ пѣсню ночное безмолвіе, желая извѣстить своего павшаго владыку, что благодарность и дружба успѣли открыть мѣсто его за-

тѣщенія. . . . Наши-то поэтическія ассоціаціи окружающія, кажется, эти груды, прожившія славнаго 17 столѣтій. . . . Когда луна броситъ свои лучи на эти распавшіяся громады, мы ищемъ среди нихъ того окна на башнѣ, въ которомъ Ричардъ явился своему другу, и въ игрѣ пробужденнаго воспоминаніемъ воображенія, ожидаемъ, не нарушить ли опять голосъ Блонделевой пѣсни этого ночнаго безмолвія? . . .

Далѣе, въ концѣ путешествія, когда уже показываются башни столицы, мы увидѣли вершины горы, ничего живописнаго не представляющей, но за то обворажающей воображеніе тысячами историческихъ воспоминаній. Полтора вѣка промчалось уже съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь, на этой горѣ, стояли мощныя полчища, спасшія Европу и все Христіанство отъ грознаго напора бу-сурмановъ.

1840 10 марта
С. Н. Б.

ЖЕНСКИЙ ПОЛЪ

ВЪ ИНДОСТАНЪ.

— — —

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

1-е.

Красота физическая. — Одежда женщинъ. Ихъ нравственный характеръ.

Если по словамъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Индію по сю сторону Ганга, почти весь мужской полъ въ Индостанѣ можно назвать племенемъ красавцевъ: то что сказать о женщинахъ? . . . Онѣ просто — очаровательницы: гораздо красивѣе мужчинъ! и вмѣстѣ съ тѣмъ, почти всегда — милы и любезны. Въ отношеніи къ нимъ, каждая область Индіи имѣетъ свой собственный отпечатокъ, свой особенный типъ пластической прелести. Мы ограничимся, однако же, общимъ очеркомъ этихъ милыхъ Индіянокъ. Станъ ихъ правиленъ, прямъ, граціозенъ, отличается округлостью формъ; всѣ члены ихъ симметрически и стройно расположены, гибки и нѣжны; ростъ красавицъ сихъ не высокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ нѣчто величественное; всѣ движенія ихъ благородны, свободны, выразительны; ножки и ручки крошечны; небольшая прелестная головка, нѣсколько продолговатое лицо

съ греческой физономіей, съ такимъ профилемъ, что могъ бы служить дивною моделью для любого скульптора; однимъ словомъ всѣ черты ихъ изящны, кромѣ устъ, которыя по большей части слишкомъ прямы и широки; а если малы, то какъ-то сжаты, или натянуты. Но что за глаза! сколько въ нихъ блеска, живости и — не смотря на то, кротки, нѣжны, какъ глаза газели! Дугообразныя брови ихъ правильно рисуются надъ длинными, густыми ресницами. Черно-глянцовые волосы рассыпаются обильными каскадами естественныхъ кудрей. Цвѣтъ кожи довольно разнообразенъ: иногда сравнительно бѣлъ, какъ у жидовокъ въ Англіи, иногда переходитъ онъ черезъ всѣ отливы шафранной желтизны, цвѣтовъ табачнаго, мѣднаго, акажу, испанской лакрицы, а иногда представляетъ оливковые, или бронзовые оттѣнки. Не смѣйтесь! Эти оттѣнки смуглости имѣютъ свою особую прелесть и не

рѣдко самый бронзовый цвѣтъ кожи Индостанскихъ красавицъ блещетъ чѣмъ то чудеснымъ. Правда, туземцы предпочитаютъ ему близину Англичанокъ; но и смуглость Индусская до того иногда имъ нравится, равно какъ и Европейцамъ, что они охотно извиняютъ неправильность губъ, особливо — когда на нихъ пробудится улыбка сочувствія, веселости или лукаваго любопытства.

Всѣ авторы писавшіе объ Индостанѣ—Ормъ, Суза, Бернье, единодушно превозносили чары Индусскихъ женщинъ и по этому — то вошло въ пословицу у Португальцовъ — Англичанъ и Голландцовъ, что «для въѣзда въ царство Бенгальское есть сотни дорогъ, а на въѣздъ оттуда — ни одной.»

Въ простотѣ сердца своего, старикъ Бернье рассказываетъ одинъ анекдотъ, который явно свидѣтельствуетъ, что — путешественникъ сей не равнодушно смотрѣлъ на красоту востока.

«Женщины Индостана, говоритъ онъ, действительно прекрасны и охотно предаются иностранцамъ посвящающимъ дворъ великаго Могола, въ надеждѣ родить отъ нихъ дѣтей не столь смуглыхъ какъ Индусы, и которыхъ бы можно было назвать настоящими Моголами. Если судить о затворницахъ гаремовъ по тѣмъ женщинамъ низшаго званія, которыхъ встрѣчаемъ на улицахъ, или въ торговыхъ лавкахъ, онѣ истинно миловидны. Въ Лагорѣ, гдѣ онѣ славятся чистоплотностію, стройностію и могутъ по справедливости назваться прелестнѣйшими смуглянками въ цѣломъ мірѣ, я прибѣгалъ всегда къ такъ называемой могольской розѣ, слѣдуя за красиво убранными слонами: на звукъ бубенчиковъ привѣщенныхъ къ этимъ животнымъ, всѣ женщины выставляли голову за окно; точно также поступалъ я и здѣсь, употребляя не разъ и другую приманку, по совѣту моего стараго наставника, толковавшаго мнѣ тогда смыслъ одной

Персидской поэмы. Я накупилъ цѣлый запасъ конфетокъ, и учитель мой пользовавшійся извѣстностію и вездѣ хорошо принятый, ввелъ меня домой въ пятнадцать, подъ именемъ своего родственника недавно прибывшаго изъ Персіи, и выдавая меня за богатаго жениха. При входѣ въ домъ, онъ обыкновенно раздавалъ дѣтямъ конфетки, и въ слѣдъ за тѣмъ, сбиралось около пастъ все отъ мала до велика, для получения своей части въ гостинцахъ; думать должно, что женщины выходили къ намъ совершенно съ другою цѣлью: вѣроятно съ тѣмъ, чтобы посмотреть чужеземца и показать ему себя.»

Индусскій женскій полъ рано зрѣетъ: лѣтъ десяти, или одиннадцати, дѣвочка ихъ уже становится невѣстою. Часто увидите вы красивую женщину менѣ двѣнадцати лѣтъ, уже матерью, съ маленькимъ младенцемъ ея при бедрѣ.*): За то красота этихъ раннихъ цвѣтковъ скоро вянетъ: Индостанка достигаетъ до апогея своихъ прелестей лѣтъ въ шестнадцать или оснадцать; — тутъ она въ полномъ блескѣ пластической красоты; въ тридцать пять она уже старѣется и прозывается *Бурла* (старуха). Въ высшихъ кастахъ, въ которыхъ женщины менѣ подвержены заботамъ, тяжкимъ трудамъ, и хлопотамъ семейственнымъ, это срочное время можетъ продолжаться, если женщина не слишкомъ предается изнурительной роскоши и не употребляетъ во зло

(*) Эти женщины весьма страннымъ образомъ носятъ своихъ малютокъ. Коль скоро ребенокъ войдетъ въ силу и начнетъ держать себя прямо, онѣ схватываютъ его подпирая ладвеей. Идучи въ этомъ положеніи женщина нѣсколько наклоняется на противоположную сторону для лучшей поддержки дитяти; и что всего удивительнѣе — таская ребенка своего такимъ необыкновеннымъ образомъ, молодая мать ходитъ и дѣйствуетъ весьма свободно.

теплыхъ ваннъ. Однажды состарѣвшись Индусская женщина утрачиваетъ всѣ слѣды своихъ обворожительныхъ прелестей; прежняя красота ея невозвратно исчезаетъ. Нельзя вообразить себѣ ничего отвратительнѣе Индусской старухи: это настоящій идеалъ вѣдьмы; мало изъятій изъ общаго правила: есть однакожъ одинъ примѣръ противнаго въ знаменитой Бегумъ Сумру, которая сохранила красоту свою имѣя слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ отъ роду, — примѣръ неслыханной долговѣчности въ этомъ знойномъ климатѣ.

Въ полномъ сознаніи своихъ прелестей и переходчивости вліанія ихъ на людей, Индоостанскія женщины не упускаютъ случаевъ выставлять ихъ во всемъ блескѣ и пользоваться тѣмъ кратковременнымъ срокомъ, который природа назначила для ихъ торжества. У нихъ есть множество секретовъ украшать себя, секретовъ неизвѣстныхъ нашимъ Европейкамъ. Онѣ не употребляютъ ни шнуровокъ ни китовыхъ усовъ и, вмѣсто нашихъ упругихъ, затянутыхъ корсетовъ, уродующихъ и терзающихъ женскій станъ, онѣ носятъ своей особенной выдумки шелковыя петельчатая эластическія корсажи, которые, поддерживая стройность стана, ни сколько не стѣсняютъ его и не уродуютъ. Корсажи эти называются у нихъ *Анджіа* (*Anggia*); вяжутся изъ шелка съ маленькими золотыми и серебрянными пуговочками, а иногда унизываются жемчугомъ и драгоценными каменьями. И Мусульманки, въ этомъ случаѣ, слѣдуютъ примѣру Индусскихъ язычницъ. Первые изъ нихъ надѣваютъ сверхъ корсажа родъ небольшого камзола или спенсера, плотно обнимающаго талію, съ короткими и узкими рукавами! Камзолецъ этотъ называется *курти* (куртка? куртичка?) и обыкновенно шить изъ цвѣтнго сукна, или такой же шелковой матеріи, украшается бахрамою и застегивается металлическими пугов-

ками. Шаровары, или *паджа* (*rajama*), шириную или полнотою своею походить на юпку и бываютъ, или шелковые, или газетовые, смотря по званію и богатству своихъ хозяекъ. Иногда, сверхъ панталонъ надѣвается небольшая сбористая юпочка въ родъ Персидской *Пешви* (*Peshwais*). Знатныя дамы завѣшиваютъ лицо большимъ шарфомъ, который можетъ иногда служить имъ и покрываломъ: руки, ноги, шея, голова и уши, однимъ словомъ — всѣ части тѣла ихъ обременены драгоценностями; въ носовомъ хрящѣ продѣто кольцо и не только нижняя часть уха, но и самыя края его увѣшаны серьгами.

Костюмъ Индусскихъ женщинъ отличается отъ одежды Мусульманокъ тѣмъ, что сверхъ анджіи, единственною одеждою служить имъ цѣлый кусокъ газовой матеріи, или тончайшей кисеи, сажень въ двадцать, или тридцать длиною, обнимающей все тѣло женщины въ нѣсколько перехватовъ и разсымающийся неизсѣдимымъ, но граціознымъ лабиринтомъ прозрачныхъ складокъ, вокругъ стана, ладвей, плечь, груди, головы и шеи, и при всемъ томъ, члены красавицъ вездѣ свободны, округлости формъ, стройность гибкаго стана не теряютъ ничего изъ своей прелести и пластически рисуются подъ этой сквозной, дымчатой тканью. Индусскія женщины обыкновенно расписываютъ свой лобъ разными узорчатыми знаками и орнаментами; чернятъ брови и протягиваютъ ихъ дугообразныя очерки посредствомъ чернаго притирающаго, въ составъ котораго входитъ антимонія, называемая у нихъ *Мисси*, или *зоегта* (сурьма?) И тѣмъ же самымъ порошкомъ красятъ онѣ и длинныя свои ресницы, что придаетъ глазамъ ихъ особый видъ томности.

У нихъ въ большой модѣ красить ногти на рукахъ и ногахъ розовою краскою извлекаемою изъ сока *Мегнди* (*Mehndi*); короче сказать, онѣ не

упускаютъ изъ виду ни одной продѣлки кокетства для обаянія тѣхъ, кто подходитъ къ нимъ; — прибавьте, что онѣ живутъ всегда въ атмосферѣ благоуханій: всѣ восточныя женщины страстно любятъ духи и ароматы.

Индусскія красавицы гораздо счастливѣе нашихъ и въ другомъ отношеніи: онѣ носятъ сандалии несжимающія и пековеркающія ихъ ноги, подобно узкой обуви нашихъ Европейскихъ щеголихъ. На счетъ ихъ умственныхъ способностей можно примолвить, что на нихъ взведены были великія клеветы: имъ долго отказывали даже въ остроуміи! объ этомъ не мѣшаетъ прочесть извѣстія сообщаемыя Серомъ Т. Монро и Полковникомъ Тодомъ. Многіе писатели непокидавшіе никогда береговъ Ганга, изобразили намъ Индусскихъ женщинъ совершенно въ превратномъ видѣ. Они представили ихъ какими то безграмотными полусуществомъ. Не угодно ли посмотрѣть, что говоритъ о нихъ полковникъ Тодъ, въ описаніи Раяпутскихъ женщинъ и вліянія ихъ на мужское общество: «Бесѣда Индуставокъ (писать весьма умная дама долго жившая въ обществѣ одного Индусскаго семейства) во все не скучна и чрезвычайно занимательна; всѣ онѣ одарены природнымъ умомъ и отменно въжливостью, любятъ говорить, говорятъ пріятно, щеголяютъ выразительностію языка и тонкостію своихъ замѣчаній о разныхъ предметахъ. Сначала показалось мнѣ все это загадкою, судя по отшельническому образу жизни и воспитанію ихъ вовсе не Европейскому; но я скоро перестала дивиться, ознакомясь подробнѣе съ домашнимъ бытомъ сего народа. Мужчины, съ которыми бесѣдуютъ женщины высшаго круга, почти всѣ хорошо воспитаны. Природное любопытство Индуставокъ дѣлаетъ ихъ наблюдательными; ни одно слово отца, брата, или мужа не улетаетъ на вѣтеръ: онѣ спрашиваютъ ихъ о значеніи этого слова и рѣдко забываютъ имъ

сказанное, потому, что вниманіе ихъ не развлечено разнообразностію развлеченій и суетностію свѣтскихъ забавъ. Между Мусульманками высшаго званія нашла много такихъ, которыя, будучи воспитаны во всей строгости релігіозныхъ правилъ, не уступятъ ни одной честной, добродѣтельной замужней женщинѣ изъ любой страны свѣта.»

Индусскія женщины замѣчаютъ письменность и арифметическія позванія множествомъ весьма умно придуманныхъ ими средствъ. Нѣкоторые изъ нихъ до того смѣтливы, что управляютъ большими торговыми домами, не нуждаясь ни въ приказчикахъ, ни въ бухгалтерахъ; самыя мужчины должны имъ уступать въ отчетливости ихъ предприятий и оборотовъ. Одна изъ главнѣйшихъ Бенаресскихъ комторъ, занятыхъ хлѣбнымъ торгомъ, управлялась старухою, которая не разъ собственными руками своими, отмиривала на базарѣ пшеницу, или овесъ. Начавъ торговлю свою какъ говорится, почти безъ гроша, она при помощи терпѣнія, постоянства, и расторопности, обогатила своего мужа и умерла, оставивъ наследникамъ три лака рупій (645,000 рублей ассигнаціями)! Индусы высшихъ классовъ, допущенные къ владѣльческимъ дворамъ, довольно грамотны: многіе изъ нихъ славутъ философами, поэтами, историками, даже законодателями. Нѣкоторые, однакожъ, дѣйствительно не допускаютъ женщинъ заниматься письменностію и полагаютъ, что это можетъ возбудить въ нихъ слишкомъ романтическія идеи и заставить пренебрегать семейственныя обязанности — истинное и прямое назначеніе женщины; и кто же согласится въ томъ, что *женщины, исключительно занимающіяся письменностію* въ Европѣ, принадлежатъ къ числу достойнѣйшихъ уваженія въ ихъ частномъ быту? Жители востока очень хорошо это знаютъ, и говорятъ, что благодаря своей отшельнической жизни, женщины ихъ

гораздо воодержише, цѣломудреннѣе, не-
норочнѣе нашихъ, и доказываютъ это
тѣмъ, что Индустанка умерла бы отъ
стыда, если бы довелось ей пожать ру-
ку постороннему, или такъ смѣло по-
глядѣть ему въ глаза, какъ то дѣлаетъ
Англичанка. Впрочемъ, какъ бы то ни
было, а и въ Индіи есть свои знаме-
нитости между женскимъ поломъ. Ли-
тература, художества, политика, самая
война имѣютъ тамъ, наравнѣ съ героя-
ми, и героинь. Наконецъ, говоря сло-
вами одного восточнаго писателя. —
«Куда не проникала слава знаменитой и
«прекрасной Неуръ-Джеганъ (Neour-
Jehan), строительницы несравненнаго
своего счастья и владычицы полусвѣта?
«чье ухо не слыхало о дивныхъ преле-
«стяхъ и искусной политикѣ Джеган-
«свараи Бегумъ (Jehannagarai-Begum.)?»

Имена сіи извѣстны конечно и въ
Европѣ; но есть много другихъ менѣе
извѣстныхъ, которые сдѣлались без-
смертными въ Азіи, благодаря сочета-
нію красоты физической съ прелестями
ума; тринадцатый вѣкъ въ особенности
примѣчательнѣе цѣлымъ рядомъ жен-
щинъ увѣковѣчившихъ преимущество
Индустанокъ. Первою изъ нихъ была
дивная Принцесса Маллерія Доранъ-
Султана-Риція, о которой писалъ въ-
когда визирь ея Маллекъ Джунеди
(Mallek-Junedi) что «отъ блеска лица
ея содрывалъ внезапно хлѣбъ бывшій
до того травою, а взоръ ея воскрешалъ
къ жизни умершихъ ея друзей и
столько же легко умерщвлялъ ея ужас-
нѣйшихъ враговъ.» Если вѣрить ста-
рику Ферештѣ (Fereshta), то эта прин-
цесса еще при жизни отца своего, уча-
ствовала въ Государственномъ управле-
ніи, была регентшкою во время его от-
лучекъ; и когда придворные изъявили
Государю своему удивленіе, что онъ по
мимо сыновей своихъ поручаетъ дочери
Государство, владытель отвѣчалъ: «бре-
мя управленія имъ не по плечу, а у
«моей вѣжной и слабой Риціи, больше

«силы душевной, чѣмъ у двадцати сы-
новей взятыхъ вмѣстѣ.»

Лѣтописи Индостана упоминаютъ еще
и о другой Гузуратской Принцессѣ
Кулелади Рани, которой необычайная
красота, остроуміе и мудрость превоз-
несены поэтами Индіи. Почти въ то же
самое время жила прелестная Героиня
Падшали-Хатіанъ (Padschalie-Khatian);
но чтобъ исчислить всѣхъ очарова-
тельныхъ и гениальныхъ женщинъ, имѣв-
шихъ вліяніе на судьбы Индусовъ, не
достанетъ и цѣлой книги: удовольству-
емся же сказаннымъ о тѣхъ знамени-
тыхъ Индусскихъ героиняхъ, чьи под-
виги украшаютъ благороднѣйшія стра-
ницы Индостанской исторіи.

2.

Бракъ.

Бракъ у Индусовъ почитается не
только похвалнѣйшимъ дѣйствіемъ, но
истинной цѣлью жизни. Есть законъ,
подобный закону Аѳинскому, запреща-
ющий вѣрять какое бы то ни было об-
щественное званіе холостяку; вдовецъ
теряетъ часть уваженія, пріобрѣтеннаго
имъ въ обществѣ, пока не замѣнитъ
умершей жены своей другою; но всѣ
неудобства жизни вдовца ничего не
значатъ передъ грустнѣмъ положеніемъ
безмужной женщины. За тѣмъ надобно по-
смотреть какъ хлопочутъ родители о
сбытѣ своихъ дочекъ; само собою ра-
зумѣется, что выборъ жениха — ихъ
забота, и рѣдко случается чтобы невя-
ста видѣла жениха своего до свадьбы
или покрайности до сговора. Мужъ до-
статочный, или способный обогатиться
— вотъ единственная цѣль этихъ по-
печеній со стороны семейства невесты.
Жена цѣломудренная, отъ чистой ка-
сты (племени) и, при томъ, здоровая,
— единственный предметъ искательства
жениха. Обынявшіе свадебными по-
дарками, ожидаютъ обыкновенно какаго
нибудь благодатнаго предзнаменованія

*

для окончанія самаго брака. Счастливы новобрачные если лщерица зашедестить въ травъ, если вдругъ зарычить коро- ва, если зашебечетъ въ кусту веселая пташка; бѣда имъ если на вопросъ о судьбѣ брачанныхъ животныхъ, появи- ся кошка, лисица, змѣя, или какал ни- будь диковзвучная птица.

Свадебные обряды Индусовъ чрез- вычайно многосложны. На случай сей есть покрайности восемь общихъ чи- ноположеній, не говоря уже о мѣстныхъ особенностяхъ каждой области. Во всѣхъ классахъ народа, омовеніе составляетъ главнѣйшую часть брачныхъ пригото- вленій; украшеніе и наряды — дѣло второстепенное. Прогулка съ музыкою, брачный обѣдъ и разнаго рода пирше- ства продолжаютъ почти недѣлю; лю- бимое время года для заключенія брач- ныхъ союзовъ есть весна, когда *Дрей- спутъ* (Drisput) и *Сулъ* (Sookh) т. е. Марсъ и Венера, сближаются между собой въ звѣздномъ небѣ. Вотъ какимъ образомъ происходятъ эти вещи у Бра- миновъ.

Въ первый день по утру, на восходѣ солнечномъ, друзья жениха и невѣсты отводятъ ихъ къ ближайшей священ- ной рѣкѣ, на которой подвергаютъ ихъ множеству торжественныхъ омовеній; за омовеніями слѣдуютъ молитвы и об- рядъ *алтари* (огненное очищеніе) для предупрежденія того, чтобы брача- щихся не могли *сглазить*. — Жениха и завѣшенную покрываломъ невѣсту ста- вятъ рядомъ, подъ навѣсомъ, поддер- живаемымъ двѣнадцатью подпорами и богато украшеннымъ цвѣточными вязан- ками и шумихою (мишурою); призыва- ютъ на свадьбу къ нимъ Боговъ и просятъ ихъ пролѣтъ на новобрачныхъ нѣсколько лучей того небснаго жара, который одушевлялъ первоначальные браки ихъ предковъ. Потомъ растягиваютъ шкуру сайги, на которую садится молодая че- та, лицомъ къ востоку. Ее натираютъ

шафраномъ, моютъ ноги новобрачныхъ медомъ, слизываютъ руки ихъ верев- кою, умащаютъ благовоннымъ масломъ и ароматами, обводятъ всѣ члены ихъ магическимъ талисманомъ, и наконецъ, послѣ заката солнечнаго, начинается са- мый нелѣпный фарсъ. Новобрачный при- кидывается изступленнымъ, какъ бы проникнутый пылкимъ желаніемъ, оста- вить семейство свое, пуститься въ свѣтъ, искать тамъ своего счастья, и обойти всѣ священныя мѣста Индусовъ; и вотъ онъ, блуждая изъ города въ городъ, бѣдный казноу и одинокій, доходить до крайности; какъ вдругъ на встрѣчу ему длиннаго процессія съ горящими свѣтильниками: это рядъ друзей, кото- рые приглашаютъ его воротиться; но онъ не соглашается ни на что, пока не представятъ ему прекрасную, прелест- ную жену. — Тутъ скиталецъ даетъ соблазнить себя и его уводятъ въ тор- жествѣ при разладномъ звукѣ трубъ, литавръ, шумныхъ криковъ радости, при громѣ выстрѣловъ изъ ружей, пи- столетовъ и проч.

На слѣдующій день отецъ новобрач- ной беретъ зятя и дочь свою за руки и соединяетъ ихъ; потомъ оба отца выливаютъ на нихъ семь мѣръ воды, осыпаютъ ихъ семью мѣрами хлѣба, и наконецъ льютъ на нихъ же семь мѣръ молока. По окончаніи этого обряда, по- куда главный Брамицъ читаетъ свой *Мантрастъ*, на плечо новобрачнаго на- кидываютъ *Зену* (шалъ) въ девять обо- ротовъ вмѣсто трехъ, а на шею невѣ- сты надѣваютъ *Тагли* (Tahli) или кольцо—символь брачнаго союза. Въ этомъ заключается торжественнѣйшій актъ ихъ брака, актъ неразрывно свя- зывающей новыхъ супруговъ.

На третій день, новобрачные садятся за столъ и обѣдаютъ въ присутствіи всѣхъ гостей: это служить эмблемою ихъ тѣснѣйшаго союза и самымъ тяж- кимъ испытаніемъ для цѣломудрія но- вобрачной; оттого, что обѣдать при

людяхъ почитается у Индусскихъ женщинъ величайшею неблагопрестойностию, въ особенности при мужчинахъ, хотябы то были ближайшіе родственники; на этотъ случай есть даже особенная пословица: нельзя съдѣлать Индусской женщины оскорбительныя упрека, какъ сказать ей что «она охотница до свадебныхъ обѣдовъ.» На пятый и шестой день, приносятъ жертвы т. е. жгутъ сарачинское пшено, — единственное приношеніе, при которомъ можетъ присутствовать женщина, кроме обряда *Сотти* (*Sutti*), о которомъ сказано будетъ ниже); въ послѣдній вечеръ этихъ брачныхъ пировъ, обряды заключаются новыми омовеніями и самыми страшными переодѣваньями новобрачныхъ. Наконецъ возобновляется процессія пераго дня и, при свѣтѣ факеловъ, счастливыхъ молодыхъ супругововъ торжественно несутъ по улицамъ въ богато убранномъ паланкинѣ. На этихъ свадебныхъ пирахъ часто щеголяютъ множествомъ драгоценныхъ вещей и нарядовъ; раздають много милостыни, и есть свадьбы, на которыхъ было раздарено нищимъ и духовенству до трехъ лаковъ рупій (около 645,000 рублей ассигнаціями.)

Свадебные обряды у Индостанскихъ Магомедавъ гораздо проще чѣмъ у Индусовъ язычниковъ. Въ нихъ также встрѣчается церемонія соединенія рукъ, тоже богатство нарядовъ и благословеніе новобрачныхъ; пиры, пляски, милостыня, шумъ, музыка, ходы съ факелами; но все это рѣдко продолжается долѣ сутокъ. Главнѣйшее дѣло Мусульманскаго свадебнаго торжества — употребленіе лакомствъ: въ нихъ всего болѣе изобилуютъ сахарныя сласти: Мужчины, женщины, дѣти, лошади, верблюды, слоны, рогатый скотъ, птицы, всѣ безъ изыятія потребляютъ свою часть свадебнаго печенья и варенья, составленныхъ изъ сахару, промзглаго масла и небольшого количества муки. Говоря по восточному, улицы

должны обратиться въ паточныя рѣки, а холмы — покрытыя горами сахара. Авторъ *Тарихки-Гузайлы* (*Tarikhki-Guzaila*) пишетъ, что на свадьбѣ дочери Султана Малекшаха, въ 1086 году, потреблено было одного сахару болѣе сорока тысячъ Маундовъ (*Maunds*): т. е. слишкомъ тысяча четыреста квинталовъ (центеровъ) или около трехъ тысячъ пяти сотъ пудъ.

Кто хочетъ хорошенько ознакомиться съ супружескими обязанностями Индусскихъ женщинъ, тотъ прочтн *Падма Пурачу* (*Padma Purāna*), которой многія главы посвящены супружескому благочінію. «Какъ бы мужъ ни былъ безобразенъ, старъ, золь, и прочее, жена должна обожать его какъ идола своего сердца; всѣ желанія ея должны сообразоваться съ его хотѣніями; засмѣйся онъ и она должна смѣяться; заплачь онъ, и она лей слезы; захочетъ онъ говорить, и она будь разговорчивою; замолчитъ онъ, и она безмолвствуй, и тому подобное.» Изъ сего видно, что жена — настоящая раба мужнихъ прихотей; но мужъ *не имѣетъ права бить жену свою*; и думать должно, что правила подчиненности женщинъ не вредятъ ни мало ихъ счастью; ибо слѣдствіемъ сего было учрежденіе *Сотти*, самоубійственной жертвы вдовъ, произшедшей отъ укorenившагося мнѣнія Индостанскихъ женщинъ, что потеря супруга есть для нихъ величайшее бѣдствіе. Это безчеловѣчное жертвоприношеніе, по счастью, прекращаемое нынѣ въ Индіи, тѣмъ труднѣе было отмѣнить, что оно всегда производилось по доброй волѣ; *Сотти*, или жертвенныя вдовы, твердо были увѣрены, что обрекая себя всеозженію, онъ доставлял тѣмъ царство небесное своему усопшему мужу и избавляли сами себя отъ величайшаго бѣдствія, отъ вдовства. И подлинно, уничтоженіе вдовы начиналось съ самаго дня кончины покойника. Съ нее сдирали лучшія одежды ея и украшенія; срывали

самое *таали* или кольцо — символъ ея
брачнаго союза; брили ей голову, ис-
ключали ее изъ всѣхъ торжествъ; она
дѣлалась служанкою дома, въ которомъ
прежде была госпожею; не смѣла ни
стытовать, ни жаловаться на свою участь.
Внѣ предѣловъ ея города, или дере-

вни, присутствіе ея почиталось самымъ
пагубнымъ предзнаменованіемъ.

Для довершенія нашей картины,
остается еще дать понятіе о Гинесезъ,
или Зенанъ (*Zenana; harem*) Индусовъ;
но мы отложимъ это описаніе до дру-
гаго времени.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО К. Э.

ПРОГРАММА

ИСТОРИИ КОРАБЛЕСТРОЕНИЯ

ВЪ

РОССІИ. (*)

ВВЕДЕНИЕ. Попытки кораблестроения при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Ботикъ Бранта. — Московская верфь. — Пребываніе Петра I, въ Заандамѣ. — Начало кораблестроенія въ Россіи.

1-й ПЕРІОДЪ (съ 1703 по 1727 годъ), отъ начала кораблестроенія до удаленія Князя А. Д. Меншикова.

2-й ПЕРІОДЪ (съ 1727 по 1741 годъ), отъ удаленія Князя А. Д. Меншикова до вступленія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны.

3-й ПЕРІОДЪ (съ 1741 по 1762 годъ), отъ вступленія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны до царствованія Императрицы Екатерины II-й.

4-й ПЕРІОДЪ (съ 1762 по 1801 годъ), отъ возшествія на престолъ Импера-

трицы Екатерины II-й до царствованія Императора Александра I-го.

5-й ПЕРІОДЪ (съ 1801 по 1826 годъ), отъ вступленія на престолъ Императора Александра I-го до нынѣшняго царствованія.

6-й ПЕРІОДЪ (съ 1826 по 1840 годъ): отъ возшествія на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора до настоящаго года.

Въ каждомъ періодѣ показано будетъ:

1-е. Кто именно были строители судовъ.

2-е. Сколько построено военныхъ судовъ каждаго званія.

2-е. Время первой постройки вновь вводимыхъ званій судовъ.

4-е. Замѣчательные чертежи, главные размѣренія и элементы судовъ того періода (по возможности.)

5-е. Современные отзывы о качествахъ судовъ (по возможности) и, основанное на разсмотрѣніи чертежей и

*) Этотъ трудъ, важный особенно для полной исторіи всего Русскаго, предпринять, и далеко доведенъ, С. Н. Навроцкимъ. Хвалимъ автора за намѣреніе представить сперва программу своей книги на судъ критики; съ своей стороны вполне одобряемъ ее, и съ нетерпѣніемъ ждемъ выхода самой книги, П. К.

моделей, заключеніе о качествахъ, какія должны были имѣть тѣ суда.

6-е. Соображеніе о лѣтахъ службы линейныхъ кораблей.

7-е. Усовершенствованія по кораблестроенію.

8-е. Названія судовъ вышедшія изъ употребленія; времени причины оставленія того рода судовъ.

9-е. Сколько какихъ судовъ взято въ плѣнъ у непріятелей и сколько приобрѣтено покупкою или подрядомъ.

10-е. Тимбированіе судовъ.

11-е. Мѣры къ приобрѣтенію лѣсовъ и матеріаловъ для кораблестроенія.

12-е. Приблизительная цѣнность построекъ (по возможности.)

13-е. Мѣры принимаемыя правительствомъ для образованія судостроителей.

14-е. Главныя правительственныя распоряженія по управленію кораблестроительной частію.

15-е. Относящіеся до кораблестроенія случаи, замѣчательные въ историческомъ отношеніи.

и 16-е. Устроеніе верфей.

Сверхъ того, въ последнемъ періодѣ показано будетъ состояніе флота при вступленіи на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государа Императора и число судовъ состоявшихъ къ 1-му января 1840 года; а также число линейныхъ кораблей, состоя-

щихъ нынѣ во всѣхъ Европейскихъ морскихъ державахъ.

Заключеніе:

Кромѣ вышеупомянутыхъ чертежей и размѣреній судовъ, къ исторіи кораблестроенія приложены будутъ:

1-е. Сравнительная таблица числа судовъ, построенныхъ въ Россіи въ каждый изъ вышеписанныхъ періодовъ.

2-е. Списокъ всѣмъ построеннымъ въ Россіи линейнымъ кораблямъ, съ показаніемъ когда оныя заложены, когда спущены на воду и къмъ построены.

3-е. Алфавитный списокъ всѣмъ судостроителямъ, съ означеніемъ что именно каждымъ изъ нихъ построено.

4-е. Хронологическій списокъ судостроителямъ, съ показаніемъ годовъ: а, первой постройки произведенной каждымъ изъ нихъ; б, закладки первыхъ построенныхъ ими линейныхъ кораблей и в, последней постройки каждаго.

5-е. Вѣдомость состоявшимся въ настоящее царствованіе Высочайшимъ повелѣніямъ и распоряженіямъ начальства объ улучшеніяхъ и ново-введеніяхъ по кораблестроенію.

и 6-е. Оправдательныя статьи, то есть особыя примѣчанія и указанія источниковъ, изъ которыхъ почерпнуты свѣдѣнія заключающіяся въ Исторіи Кораблестроенія.

СПИСКИ

ВСѢМЪ СТРОИТЕЛЯМЪ СУДОВЪ

ВЪ ПОРТАХЪ

БАЛТИЙСКАГО, БѢЛАГО И КАСПІЙСКАГО

МОРЕЙ

СЪ 1703 ПО 1840 ГОДЪ.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ.

№	ФАМИЛІИ СТРОИТЕЛЕЙ.	Время первой постройки произведен- ной каждаго изъ нихъ.	ЧТО ИМИ ПОСТРОЕНО.
А.			
1.	Алатченинъ	1750.	Разныя мѣлкія суда.
2.	Афонасьевъ	1758.	<i>Корабли</i> : 1, Св. Екатерина и 2, Слава Екатерины; <i>фрегаты</i> : 1, Надежда Благополучія; 2, на Рижскую-Бранвахту и разныя мѣлкія суда.
3.	Амосовъ	1798.	<i>Корабль</i> , Ростиславъ; <i>корветъ</i> Гермионъ и разныя мѣлкія суда.
4.	Антиповъ	1807.	<i>Бомбардирскій корабль Каспійской флотиліи</i> : Вулканъ; <i>корветы</i> : 1, Казань, 2, Геркулесъ; <i>бригъ</i> : Баку и разныя мѣлкія суда.
5.	Амосовъ 2-й	1831.	<i>Корабли</i> : 1, Фершампенуазъ; 2, Константинъ и 3, Выборгъ; <i>фрегаты</i> : 1, Прозерпина, 2, Аврора; 3, Вѣрность; 4, Отважность и 5, Успѣхъ; <i>пароходы</i> : 1, Мирный и 2, Скорый и разныя мѣлкія суда.
6.	Алексѣевъ	1831.	Разныя мѣлкія суда.
7.	Андреевъ	1835.	Разныя мѣлкія суда.
Б.			
8.	Бемтъ	1709.	<i>Корабль</i> Перновъ.
9.	Броунъ	1709.	<i>Корабли</i> : 1, Рига; 2, Выборгъ; 3, Екатерина; 4, Нарва; 5, Шлиссельбургъ; 6, Фридрихъ-штадтъ, 7, Екатерина; 8, Св. Михайлъ; 9, Петронъ-меля; 10, Рига; 11, Выборгъ; 12, Императрица Анна; и 13, Основаніе Благополучія; <i>фрегаты</i> : 1, Принцъ Александръ; 2, Россія.
10.	Брандтъ	1735.	<i>Корабль</i> Нептунусъ.
11.	Батаковъ	1736.	<i>Корабли</i> : 1, Кроншлотъ; 2, Св. Пантелеймонъ; 3, Счастіе; 4, Екатерина; 5, Архангелъ Рафаилъ и 6, Св. Сергій; <i>фрегатъ</i> : Кавалеръ.

12. Борисовъ 1762.

13. Буданцевъ 1806.

14. Башутинъ 1808. }

15. Берковъ 1818. }

16. Бурачекъ 1822.

17. Берсенева 1828.

18. Бѣбиховъ 1834.

В.

19. Власовъ 1787.

20. Васильевъ 1796.

Г.

21. Гересь 1703.

22. Григорьевъ 1771.

23. Гуньонъ (*солнечный Анг ма-
стеръ*) 1772.

24. Глазыринъ 1820.

25. Гринвальдъ 1835.

Д.

26. Депопте 1729.

27. Девенпортъ 1732.

28. Давыдовъ 1762.

Разныя мѣлкія суда.

Шлюпы: 1, Пирамъ; 2, Тизбе; 3, Единорогъ; 4, Лизета; 5, Волховъ; 6, Диана и 7 Свирь; *бриги*: 1, Ястребъ и 2 Соболь и разныя мѣлкія суда.

Разныя мѣлкія суда.

Бриги: 1, Орель; 2, Эриванъ; 3, Абасъ-Абадь; 4, Сардаръ-Абадь; 5, Тавризь; 6, Міана; 7, Ардебиль; 8, Туркманчай; 9, Джеванъ-Булакъ; *пароходы*: 1, Кура; 2, Аракъ и разныя мѣлкія суда.

Разныя мѣлкія суда.

Бриги: 1, Баку; 2, Мангишлакъ; *пароходы*: Астрабадь и разныя мѣлкія суда.*Фрегаты Каспійской флотиліи*: 1, № 1, 2, № 2 и 3, Царицынъ; *бомбардирскіе корабли Каспійской флотиліи*: 1, Кизляръ и 2 Моздокъ и разныя мѣлкія суда.*Фрегатъ*: Эмануилъ, и разныя мѣлкія суда.*Фрегатъ* Штандартъ.

Разныя мѣлкія суда.

Фрегаты: 1, Павелъ; 2, Астафій; 3, Легкой; 4, Счастливый; 5, Наталія; 6, Св. Михайлъ.*Фрегаты*: 1, Елисавета; 2, Принцъ-Оранскій; 3, Помона; 4, Юнона; 5, Диана; *могерь*, Нарова; *бриги*: 1, Рига; 2, Патрокъ и разныя мѣлкія суда.*Фрегаты*: 1, Беллона и 2, Елисавета; *пароходы*: 1, Богатырь; 2, Поспѣшный 3, Быстрый и 4, Усердный.

Разныя мѣлкія суда.

Корабль Ревель.*Корабли*: 1, Европа; 2, Всеволодъ; 3, Ростиславъ; 4, Пюбвда; , Графъ-Орловъ; 6, Память Евстафія; 7, Викторъ; 8, Вячеславъ и 9 Дмитрій Донской; *фрегатъ* Африка; *бомбардирскій корабль* Громъ и разныя мѣлкія суда.

29. Даниловъ 1764.
30. Дуракинъ 1784.

Корабли Азія.
Бомбардирскій корабль Страшный и
разныя мѣлкія суда.

Е.

31. Ершевъ 1826.

Корабли: 1, Капбахъ; 2, Кульмъ; 3, Лвской; 4, Нарва; 5, Бородино; 6, Красный; 7, Память Азова; 8, Орель; 9, Остроленка; 10, Лейпцигъ; 11, Ретвизонъ и 12 Финландъ; *фрегаты*: 1, Марія; 2, Александра; 3, Ольга; 4, Вепусъ; 5, Касторъ; 6, Амонтрида; 7, Мельпомена; *бриги*: 1, Пріамъ; 2, Филактетъ; *пароходы* Полезный и разныя мѣлкія суда.

З.

32. Зоркинъ 1789.
33. Зенковъ 1809.
34. Загуляевъ 1834.

Разныя мѣлкія суда.
Бриги: 1, Фениксъ; 2, Ахиллесъ; 3, Фениксъ и разныя мѣлкія суда.
Бригъ: Несторъ и разныя мѣлкія суда.

И.

35. Ильинъ 1756.
36. Ивановъ 1780.
37. Игнатъевъ 1782.

Бомбардирскій корабль Самсонъ и
разныя мѣлкія суда.

Корабль Св. Елена.
Корабли: 1, Ростиславъ; 2, Саратовъ; 3, Св. Николай Чудотворецъ; 4, Европа; 5, Исидоръ; 6, Сверхный Орель; 7, Всеволодъ; 8, Азія; 9, Победа; 10, Москва; 11, Ярославъ и 12, Св. Петръ; *фрегаты*: 1, Счастливый; 2, Поспѣшный; 3, Тифинская Богородица; 4, Теодосій Тотемскій; 5, Спѣшный; 6, Легкій; 7, Брантвахтенный и разныя мѣлкія суда.

38. Исаковъ 1796.

Корабли: 1, Храбрый; 2, Память Евстазія; 3, Мирносецъ; 4, Юпитеръ; 3, Лейбцигъ; 6, Эмгейтенъ; 7, Императоръ Александръ I-й; 8, Императоръ Петръ I-й; и 9, Св. Георгій-Побѣдоносецъ; *фрегаты*: 1, Касторъ; 2, Полуксъ; *корветы*: 1, Флора; 2, Помова; 3, Мельпомена; *камели* 44 пуш. ранга и разныя мѣлкія суда.

К.

39. Козенца 1712.

Корабли: 1, Ингерманландъ (по чертежу составленному Императоромъ Петромъ 1); 2, Москва; 3, Гангутъ; 4,

40. Качаловъ 1756.
41. Кучковскій 1739.
42. Кронингъ 1754.
43. Квадрій 1754.
44. Климовъ 1774.
45. Катасановъ (*Оберъ сарва-
еръ*) 1777.
46. Корчешниковъ 1779.
47. Колмашъ 1785.
48. Кутыгинъ 1790.
49. Курочкинъ 1792.
50. Кретиковъ 1795.
51. Курепановъ 1802.
- Нештунусъ; 5, Св. Петръ; 6, Дербентъ; 7, Наталиа; 8, Городъ Архангельскъ, 9, Сѣверная-Звѣзда и 10 Св. Андрей;
фрегаты: 1, Вахт-мейстеръ 2, Гекторъ;
бомбардирскій корабль: Самсонъ.
Корабли: 1, Св. Исакій; 2, Полтава; 3, Гавріилъ; 4, Св. Климентъ Папа Римскій; 5, Януарій и 6, трехъ святителей: Петра, Алексѣя и Юнны; *фрегаты*: 1, Воннъ; 2, Сеалфилъ; *Прамы*: Дикой-Быкъ.
Разныя мѣлкія суда.
Бомбардирскій корабль Юпитеръ.
Разныя мѣлкія суда.
Прамы: 1, Алифантъ; и 2, Сердоболь.
Корабли: 1, Побѣдоносецъ; 2, Благодать; 3, Архистратигъ Михаилъ; 4, Гавріилъ и 5, Селафилъ; *бомбардирскій корабль* Перунъ и разныя мѣлкія суда.
Бомбардирскій корабль Громъ.
Корабли: 1, Двѣнадцати Апостоловъ, 2, Евсевій и 3; неизвѣстнаго имени.
Фрегаты: 1, Императорскій Эммануилъ и разныя мѣлкія суда.
Корабли: 1, Сильный; 2, Мощный 3, Сѣверная-звѣзда; 4, Орелъ; 5, Боррей; 6, Нетронъ-меня; 7, Трехъ Иерарховъ; 8, Святославъ; 9, Саратовъ. 10, Всеволодъ; 11, Побѣдоносецъ; 12, Берлинъ, 13, Гамбургъ; 14, Дрезденъ; 15 Любекъ; 16, Арсисъ; 17, Кацбахъ; 18, Ретвизовъ; 19, Трехъ Святителей; 20, Св. Андрей; 21, Сысой Великій; 22, Прохоръ; 23, Князь Владиміръ; 24, Царь Константинъ; 25, Іезекіиль и 26, Азовъ; *фрегаты*: 1, Быстрый; 2, Герой; 3, Аргусъ; 4, Патрикій; 5, Прогорный; 6, Діана; 7, Помога; 8, Патрикій; 9, Меркурій; 10, Александръ Невскій; 11, Крейсеръ, 12, Помощный; 13, Вид-гундъ, 14, Константинъ; 15, Елена; *Гемамъ* Мирный; *бриги*: Новая-земля; 2, Лапѳминка; *пароходы*: 1, Легкій; 2, Спѣшный и разныя мѣлкія суда
Камели 130 пуш.
Корабли: 1, Скорый; 2, Трехъ Святителей; 3, Чесма; 4, Нордъ-Адлеръ; 5,

- Принцъ Густавъ; 6, Петръ; 7, Твердый и 8 Гангутъ; *фрегаты*: 1, Скорый; 2, Малый; 3, Амѣтрида; 4, Свеаборгъ; 5, Автроиль; *бомбардирскій корабль* Перунъ; *каmeli* 100 пуш. и разныя мѣлкя суда.
52. Королевъ 1804. Разныя мѣлкя суда.
53. Кошкинъ 1805. *Бомбардирскій корабль Каспійской флотилли*: Вулканъ; *корветы*: 1, Казань; 2, Арианда; *люгеры*: 1, Щеголь; 2, Горностаѣ 1, 3, Горностаѣ 2; *бриги*: 1, Волга; 2, Радуга; 3, Змѣя, 4 Ящерица и разныя мѣлкя суда.
54. Кононовъ 1806. Разныя мѣлкя суда.
55. Каверзневъ 1806. *Корабли*: 1, Владиміръ, 2, Вола; *фрегаты*: 1, Россія (наименованный послѣ Петергофъ) *каmeli* 100 пуш. и разныя мѣлкя суда.
56. Колодкинъ 1816. *Корабль Лефортъ*; *фрегаты*: 1. Екатерина, 2. Нева, 3. Церера и *шлюпы*: 1. Мирный, 2. Благонамѣренный, 3. Ладога.
57. Курепановъ 2-й 1816. *Геманъ* Торнео и разныя мѣлкя суда.

Л.

58. Ламбеямень (*или Ямень*). 1738. *Корабли*: 1. Лефекъ, 2. Благополучіе, 3. Фридсъ-Малеръ, 4. Св. Николай, 5. Уриль, 6. Шлессельбургъ, 7. Варахиль, 8. Полтава, 9. Ревель, 10. Рааниль, 11. Нептунусъ, 12. Москва, 13. Св. Петръ, 14. Св. Яковъ, 15. Городъ Архангельскъ, 16. Александръ Невскій, 17. Сѣверный Орель, 18. Тверь, 19. Святославъ, 20. Чесма, 21. Мирносецъ, 22. Св. Великомученикъ Исидоръ, 23. Царь Константинъ и 24. Трехъ Иерарховъ; *фрегаты*: 1. Апполонъ, 2. Егудиль, 3. Крейсеръ, 4. Россія, 5. Св. Михаилъ, 6. Св. Сергій, 7. Св. Θεодоръ, 8. Гремящій, 9. Св. Александръ, 10. Надежда, 11. Евангелистъ Маркъ, 12. Гекторъ и 13. Проворный; *Драмъ*: Гремящій и разныя мѣлкя суда.
59. Лодыгинъ 1760. Разныя мѣлкя суда.
60. Ле-брюнъ (*Брюль-Сентъ-Ипполитъ*) 1801. Разныя мѣлкя суда.
61. Лукшановъ 1804. *Бомбардирскій корабль Каспійской флотилли*: Громъ.

62. Лемуанъ..... 1828.

Бригъ Казарскій и разныя мѣлкія суда.

М.

63. Меньшиковъ 1718.

Корабли: 1. Нарва и 2. Новая Надежда.

64. Михайловъ 1762.

Разныя мѣлкія суда.

65. Мальцовъ..... 1770.

Корабли: 1. Александръ Невскій, 2. Борись и Глѣбъ, 3. Преславъ, 4. Нп-германландія, 5. Азія и 6. Америка и разныя мѣлкія суда.

66. Масальскій..... 1785.

Корабли: 1. Св. Князь Владиміръ и 2. Неизвѣстнаго имени; *фрегаты*: 1. Екатерина, 2. Александръ, 3. Марія, 4. Елисавета, 5. Константинъ, 6. Николай; *Бомбардирскій корабль* Побѣдатель и разныя мѣлкія суда.

67. Мелиховъ..... 1790.

Корабли: 1. Твердый и 2. Смѣлый, *фрегаты*: 1. Богоявленіе Господне; *Гемамы*: 1. Петергофъ, 2. Бодрый, 3. Свеаборгъ и 4. Нева; *югеры*: 1. Ганимедъ, 2. Ящерица; *Бриги*: 1. Легкій, 2. Меркурій, 3. Гонецъ и разныя мѣлкія суда.

68. Михалицынъ 1792.

Разныя мѣлкія суда.

69. Марчевскій 1832.

Разныя мѣлкія суда.

70. Михельсонъ 1855.

Бригъ Антеноръ.

Н.

71. Най..... 1716

Корабли: Исакъ Викторія, 2. Астрахань, 3. Петръ 2-й, 4. Слава Россіи, и 5. Сѣверный Орель; *фрегаты*: 1. Крейсерь; 2. Ягдъ Гундъ; *бомбардирскіе корабли*: 1. Дондерь, 2. Юпитерь.

72. Нѣмцовъ 1734.

Разныя мѣлкія суда.

73. Никитинъ 1767.

Разныя мѣлкія суда.

74. Нассау-Зигенъ (*Прилицъ*) . 1790.*Фрегаты*: 1. Екатерина, 2. Марія, 3. Павелъ, 4. Александръ, 5. Константинъ, 6. Николай, 7. Александра, 8. Елена.

75. Невзровъ..... 1857.

Бриги: 1. Ардонъ, 2. Аравъ и 3! Дербентъ.

О.

76. Окупевъ (*Оберъ-Сарваеръ*) 1731*Корабли*: 1. Астрахань, 2. Александръ Невскій и 3. Св. Николай и фрегатъ Французскій Мятау.

77. Острецовъ..... 1739.
 78. Осокинъ..... 1741.
 79. Озеровъ..... 1762.

Разныя мѣлкія суда.
Корабль Св. Павелъ
 Разныя мѣлкія суда.

II.

80. Петръ Михайловъ. (*Адмиралъ
 краснаго флага и первый
 корабельный мастеръ*) 1714.

Корабли: 1-е, Лъсной.

Примѣчаніе: о построении этого корабля Государь Императоръ получилъ (въ 1713 г.) отъ Оберъ-Сарвасра Головина ордеръ слѣдующаго содержания:

«Первоначальнѣйшій отъ всѣхъ мастеровъ корабельныхъ, Петръ Михайловъ! я нижеименованный, по указу Генералъ-Адмирала и Адмиралтейца, Господина Графа Федора Матвѣевича Апраксина, пишу къ тебѣ, что указано отъ Его Сіятельства 80 пушечный корабль дѣлать тебѣ конечно, и въ томъ имѣй не оплошное стараніе, въ чемъ могли бы мы имѣть съ тобою удовольствіе; и буде какое тебѣ въ работѣ твоей окажется противленіе, о томъ не медленно будь доношеніе твое до насъ, въ бытность и отлучность нашу; о чемъ подтверждаю тебѣ своимъ своимъ писаніемъ».

2. *Петръ Первый* (названный въ послѣдствіи и *Второй*).

Примѣч: корабль сей (первый изъ 100 пуш.) начать самимъ Государемъ, а достроенъ всеми корабельными мастерами, по пропорціи составленной и подписанной Его Императорскимъ Величествомъ.

Сверхъ того, по чертежу составленному Его Величествомъ, построенъ мастеромъ Козенцомъ корабль *Ингерманландъ* (смот. Козенць.)

Корабли Пантелеймонъ-Викторія.

Корабли: 1. Св. Георгій Побѣдоносець, 2. Св. Князь Владиміръ, 3. Слава Россіи, 4. Благополучіе, 5. Твердый, 6. Св. Николай, 7. Храбрый, 8. Петроньмена, 9. Януарій, 10. Святославъ, 11. Трехъ Святителей, 12. Вышеславъ, 13. Родиславъ, 14. Мечеславъ, 15. Болеславъ, 16. Владиславъ, 17. Изяславъ,

81. Пангола..... 1719.
 82. Портновъ..... 1769.

83. Протопоповъ	1785.
84. Поспѣловъ	1807.
85. Памениловъ	1808.
86. Поповъ	1821.
87. Пипинъ	1835.

Р.

88. Рамзай	1716.
89. Рамбургъ	1734.
90. Разумовъ	1811.

С.

91. Скляевъ	1709.
92. Сутерландъ	1739.

18. Ярославъ, 19. Всеславъ, 20. Мсти-
славъ, 21. Понтелеймонъ, 22. Св. Петръ,
23. Киръ и Иоаннъ, 24. Александръ Нев-
скій, 25. Сѣверный Орель, 26. Максимъ
Исповѣдникъ, 27. Сысой Великій, 28.
Прохоръ, 29. Борисъ, 30. Никаноръ,
31. Глѣбъ, 32. Пимень, 33. Пармень,
34. Петръ, 35. Алексѣй, 36. Иона, 37.
Филиппъ, 38. Память Евстафія и 39.
Графъ Орловъ; *фрегаты*: 1. Поспѣш-
ный, 2. Марія, 3. Александръ, 4. Воинъ,
5. Возмиславъ, 6. Подражиславъ, 7. Мс-
тиславецъ, 8. Ярославецъ, 9. Брачиславъ,
10. Премиславъ, 11. Надежда благопо-
лучія; 12. Помощный, 13. Архангель
Гаврииль, 14. Архипелагъ, 15. Крон-
штадтъ, 16. Ревель, 17. Рига, 18. Нар-
ва, 19. Архангель Михаилъ, 20. Рафаиль
и разныя мѣлкія суда.

Фрегаты Астрахань.

Разныя мѣлкія суда.

Разныя мѣлкія суда:

Корабли: 1. Эммануиль, 2. Импе-
риатрица Александра, 3. Эмгейтень,
4. Полтава, 5. Смоленскъ, 6. Петронъ-
Меня и 7. Россія, *фрегатъ* Касторъ и
корветъ Гремящій; *шлюпы*: Предприя-
тіе и разныя мѣлкія суда.

Бригъ Палинуръ.

Корабли: 1. Нордъ-Адлеръ, 2. Св.
Андрей и 3. Рафаиль; *фрегаты* Винт-
гундъ; *бомбардирскіе корабли*: 1. Юпи-
теръ, 2. Самсонъ.

Корабли: 1. Азовъ, 2. Иоаннъ Зла-
тоустъ второй и 3. Киръ и Иоаннъ.

Корабли: 1. Нептунусъ и 2. Фер-
шампенуазъ; *фрегатъ*: Архипелагъ.

Корабли: 1. Полтава, 2. Ревель, и 3.
Фридрихъ-Махеръ.

Корабли: 1. Лъсной, 2. Св. Велико-
мученица Варвара, 3. Варахинъ, 4. Ио-
аннъ Златоустъ первый, 5. Москва, 6.
Ингерманландъ, 7. Наталія, 8. Св. Па-
вель, 9. Астрахань, 10. Св. Димитрій-

- Ростовскій, 11. Св. Андрей первоува-
 нный и 12. Неизвѣстнаго имени; *фрега-
 ты*: 1. Меркуріусъ, 2. Архангель Ми-
 ханль, 3. Вахтмейстеръ. *Бомбардир-
 скіе корабли*: 1. Громъ, 2. Дондеръ;
Прамы: 1. Аллиантъ, 2. Дикой Быкъ,
 3. Буйволъ и разныя мѣлкія суда.
Корабли: 1. Нетропъ-Меня, 2. Сара-
 товъ, 3. Давыдъ-Селунскій, 4. Іезекіиль,
 5. Побѣдославъ, 6. Іоаннъ Богословъ,
 7. Іоаннъ Креститель и 8. Чесма. *Фре-
 гаты*: Надежда; *Бомбардирскіе кора-
 бли*: 1. Юпитеръ 2. Марсъ; *Прамы*,
 Аллиантъ и разныя мѣлкія суда.
Корабли: 1. Елисавета, 2. Зачатіе
 Св. Анны, 3. Разанль и 4. Уриль;
шлюпы: Шницбергенъ и разныя мѣлкія
 суда.
 Разныя мѣлкія суда.
Фрегаты: *Каспійской флотиліи №*
1 и № 2.
Корабли: 1. Финландъ, 2. Алексан-
 дръ-Невскій, 3. Великій Князь Михаилъ,
 4. Арсисъ, 5. Бріенъ, и 6. Березино.
Фрегаты: 1. Аргусъ, 2. Меркурій, 3.
 Легкій, 4. Поспѣшный, 5. Малый, 6.
 Гекторъ, 7. Автроиль, 8. Легкій, 9.
 Проворный, 10. Уранія, 11. Россія, 12.
 Княгиня-Довиць, 13. Надежда, 14. Анна,
 15. Беллона и 16. Паллада; *люгера*: 1.
 Стрѣла, 2. Церберъ, 3. Петергофъ, 4.
 Ораніенбаумъ и 5. Стрѣльна; *шлюпы*:
 1. Камчатка, 2. Открытіе, 3. Востокъ,
 4. Апполонъ, 5. Смирный, *бриги*: 1.
 Олимпъ, 2. Ида, 3. Аяксъ, 4. Св. Ла-
 вренцій, 5. Охтенка, 6. Ревель, 7. Мол-
 леръ, 8. Синавинъ, 9. Охта, 10. Усер-
 діе, 11. Телемакъ, 12. Улисъ, 13. Аяксъ,
 14. Парисъ, 15. Гекторъ, 16. Діомидъ;
пароходы: 1 Охта, 2. Нева, 3. Опытъ,
 4. Геркулесъ, 5. Александрія и разныя
 мѣлкія суда.
 Разныя мѣлкія суда.
93. Селявинопъ 1761.
94. Сарычевъ 1767.
95. Спиридоновъ 1769.
96. Степановъ 1796.
97. Стокке 1811.
- Т.
98. Толбухинъ 1789.
- У.
99. Ульфовъ 1762.
- Корабли*: 1. Евстафій-Плакида, 2.
 Трехъ-Святителей: Василія Великаго,
 Григорія Богослова и Іоанна Златоу-
 стаго.

100. Угловъ 1825. Разныя мѣлкия суда.

Ч.

101. Черногубовъ 1821. Разныя мѣлкия суда.

Ш.

102. Шваббе 1835.

Бригъ Агамейновъ и *мелка* Дождь.

103. Шаумбургъ 1834.

Фрегатъ Постоянство и разныя мѣлкия суда.

Щ.

104. Щербачевъ. (*Оберъ-Сарваеръ*) 1740.

Корабли: 1. Св. Петръ и 2. Захарій и Елисавета.

105. Щепинъ 1764.

Разныя мѣлкия суда.

Я.

Ямесь 1738.

(Смотри Ланбеямесь.)

Ө.

106. Федоровъ 1829. Разныя мѣлкия суда.

—0000000000—

II.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОКЪ.

№	ФАМИЛИИ СТРОИТЕЛЕЙ.	Первой постройки каждаго.	Закладки первых построе- ныхъ или линейныхъ кораблей.	Последней постройки каж- даго.	№	ФАМИЛИИ СТРОИТЕЛЕЙ.	Первой постройки каждаго.	Закладки первых построе- ныхъ или линейныхъ кораблей.	Последней постройки каж- даго.
1.	Гересь.....	1705		неиз- вѣст.	34.	Озеровъ.....	1762		1775
2.	Бемтъ.....	1709	1709	1710	35.	Ульеровъ.....	1762	1762	1766
3.	Скляевъ.....	1709	1709	1721	36.	Давыдовъ.....	1762	1767	1771
4.	Броунъ.....	1709	1709	1736	37.	Борисовъ.....	1762		1782
5.	Козенць.....	1712	1712	1757	38.	Даниловъ.....	1764	1764	1768
6.	Петръ Михайловъ.....	1714	1714	1724	39.	Щепинъ.....	1764		1775
7.	Рамзей.....	1716	1716	1740	40.	Никитинъ.....	1767		1767
8.	Меншиковъ.....	1718	1718	1750	41.	Портновъ.....	1769	1769	1791
9.	Пангола.....	1719	1719	1721	42.	Мальцовъ.....	1770	1970	1775
10.	Най.....	1716	1716	1755	43.	Григорьевъ.....	1771		1775
11.	Депонтий.....	1729		1755	44.	Гувьонъ.....	1772		1774
12.	Алатчевинъ.....	1730		1764	45.	Климовъ.....	1774		1776
13.	Окуневъ.....	1751	1754	1754	46.	Катасановъ.....	1777	1778	1803
14.	Девенпортъ.....	1752	1752	1755	47.	Корчбениковъ.....	1779		1785
15.	Ньмцовъ.....	1754	1747	1747	48.	Ивановъ.....	1780	1780	1785
16.	Рамбургъ.....	1754	1754	1762	49.	Игнатъевъ.....	1782	1782	1801
17.	Брандтъ.....	1755	1755	1756	50.	Протопоповъ.....	1785		1784
18.	Батаковъ.....	1756	1757	1747	51.	Дуракинъ.....	1784		1791
19.	Качаловъ.....	1756	1759	1766	52.	Кольманъ.....	1785	1785	1791
20.	Ламбеямесь..... (или Ямесь).	1758	1758	1785	53.	Масальской.....	1785	1785	1797
21.	Толбухинъ.....	1759		1759	54.	Поспеловъ.....	1787		1799
22.	Острцовъ.....	1759		1759	55.	Сарычевъ.....	1787	1788	1802
23.	Кучковской.....	1759		1758	56.	Зоркинъ.....	1789		1789
24.	Сутерлайдъ.....	1759	1741	1758	57.	Власовъ.....	1787		1804
25.	Щербачевъ.....	1740	1740	1747	58.	Спирidonовъ.....	1789		1802
26.	Осокинъ.....	1741	1741	1745	59.	Принцъ Насаузи- генъ.....	1790		1791
27.	Кроингъ.....	1754		1755	60.	Кутыгинъ.....	1790		1797
28.	Квадрій.....	1754		1755	61.	Мелиховъ.....	1790	1802	1809
29.	Ильинъ.....	1156		1758	62.	Михалицынъ.....	1792		1795
30.	Афонасьевъ.....	1758	1758	1784	63.	Курочкинъ.....	1792	1801	1826
31.	Лодыгинъ.....	1760		1761	64.	Кретиковъ.....	1795		1795
32.	Селянниковъ.....	1761	1762	1785	65.	Степановъ.....	1796		1798
33.	Михайловъ.....	1762		1763	66.	Васильевъ.....	1796		1810

67.	Исаковъ.....	1796	1805	1829	87.	Черногубовъ.....	1821		1829
68.	Амосовъ.....	1797	1811	1823	88.	Поповъ.....	1821	1826	1839
69.	Лебрионъ (Брюль-Сентъ-Ипполитъ.)	1801		1809	89.	Бурачекъ.....	1822		1839
70.	Курепановъ.....	1802	1802	1826	90.	Угловъ.....	1023		1825
71.	Лукшановъ.....	1804		1805	91.	Ершевъ.....	1826	1827	1840
72.	Королевъ.....	1804		1816	92.	Берсенева.....	1828		1840
73.	Кошкинъ.....	1805		1811	93.	Лемуанъ.....	1829		1839
74.	Ковоновъ.....	1806		1806	94.	Федоровъ.....	1829		1840
75.	Каверзневъ.....	1806	1832	1840	95.	Алексеевъ.....	1831		1834
76.	Буданцевъ.....	1806		1808	96.	Амосовъ 2-й.....	1831	1832	1840
77.	Антиповъ.....	1807		1823	97.	Марчевскій.....	1832		1834
78.	Башутинъ.....	1808		1808	98.	Шваббе.....	1833		1834
79.	Памфиловъ.....	1808		1809	99.	Бѣбиховъ.....	1834		1837
80.	Зенковъ.....	1809		1828	100.	Загуляевъ.....	1834		1840
81.	Разумовъ.....	1811	1811	1817	101.	Шлумбургъ.....	1834		1840
82.	Стокке.....	1811	1812	1832	102.	Гринвальдъ.....	1835		1840
83.	Курепановъ 2-й.....	1816		1829	103.	Михельсонъ.....	1835		1835
84.	Колодкинъ.....	1816	1833	1835	104.	Пипинъ.....	1835		1835
85.	Берковъ.....	1818		1819	105.	Андреевъ.....	1835		1837
86.	Глазыринъ.....	1820		1840	106.	Невѣровъ.....	1837		1840

С. НАВРОЦКОЙ.

1832-1833-1834

ОБЪ АТМОСФЕРАХЪ

Почтенный авторъ „Разбора Физики г. Велланскаго“ просилъ насъ напечатать статью сію въ Маякѣ, и мы тѣмъ охотѣе исполняемъ его желаніе, что предметъ сей статьи занималъ давно и занимаетъ еще весь умъ Европейскихъ Физиковъ. *Редакт.*

Современные и самые новѣйшіе физики и астрономы заключаютъ о лунѣ, что на ней нѣтъ атмосферъ, воздуха; а следовательно нѣтъ воды и огня а). Бывшая Селена! **) ни конечскія ея возвышенія, ни кольцеобразныя и другія горы, превышающія наши земныя, ни потухшіе вулканы, свидѣтельствующіе о случившихся на ней нѣкогда большихъ переворотахъ, не могли спасти ее отъ роковаго приговора, которымъ безжалостно признана она немнѣющей жизни! . . .

О землѣ удивляются, что отъ нея не отлетаетъ воздухъ и столько тысячелѣтій постоянно держится при ней, какъ прикованный; страннѣе жъ всего то, что онъ при землѣ гуще, а къверху все рѣже и рѣже. — И вотъ послѣ многихъ изысканій и вычисленій нашамъ способъ, какъ удержать его при ней и

положить предѣлы свойству его стремиться вверхъ до безконечности! — Одни б) говорятъ что верхніе слои его давятъ нижніе; другіе с.) «для сохраненія въ немъ равновѣсія и удержанія газовъ отъ безконечнаго разширенія, а по видимому изъ опасенія, чтобы наша атмосфера не захватила собою всю Луну,» придумали сдѣлать вокругъ земли въ верхнихъ слояхъ атмосферы пластъ воздуха, обращеннаго тамъ чрезмѣрнымъ холодомъ, по мнѣнію ихъ, въ твердое состояніе, или просто въ родъ льду, т. е. въ ледяной черепъ, и сказали, «что этотъ-то черепъ сжимаетъ воздухъ и придаетъ ему способность производить давленіе собственною своею тяжестью точно, какъ будто онъ заключенъ былъ въ бутылкѣ.»

Были возраженія и весьма справедливыя, «д) что газы сдавленные какою нибудь поверхностью, заключенные, на

а) Медлеръ, Веръ, Стевелин, Пизкокъ, Луббокъ, Серъ-Дженсъ, Соутъ, Серъ-Дендъ-Врюстеръ, Шретеръ, и проч.

**) Луна по Гречески Селена.

б) Дюмъ и Поассонъ.

с) Поассонъ и Біотъ.

д) Королевская академія наукъ, см. Б. дд. чт. июнь 1838.

примѣръ, въ стеклянномъ шарѣ, распространяются въ предметахъ этого шара однообразно, и одни слои ихъ не бываютъ плотнѣе другихъ; между тѣмъ въ атмосферѣ происходитъ противное: воздухъ у земли гуще нежели въ самомъ небольшомъ разстояніи отъ нея — нитто не помогло: изобрѣтатели ледянаго черепа, даже не обративъ вниманія на свойство солнечныхъ лучей разрушать ледяную кору, какъ бы она толста ни была, и что они легко могутъ освободить сдавленные газы и воздухъ сквозь мнимую преграду, «отозвались»: что идея о ледяномъ черепѣ многимъ естественнѣйшимъ весьма понравилась; и одинъ изъ нихъ е) до такой степени увлеченъ былъ этою теоріею, что для оправданія ея хотѣлъ подняться на высоту атмосферы посредствомъ воздушныхъ шаровъ и, тамъ, во многихъ слояхъ; наблюдая термометръ, барометръ и гигрометръ, строгими математическими вычисленіями доказать на опытъ, гдѣ должно полагать предѣлы расширенію воздуха» т. е. стремленію его отъ земли вверхъ въ *безконечность* *.)

е) Біотъ.

*) Знаменитый физикъ упустилъ здѣсь изъ виду *сущую бездѣлку*: — что дыхательные органы его не безконечны и могли повратиться въ разрѣженія горныхъ породъ пространства, за предѣлами атмосферы. Не напоминаетъ ли эта выходка двухъ другихъ еще болѣе смѣлыхъ: «дай мнѣ матерію и движеніе, — я самъ свѣтъ сдѣлаю!» или: «дай мнѣ опорный пунктъ и рычагъ, я столкну вселенную съ ея мѣста.» Въ этомъ то и дѣло, Им. Гг. что бодливой коровѣ Богъ рога не дастъ! Что же намъ останется дѣлать? спросить ученые или *soi-disant* tels? Не ужели гасить свѣтъ нашъ подъ чашею? „Что дѣлать? Мало ли что! Судить о вещахъ по аналогіи съ тѣмъ, что у васъ подъ руками: ибо *малое есть зерно великаго*, а тамъ во славу Творца своего, хоть и по философствовать, только не разгильдяно, а по *теоріи оброчности*».

Д. К.

Какъ же послѣ такихъ рѣшительныхъ положеній знаменитыхъ испытателей природы, отвратиться предстать предъ ихъ судилище съ нашимъ, со всемъ противнымъ, мнѣніемъ, описаннымъ уже нѣсколько въ 1 части «Разбора физики Г-на Веллинскаго?» Не лучше ли смириться и, видя изрѣченію одного ученаго, что «своего мнѣнія нельзя переселить въ другаго съ такимъ убѣжденіемъ и съ такими обстоятельствами, какъ мы ихъ понимаемъ,» предоставить будущему поколѣнію, тогда, а можетъ быть и изъ нынѣшнихъ мыслящихъ ученыхъ, отыщется кто нибудь, достойный взмѣлгать въ душѣ своей высокую тайну, *возвратить свѣтильникъ на сальницу*, и спутники изумятся, какимъ образомъ разрѣшеніе задачи было такъ близко, такъ ясно и такъ долго скрывалось отъ глазъ человека — можетъ быть этотъ призванный пойметъ тогда и насъ и способенъ будетъ лучше насъ объяснить, что известная тончайшая матерія, *) наполняющая вселенную, не для того только создана Богомъ чтобы по ней міры плавали, какъ корабли по морю; что между этихъ цѣльныхъ тѣлъ, со времени міроздавнiя, всегда совершается противодѣйствіе т. е. всемірное тяготѣніе и отраженіе сей матеріи, составляющія воздухъ, или атмосферу, не только на земномъ шарѣ, на всѣхъ прочихъ міражахъ, и на солнцахъ, но и на всѣхъ твердыхъ и жидкихъ тѣлахъ, безъ исключенія. Тогда и всякому будетъ понятно, что не давленіе нижнихъ густыхъ слоевъ воздуха, въ противность природы, сдерживаемыми верхними его слоями и не ледяной черепѣ служатъ преградой воздуху, что онъ постоянно держится при землѣ, а тяготѣніе, какъ выше значится, той всемірной матеріи къ земному шару и на немъ отраженіе ея, безпрерывно дѣйствующія и вѣчно возобновляемая; что этимъ противодѣ-

*) Упрямое вещество Medium — Aether

ствленъ ея безпрестанно извлекаемые изъ нѣдръ земли газы, дѣлають при ней воздухъ гуще, а къ верху все рѣже потому, что здѣсь ихъ самая значительная густота, которая по своей тяжести въ верхніе слои вся пробраться не можетъ и по этой причинѣ отраженіе воздуха, стремищеся вверху, по мѣрѣ отставанія отъ него газовъ и само изрѣдается, пока отъ этой смѣси не очистится и не превратится на данной высотѣ (за атмосферой) въ прежнее свое состояніе — въ чистый эфиръ.

Вотъ главная и единственная причина почему воздухъ вѣчно стремится вверху и никогда, отъ земли не отдѣлается; и вмѣстѣ доказательство, что

значить атмосфера и противодѣйствіе всемірнаго эфира, которымъ, какъ первымъ орудіемъ воли Божіей, сообщается жизнь земному шару, всѣмъ его животнымъ словеснымъ и безсловеснымъ, не исключая всѣхъ насъ; а по примѣру земли такими же противодѣйствіями оживотворяются и неизмѣнно поддерживаются въ своемъ объемѣ и составѣ всѣ міры — вся природа.

Теперь спрашивается, какъ же можетъ существовать, плавающая въ одномъ и томъ же всемірномъ эфирѣ луна съ ея вулканами, горами, долинами, безъ атмосферы, безъ воздуха, воды, огня; и слѣдовательно безъ жизни собственной всѣмъ мірамъ?! . . .

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПОЛОВЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

ВЪ ЦАРСТВѢ ЖИВОТНЫХЪ.

Бросивъ историческій взглядъ на судьбу различныхъ отраслей науки естествознанія, мы тотчасъ замѣтимъ, что они, смотря по направленію времени, проходятъ слѣдующіе періоды: 1) Періодъ монстрозной чудесности 2) утонченныхъ и причудливыхъ «нѣологическихъ» толкованій и компиляцій 3) единичныхъ, по большей части наружныхъ наблюденій, безъ особенной цѣли и связи внутренней; 4) періодъ натурофилософской заоблачной мечтательности, и 5) періодъ рационально-помогительнаго направленія нашего

времени. — Владычество натурофилософіи давно уже миновалось, но вліяніе ея на многихъ современныхъ естествоиспытателей выражается еще ясно въ стремленіи ихъ къ теоріямъ и слишкомъ далекимъ обобщеніямъ, несомнѣтельность которыхъ безпрестанно выказывается при всякомъ новомъ положительномъ наблюденіи, напоминающемъ золотое для естествоиспытателей правило: *будьте просты и непричудливы, какъ сама природа; всегда ищите въ ней обыкновеннаго и вы найдете стройность и согласіе; будьте лучше*

скеттиками, чѣмъ мечтателями, и съ большою осторожностью связывайте даже и положительныя наблюденія.

Различныя понятія о половыхъ отношеніяхъ животныхъ, особенно ясно показываютъ намъ ничтожность теорій и побѣду надъ ними чистыхъ положительныхъ наблюденій. — Обыкновенно разсуждаютъ объ этомъ предметѣ слѣдующимъ образомъ:

Животныя происходятъ, или а) отъ подобныхъ имъ родителей, или б) изъ органическихъ началъ добровольнымъ зарожденіемъ, (*generatione spontanea*). — Въ первомъ случаѣ, они происходятъ: изъ *лицъ*, или изъ *свободныхъ почекъ*, изъ *отпрысковъ*, и *дѣленіемъ* цѣлаго животнаго на части. — Понятіе о *почкахъ* имѣли обыкновенно такое: это суть свободныя тѣла, производимыя и выбрасываемыя животнымъ, неимѣющія въ своей единообразной массѣ ничего похожаго ни на оболочку, ни на различныя жидкости яйца. Такими почками, говорили, будто бы размножаются животныя внутренности (*Entozoa*) и полипы. — *Отпрысками* называютъ удлиненія наружныхъ частей полиповъ, которыя мало по малу дѣлаются такими же животными, оставаясь въ постоянной связи съ матернимъ тѣломъ, или отдѣляясь отъ него, какъ напримѣръ у полиповъ *Нудга*. — *Дѣленіемъ* размножаются многіе изъ наливочныхъ животныхъ (*Infusoria*).

Наконецъ, въ отношеніи къ раздѣленію самихъ половъ, теоризировали слѣдующимъ образомъ: есть животныя а) съ половыми органами и б) животныя безполыя. — У первыхъ полы бывають, или совершенно раздѣльныя, т. е. мужскій и женскій у различныхъ недѣлимыхъ, или полы слиты въ одномъ и томъ же недѣлимомъ, что составляло такъ называемыхъ гермафродитовъ. — Къ безполымъ относятъ многіхъ изъ внутренностныхъ, полиповъ и инфузорій; къ гермафродитамъ —

Слизней (*Mollusca*), большую часть внутренностныхъ, ежевокожныхъ (*echinodermata*), морскихъ крапивъ (*Asclerphae*), большую часть кольчатыхъ червей (*Annelata*).

Неосновательность мнѣнія, будто бы нѣкоторыя животныя происходятъ добровольнымъ зарожденіемъ, мы уже изложили довольно подробно, въ отношеніи къ наливочнымъ животнымъ, въ сочиненіи: *Естественная исторія наливочныхъ животныхъ* (*), и потому здѣсь ограничимся только разсмотрѣніемъ внутренностныхъ животныхъ.

Различныя органическіе соки, заключенные еще въ живыхъ животныхъ, почитаются способными, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, превращаться въ животныя, остающихся на всегда на мѣстѣ своего происхожденія, внутри другихъ животныхъ, и потому называемыхъ *внутренностными* (*Entozoa*) или *глистами*. Но въ этомъ случаѣ нѣтъ ни какихъ положительныхъ доказательствъ, нѣтъ ни одного, нѣкоторымъ образомъ правдоподобнаго, наблюденія. Гельминтологи просто вѣрили, что глисты зараждаются въ каждомъ особомъ животномъ сначала добровольно, а потомъ уже, достигнувъ совершеннаго развитія, размножаются обыкновеннымъ путемъ, при помощи половыхъ органовъ. Это чистосердечное вѣрованіе прикрываютъ обыкновенно слѣдующимъ *разсужденіемъ*: «Органическіе соки, до тѣхъ поръ, пока найдутся въ организмѣ, суть соки живые, въ полномъ смыслѣ этого слова; имъ недостаетъ только извѣстной степени самостоятельности и независимости отъ организма, ихъ произведшаго, чтобъ превратиться въ отдѣльные организмы, въ животныя; но малѣйшее отклоненіе

(*) Ест. исторія налив. животныхъ С. Петербургъ 1839, текстъ 8-0 атласъ 4-0 — Отпечатано такъ же въ Библиотекѣ для чтенія, январь 1839.

дѣтельности какого либо органа, уже выводить эти изъ подчиненности его, и они дѣлаются до известной степени самостоятельными, и наконецъ организуются въ особые животныя. Таково начало вшей, кишачицъ подъ кожей въ болѣзни Phthyriasis; такъ происходятъ микроскопическіе паучки *Asarus scabiei*, въ сыпи злокачественной чесотки, и глисты въ различныхъ внутреннихъ органахъ.

Хорошо, широко и просторно рассуждать, выводить одно заключеніе изъ другаго, и переходить отъ одного поэтического словца къ другому еще болѣе и пріятнѣе звучащему, когда опыты и наблюденія не удерживаютъ горыва нашихъ мыслей. — Различныя органическіе соки слишкомъ специальны въ своемъ отправленіи, такъ что большая часть ихъ, развѣ только за исключеніемъ крови и соковъ половыхъ органовъ, будучи выведены изъ колена своего назначенія, ничего не производятъ; но кровь, даже и при процессѣ воспаления, производитъ не болѣе какъ только части, находящіяся уже въ организмѣ: перепонки (*pseudomembranae*), сосуды, мускулы и т. п., но отнюдь не особые животныя. — Изъ жидкостей приготовляемыхъ половыми органами, развиваются такія же животныя, и только при известныхъ обстоятельствахъ, тѣсно ограниченныхъ.

Времзеръ, въ сочиненіи своемъ: *Lebende Würmer im lebenden menschlichen Körper*, истощился въ доводахъ историческихъ, филологическихъ, и естественно-историческихъ, чтобы доказать, что глисты человѣка и прочихъ животныхъ не могутъ жить внѣ организма, и что они не попадаютъ въ него ни изъ воздуха, ни изъ воды. Онъ исчислилъ трудности передачи глистовъ и ихъ яицъ отъ одного организма другому, путями полового соитія, и изъ всего этого заключилъ, что они происходятъ въ каждомъ особомъ животномъ,

первоначально добровольнымъ зарожденіемъ.

При теперешнихъ понятіяхъ объ организмѣ животныхъ, никто не станетъ противорѣчить тому, что внутренности животныя вообще не живутъ постоянно внѣ организмовъ; но кто не знаетъ теперь, что они, подобно прочимъ животнымъ, могутъ прожить нѣкоторое время и въ срединѣ (*medium*) для нихъ чуждой. — Развѣ не наблюдаемъ мы подъ микроскопомъ, въ теплой водѣ, по нѣскольку часовъ, даже по цѣлымъ суткамъ, живыхъ Аскаридовъ и Дистомъ не только что изъ печени, но и изъ глазныхъ влагъ рыбъ? — Всемъ известно, что желчныя протоки и желчный пузырь открываются въ двѣнадцатиперстную кишку отверстіями достаточно широкими для прохода личекъ и даже малыхъ особей (*individuum*) Дистомъ. Изъ почекъ есть также широкіе выходы къ наружи. И такъ, туль путь пѣчего невозможнаго, если скажемъ, что глисты и ихъ лички, изъ пищепріемнаго канала, желчныхъ сосудовъ и почекъ, могутъ выходить наружу, и безчисленными путями передаваться другимъ животнымъ. Животныя одного вида (*species*) имѣютъ множество способовъ сообщенія между собою: собаки лижутъ одна другую и съ жадностью поѣдаютъ калъ, ежели въ немъ случайно есть что либо не переварившееся; кобели, по заблужденію, часто долго пробуютъ совокупиться съ самцами же; сука нѣсколько разъ совокупляется съ различными самцами, и совокупленіе продолжается долго; и вотъ прямые, и весьма удобные пути, которыми стѣянныя животныя (*segmentozoa*) могутъ передаваться отъ одной особи къ другой. Не ставемъ говорить о человѣкѣ, вслѣдствію известно какъ многочисленны и тѣсны соприкосновенія его между собою во всѣхъ возрастахъ, и у всѣхъ половъ; вспомнимъ только, напр. что простолудимы не иначе кормятъ дѣтей своихъ кашкою

как позволять ее сначала во рту своем. — Намъ могутъ возразить, что напримеръ, въ различныхъ частяхъ пищеварительнаго канала живутъ различные роды глисты, и потому, еслибъ тѣ изъ нихъ, которыя живутъ въ толстыхъ кишкахъ, проглочены были животнымъ, то они, въ проходѣ чрезъ желудокъ и тонкія кишки, непременно умерли бы и перемарились, не достигнувъ своего мѣста, на это отвѣчаемъ, что конечно большее число ихъ испытало бы эту участь, но многія могутъ достигнуть своего мѣста жительства невредимыми. Всѣмъ известно, что оводы (*oestrus*) кладутъ свои яйца въ ноздри и на губы лошадямъ и коровамъ; животные эти слизываютъ ихъ, проглатываютъ, и большая часть яицъ проходитъ безпрепятственно весь пищеварительный каналъ; даже изъ нихъ развиваются личинки, выбрасываемыя съ каломъ. Наблюдения другихъ животныхъ, обыкновенно живущихъ свободно, но случайно попадавшихъ въ пищеварительный каналъ, и вышедшихъ потомъ живыми, также нерѣдки.

Ни кто не сомнѣвается теперь въ гибкости организма множайшихъ животныхъ, даже высоко организованныхъ. Въ свидѣніе этой гибкости и устойчивости, животные, поставленные человѣкомъ или случаемъ въ обстоятельства для нихъ чуждыя, измѣняются часто до неимовѣрности въ своей формѣ, образѣ жизни и привычкахъ, организмъ ихъ мало по малу преобразуется по обстоятельствамъ ихъ окружающимъ, такъ что мы часто не узнаемъ въ немъ его праотцевъ. Наши домашнія травоядные животные, коровы, овцы, лошади, а изъ хищныхъ собаки и кошки въ безчисленныхъ измѣненіяхъ своихъ, воробьиныя и куриныя птицы, даже самъ человѣкъ, представляютъ тому разительные примѣры. — Самъ Бремзеръ, ревностный защитникъ добровольнаго зарожденія, рассказываетъ, всѣмъ известное явленіе, что въ

кишкахъ птицъ, питающихся рыбою, находятъ живыхъ Лигуль, (*Ligula*), живущихъ собственно въ пищеварительномъ каналѣ рыбъ. И такъ, эти глисты акклиматизируются въ кишкахъ птицъ; жаль только, что никто еще не наблюдалъ, измѣняются ли они въ ихъ новомъ мѣстѣ жительства, и до какой степени можетъ простираться это измѣненіе. — При этомъ намъ скажутъ, *Est modus in rebus, sunt certi denique fines!* Конечно такъ, для всего есть предѣлъ въ живой природѣ, и за известныя границы, ни акклиматизація, ни перерожденіе животныхъ, не переходятъ; мы даже увѣрены, что эти измѣненія случаются чаще всего въ границахъ видовъ (*species*) одного рода, и очень рѣдко переступаютъ за черту, разграничивающую роды (*genera*). Эти именно *modus* и *fina* и удерживаютъ гармонию и согласіе наружныхъ формъ фауны нашего міра. Мы распространились здѣсь нѣсколько о перерожденіи животныхъ, не для того, чтобъ доказать этимъ возможность безконечнаго перерожденія глиствъ изъ червей, живущихъ постоянно въ водѣ или землѣ, что старается опровергнуть, и съ полнымъ правомъ, и самъ Бремзеръ; но распространились единственно для того, чтобъ показать возможность передачи *истинныхъ* глиствъ чревныхъ, печеночныхъ и сѣмянныхъ, отъ одного животного другому одинаковаго съ нимъ рода и вида; чтобы показать что на пути своемъ къ мѣсту ихъ обыкновеннаго пребыванія, глисты эти, а тѣмъ легче ихъ яйца, могутъ остаться въ живыхъ. — Правда, что до сихъ поръ еще никто не видѣлъ такимъ образомъ переданныхъ глиствъ, ни ихъ переходовъ въ тонкія и толстыя кишки, въ печень и почки; но на этотъ случай никто и не дѣлалъ еще наблюдений, потому что всѣ *безконечно* *справали* въ ихъ добровольное зарожденіе въ каждой особи, и полагались на это зарожденіе какъ на каменную стѣну,

между тѣмъ какъ эта именно стѣна и заклоняла собою всякую истину.

Но кромѣ упомянутыхъ выше глисть, есть еще много и такихъ, которые живутъ въ органахъ глубоко сокрытыхъ, не сообщающихся къ наружи ни какими открытыми каналами. Есть глисты въ ячеистой ткани между мускулами, въ глазныхъ влагахъ и въ мозгѣ. Какими путями могутъ передаваться они отъ одного животнаго другому? — Но мы спросимъ также, какими путями различныя красильныя вещества, будучи приняты животными въ желудокъ, отлагаются въ костяхъ и окрашиваютъ ихъ? Какими путями мускусъ, различныя соли, и нѣкоторыя другія медикаменты, переносятся изъ пище-пріемнаго канала, во всей ихъ чистотѣ, въ кровь, мочу, въ мозгъ, и т. д.? Почему не могутъ переходить этими же путями и яички глисть, сидящихъ въ ткани различныхъ органовъ? — Бремзеръ возражаетъ тѣмъ, что будто бы поперечникъ малѣйшихъ яиць глисть менѣе поперечника концевъ сосудовъ кровеносныхъ и всасывающихъ, между тѣмъ, какъ онъ не видѣлъ яиць никакихъ глисть, кромѣ ленточныхъ, въ чемъ легко убѣдиться изъ его сочиненія, въ которомъ почти ничего не сказано даже и объ анатоміи глисть, не только что объ ихъ яицахъ. Яица циститерковъ, ценуровъ, еще вовсе не извѣстны, и поэтому нельзя покамѣсть ни судить объ ихъ величинѣ, ни утвердительно говорить, что имъ не пройти сквозь волосные сосуды.

Ценуры (соенигус), какъ извѣстно, заводятся часто въ мозгу молодыхъ ягнятъ, еще несовокуплявшихся, и Бремзеръ говоритъ, что въ слѣдствіе этой болѣзни ягнята не минуемо умираютъ, и прибавляетъ, что еслибъ предположить, что эта глиста была уже у первой появившейся на свѣтъ овцы, то эта послѣдняя умерла бы, не оставивъ племени, и у насъ не было бы теперъ овцы. — Но кто же сказалъ Бремзеру,

что первоначально произошла одна только овца, прародительница всѣхъ теперешнихъ? — Знаетъ ли онъ навѣрно, что за появленіемъ въ мозгу ценура, слѣдуетъ непременно смерть животнаго? Кто изъ насъ не повторять мудраго изреченія Иппократа: *Ars longa, vita brevis, experientia difficilis!* Прибавьте къ этому еще: *Рациональные людики* (не только для скотовъ но даже и для людей) *рѣдки, лѣкарства дороги, а жизнь животныхъ цѣнится обыкновенно не дороже денегъ за нихъ заплаченныхъ*, и потому не удивительно, что въ скотоврачебныхъ книгахъ есть болѣзни неизлѣчимыя, въ которыхъ медикъ, не видя конца своимъ попыткамъ, наконецъ въ заключеніе совѣтуетъ хозяину употребить самое радикальное средство — *убить скотину*, чтобъ не мучилась и не заразила другихъ.

Наконецъ Бремзеръ приводитъ еще одно, правда весьма косвенное доказательство добровольнаго зарожденія глисть. Еслибъ мы приняли, говорить онъ, что глисты размножаются только отъ себѣ подобныхъ, происходя въ прямой линіи отъ своихъ праотцевъ, сотворенныхъ вмѣстѣ съ первыми животными, то въ такомъ случаѣ организмъ сихъ послѣднихъ былъ бы нечто иное, какъ Пандоринъ ящикъ, наполненный всеми возможными гадинами и бѣдами, на мученіе всѣхъ грядущихъ поколѣній. — На это собственно и возражать не стоитъ, потому что все это есть только плодъ игривой фантазіи и преисполненнаго солью юмора знаменитаго Гельминтолога. Точно также *забавно* было бы называть праотцевъ нашихъ смраднымъ лазаретомъ всѣхъ возможныхъ болѣзней, единственно только за то, что они передали намъ тѣло, столь высоко развитое, что малѣйшее непріязненное вліяніе нарушаетъ его стройность и производить болѣзни.

Но оставимъ нашихъ отдаленныхъ

вращаемъ, обратимся къ тѣмъ, о которыхъ мы имѣемъ непреложныя свидетельства, затянёмъ въ исторію наукъ медицинскихъ и естественныхъ, и мы увидимъ, что число животныхъ, происходящихъ будто бы добровольнымъ зарожденіемъ, сначала было очень велико, начиная съ позвоночныхъ до полиповъ и инфузурій включительно; съ распространившимися познаніями чисто естественнo-историческими, позвоночныя сами по себѣ вышли изъ этого круга; *Реди* вывелъ изъ него всѣхъ настькомыхъ (въ смыслъ Линнея), *Вринбергъ* поставилъ инфузурій въ рядъ съ обыкновенными животными, и защитники добровольнаго зарожденія должны были удалиться въ Пристлееву матерію, и искать убъжища въ глестахъ и вшахъ. О Пристлеевой матеріи мы имѣемъ теперь точное понятіе; и знаемъ, что изъ нее ничего добровольно не происходитъ; ни глисть ни вшей никто не видѣлъ, какъ они происходятъ изъ нашихъ соковъ, или изъ куска мяса, напротивъ, всякій можетъ видѣть ихъ размноженіе обыкновенными путями дѣторожденія, по крайней мѣрѣ у большей части хорошо изслѣдованныхъ; что же касается до путей передачи отъ одного животнаго къ другому, то мы видѣли выше, что ихъ находится очень много.

И такъ, при теперешнемъ положеніи наукъ естественныхъ, добровольнаго зарожденія нѣтъ, и естествоиспытатель, не теряя драгоценнаго времени на пустяки дѣленія и подраздѣленія, говорить: всѣ изслѣдованныя животныя происходятъ отъ себѣ подобныхъ, и нѣтъ сомнѣнія, что и небольшое число тѣхъ, которыхъ еще не уловили въ актѣ происхожденія, точно также происходятъ, тѣмъ болѣе, что *generatio equeivoca* нелѣпа въ своемъ основаніи.

Всѣ многоразличные способы происхожденія животныхъ отъ себѣ подобныхъ, изъ которыхъ главнѣйшіе мы выше упомянули, равнымъ образомъ не

выдерживаютъ строгой критики, такъ что несомнѣннымъ, точно доказаннымъ и ясно понятымъ остается пока мѣсть одинъ способъ — *размноженіе яйцами*. Съ перваго взгляда всякому страннымъ покажется, что всѣ прочіе способы размноженія, какъ-то: *почками*, *отпрысками* и *дѣленіемъ*, приписаны естествоиспытателями въ удѣлъ такъ называемымъ низшимъ, или, если должно выразиться точнѣе, мало или вовсе неизслѣдованнымъ животнымъ, которыхъ точному изслѣдованію, препятствуютъ, или ихъ мѣстожительства или чрезвычайная малость ихъ тѣла. — Принятіе этихъ различныхъ способовъ основывается до сихъ поръ на наблюденіяхъ чисто наружныхъ, въ которыхъ схвачена форма явленія, но отнюдь не проникнуто въ значеніе оной; но всякому извѣстно, что форма безъ внутренняго смысла не имѣетъ ни какой цѣны и можетъ вести къ ложнымъ заключеніямъ. Не надобно также упускать изъ виду и то, что у всѣхъ почти писателей, которые широко и въ безчисленныхъ дѣленіяхъ трактуютъ объ этихъ низшихъ способахъ размноженія, *идея постепеннаго упрощенія животныхъ и смятія и наконецъ совершеннаго исчезанія половъ*, играютъ важнѣйшую роль, и служатъ главнѣйшими доводами, которыми они стараются *объяснить*, не будучи въ состояніи *доказать*, дѣйствительное существованіе этихъ способовъ. — Поэтому чтобы понять, какую степень вѣроятія заслуживаютъ эти послѣднія, разсмотримъ новѣйшія изслѣдованія касательно раздѣленія половъ у животныхъ.

Зибольдъ (Siebold), въ сочиненіи своемъ: *Beifrage zur Naturgeschichte der wirbellosen Thiere, Danzig 1859*, доказалъ что у *Акалефъ*, *Medusa aurita*, не только что находятся половые органы, но что и органы эти находятся раздѣльно у различныхъ особей (*individuum*), т. е. у самцевъ — сѣмянные органы, а у самокъ личинки, наполнен-

ные лицами. — Эрмангенский профессор *Рудольф Вагнер*, во время пребывания своего в Ницце, в августъ и сентябрь прошлаго года, нашелъ также совершенно отдѣльные помы у слѣдующихъ родовъ Акалефъ: *Medusa*, *Pelagia* и *Cassiopei*. Общая форма и цвѣтъ мужскихъ и женскихъ органовъ у этихъ животныхъ, очень сходны между собою, но дальнѣйшее, тончайшее строеніе — совершенно различны: у самокъ *настоящія* яйца съ пузырькомъ пуркинна и ростковымъ пятномъ (Keimfleck), у самцовъ же въ сѣмянныхъ органахъ заключается сѣмя (сперма), и въ немъ сѣмянные животныя (spermatozoa), которыхъ движенія ясно можно видѣть даже и въ самомъ сѣмянникѣ (Testiculus).

Головоногіе слизняки (Mollusca cephalopoda) уже въ слѣдствіе наблюденій *Кюве*, представляли помы раздѣльные; Вагнеръ всегда находилъ въ мужскомъ сѣмени родовъ ихъ: *Octopus*, *Loligo* и *Sepiola*, движущихся сѣмянныхъ животныхъ, и убѣдился, что Недгамовы пузырьки суть вмѣстилища особаго рода паразитовъ.

Между слизняками самцы чрезвычайно рѣдки, и потому многія изъ нихъ считались однополыми т. е. женскими; но многократныя точныя наблюденія подтвердили противное: такимъ образомъ всѣмъ естествениспытателямъ теперь уже известно, что двустворчатораковинные слизняки, рѣчные и морскія ракушки (*Unio* и *Mytilus*), устерсы и т. п. имѣютъ помы совершенно раздѣльные, т. е. мужскіе и женскіе у различныхъ особей. — Тоже самое нашелъ и Вагнеръ, у родовъ: *Patella* и *Chiton*; у самцевъ бѣлые сѣмянники съ сѣмянными животными въ сѣмянной жидкости, а у самокъ буроватые яичники съ яйцами. — Докторъ Эрдль, сопутствовавшій Вагнеру, нашелъ отдѣльные помы у *Haliotis martorata*, у которыхъ самокъ можно от-

личить даже по формѣ раковины болѣе широкой и надутой чѣмъ у самцевъ.

Между Аспидіями и Сальпами, профессору Вагнеру не удалось отыскать самцевъ, но въ яйцахъ всѣхъ изслѣдованныхъ имъ самокъ, онъ находилъ всегда и пузырьрекъ пуркины и ростковое пятно; такъ что, судя по аналогіи, между ними должны находиться и самцы; ибо если яйцо ихъ представляетъ всѣ части яицъ прочихъ животныхъ, то для развитія изъ нихъ животныхъ, необходимо оплодотвореніе ихъ мужскимъ сѣменемъ, т. е. необходимы самцы.

У родовъ класса ежевокожныхъ: *Asterias*, *Ophiura*, *Echinus* и *Holothuria*, Вагнеру также не удалось отыскать самцевъ, но въ яичникахъ самокъ были яйца совершенно развитыя, съ пузырькомъ пуркины и ростковымъ пятномъ. Профессоръ Рамке, занимавшійся изслѣдованіями морскихъ животныхъ на берегахъ Швеціи и Норвегіи, въ томъ же году, подтвердилъ еще болѣе вѣроятность, что самцы этихъ животныхъ находятся; между животными имѣ изслѣдованными, изъ родовъ: *Ophiura*, *Asterias*, *Echinus* и *Spatangus*, одни имѣли яичники съ явственными яйцами, другіе же — органы, содержащіе бѣловатую жидкость, которая состояла изъ шариковъ и влаги; сѣмянныхъ животныхъ онъ не видѣлъ. Профессоръ Валентинъ, бывшій вмѣстѣ съ Вагнеромъ, открылъ между *Holothuria tubulosa* и самцевъ; ихъ сѣмянники имѣли точно такую же форму какъ и красноватые яичники самокъ, но въ нихъ заключалась бѣловатая сѣмянная жидкость, въ которой двигались сѣмянные животныя.

Весьма важно было узнать отношеніе половыхъ органовъ у Полиповъ, которыхъ такъ безжалостно поставили въ рядъ животныхъ почти безъ всякой особой организаціи, какъ какую-то простую животную слизь. — Докторъ Эрдль изслѣдовалъ *Veretillum*

сумоногим и *Алционий* (*Alcyonia*), и цель, что и у нихъ жолы совершенно раздѣльные и у первыхъ не только каждый маленькій полипъ есть самецъ или самка, но на каждомъ отдѣльномъ полипшакѣ или кораллѣ всѣ особи были или самцы или только самки; въ половыхъ органахъ первыхъ видны сѣмянные животныя, а у вторыхъ — яйца съ пузырькомъ пуррины и ростковымъ пятнышкомъ.

Всѣми этими наблюденіями, не только доказано присутствіе мужскихъ и женскихъ половыхъ органовъ у животныхъ изъ тѣхъ животныхъ, гдѣ ихъ или отчасти или вовсе не находили, и потому называли ихъ гермафродитами, однополоыми и бесполоыми; но даже рѣшительно доказано, что жолы у нихъ раздѣлены между различными особями. — И такъ, почти всѣ классы животнаго царства, представляютъ одинъ и тотъ же законъ въ отношеніи къ половымъ органамъ, т. е. мужской и женской помы раздѣльные; у первыхъ сѣмянная жидкость съ ея паразитами — *spermatozoa*, а у вторыхъ яйца, со всѣми принадлежностями яицъ высшихъ животныхъ. — После этого едва ли можно сомнѣваться, что со временемъ найдутся тѣже факты и у инфузурій и кольчатыхъ червей, почитающихся доселѣ гермафродитами и у всѣхъ внутренностныхъ животныхъ. — Этими же наблюденіями доказывается, что для того, чтобъ изъ яйца могло развиться животное, первое необходимо должно быть оплодотворено сѣмьнемъ самца; такъ что всѣ рассказы о развитіяхъ безъ оплодотворенія, и дѣйствительности однократнаго оплодотворенія на несколькоъ генераций (напр. у травяныхъ вшей, *Arhis*), оказываются вовсе неосновательными.

Въ тоже время мы видимъ, что понятіе о распространеніи *почками*, исчезаетъ изъ списка зоофизиологіи; полиповъ особенно приводили въ примѣръ этого способа размноженія, но

здѣсь-то точное наблюденіе и нашло яйца. Еще въ прошломъ году *Лоранъ* (*Laurent*) представилъ Парижской Академіи Наукъ трактатъ свой о *трехъ родахъ воспроизводительныхъ частей животныхъ*, въ которомъ онъ отличаетъ настоящія яйца, развивающіяся въ яйцеводѣ, отъ яйцеобразныхъ тѣлъ (почекъ), какъ напр. у *Hydra grisea*, въ которыхъ, по его словамъ, въ одинокой оболочкѣ заключается одно только простое вещество *d'une nature sub-blastodermique*, изъ котораго будто бы безъ сѣмяннаго оплодотворенія развивается животное. Изъ всего видно, что авторъ или наблюдалъ только такъ называемыя первообразныя, еще не зрѣлыя яйца, въ которыхъ еще нѣтъ ни пузырька пуррины ни ростковаго пятнышка, либо онъ, подобно многимъ изъ Французскихъ овологовъ, не имѣлъ точнаго понятія ни о строеніи яйца ни о развитіи. — Нѣтъ сомнѣнія, что эти двѣ причины породили идею о почкахъ животныхъ; это тѣмъ вѣроятнѣе что она начала существованіе свое въ то время, когда о развитіи животныхъ изъ яйца еще никто почти и не думалъ.

Наконецъ, что касается до размноженія отпрысками и самодѣленіемъ на части, то это фактъ, въ которомъ нельзя сомнѣваться, и который такъ легко повѣрить каждому естествоиспытателю; стоитъ только прилежнѣе подсматривать, наприм. за обыкновенными прѣсноводными полипами *Hydra*, чтобъ увидѣть какъ изъ цилиндрической части тѣла этихъ животныхъ вырастаютъ сначала какъ бы бородавки, какъ они удлиняются, получаютъ руки, отверзтіе рта, пищепріемный каналъ, дѣлаются совершенно похожими на стараго полипа, и наконецъ отдѣляются отъ него какъ самостоятельныя животныя. — Наблюдая въ микроскопъ инфузурій изъ отряда многожелудочныхъ, очень часто удается видѣть, какъ многа изъ тѣхъ, кото-

ры покрыты мягкой кожей, какъ бы перетягиваются по срединѣ, все уже и уже, и наконецъ обѣ половинки разъединяются, и послѣ некоторыхъ превращеній, дѣлаются совершенными животными. Большая часть изъ тѣхъ, которыя покрыты твердымъ панциремъ, получаютъ сначала легкія черты поперегъ, и потомъ какъ бы цепляются на части по этимъ чертамъ. — Однимъ словомъ, явленія размноженія отпрысками и самодѣленіемъ справедливы въ формальномъ отношеніи; но сущности и значенія ни того ни другаго еще не извѣстно, не изслѣдовано. Очень можно быть, что такъ называемые отпрыски полиповъ происходятъ въ слѣдствіе выпячиванія яйца къ наружи, такъ что постепенно развивающееся изъ него животное вытягиваетъ надъ собою общіе покровы своего родителя, разрываетъ ихъ съ верху, выставляя до

сего времени открытые руни (*brachia*), и наконецъ отрываетъ и задній конецъ своего влагалища, или даже вытягивается изъ него и дѣлается самостоятельнымъ, а вытянутые общіе покровы родителя или спадаютъ или снова стягиваются. — Дѣленіе инфузорій на части, не есть ли также слѣдствіе развитія двухъ или многихъ, въ одномъ ряду лежащихъ яицъ, подъ общимъ покровомъ родителя ихъ? — Такое значеніе отпрысковъ и самодѣленія намъ кажется вѣроятнымъ потому, что оно становится ихъ въ рядъ обыкновеннаго способа размноженія большей части животныхъ. Впрочемъ, точныя, нарочно для этого дѣлаемая наблюденія надъ отпрысками и дѣленіемъ животныхъ, покажутъ намъ со временемъ саму истину, а истина всегда бываетъ проста и непримудлива.

С. КУТОРГА.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ КИТАИ.

СТАТЬЯ II. *)

По возвращеніи моемъ изъ фабрики Гинъ-ква, худая погода продержала меня два мучительные дня въ факторіяхъ, и къ наибольшему моему сожалѣнію я долженъ былъ прервать ходъ моихъ наблюденій. Наконецъ настала хорошая погода; мнѣ предложили сдѣлать любознательное путешествіе въ храмъ старости (*temple de la Vieillesse*) Я принялъ это предложеніе съ радостію и тѣмъ охотнѣе, что мы должны были пройти совершенно другую часть Кан-

тона, а я еще не успѣлъ изучить этотъ народъ и его обычаи, столь новые для меня.

Лишь только мы вышли изъ факторій, какъ встрѣтили китайскую свадьбу. Поездъ состоялъ изъ восьми или десяти паланкиновъ; ихъ несли люди одѣтые въ длинныя красныя и зеленныя платья; паланкины эти были позолочены и украшены рѣзбою, въ нихъ находились различныя подарки молодого, сдѣланные имъ своею суженою. За ними,

*) Статья 1. Напечатана во II части

до двадцати мальчиковъ, странно наряженныхъ въ разноцвѣтныя лохмотья; или съ широкими фонарями, изъ бумаги, или намащенного холста, расписанныхъ самыми чудными изображениями; другіе на верхушкѣ длинныхъ шестовъ несли ящики, въ которыхъ въроятно также были подарки, на ящикахъ вырзаны драконы и другія фантастическія фигуры. Потомъ следовали носидки молодой, герметически затворенныя, облитыя золотомъ, и украшенныя со всѣхъ сторонъ рѣзбою; замѣчательны изящность и чистота отдѣлки ихъ украшеній. Предполагается, что въ посылкахъ сидитъ повоображая, хотя она отправляется въ домъ мужа прежде поезда. Ужасная музыка замыкала шествіе, каждый музыкантъ игралъ, что ему вздумалось, стучалъ въ барабанъ безъ акорда и такта, дулъ въ пронзительный фляголетъ, и билъ въ оглушающую *гонгу*.

Здѣсь можетъ быть у мѣста сказать нѣсколько словъ о Китайской музыкѣ, если, хоть можно назвать музыкою дисгармонію самыхъ странныхъ звуковъ. Обыкновенно въ Китайскомъ оркестрѣ нѣсколько *гонгъ*, (родъ большаго таза, сдѣланнаго изъ смѣси различныхъ металловъ) барабановъ, кимваловъ и духовыхъ инструментовъ ужасно несогласующихся между собою. Каждый музыкантъ играетъ на своемъ инструментѣ, точно какъ бы онъ былъ одинъ, надуваетъ его что есть силы, или бьетъ безъ умолку руками, ни сколько не согласуясь съ своими сосѣдами. Выразить вамъ эффектъ этой смѣси голосовъ? извольте: это что-то адское: тотъ въ тощпани представительный правленія построенный по самымъ утопическимъ теоріямъ *наилушшаго* и *самаго дешеваго* правительства — каждый кричить, свиститъ, стучитъ въ свои бубны или барабанъ; у насъ всѣ — виртуозы. До *регента*, словно Китайцамъ, ни кому и дѣла нѣтъ — за чѣмъ онъ? — за то ужъ правду сказать: и гармонія госу-

дарственная! кто въ лѣсъ, кто по дрова. Право Китайцы выше насъ: ихъ гармонія только уши деретъ, а наша гармонія — раздираетъ коренныя общественныя связи? Надо быть Китайцемъ, чтобы слушать Китайскую музыку и не чувствовать болезненнаго пораженія нервовъ. Говорятъ, не выдаю за справедливое, что главною причиною смерти лорда Непира была ужасная музыка; она гремѣла у него, подъ предлогомъ особенной чести, въ продолженіе трехъ дней ужасныхъ мукъ. Думаютъ, что лордъ Непиръ вышелъ изъ лодки доставившей его изъ Кантона въ Макао, со всеми признаками болѣзни, которая похитила его. Впрочемъ я легко понялъ, что нѣтъ ни одного человека, барабанная перепонка котораго могла бы устоять противу столь продолжительнаго концерта; должно быть, подданные поднебесной имперіи, организованы совершенно иначе, нежели мы: ихъ музыка не только нравится имъ до безконечности, но они считаютъ еще нашу отвратительною и годною только для варваровъ. Такъ и мы подшучиваемъ надъ тѣми народами, гдѣ гармонія общественнаго порядка и благосостоянія, учреждается по мановеніямъ одного всемогущаго Регента, и гдѣ всѣ частныя свистки, бубны и барабаны, не смѣютъ фантазировать, а ждутъ своей очереди, играютъ по нотамъ. Счастливы такой хоръ, въ которомъ каждый музыкантъ, старается привыкнуть и сыгратся со всѣми своими товарищами, охотно отрицаясь плачевнаго удовольствія — свистать когда вздумается, и что вздумается, удовольствія, которое, въ утопическихъ теоріяхъ называютъ — *свободой*.

Продолжая нашу дорогу, мы имѣли случай видѣть другую сцену свадьбы. Простолюдимъ, только что женившійся, шумѣлъ, весь красный отъ усталости, у дверей супружескаго жилища. Большая толпа окружала его и смѣялась надъ его усидіями, войти въ домъ, куда

входъ защищали нѣсколько людей. Намъ сказали, что это одна изъ свадебныхъ церемоній низшаго класса, что эта борьба только шутка, и что скоро отворять ему входъ въ его домъ, гдѣ дожидаетъ его свадебный пиръ, въ которомъ примутъ участіе и охранители дверей: къ счастью, насъ предупредили, что вса эта сцена, не что иное какъ шутка. По крикамъ толпы, по всѣмъ движеніямъ, и силъ, съ которою они таскали другъ друга за длинныя косы, которыя Китайцы носятъ сзади, можно было подумать что они дрались съ звѣрскимъ ожесточеніемъ.

Вскорѣ мы пришли къ длинной лавкѣ продавца всякой всячины и не могли удержаться, не войти въ нее. Въ ней было много галантерейныхъ вещей, въ числѣ которыхъ мы замѣтили тѣ зеленые камни, такъ дорого цѣнятся Китайцами, которые дѣлаютъ изъ нихъ кольца и носятъ ихъ на большомъ пальцѣ обѣихъ рукъ; за одно изъ такихъ колецъ спросили двѣ тысячи пятьсотъ франковъ. Всѣ эти товары разложены, точно также какъ и въ Парижскихъ магазинахъ, для защиты отъ пыли и пскромныхъ рукъ: они лежатъ въ ящикахъ со стеклянными рамами. Въ комнатахъ за лавкою, на многихъ полкахъ, расположены рѣдкости Китая и Японіи и древности этихъ обнхъ странъ; послѣднія большею частію состояли изъ бронзовыхъ, кремнистыхъ и фарфоровыхъ изображеній, изъ конхъ нѣкоторыя, какъ намъ говорили, существуютъ съ незапамятныхъ временъ, что въ Китаѣ не маловажно. Мы купили нѣкоторыя изъ этихъ вещей, положась на вѣрное слово купца; но высокоя цѣна, запрашиваемая Китайцами на эти рѣдкости, скорѣ заставила насъ ограничить свои антикварскія фантазіи.

Ходя по улицамъ, мы насмотрѣлись на тактику Китайскихъ нищихъ, которою они добываютъ обильную милостыню, тактику столь же вѣрную какъ и простую. Нищіе ходятъ почти всегда

попарно; каждый, нѣтъ рѣдъ буди (maïgaue) или гонгу, начинаетъ играть передъ купцомъ, котораго избрали своею жертвою, и эта адская музыка не перестаетъ до тѣхъ поръ, пока они не получаютъ желаемаго. Въ Европѣ, полиція скоро бы прекратила такого рода лихонство; но въ Китаѣ, гдѣ правительство не заботится о пропитаніи этихъ бѣдныхъ, имъ предоставлено на выборъ, изыскивать всѣ средства для удовлетворенія нуждъ своихъ. Никто не обязанъ давать имъ милостыню, но также запрещено ихъ выгонять и бить: впрочемъ они должны довольствоватся тѣмъ, что имъ даютъ, какъ бы подаеніе мало ни было. Но меня удивляетъ то, что половина жителей города Кинтона не живетъ милостынею, хотя такой родъ существованія чрезвычайно легокъ; народъ Китайскій врагъ лжи и праздности, и нищіе которыхъ я видѣлъ были всѣ не въ состояніи, по болѣзни или возрасту, питаться отъ своихъ трудовъ. — Въ нашихъ глазахъ цѣлыя толпы шли на маленькій мостикъ и усѣлись на ступеняхъ его, выставляя на блѣдные лучи зѣмнаго солнца, свои члены, почти нагѣ и однеившіе отъ ночнаго холода; мы невольно отвернулись отъ неприятнаго вида ранъ, которыми они были покрыты.

По ту сторону этого моста, мы вошли въ кварталъ плотниковъ и столяровъ; шумные магазины этого квартала наполнены софами и баулами, различной величины, сдѣланными изъ Кампешскаго дерева; стульями à la papesseuse, съ обивкою такой отличной доброты, что воображеніе нашихъ обойщиковъ никогда не создастъ лучшаго. Въ этомъ же кварталѣ живутъ мастера мраморныхъ вещей. Въ Китаѣ можно найти прекрасные мраморы и за очень дешевую цѣну; я заплатилъ сто франковъ за столовую доску бѣлаго мрамора, прорѣзанную красными жилками; доска эта имѣла четыре фута одиннадцать дюймовъ въ діаметръ, а ящикъ, въ который ее

помогали, окованъ желѣзомъ и стоялъ бы въ Европѣ покрайней мѣрѣ тридцать франковъ.

Дорогою мы видѣли *Гомъ*, или торговый домъ ганста Говъ-ква, самаго зажиточнаго купца въ Кантонѣ и можетъ быть богатѣйшаго человѣка въ цѣломъ мѣрѣ. Думаютъ, что богатство его простирается до 125 или 150 милліоновъ франковъ: магазинны его состоятъ изъ пятнадцати или двадцати залъ расположенныхъ въ линію, имѣющихъ около двадцати футовъ въ квадратъ. Въ этихъ залахъ, вымощенныхъ широкими плитами, хранятся образцы и запасы чаевъ, которыми торгуетъ этотъ ганистъ съ Европейцами; онъ въ два этажа: въ верхнемъ хранится шелкъ, который вмѣстѣ съ чаемъ составляетъ главную торговлю Говъ-ква. Множество работниковъ были заняты укладкою бѣлаго и желтаго шелку; съ каждой стороны залы поднято было множество клубковъ къ самому потолку; она стояли, мнѣ кажется, по крайней мѣрѣ три милліона. Магазины эти прилегаютъ къ рѣкѣ, и цѣлая толпа народа ходила то въ магазины то къ Китайскимъ лодкамъ, которыя грузились богатыми товарами; отсюда черезъ несколько дней, они перейдутъ на иностранные корабли, доставивъ огромный барышъ купцу ихъ *).

Два молодые человѣка, оказывали намъ почести отъ дома Говъ-ква, съ такою непринужденною въжливостію, которой я никакъ не надѣлся найти въ Китаѣ. Правда, одинъ изъ нихъ много путешествовалъ; онъ былъ даже въ Со-

* Говъ-ква недавно умеръ; думаютъ, отъ притѣсненій, которыя онъ претерпѣлъ въ то время когда стали приводить въ исполненіе Императорскій указъ противъ торговли опиумомъ. Его привели къ факторіямъ законнаго въ цѣли, и грозили иностранцамъ, что если они не выдадутъ опиума, то передъ ихъ глазами, ему отрубятъ голову.

единенныхъ Штатахъ, въ Англіи и довольно порядочно говорить по Англійски. Я спросилъ у него, что думаетъ онъ объ Европѣ; онъ умно отвѣчалъ мнѣ, что любовался всѣмъ прекраснымъ встрѣтившимся въ его путешествіи, но что ему какъ Китаецъ, его страна кажется гораздо лучше. Желая поколебать патриотизмъ его, я сказалъ, что вѣрно его изумили въ Лондонѣ чудеса архитектуры и промышленности. — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, у насъ есть и свои примѣры безумства такого рода; но вообще какъ бы мы богаты ни были, мы всегда довольствуемся покойными и уютными домами и рѣдко доходимъ до того сумасбродства, которое видѣлъ я въ Европѣ. — Незнаю, былъ ли этотъ Китаецъ откровененъ, или обвиняя насъ въ безумствѣ, хотѣлъ скрыть недостатокъ образованности страны своей; кажется послѣднее вѣрнѣе. Я имѣлъ случай видѣть во многихъ частностяхъ жизни Китайской, расточительную роскошь, которая заслуживаетъ, по словамъ моего молодого собесѣдника, самыхъ горькихъ укоризнѣй.

Заведеніе, въ которомъ мы теперь были, есть одно изъ складочныхъ мѣстъ Говъ-ква; ганистъ этотъ не живетъ въ немъ. Идя далѣе, мы видѣли одно изъ его жилищъ; это домъ выстроенный точно также какъ и всѣ дома города Кантона, изъ маленькихъ кирпичей сырой глины, высушенныхъ на солнцѣ. Домъ этотъ имѣетъ шесть входовъ и занимаетъ, въ одной изъ уединенныхъ улицъ, пространство отъ ста восьмидесяти до двухъ сотъ тоазовъ. Мнѣ хотѣлось проникнуть внутрь дома, но вскорѣ узналъ, что надо отказаться отъ этой мысли: большія ширмы, на которыхъ нарисованы домашніе боги-покровители, заслоняли видъ даже прихожей, а куча лакеевъ охраняли двери. Множество людей, не принадлежащихъ къ семейству Говъ-ква, живутъ въ его домѣ: это настоящіе вассалы, которыхъ содержали вельможи время вассалъ-

ныхъ. Вся зажиточные люди имѣютъ равнымъ образомъ кучу клиентовъ, которыми доставляютъ подъ крышею своей все необходимое для ихъ существованія; что впрочемъ, въ Китаѣ, гдѣ пища состоитъ изъ риса свареннаго въ водѣ, не составляетъ большихъ издержекъ. Говь-ква имѣетъ четыре дома такого рода. Въ каждомъ изъ нихъ живетъ одна изъ его женъ: въ Китаѣ дозволено многоженство, и Китаецъ можетъ имѣть столько женъ, сколько имѣетъ домовъ, для ихъ помѣщенія, но жена перваго брака считается его законною женою. Я думаю, читателямъ моимъ известно, какъ производятся свадьбы въ Китаѣ: ихъ устрояютъ семейства, не смотря ни на вкусъ, ни на возрастъ соединяемыхъ; супруги видятъ другъ друга тогда, когда церемонія уже совершенно кончена. Случается очень часто, что новобрачный молодой, любящій удовольствія, соединяется съ женщиною безобразною, уродливою или пожилою; и слѣдовательно очень естественно, если онъ, особенно когда нозволяетъ состояніе, ищетъ съ другою счастіа, котораго не можетъ найти у себя. Нѣкто спросилъ у Говь-ква, сколько у него женъ? — «четыре, отвѣчалъ тотъ, двѣ съ маленькими и двѣ съ большими ногами,» и когда я спросилъ, которыхъ онъ предпочитаетъ? — «А! сказалъ онъ, съ большими ногами: отъ женъ съ маленькими ногами дурно пахнетъ!»

Говоря о Говь-ква я воспользуюсь случаемъ сказать нѣсколько подробнѣе о ганистахъ, сословіи любовытномъ, ибо они составляютъ единственный путь, черезъ который производятъ законныя сдѣлки иностранцы, имѣющіе дѣла въ Китаѣ. Я уже сказалъ прежде, что они обязаны своимъ существованіемъ отвращенію Китайскаго правительства отъ сношеній съ варварами; они посредники между правительствомъ и иностранцами. Каста ганистовъ беретъ на себя это мнимое нареканіе; они же считаются и шпионами правительства

по торговлѣ съ иностранцами. Это последнее обстоятельство даетъ уже попятіе объ общественномъ бытѣ Китая: ганисты не стоятъ на равнѣ съ мандаринами, то есть имъ не поручена должность общественная; власть ихъ полу-официальная и не простирается далѣе нѣкоторыхъ правъ имъ дарованныхъ. Есть такой родъ купцовъ, которые считаются выше ихъ, таковы напримѣръ, купцы торгующіе солью. Исключительная привилегія ганистовъ, торговать съ иностранцами, доставляетъ имъ огромные барыши; почему многіе изъ нихъ собрали несметныя богатства; но они ежеминутно подвержены грабежу лихоимства главныхъ мандариновъ, которые въ состояніи нанести имъ вредъ когда только захотятъ; ибо въ Китаѣ высшіе начальники имѣютъ привилегію притѣснять всѣхъ находящихся подъ ихъ начальствомъ; почти всегда за мѣста платятъ чрезвычайно дорого, а жалованье ничтожное или почти ничтожное. Поднебесная имперія можетъ быть сравнена съ царствомъ водъ, гдѣ большія рыбы пожираютъ меньшихъ, эти малыхъ, а послѣднія чрезвычайно маленькихъ. Ганисты отвѣчаютъ не только за свое собственное поведеніе, и подати, которая должны платить иностранные корабли, но они отвѣчаютъ также за всѣ нарушенія закона и преступленія, сдѣланныя иностранцемъ. Въ бытность мою въ Кантонѣ было остановлено Европейское судно съ контрабандою опиума; товаръ былъ захваченъ, а матросы, Европейцы, отпущены, потому что правительство не хотѣло имѣть съ ними никакого дѣла. Впрочемъ, они сдѣлали это, узнавъ уже кому принадлежало судно: и именно одному Англичанину, жившему въ Кантонѣ. Вы думаете, что правительство отнеслось къ нему, чтобы онъ заплатилъ наложенный на него штрафъ? совсѣмъ нѣтъ, ему не сказали ни слова; а взяли за ганиста, которому принадлежала факторія, мѣсто жительства Англійскаго купца, и

наложили на самага хозяина факторин денежную пеню въ 150,000 франковъ за контрабанду, которую производилъ его постоялецъ. Напрасно протестовалъ онъ, говоря, что безъ сомнѣнiя онъ отвѣчаетъ за все, что происходитъ въ домъ ему принадлежащемъ, но преступленiе было совершено на рѣкѣ, за которой не могъ онъ надсматривать. Ничто однакоже не помогло: пришлось платить — и штрафъ былъ взысканъ не съ жильца, а съ хозяина. — Почти всѣ гости платятъ большiя суммы за свои мѣста, доставляющiя имъ чинъ мандарина пятаго или шестаго класса, но вмѣстѣ съ этимъ они освобождаются отъ лихоимства второстепенныхъ чиновниковъ и удовлетворяютъ только алчности высшихъ мандариновъ. Очепь часто случается, несмотря на огромныя барыши получаемые ганистами отъ торговли, что они кончаютъ дѣла свои очень худо. Два года тому назадъ ганистъ Гингъ-такъ, обанкрутился болѣе нежели на десять миллионъ франковъ; но собрать его сошлись съ занимавцами, которые были Европейцы, и согласились заплатить долги его въ означенный срокъ. Впрочемъ, правительство Китайское, строго въ такихъ дѣлахъ: самыя жестокия наказанiя ожидаютъ непредусмотрительнаго Китайца, который въ извѣстный срокъ не заплатитъ долговъ своихъ Европейцу.

Древнiй храмъ лежитъ не въ большомъ разстоянiи отъ квартала сапожниковъ, который находится на пути къ нему. Ремесло сапожника довольно важно въ Китаѣ, гдѣ очень рѣдко встрѣтишь босымъ самага послѣдняго бѣдняка. Магазины, мимо которыхъ мы проходили, были съ верху до низу унизаны разными башмаками, начиная съ обуви простую, похожей на туфли, которыхъ верхушки изъ грубаго сукна, а подошва деревянная, до изысканныхъ шелковыхъ полусапожекъ щеголихи, украшенныхъ золотыми и серебряными бляхами, съ высокою подошвою

бѣлою какъ снѣгъ, носокъ ея служитъ на подобiе уса и при самомъ концѣ загибается крючкомъ, въ два или въ три дюйма длиною. Мы видѣли также башмаки въ три или четыре дюйма длины, предназначенные для защиты тѣхъ бѣдныхъ, сжатыхъ и безобразныхъ ногъ, которыя возбуждали всегда во мнѣ одну жалость.

Далѣе, мы останавливались передъ нѣкоторыми стеклянными заводами. Китайцы еще недалеки въ этой отрасли промышленности: они дошли только до того, что могутъ выдувать стекло въ форму имѣющую видъ большаго цилиндра, къ концамъ нѣсколько суженнаго; изъ такихъ цилиндровъ выдѣлываютъ они оконныя стекла и другiя вещи. А чтобы они потеряли свою прежнюю фигуру, ихъ подвергаютъ вторичному дѣйствию огня и когда размякнутъ, ихъ выпрямляютъ. Безполезно говорить, что стеклянная произведенiя Китая не слишкомъ многочисленны и разнообразны.

Древнiй храмъ построенъ изъ такихъ же маленькихъ кирпичей сѣрой глины, о которыхъ я говорилъ прежде, фундаментъ же изъ прекраснаго гранита. Въ Китаѣ есть особенно красивый гранитъ; я видѣлъ колонны, изъ цѣлаго куска, въ двадцать пять футовъ вышиною. Названiя монастыря болѣе бы приличествовало этому зданiю, нежели храма, которымъ назвалъ я его прежде. Это огромное строенiе или лучше сказать собранiе построекъ; онъ сооруженъ Кохинхинцами, назадъ тому тысячу двѣсти лѣтъ; следовательно принадлежитъ къ зданiямъ среднихъ вѣковъ. Но тогда масштабъ его болѣе гораздо менше; когда Китайцы выгнали Кохинхинцовъ изъ области Кантонской, то мало по малу увеличивали это зданiе и сдѣлали его такимъ, какимъ мы его теперь видимъ.

Въ этомъ заведенiи болѣе двухъ сотъ бонзъ, въ томъ числѣ нѣсколько дѣтей; иногда число ихъ увеличивается до цѣ-

ти сотъ. — Каждому известно что бомам поклонники Будды. — Передъ перистилемъ раскидывается обширный дворъ, съ каждаго бока его по чудовищной статуѣ, представляющей хранителей храма, и разумѣется охраненіе его не могло быть никому лучше вверено, какъ этимъ изображеніямъ, изваяннымъ какъ бы нарочно для внушенія страха. Статуи эти вырзанныя изъ дерева, раскрашенныя, вышиною отъ двѣнадцати до пятнадцати футовъ, не имѣютъ ничего замѣчательнаго, кромѣ ихъ колоссальнаго вида и страшной наружности. Выйдя изъ перистила, вы вступаете въ большую часовню, посвященную божеству, названія котораго я не запомню; но мнѣ говорили что это Бахусъ Китайцевъ. Стояло посмотреть только въ лице, что бы угадать принадлежности его. Статуя эта чрезвычайной величины; божество лежитъ; его огромная голова подперта правою рукою; верхняя часть статуи нагая, нижняя украшена драпировкою; она сдѣлана изъ цѣльнаго куска и вся позолочена; это одно изъ лучшихъ олицетвореній страсти къ вину и пирушкамъ. Одинъ глазъ сего идола полуоткрытъ, ротъ разинутый, улыбающійся; онъ еще недошелъ да высочайшей степени опьяненія, что впрочемъ было бы противорѣчіе. — Китайцы вообще мало преданы пьянству: это скорѣе богъ добра, ибо, по переводу сдѣланному мнѣ г. Гонтеромъ (Hunter), молодымъ Американцемъ, понимавшимъ очень хорошо Китайскій языкъ, надпись, выгравированная на широкой лаковой доскѣ, означала слѣдующее: *богатство, здравіе, могущее стое — счастье человека*. Изъясненіемъ другихъ надписей, о которыхъ мнѣ еще осталось сказать, я также обязанъ снисходительности Г. Гонтера. Передъ божествомъ, какъ во всѣхъ Китайскихъ кумирняхъ и капищахъ, находится родъ жертвенника, на которомъ поставлены шесть или восемь вазъ, сдѣланныхъ изъ сплава цинка и мѣди близко под-

ходящаго къ серебру. Въ нитъ заключенъ священный пепель; въ него-то поклонники втыкаютъ палочки изъ деревянныхъ ароматическихъ осколковъ, которыя зажигаютъ въ честь идола. Съ каждой стороны жертвенника длинныя позолоченныя вымпелы съ изображеніями продолговатыхъ фигуръ стоящихъ на колѣняхъ передъ божествомъ. Передъ жертвенникомъ — большой котелъ, гдѣ сожигаютъ бумажки, на которыхъ начерчены жрецами таинственные знаки, непонятные для простаго народа и покупаемые легковеріемъ. Молитвы ихъ вмѣстѣ съ дымомъ восходятъ до небесъ. На одной изъ сторонъ кумирни повѣшеть колокольчикъ. Вы никакъ не угадаете для чего онъ здѣсь: онъ уведомляетъ бога, въ ту минуту, когда просящій смертный сожигаетъ священную бумажку; по мнѣнію этихъ жалкихъ суевѣровъ легко можетъ случиться что богъ ихъ въ эту минуту чѣмъ нибудь занять, и не услышалъ бы ихъ молитвъ, еслибы звуки колокольчика не возбудили его вниманія.

Мы оставили Бахуса Китайскаго и перешли по мостамъ нѣсколько каналовъ наполненныхъ зеленоватою и гнилою водою. Китайцы особенно любятъ этотъ зеленый цвѣтъ; они тщательно смотрятъ, чтобы ни чѣмъ небыла нарушена единообразность этого тинистаго ковра, который по мнѣнію нашего брата Европейца есть просто скопленіе нечистотъ, заражающее воздухъ. Посреди этихъ лужъ, поставлены искусственныя скалы отличной работы. Смотря на нихъ, я думалъ о смѣшныхъ подражаніяхъ природѣ, въ нашихъ загородныхъ домахъ, такъ дорого стоящихъ; тѣ, которыя были у меня теперь передъ глазами, вѣроятно возбудили бы зависть многихъ любителей, своимъ живописнымъ видомъ. Весь фасадъ строенія, которое передъ нами развертывалось, украшенъ прекрасными изваяніями, остановившимися на

несколько минут наше вниманіе. Маленкой мостикъ, на которомъ мы находились, привелъ насъ въ кухню каплица: это въ одно время и кумирня бога и пріютъ повареннаго искусства. Богъ въ самомъ дѣлѣ находился здѣсь въ своемъ храмѣ и какъ кажется управлялъ работами; передъ нимъ стояло несколько пустыхъ блюдовъ, означающихъ жертву. Надписью, находящеюся при входѣ въ кухню, возбраняется курить въ ней, вѣроятно для того, чтобы не придать дурнаго вкуса *превосходнымъ* аствамъ, которыми питаются бонзы, и о которыхъ я тотчасъ упомяну. Въ несколькихъ шагахъ отъ кухни находится столовая. Мы вошли въ нее въ самую интересную минуту цѣлаго дня; нашли въ ней около ста пятидесяти бонзовъ, сидѣвшихъ за тремя десятками столовъ параллельно разставленныхъ и отдѣленныхъ другъ отъ друга одинаковыми пространствами. Пища этихъ бѣдныхъ монаховъ вовсе не возбуждала аппетита; передъ каждымъ изъ нихъ стояли двѣ чашки, одна большая, наполненная рисомъ, другая зеленью, очень похожею на шпинатъ. Одинъ изъ обѣтовъ этихъ бонзовъ состоитъ въ томъ, чтобы никогда не ѣсть мяснаго. Въ ту минуту, какъ мы вошли, главный изъ нихъ читалъ густымъ басомъ родъ *облденной молитвы*, продолжавшейся около двухъ минутъ; послѣ чего, второй звонокъ подавъ знакъ садиться. Другіе бонзы не молились и радушно принимались работать руками, челюстями и зубами; двѣ слоновыя косточки, которыя употребляютъ они за обѣдомъ, двигались взадъ и впередъ съ величайшею дѣятельностію. Всѣ эти бонзы были одѣты въ длинныя сѣрые плащи, капшонъ которыхъ падалъ на плечи; мнѣ показалось что я въ монастырѣ капуциновъ; монахи хранили глубокое молчаніе; и прибытіе наше едва возбуждало ихъ вниманіе. Въ промежуткѣ отдѣляющемъ оба ряда столовъ, находится столъ настоятеля; онъ не присутствовалъ

при обѣдѣ. Надъ настоятельскимъ столомъ находится слѣдующая надпись: *мѣстопребываніе тихихъ думъ*. На лѣво отъ этой находится другая надпись, которую Г. Гонтеръ перевелъ мнѣ такъ: *Въ десяти странахъ (то есть во всемъ свѣтѣ) находятся различныя привычки; должно уметь къ нимъ приравливаться*. Мнѣ кажется, что это имѣетъ некоторое сходство съ *предупрежденіемъ къ читателю* въ нашихъ книгахъ. Въ углубленій залѣ находится скамья для гостей иностранцовъ, надъ нею написаны имена сановниковъ монастыря и число дней, въ которые они должны отправлять свои обязанности, и это подало мнѣ поводъ заключить, что должности ихъ временныя или достигающія по выбору. Въ залѣ начертано было много другихъ надписей, которыхъ копировать я не посмѣлъ, несмотря на то что Г. Гонтеръ увѣрилъ меня, будто бонзы того не увидятъ. Я помню только двѣ изъ этихъ надписей; одна, если не ошибаюсь, была слѣдующая: *Въ книгахъ также какъ и въ сердцѣ человека есть мысли*, и другая: *Каждый счастливъ или несчастливъ, смотря по воображенію*.

Весь верхній этажъ посвященъ Буддѣ; онъ составляетъ обширную кумирню украшенную съ большою роскошью, нежели всѣ другія. На наружной сторонѣ стѣнъ написаны имена иностранцевъ посѣтившихъ это мѣсто; нѣкоторые изъ нихъ были писаны въ началѣ прошедшаго столѣтія. Изъ галлерей, которая окружаетъ эту кумирню, взоры наши проникали до середины внутренняго города; мы могли обнять ими огромное пространство земли занимаемое Каптономъ и его предмѣстіями. Это равнина, имѣющая въ окружности около шести льѣ; къ сѣверу оканчивается она довольно возвышенными горами, а къ югу граничитъ съ рѣкою. Мы слѣдили взоромъ стѣну, прикрытую башнями, отдѣляющую оба города другъ отъ друга; стѣна эта имѣетъ можетъ быть три мѣли въ длину, и въ

видъ полукруга, тянется отъ востока къ западу. Во внутреннемъ городѣ, смотря по множеству виднѣвшихся деревьевъ, должно быть много садовъ. Отсюда же увидѣли мы домъ вице-короля (намѣстника) ни чѣмъ не отличающійся отъ другихъ домовъ города, развѣ только однимъ, что онъ гораздо больше и простирается до самой рѣки. Только украдкою могли мы видѣть изображенія Будды; кумирня была заперта. Но я еще возвращусь къ этому божеству. Сходя съ галлерей, на которой находились, мы увидѣли другое капище построенное ганистомъ Говь-ква послѣ смерти его старшаго сына. Эта капище посвящено божеству съ тысячею рукъ; Китайское названіе этого бога, если не ошибаюсь, есть *Бохе*; ему приписываютъ всеміліе, вездѣсущность и всевѣдѣніе. Онъ исподысподыма въ себя вмѣщаетъ всѣ блага и всѣ казни; тысячи рукъ служатъ эмблемою его великаго могущества. «Если, говорятъ они, человѣкъ съ двумя только руками производитъ столько дѣла, то какихъ чудесъ не надѣлаетъ божество у котораго сто рукъ?»

Посѣтивъ это капище и сдѣлавъ визитъ его сторукому кумиру, мы возвратились въ нижній этажъ; насъ повели по другому ходу, ведущему въ кумирню *Будды женщины*. Кумирня эта самая маленькая, и служитъ предметомъ особеннаго благоговѣнія всѣхъ поклонниковъ Будды. Она отчасти уже была приготовлена къ празднику новаго года; большія бумажныя картины покрывали боковыя стѣны; картины эти (числомъ десять) представляли разныя сцены изъ хроникъ десяти Китайскихъ адовъ. Вверху каждой картины, сидитъ съ своею угрюмою физиономіею, Минось Китайскій, одинъ изъ министровъ Будды; рядомъ съ нимъ въ той же самой пагодѣ, видна молодая красавица, нарисованная здѣсь разумѣется для того, чтобы смягчить жестокость приговоровъ исходящихъ изъ

устъ судьи. Внизу суда клеветы ада ведутъ грѣшника въ такой же точно одеждѣ, въ какой онъ былъ на землѣ; въ медальонѣ описаны дѣла, въ которыхъ его обвиняютъ. На одной изъ этихъ картинъ въ медальонѣ представленъ сынъ убивающій отца заступомъ. Свидѣтелемъ этого преступленія одинъ только буйволъ, разсматривающій со вниманіемъ эту сцену. Буйволъ обвинитель стоитъ предъ судьейю сбоку преступника, и уже одинъ изъ сообщниковъ доказываетъ роковой приговоръ. На другой картинѣ изображена женщина приведенная въ страшное судилище; ея добрыя и худыя дѣянія взвѣшены на вѣсахъ правосудія, и по чертамъ лица этого бѣднаго существа, выражающимъ отчаяніе, можно видѣть, что перевѣсъ на худой сторонѣ. Нижняя часть этихъ десяти картинъ представляетъ адскія муки. Здѣсь видимъ мы самыя ужасныя истязанія, какія могло только создать плодотворное воображеніе Китайцевъ. Нельзя представить себѣ ничего ужаснѣе и бесоватѣе лицъ этихъ мучителей ада. Всѣ грѣшныя наги и волосы ихъ выпадаютъ по плечамъ. Здѣсь безчисленные грѣшники брошены въ пасть ненасытимаго дракона; тамъ человѣкъ стиснуть двумя досками и собаки нюютъ его кровь, которая брызжетъ ключемъ. Далѣе, женщины закинуты свирѣпымъ вихремъ на острия скалы; еще далѣе пламя пожираетъ грѣшника. Въ другомъ мѣстѣ, ужасное чудовище схватываетъ нагое тѣло преступника и съ силою ударяетъ его объ гору, покрытую широкими кинжалами, прорѣзающими его тѣло. Наконецъ, огромный котелъ заключаетъ сотни жертвъ, въ который укладываютъ ихъ другія чудовища.

Внизу этихъ картинъ — другія, на которыхъ изображены преданія о битвахъ и баснословныхъ чудовищахъ. Положеніе этихъ фигуръ иногда странно и всегда принужденно; но выраженіе лицъ мнѣ казалось превосходнымъ;

и хотя художникъ, какъ и во всѣхъ Китайскихъ живописяхъ, не имѣлъ ни малѣйшаго уваженія къ законамъ перспективы, однако если возмѣмъ частно нѣкоторые отдѣлы картинъ, увидимъ, что они превосходно выполнены. Картины представляющія ады Китайцевъ чрезвычайно рѣдки въ Кантонѣ; однако я былъ такъ счастливъ, что собралъ ихъ цѣлую коллекцію; миссіонеры, которымъ я ихъ показывалъ увѣрили меня, что они видятъ ихъ первый разъ.

Статуя представляющая богиню Будда, показала мнѣ образцовымъ произведеніемъ; она сдѣлана изъ дерева и позолочена точно также, какъ и другія. Лицо богини полно смиренія и благородства; голова украшенная короною — превосходна. Ноги богини согнуты, руки ея крестообразно сложены и облакачиваются на колѣни. Переть нею симметрически выставлены ряды блюдъ съ плодами и пирожнымъ. Нѣсколько дней спустя, я купилъ маленькую фарфоровую статую, которая была вѣрнымъ изображеніемъ этой богини. Два небесные духа стоятъ возлѣ нее на колѣняхъ; головы ихъ наклонены, руки соединены вмѣстѣ, фигуры представлены какъ бы молящимися.

При обзорѣ чудесъ этой дивной каплицы, посвященной богинѣ Буддѣ, на насъ съ любопытствомъ смотрѣли пять или шесть женщинъ; но когда я хотѣлъ подойти къ нимъ, онѣ поспѣшно убѣжали: это была фамилія Мандарина пріѣхавшаго изъ внутренней части Китая. Монастырь служитъ мѣстопробываніемъ для знатныхъ особъ, временно пріѣжающихъ въ Кантонъ.

Когда мы хотѣли уйти, насъ пригласили въ маленькую залу, гдѣ нашли чай и сухіе плоды восьми или десяти сортовъ, они были расставлены на кругломъ столѣ. Было бы слишкомъ не вѣжливо, даже жестоко отвергнуть гостепримство этихъ добрыхъ людей, и мы рѣшились выпить нѣсколько ча-

шекъ превосходнаго, почти кипящаго чаю, но онъ былъ безъ сахара. Такъ пьютъ чай Китайцы, ибо они думаютъ, что, смѣшенный съ постороннимъ тѣломъ, онъ теряетъ часть своего ароматнаго запаха. Когда мы хотѣли отправиться, одинъ изъ бонзовъ смиренно сказалъ намъ: *ком-ха* (подарокъ, жертва)! Мы съ охотою положили наше приношеніе и оставили древнее капище, восхищенные снисходительностію бонзовъ, показавшихъ намъ всѣ мелочи; гостепримство ихъ не могло быть радушнѣе. Въ числѣ этихъ бонзовъ я примѣтилъ нѣкоторыхъ повопрѣзжихъ изъ сѣверной части Китая; отпечатокъ китайской фizioноміи измѣнялся уже на ихъ лицахъ: глаза ихъ едва сжимались; у нѣкоторыхъ были довольно длинныя бороды и лице почти Европейское. Это капище недалеко отъ стѣны внутренняго города и мы воспользовавшись такимъ близкимъ соседствомъ, осмотрѣли одни изъ городскихъ воротъ. Приблизясь къ цѣлой массѣ народа, которую встрѣтили въ прилежащихъ улицахъ, мы съ трудомъ могли сдѣлать нѣсколько шаговъ, среди носильщиковъ паланкиновъ и разныхъ тяжестей: они пролагали себѣ путь къ воротамъ, испуская крики. Немного нужно, чтобы прѣстѣя сообщеніе въ узкихъ улицахъ Кантона. Впрочемъ мы бросили взглядъ на ворота и улицу внутренняго города, которая есть не иное что какъ неизмѣнное продолженіе улицы предмѣстія. Ворота со сводами и не выше семи или восьми футовъ; нѣсколько оборванныхъ солдатъ охраняютъ ихъ. Не смотря на желаніе наше проникнуть во внутренній городъ, намъ не пришло даже на мысль пробиться туда насильно, зная всю опасность подобнаго предпріятія; мы впрочемъ еще помнили надпись столовой монастыря, и благоразумно уважили нравы и обычаи Китайцевъ.

Потомъ посетили заведеніе, называе-

мое *Конь-су*, родъ биржи, которая называется и кумирнею, какъ и всѣ публичныя заведенія Китайцевъ. Здѣсь собираются купцы изъ *Ним-по*, въ провинція *Фокіенъ*, ведущіе съ Кантономъ обширный торгъ чаемъ и шелкомъ сырцомъ. Нельзя было проникнуть во внутреннія комнаты; и только случайно попали мы въ большую залу собранія, потому что на этотъ разъ у дверей не было часовыхъ. Зала эта имѣетъ что-то величественное, торжественное, чего не находилъ я въ Кантонѣ; вокругъ стѣнъ возвышаются мѣста и сѣдалки. По срединѣ этой залы поставлено изображеніе Бога покровителя торговли; мраморный жертвенникъ его украшенъ превосходною рѣзбою; онъ окруженъ прозрачными вѣстопами самой отличной работы. Кумирня эта безъ всякаго сомнѣнія есть самая богатая какую только видѣлъ я во время моего путешествія. Тоже самое божество находится во всѣхъ магазинахъ; впрочемъ, въ Китаѣ вездѣ встрѣтишь идоловъ; каждая лавка имѣетъ своего маленькаго божка, который составляетъ ея главнѣйшее украшеніе. Передъ каждою дверью увидите вы болѣе или менѣе безобразное лицо, изваянное въ углубленіи, и передъ нимъ курится *священная палочка*, воткнутая въ вазу, наполненную пепломъ; это жертвенникъ домашняго генія, это лары и пенаты Китайцевъ. Но возвратимся въ *Кам-су*. Передъ жертвенникомъ, на болѣе или менѣе возвышенной эстрадѣ, видны богатые кресла, украшенные пастьми драконовъ. Кресла эти означаютъ, что императоръ, несмотря на отдаленіе его, вездѣ присутствуетъ. На эти же кресла кладутъ всѣ приношенія божеству, которыми вѣроятно пользуются прислужники. Вотъ смыслъ одной надписи, находящейся въ этой залѣ: *«въ сѣдлѣ неуажительныи, колы скоро въ сердцѣ геловическомъ находится начала справедливости: истина довольно обыкновенная, и весьма часто забы-*

ваемая. Множество фонарей украшаютъ очень хорошо устроенный потолокъ. Посѣщая публичныя заведенія Кантона, я часто любовался превосходною плотничною и столярною работою; самый лучший Европейскій мастеръ, не превзошелъ бы Китайца въ изящности и прочности отѣлки. По сторонамъ залы находились двѣ большія картины, рисованныхъ на бумагѣ, онѣ были хорошо выполнены. Одна изъ нихъ представляла двухъ драхлыхъ стариковъ, они зажгли свѣчамъ, и полные удовольствія смотрятъ на дымъ, исходящій изъ вазы. Внимательно разсматривая ее, я замѣтилъ, посреди исходящаго дыма, двухъ летучихъ мышей съ распростертыми крыльями; летучая мышь, у Китайцевъ, служитъ эмблемою счастья. Другая картина представляетъ мальчика, который подаетъ вазу цвѣтовъ почтенному старцу; лица ихъ превосходны: физиономія старика дышитъ благосклонностію; лице ребенка прелестно, выразительно, на немъ вы видите невинность и набожность юныхъ лѣтъ.

Изъ этой залы ведетъ крыльцо на дворъ, вокругъ котораго сдѣлана галлерей: дворъ этотъ служитъ театраною залою. Въ глубинѣ двора возвышается сцена, блестящая позолотою; по бокамъ каждой стороны находится по двери, ведущей во внутренніе покои; двѣ надписи поясняютъ назначеніе каждой: на одной *входъ*, на другой *выходъ*. Надпись находящаяся на передней части театра, означаетъ, что когда комедія начнется, то музыка заиграетъ въ честь бога, статуя котораго стоитъ лицомъ къ сценѣ.

На другой день, мы ограничились прогулкою въ лодкѣ съ парусомъ, на одинъ островъ, находящійся въ четырехъ или пяти миляхъ, вверхъ, по рѣкѣ. Европейцы дали этому острову, право не знаю почему, названіе *Рад*. Китайцы называютъ его *Лу-чунь*. Мѣстоположеніе его очень хорошо,

прекрасныя, но чрезвычайно старыя деревья окружают его крутой и едва доступный берегъ. Я замѣтилъ на немъ развалины, что означаетъ и давнишнее и довольно значительное его населеніе. Я сдѣлалъ эскизъ древняго капища, видъ котораго, посреди окружающаго его деревьевъ, чрезвычайно живописенъ. Въ двухъ стахъ шагахъ отъ берега, мы увидѣли шалаши и нѣсколько отдѣльных строеній; рисовыя и анбирныя (*agur succulentum*) поля были въ совершенной зрѣлости. Объ этихъ развалинахъ ходятъ два преданія; одно историческое, а другое баснословное. Исторія рассказываетъ такъ: пріятное мѣстоположеніе этого острова и плодovitость почвы его, привлекли къ нему множество богатыхъ семействъ, которыя жили тамъ счастливо до вторженія Татаръ, т. е. 1644 года нашей эры. Орды этихъ варваровъ опустошили всю страну около Кантона, а особенно берега рѣки; жители Лу-чунъ были церерзаны, всѣ — безъ различія возраста и пола. Съ тѣхъ поръ поселились здѣсь нѣсколько рыбацкихъ семействъ, они живутъ въ совершенной безизвѣстности и такимъ образомъ избегаютъ отъ сбора податей и притѣсненій мандариновъ, до тѣхъ поръ пока ихъ не откроютъ. Напротивъ того, по преданію баснословному, назадъ тому нѣсколько сотъ лѣтъ, въ оставленной деревнѣ появились различныя странныя видѣнія; каждую ночь проійкалъ въ дома какой-то духъ, и каждое утро какое-нибудь семейство должно было оплакивать похищеніе одного или нѣсколькихъ членовъ оного. Вскорѣ страхъ овладѣлъ жителями; они бѣжали далеко отъ заколдованной земли. Съ тѣхъ поръ никто не осмѣливался селиться на немъ, исключая несчастныхъ, о которыхъ сказано выше, и жизнь которыхъ такъ бѣдственна и такъ обременена трудами, что имъ нѣкогда и подумать о духахъ.

Сегодняшній день мы проведемъ въ

факторіяхъ. Вы вѣроятно, также какъ и я, устали послѣ столь продолжительныхъ прогулокъ: укрѣпимся силою на завтрашній день. Но что же дѣлать совершенно одному, посреди этихъ огромныхъ домовъ? да, я совершенно одинъ, не смотря на массу народа толпящагося въ факторіяхъ. Но вотъ въ чемъ дѣло: Англичане Кантонскіе не чуждаются другъ друга и не лишаютъ себя самыхъ лучшихъ увеселеній жизни общественной, для того только, чтобы отвѣчать на вопросы празднаго челоуѣка, который предлагаетъ ихъ отъ нечего дѣлать. Каждую минуту времени они употребляютъ съ пользою, и каждый часъ имѣетъ свою цѣнность и свое назначеніе. Только вечеромъ, за его гостепріимнымъ столомъ вы найдете Англичанина свѣтскимъ челоуѣкомъ; но и это бываетъ только тогда, какъ дѣла его не слишкомъ поспѣшны, ибо очень часто Англичане проводятъ цѣлые вечера въ конторѣ. Днемъ же, головы и руки всѣхъ заняты, и было бы съ моей стороны очень невѣжливо, если бъ я сталъ отнимать у нихъ дорогія минуты. Впрочемъ, не одно желаніе покоя удерживаетъ меня нынѣшній день въ стѣнахъ факторіи. Миѣ нужно было сходить въ госпиталь, не въ Китайскій госпиталь (народъ этотъ еще не на такой степени образованности, какъ мы), но въ госпиталь содержимый Европейцами, или скорѣе Американцами, потому что докторъ Паркеръ начальникъ этого заведенія, принадлежитъ къ миссіи Соединенныхъ-Штатовъ. Госпиталю этому дали названіе *Глазной лечебницы*, потому что докторъ Паркеръ, преимущественно занимается леченіемъ глазныхъ болѣзней; но сюда принимаются и съ другими болѣзнями. Заведеніе это исключительно посвящено Китайцамъ. Въ Вампу, находится госпиталь, содержимый Англичанами на кораблѣ, столщемъ у берега; но въ госпиталѣ этомъ одинъ только морскіи,

отчего они почти въ безирерывной борьбѣ съ Китайскимъ правительствомъ, которое не позволяетъ завести въ Вампу постояннаго заведенія какаго бы рода оно ни было. Кантонская глазная лечебница была основана обществомъ Американскихъ миссіонеровъ, безъ сомнѣнія съ цѣлью распространять исповѣдываемую ими вѣру; но каково бы ни было чувство управлявшае основателями ея, она свидѣтельствуетъ о любви ихъ къ ближнему. Глазные болѣзни очень часты въ Китаѣ; на каждомъ шагу, вы встрѣтите ее подъ всеми возможными видами. Причину этихъ болѣзней, я приписываю обыкновенію Китайцевъ, вычищать рѣспицы свои инструментомъ похожимъ на шило. Я дрожалъ всегда, когда только бывало встрѣчу цирюльника зондирующаго глазъ, заворотивъ вѣки желѣзнымъ инструментомъ; и все это дѣлается на открытомъ воздухѣ. Меня увѣрили, что докторъ Паркеръ хорошей окулистъ и искусный операторъ. Большая галерея госпиталя покрыта картинами, на нихъ изображены глазныя болѣзни, отъ которыхъ онъ исцѣлилъ страждущихъ; не смотря на человѣколюбіе доктора, картины его, а особливо скляночки, заключающія результаты его операцій, произвели на меня такое впечатлѣніе, котораго вы вѣрно не захотѣли раздѣлить со мною. На скамьяхъ расположенныхъ вокругъ галереи, было около трехъ сотъ мужчинъ и женщинъ, ждавшихъ посѣщенія доктора, во время котораго онъ намъ позволилъ присутствовать. Я былъ тронутъ тою нѣжностію, съ которою докторъ обходился со своими больными; онъ говорилъ съ ними съ удивительною благоклонностію, спрашивалъ ихъ, утѣшалъ ихъ прежде назначенія лѣкарства. Почти все больные, которыхъ мы видѣли, были одержимы глазными болѣзнями, начиная съ катаракта еще при самомъ началѣ его, до высочайшей степени этой болѣзни. Но довольно объ

этой печальной картинѣ, хотя я очень часто вспоминаю похвальное радушіе доктора Паркера. Во второмъ этажѣ, находится нѣсколько комнатъ съ дюжиною кроватей, занимаемыхъ больными, которыхъ докторъ содержитъ на свой счетъ. Здѣсь увидѣли мы одного мандарина, пріѣхавшаго изъ отдельной провинціи Китая: слышавшись о славіи Г. Паркера, онъ искалъ помощи отъ хронической глазной болѣзни. Не прекрасно ли послѣ этого призваніе доктора Паркера и дѣла его? Я забылъ сказать, что въ этомъ госпиталѣ лѣчатся не за опредѣленную цѣну, а кто сколько въ состояніи заплатить, или даромъ. Въ концѣ каждаго года Г. Паркеръ представляетъ обществу свой бюджетъ и оставляетъ у себя не болѣе того, сколько необходимо нужно для его содержанія. Китайцы, слышавшіе о докторѣ Паркерѣ, питаютъ къ нему глубочайшее почтеніе, и онъ долженъ имѣть на нихъ большое вліяніе. Вотъ благородное средство просвѣтить народъ! Оно опирается на добрыя дѣла и совершенную преданность своему дѣлу, отплатить за которую выше силъ человѣка. Я не думаю впрочемъ, чтобы Реформатскія миссіи пріобрѣли много приверженцевъ въ Китаѣ; ученіе ихъ слишкомъ отвлеченно, мало говоритъ въ пользу чувствъ, и не можетъ сдѣлать живаго впечатлѣнія на этотъ таинственный народъ. Правительство Китайское еще несовершенно открыло глаза на эту глазную лечебницу и цѣль ея основанія; шпионы его проникли даже во внутрь этого убѣжища страждущихъ; но если не рушилось это заведеніе, то оно вѣрно считаетъ его не слишкомъ опаснымъ, ибо для политики его ничего не значить облегченіе, которое получаютъ здѣсь цѣлыя тысячи больныхъ.

Вечеромъ, въ Англійской факторіи былъ балъ, въ которомъ участвовало до пятидесяти человѣкъ; великолѣпная зала этого дворца, освѣщенная тысячу

свѣтъ, и огромные бѣлаго мрамора ка-
мины, роскошный обѣдъ, напомнили
мнѣ о вашихъ великолѣпныхъ залахъ
царскихъ дворцовъ. Послѣ обѣда, къ
намъ явились Пекинскіе фигляры: мнѣ
много хвалили ихъ ловкость; но, мо-
жетъ быть потому, что я многого о-
жидалъ отъ нихъ, или можетъ быть
оттого что они въ самомъ дѣлѣ были
не болѣе, какъ обыкновенные фокусни-
ки, — игра ихъ показалась мнѣ не лучше
мастерства индѣйскихъ фигляровъ, ко-
торыхъ случилось мнѣ видѣть. Ихъ ко-
стюмъ, манеры, разговоръ и взыванія
къ небу вѣроятно бы изумили Париж-
скій партеръ.

На слѣдующій день, я отправился на
чайную мануфактуру; мнѣ чрезвычай-
но хотѣлось узнать подробности при-
готовленія того растенія, продажа
котораго составляетъ двѣ трети тор-
говли Англій съ Китаемъ, и которое
въ нѣкоторыхъ частяхъ Европы, сдѣ-
лалось столь необходимымъ, что Бри-
танское правительство, напримѣръ, едва
ли можетъ принять мѣры, чтобы оста-
новить торговлю чаемъ; и вѣроятно,
въ поддержаніи этого торга кроется
секретъ, почему Англичане живущіе
въ Китаѣ терпѣливо сносятъ обиды,
причиняемые имъ жителями. Каждому
известно, что по уборкѣ чая съ полей,
его полузасушиваютъ на солнцѣ или на
умѣренномъ огнѣ и потомъ присту-
паютъ къ скручиванію листьевъ растенія
пальцами; потомъ его сортируютъ.
Послѣдняя операція заключается въ
сушкѣ чайныхъ листковъ. Въ залѣ, гдѣ
мы были, находилось до пятидесяти
маленькихъ котловъ, подобныхъ тѣмъ,
какія употребляютъ въ нашихъ сахар-
ныхъ заводахъ, вмазанныхъ въ печки.
Каждый изъ этихъ котелковъ, нагрѣтый
до ста семидесяти градусовъ по Фа-
ренгейту, вмѣщалъ отъ шести до вось-
ми фунтовъ зеленого чая, который без-
престанно помѣшивалъ рукою работ-
никъ въ продолженіе того времени,
въ которое сгорятъ три лучины, то

есть въ продолженіе трехъ четвертей
часа. Повторивъ эту операцію отъ
трехъ до шести разъ, подливаютъ въ
сушеный чай ложку синей смѣси со-
стоящей изъ двухъ равныхъ частей
берлинской лазури и *гауцета*. Я взялъ
на обращикъ и того и другаго веще-
ства. Эта-то смѣсь придаетъ листьямъ
которые бываютъ обыкновенно сѣрые,
тотъ синеватый или зеленоватый цвѣтъ,
которымъ отличается у насъ *зеленый чай*.

Черный и зеленый чай суть про-
дукты одного и того же растенія. Нѣ-
которые увѣрили меня, что листья чер-
наго чая собираются въ одно время
года, а листья зеленого въ другое; но я
думаю что разность обоихъ сортовъ
зависитъ отъ многихъ причинъ: во
первыхъ для зеленого чая собира-
ются листья самыя пѣкныя, ихъ съ
большимъ стараніемъ сортируютъ и
свертываютъ, и наконецъ сушеніе его
производится совершенно другимъ об-
разомъ, нежели черного. Я уже сказалъ
какъ сушатъ зеленый чай; черный чай
вмѣсто котелковъ кладутъ въ большія
корзины, сметенныя на подобіе рѣше-
та; подъ нимъ разводятъ жаръ хорошо
очищеннымъ углемъ, съ тою цѣлью,
чтобы дымъ не сообщалъ худаго вку-
са растенію. Операція эта повторяется
нѣсколько разъ, смотря потому какой
хотятъ получить сортъ.

Въ окрестностяхъ Кантона пригото-
вляютъ только чай низшаго достоин-
ства: разведемъ этого растенія, судя
потому сколько я видѣлъ, жители не-
брегутъ; но Китайцы умѣющие изо все-
го извлекать выгоды, дѣлаютъ изъ
этого простаго чая зеленый, который
и продаютъ своимъ соотечественникамъ,
а иногда сбываютъ его и иностран-
нымъ купцамъ, за сорты растущіе въ
среднихъ областяхъ Китая. Для этого,
кладутъ его въ большіе плоскіе ящики
и разрѣзаютъ въ мѣлкіе листочки пи-
лообразною чрезвычайно острою ло-
паткою для лучшаго подражанія зеле-
ному; для приданія большаго сходства

и чтобы скрыть следы этой операции, они, завернув его в куски холста, подвергают снова действию огня и таким образом придают ему желаемый цветъ.

Хозяинъ фабрики непременно хотѣлъ, чтобы мы выпили у него чаю, но онъ былъ слишкомъ въжливъ и подчивалъ насъ произведеніемъ не своей фабрики. Онъ подалъ намъ восемь и десять разныхъ сортовъ, въ числѣ которыхъ я замѣтилъ чай *gizans*, который показался мнѣ самымъ лучшимъ. Китайцы пьютъ и готовятъ чай совершенно иначе, нежели у насъ: въ каждую чашку, обыкновенно маленькую, они кладутъ известное количество чая, нужное для одного человека. Потомъ наливаютъ кипятокъ въ чашку, которую тотчасъ же закрываютъ плотною крышкою и оставляютъ ее до тѣхъ поръ на чашкѣ, пока чай не получитъ желаемой крѣпости. Вообще, Китайцы пьютъ горячій чай, и всегда такимъ же точно образомъ, какъ я выше сказалъ, безъ сливокъ и безъ сахару; они пьютъ его небольшими глотками, тихо поднимая крышу и

онъ быстро накладывая, чтобы не испарился ароматъ.

Въ чайной торговлѣ браковка составляетъ весьма важное дѣло: когда Англійская Остъ-Индская Компанія имѣла исключительную привилегію этой торговли, то имѣла браковщиковъ, которымъ платила до 75,000 франковъ. Мы видели у Г. Дена, Англійскаго купца, нинѣ нашего агента въ Кантонѣ, какимъ образомъ производится эта браковка. Сначала смотрятъ на цветъ, потомъ свидѣтельствуютъ запахъ; но какъ это поверхностное испытаніе можетъ быть очень часто ошибочно, то употребляютъ гораздо вѣрнѣйшій способъ. Кладутъ въ маленькой чайникъ известное количество чая, взвѣшеннаго съ большою точностію на самыхъ вѣрныхъ вѣсахъ, наливаютъ въ него кипятокъ и тотчасъ же оборачиваютъ песочные часы, означающіе минуту, по прошествіи которой наливаютъ чай въ чашку. По вкусу и крѣпости настоя, для котораго исчислено время съ такою точностію, узнаютъ истинное достоинство растенія.

ПЕР. А. Л — НЪ.

•••••

ИЗБРАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

УЧЕБНИКЪ.

Статья II. Исторія.

Руководство къ познанію Всеобщей Политической Исторіи, сочиненное профессоромъ *Иваномъ Кайдановымъ*. — Изданіе шестое. — СПб. 1837 въ тип. при Императорской Академіи Наукъ. — Въ трехъ частяхъ: въ первой части XXIII и 206 стран. во второй VII и 176 стран. въ третьей X и 333, въ 8 д. листа. Съ тремя таблицами.

«По духу, въ коемъ сіе сочиненіе написано; по правиламъ, коими авторъ руководствовался; по плану и понятіямъ его объ исторіи, сіе сочиненіе можно, безъ всякаго пристрастія, называть *классическимъ*, и однимъ изъ лучшихъ въ семъ родѣ. Авторъ, представляя все сіе сочиненіе въ видѣ прагматическомъ, преимущественно обращалъ вниманіе на внутреннее состояніе государствъ:

на политику, законодательство, успѣхи просвѣщенія и проч., также на внѣшнія отношенія государствъ, на торговлю, колоніи и проч. Сямъ особенно отличается третья часть, которая гораздо пространнѣе двухъ первыхъ. — Авторъ слѣдовалъ вѣрнѣйшимъ и лучшимъ историкамъ; размышленія его основательны и выведены изъ самыхъ происшествій безъ пристрастія и безъ предразсудковъ. Россійскую исторію, какъ отечественную; авторъ преподаеть особенно и пространно; но, для соблюденія связи всѣхъ политическихъ происшествій, помѣщена имъ въ семъ сочиненіи и Россійская исторія, довольно пространно изложенная. Слогъ его соответствуетъ *достоинству* и *важности* предмета. — Вообще утвердительно можно сказать, что сіе сочи-

нение удовлетворить желанію всѣхъ, находящихся удовольствіе и пользу въ изученіи исторіи и въ размышленіи о происшествіяхъ, представляемыхъ оною. *)»

Такъ, въ древнія времена, по свѣдѣтельству тогдашнихъ лѣтописцевъ, отзывались о трудѣ г-на Кайданова особы, которыя имѣютъ всѣ права цынить произведенія учености. Другіе журналы, двадцатыхъ годовъ, торжественно увѣрили также, что въ книгѣ этой заключено все необходимое для точнаго и яснаго познания прошедшихъ вѣковъ; а въ доказательство приводили примѣры молодыхъ людей, уже окончившихъ курсъ, которые по ней изучали исторію. Похваламъ конца не было. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ «Московскій телеграфъ» (1826 — 1827) и «Московскій вѣстникъ» (1827) осмѣлились первые подать голосъ противъ, со всѣми, впрочемъ, указными оговорками и увѣреніями въ превосходствѣ сочиненія. Однако, не смотря на всѣ такіа оговорки, кредитъ этой книги началъ упадать, особенно во мнѣніи тогдашняго юнаго поколѣнія; тотчасъ понали всю преувеличенность журнальныхъ похвалъ: — къ «Руководству» сдѣлались гораздо холоднѣе. — Въ тридцатыхъ годахъ, журнальныя похвалы стали постепенно умолкать, и наконецъ совсѣмъ замолкли: мѣсто ихъ заступило равнодушіе, охлажденіе, а затѣмъ начали сыпаться насмѣшки, кстати и не кстати, хотъ бы только для краснаго слова... Для «Руководства къ исторіи» г-на Кайданова наступилъ другой періодъ....

Между тѣмъ, ее переводили: въ 1826 году, явился въ Вильнѣ переводъ Польскій; въ 1836 году, Анастасъ Стояновичъ Кипиловскій напечаталъ въ Пестѣ, въ тамошней университетской типографіи, прекраснымъ церковнымъ шрифтомъ, свой переводъ этого «Ру-

ководства» съ Русскаго на Болгарскій. Не явное-ль доказательство, что книга эта не безъ достоинства!

Въ самомъ дѣлѣ, «Руководство» отличается многими достоинствами, если ставемъ его разсматривать въ отношеніи къ тому времени, когда появилось. Чѣмъ тогда пробавлялись въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ? Сухую, схоластическою книгою Шрека; и эта книга, — не имѣющая ни плана, ни яснаго взгляда на предметъ, переводимая обыкновенно, варварскимъ языкомъ, — имѣла множество изданій, даже и послѣ. Посудите жъ сами, какое впечатлѣніе должно было произвести «Руководство» Кайданова, когда увидѣли въ немъ сочиненіе совсѣмъ въ другомъ родѣ. Не забудьте, Гереновы творенія тогда и въ Европѣ были еще почти — новостью; а г-нъ Кайдановъ очень многое заимствовалъ оттуда; изложилъ событія очень ясно, мѣстами живо и даже увлекательно, чего прежде никогда не видали въ старыхъ учебникахъ и въ новыхъ сухихъ компиляціяхъ. Слѣдовательно, его «Руководство» имѣло у насъ всю цѣну европейской новості, означало движеніе впередъ: вотъ почему оно и снискало тогда единогласныя одобренія. Но — съ нѣльхъ поръ много воды утекло, говоря пословицею; много явилось новыхъ историковъ, много свѣжихъ, ясныхъ идей внесено въ исторію — и всему этому луждымъ осталось «Руководство.» Вотъ шестое изданіе, а какъ мало въ немъ переменъ! Г-нъ Кайдановъ довольствовался только поправленіемъ кое-какихъ замѣченныхъ журналистами ошибокъ, и то, кажется, не всѣхъ; тогда какъ ему слѣдовало бы совсѣмъ передѣлать многія главы, большую часть своей книги. Что было хорошо, прекрасно за 10, за 15, за 20 лѣтъ, то же самое теперь становится въ наукѣ слишкомъ старымъ... иногда вовсе не вѣрнымъ.

Первое, что прямо бросается въ глаза — отсутствіе связи и общей идеи

*) Смыслъ Отеч. 1821, ч. LXVIII, стр. 138 — 139.

которая все обнимала бы: народы появляются, исчезаютъ, подобно Китайскимъ тѣнямъ, историкъ отъ своего имени говоритъ, въ видѣ надгробнаго слова, общими мѣстами, нравоучительныя изрѣченія; тѣмъ дѣло все и оканчивается. Прочитываете первый, второй, третій томъ, видите множество государствъ и — ни сколько не видите человечества. А все оттого, что авторъ самъ не отдалъ себѣ яснаго отчета въ самомъ основаніи. Система вездѣ необходима, тѣмъ болѣе въ учебникѣ. Расположеніе фактовъ по хронологическому порядку и по именамъ народовъ, еще не составляетъ систему исторіи. Занятія науками въ молодыхъ — да и во всякихъ — лѣтахъ должны имѣть цѣлью не только обогащеніе насъ фактами, но и развитіе мыслящей способности. А для этого необходимо вести молодой умъ систематически, постепенно, отъ одного предмета къ другому; и чѣмъ правильнѣе система, чѣмъ послѣдовательнѣе изложеніе, чѣмъ вѣрнѣе истины служація основой системѣ, тѣмъ выше достоинство учебной книги. Взгляните жъ на опредѣленія въ «Руководствѣ»: «Исторія есть повѣствованіе о *достопамятныхъ происшествіяхъ*, случившихся въ государствахъ или вообще въ политическихъ обществахъ» (стр. XVIII). Но гдѣ мѣра для достопамятности? притомъ, что за характеристическая черта — происшествіе случившееся въ государствахъ? Какое происшествіе случается не въ государствахъ или не въ обществахъ? . . . Точно такая же неопредѣленность и далѣе: «Исторія раздѣляется, *по странству своему или по обширности*, на всеобщую и частную.» Не ужель только по этой причинѣ? Послушайте далѣе: «Всеобщая исторія раздѣляется по времени на древнюю, среднюю и новую.» А гдѣ основаніе этому дѣленію? куда же дѣвалась исторія церкви, религіи, образованности, искусствъ, ремеслъ и прочъ? отличается ли поли-

тическая исторія отъ всеобщей, и чѣмъ? этого ничего нѣтъ. Читайте далѣе: древняя исторія начинается отъ *сотворенія міра, или со времени появленія политическихъ обществъ.*» Не ужель это было въ одно время? . . . «Эпоха есть достопамятное происшествіе, имѣвшее *ощутительное* вліяніе на судьбу народовъ.» Значитъ, въ жизни одного человека нѣтъ эпохъ? . . . Таковы-то опредѣленія въ «Руководствѣ.»

Если бы г-нъ Кайдановъ, съ самаго начала, показалъ значеніе исторіи въ древности и въ наше время, и отсюда вывелъ слѣдствіе — что предметомъ исторіи должна быть внутренняя и внѣшняя жизнь и судьба или всего рода человеческого, или одного народа, или одного великаго человека; то ученикъ ни мало не затруднился бы, почему исторія должна непременно дѣлиться на *всеобщую, частную и биографію.* Если же предметъ Всеобщей исторіи — жизнь и судьба всего человечества, то не ясно ли, что Всеобщая исторія должна показать, какимъ образомъ размножился родъ человеческій и распространился по всѣмъ частямъ свѣта; какъ возникли первыя государства и пришли между собою въ сношенія, мирныя или враждебныя; какъ постепенно распространялось, развѣтвлялось человечество, проходя въ народахъ степени дѣтства, юношества, возмужалости и старости, и что, каждый отжившій народъ завѣщаль своею жизнію смѣнившимъ его народамъ; какъ повсюду разливалось образованіе и просвѣщеніе, посредствомъ наукъ, искусствъ, художествъ, ремеслъ, философіи; какъ ученіе Божественнаго нашего Спасителя проникало во всѣ страны, смягчая дикіе, суровыя нравы, исправляя развращенные; наконецъ, какъ христіанскіе народы во всѣхъ частяхъ свѣта приобрѣли первенство, и черезъ какія перемѣны родъ человеческій достигъ до нынѣшняго своего состоянія. Расскажите все ато 10-лѣтнему мальчику, и онъ самъ тот-

часть же вывести, что во Всеобщую историю должны входить: 1. История политическая. 2. История религии. 3. История законодательства. 4. История просвещения и литературы. 5. История нравов, обычаев или образованности. 6. История торговли и промышленности. Изъ этого легко вывести, что политическая история есть часть Всеобщей, и что она должна ограничиваться только политикою, т. е. должна показывать: а) внутреннее состояние каждого государства: правительство, сословія народа, сухопутныя и морскія силы, состояние финансовъ, промышленность сельскую, мануфактурную, торговую; и б) вѣншія отношенія государствъ одного къ другому: войны, договоры, потери, пріобрѣтенія. Но такъ какъ предметъ политической исторіи — государство, то и началомъ ея должно признавать не сотвореніе міра (какъ во всеобщей) а появленіе первыхъ государствъ за 2500 лѣтъ предъ Рождествомъ Христовымъ. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе четырехъ тысячъ лѣтъ (2500 + 1840 = 4330), и потому-то, для облегченія памяти и для удобнѣйшаго изученія, дѣлятъ политическую исторію на части. Такъ какъ почти всѣ древнѣйшія государства поглощены были Римомъ, то первая часть (*древняя*) будетъ обнимать время отъ 2500 лѣтъ предъ Р. Х. или отъ основанія древнѣйшихъ государствъ, поглощенныхъ Римомъ, до паденія его самого, въ 476 году. Въ продолженіе этихъ почти трехъ тысячъ лѣтъ главное вниманіе обращаютъ на себя народы западной Азіи, сѣверной Африки и южной Европы. Съ паденіемъ Римской Западной Имперіи возникаютъ въ Европѣ новыя донынѣ существующія государства, образованныя народами, которые дотомъ были, можно сказать, чужды историческому міру; и всѣ эти государства подвергаются феодализму, раздробленію, разновластію. Между тѣмъ Средне-азійскія племена произ-

водятъ сильный переворотъ въ судьбѣ южной Азіи и восточной Европы; но Европа все-таки сохраняетъ и обезопасиваетъ свою независимость. Въ переходъ XV столѣтія, во всѣхъ европейскихъ государствахъ, на развалинахъ разновластія и раздробленности, водворяется власть монархическая; государства тогда пріобрѣли силу, которой прежде не имѣли, и спокойнѣе и успѣшнѣе стали заниматься науками, искусствами, художествами. Образование совершенно измѣнило нравы и обычаи европейскихъ народовъ; а политическія событія начинаютъ сближать ихъ, и мало-по-малу соединяютъ въ одну общую европейскую семью, повелителницу всѣхъ прочихъ странъ свѣта. Съ XVI столѣтія Европейцы подчиняютъ себя сѣверную Азію, открываютъ и покоряютъ западные, восточные и южные берега Африки, сѣверную и южную Америку, заводятъ свои колоніи въ южной Азіи, въ Австраліи, въ Полинезіи. Это время полнаго торжества европейскихъ народовъ, съ XVI столѣтія, составляетъ содержаніе *новой исторіи* (трехъ послѣднихъ столѣтій); пространство же времени отъ исхода V до конца XV столѣтія, переходъ отъ прежняго состоянія государствъ къ нынѣшнему, составляетъ содержаніе *средней исторіи*. Такимъ образомъ становится очевидною причина, по которой обыкновенно раздѣляютъ всеобщую исторію на древнюю, среднюю и новую. Послѣ того, нетрудно точно также опредѣлить эпохи политической исторіи. Когда же ученикъ, съ самаго начала, получитъ общій очеркъ всей исторіи, для него уже гораздо легче будетъ углубиться въ частности, въ отдѣльныя описанія каждого государства порознь: оно будетъ понятно, какъ часть одного великаго цѣлаго, человечества.

Авторъ не взялъ на себя труда связать одною цѣпью древнее, среднее и новое человечество. У него вовсе не видно почему средняя исторія была не-

обходимый результат всего случившагося в древней, почему новая была — результат средней. Мстность иметъ чрезвычайно сильное влияние на развитие частной и общественной жизни. Географическія свѣденія у Герена всегда составлены такъ, что въ самомъ дѣлѣ объясняютъ многое. Какъ напримѣръ, характеризуетъ онъ среднюю Азію: кратко, ясно, отчетливо, последовательно! «Средняя Азія — по большей части голая степь, безъ пашень и лѣсовъ, и потому удобная только для кочевья; тамошніе жители — пастушескіе народы (номады) безъ городовъ и постоянныхъ жилищъ, и потому, вмѣсто политическихъ обществъ, только племена и племенное правленіе.» Геренъ писалъ сокращенно потому, что его Handbuch должно было служить только напоминачіемъ для слушателей его же лекцій, на которыхъ онъ развивалъ все подробно. Г-нъ Кайдановъ хотѣлъ сжать и безъ того сжатое, и написалъ: «Средняя Азія есть пространная степень (?), покрытая пасущимися стадами; жители сей страны ведутъ (,) большею частию, кочевую жизнь» (стр. 2). *Тѣхъ же щей, да пожиже влей*, по Русской пословицѣ. . . . Этотъ примѣръ очень ясно показываетъ, какъ въ Руководствѣ сокращены Гереновы идеи. Прочтете все его обзорнѣе географическое, и нисколько ничего не пояснитъ оно вамъ. О деспотизмъ, полигамія, теократія, кастахъ, о влияніи кочевыхъ племенъ на южныя государства — ни полслова.

Кончивъ географическое обзорнѣе, «Руководство» приступаетъ, говоря его собственными словами, къ *повествованію всѣхъ достопамятныхъ происшествій случившихся во всѣхъ древнихъ и новыхъ государствахъ и республикахъ*, и начинаетъ политическую исторію — съ чего бы вы думали? — съ сотворенія Адама и Евы, рассказываетъ объ ихъ пребываніи въ раю, объ ихъ изгнаніи оттуда и проч. Все это

необходимо въ своемъ мѣстѣ, но не въ руководствѣ политической исторіи. По крайней мѣрѣ «Руководство» не позаботилось выяснитъ тѣсную связь между первымъ человѣкомъ, первымъ государствомъ и исторіей. Въ «Руководствѣ» исторія перваго человѣка не играетъ ни какой роли въ исторіи всего человечества; а факты, влияние коихъ на послѣдующія времена ускользаютъ изъ виду, не должны имѣть мѣста въ сокращенномъ руководствѣ къ изученію политической исторіи, которая должна заниматься только политическими обществами или государствами. Просимъ автора объясниться объ этомъ обстоятельстве, а то мы принуждены будемъ повторить вопросъ одного ученика, который приставалъ къ своему наставнику. «въ какомъ государствѣ, или въ какой республикѣ жили Адамъ и Ева? и какое у нихъ было правленіе, монархическое или республиканское?»

Преслѣдовать въ «Руководствѣ» исторію каждаго государства отдѣльно, нѣтъ никакой возможности: это перешло бы всѣ границы критической статьи. Притомъ, еслибъ отмѣчать *есть* недостатки, пришлось бы самому вновь писать характеристику всѣхъ народовъ. Въ «Руководствѣ» они всѣ какъ-то сбиваются на одно лице. Читайте Ассирію, Вавилонію, Римъ, Францію — и, невольно изумляясь, остановитесь въ недоумѣніи, какъ будто играете въ жмурки, и потому-только не можете отличить одного народа отъ другаго. Этотъ недостатокъ одинаковъ во всѣхъ томахъ.

Авторъ пропускаетъ цѣликомъ огромнѣйшія государства, которыя составляли необходимую степень въ развитіи человечества; обывавшіе говорить обо *всѣхъ* древнихъ и новыхъ государствахъ и республикахъ, ни строчки не удѣлили ни Китаю, ни Индіи, ни Бактріи. Сверхъ того, исторія Востока, не понятая въ общности, усыана мѣлкими ошибками, неточностями, преувеличеніемъ, про-

творьчїями. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Стр. 6 «Наслѣдники Фула распро-
странили своимъ оружіемъ ужасъ по
Азіи»!!!! И мы скажемъ: ужасъ!

Стр. 9. «Халдеи или Вавилонскіе
жрецы,» а до сихъ поръ всѣ почита-
ли Халдеевъ за народъ.

Стр. 10. «Вѣроисповѣданіе Мидянъ,
между прочимъ (?), состояло въ слу-
женіи и поклоненіи огню.» Что зна-
чить это между прочимъ? Не лучше
ль бы вспомнить о магахъ, объ Эква-
танъ и проч.

Стр. 12. «Самое достопамятное мор-
ское путешествіе Финикіянъ было во
кругъ Африки, предпринятое ими въ
угодность Египетскому Государю Не-
хао, жалавшему имѣть познаніе о сей та-
сти сѣпта. . . . Сіе обширное море-
плаваніе Финикіянъ доставило великія
географическія познанія» (стр. 13), а
черезъ семь страницъ говорится: «одна
только сѣверная часть Африки была
извѣстна древнимъ» (стр. 21), и проч.
Нѣсколько строкъ dalje, опять противо-
рчїе: «плодоносныя страны по ту сто-
рону степи Сагары, вдоль по рѣкѣ Ни-
геру, извѣстны были Грекамъ.»

Къ Египту авторъ нашъ очень бла-
говолить, и щедрою рукою разсыпаетъ
на всѣхъ мудрость: «Озимандъ славенъ
мудрыми своими законами (23.) Ме-
ридъ могущество свое направлялъ къ
общей пользѣ (стр. 23.) Законодатель-
ство Египтянъ показываетъ зрѣлое
разсужденіе и истинный понятіи о
гражданскихъ обществахъ» (стр. 27.)
Во времена Авраама земледѣліе было
доведено до совершенства. При Мои-
сеѣ Египетъ является образованнѣй-
шею странною. Изящныя и механиче-
скія искусства были доведены до вели-
каго совершенства.» (стр. 31.) Даже
изящныя искусства!!! гдѣ только ви-
дѣлъ авторъ остатки египетскаго изя-
щества?

Говоря о Карфагенянахъ, «Руковод-
ство» рассказываетъ такія вещи, какія
неизвѣстны никому въ мірѣ: «Между

учеными ихъ извѣстенъ Теренцій.» (ст.
38.) Карфагенская литература! Карфа-
генскій литераторъ!!

«Побуждаемые славою и надеждою
добычи, Персы быстро распространи-
лись по Азіи,» стр. 41. — «Дарій Ис-
таспъ заслужилъ названіе великаго,»
стр. 42. — А вотъ и отзывъ о Киръ:
«можетъ быть, говоритъ Миллотъ,
подлинный Киръ былъ искусный че-
столюбецъ, довольно великій челоувкъ
и довольно добрый государь; можетъ
быть, онъ и заслуживаетъ похвалу, не
смотря на его несправедливые поступ-
ки,» стр. 42.

Знаете ли, какъ отзывался знамени-
тый Шлѣцеръ о достовѣрности древ-
ней Греческой исторіи? Это очень лю-
бопытно. Сказавъ, что безъ письма
«народы не имѣютъ средства, ежели
бы и дѣлали что нибудъ достопамят-
ное, сохранить въ чистотѣ память
оного, хоря чрезъ однихъ рдѣ челоув-
ческаго вѣка,» Шлѣцеръ спрашиваетъ:
«какъ же предполагать даже возмож-
ность, чтобы объ нихъ существовала ис-
торія, хотя такая, которая наполняла бы
азбуку въ нашихъ историческихъ систе-
махъ?» и продолжаетъ: «боюсь или —
надѣюсь, что рано или поздно произне-
сутъ такой же приговоръ надъ всею
древнею исторіею народовъ *.) Ливій
съ товарищи попали уже въ большія
хлопоты съ своими первыми пятью
столѣтіями Рима; но дѣло остано-
вилось, и старовѣры остались при своемъ.
Но Вольфовы изысканія «о древности
письменнаго искусства» навлекають те-
перь новую тучу. Ежели кто возьметъ
идеи этого наблюдателя за основаніе,
имѣя хотя само-малѣйшее понятіе о
преданіи до изобрѣтенія письма; то
что подумаетъ онъ о греческой исто-
ріи отъ Инаха, или съ 2127 года отъ
сотв. міра, до Фукидида, или до 3580
года отъ с. м. (1453 года разстоянія),

*) Кромъ Иудейской.

что подумаетъ онъ о Дюнисіевыхъ XVII поколѣннѣхъ въ Италиіи прежде Трои?... Скионы, Авзоны, Греки до установленія Олимпіады, суть старшіе братья, а Камчадалы, Прокейцы, Алгоконцы — младшіе. Будемъ же справедливы къ тѣмъ и другимъ, т. е. *не будемъ закидывать и ребячествомъ древнихъ дикихъ*, о которыхъ сверхъ того имѣемъ *поздній и несправильный* свидѣтельство, и ребячествомъ недавно обрѣтенныхъ дикихъ, которые однако жъ вѣстны намъ по гораздо вѣроятнѣйшимъ путешествіямъ.» (Несторъ, введ. § 14, стр. 14, нб. и нг.)

Въ самомъ дѣлѣ, Греки, по своему пламенному, роскошному воображенію, вовсе не были способны къ кратчайшей работѣ. «Удивительно какъ далеко простирается лѣсковіріе Грековъ,» замѣтилъ еще Плавій: «нѣтъ почти ни одной безстыдной лжи, которая не имѣла бы своего защитника, свидѣтеля.» Сами Греки почти сознавались въ этомъ. Платонъ въ Менексѣхъ, (Менек. 245.) именно говоритъ: «Ни Пелопсъ, ни Данай, ни Кадмъ, ни Египтъ, и ни какой другой иностранецъ никогда не сѣдился между нами: мы чистой эллинской крови, и потому-то мы такъ ненавидимъ все чужое.»

Разсмотрите жъ хорошенько древнѣйшую Греческую исторію, въ томъ видѣ въ какомъ обыкновенно ее представляютъ. Послушайте хоть «Руководство:» «*Пеласги* почитаются первымъ народомъ, здѣсь поселившимся. Они пришли сюда изъ Азіи» (стр. 55) Пеласгость по Русски значитъ *морлякъ*, морской разбойникъ. Ясно, что Эллиновъ грабили сосѣдственные пираты, вѣроятно, Иліонскіе и Этрусскіе, отчего самое имя ихъ, употреблявшееся у Грековъ (Τυρρηνίαι), получило смыслъ имени нарицательнаго, и стало означать грабителя, утѣснителя. Историки не поняли этого, и корсаровъ превратили въ народъ. — «*Вся страна, отъ имени предводителя Пеласговъ, Греки,*

получила названіе Греціи, (стр. 54.) «Отъ имени Девкалионова сына, Эллина, многіе Греки *замѣли* названіе Эллиновъ» (стр. 55). А все дѣло вотъ въ чемъ. Каждый народъ имѣетъ по нѣскольку собственныхъ именъ: одно, народное, которымъ зоветъ самъ себя; другое иностранное, подъ которымъ слыветъ у сосѣдей. Эллины, имя собственное народное; Греками назвали Эллиновъ первые Римляне, а за ними все прочіе Европейскіе народы. Но это казалось очень просто, и создали двухъ героев: царица да королевича: Грека и Эллина. Подобныя басни есть у всѣхъ народовъ: вспомнимъ хоть нашихъ Леха, Чеха и Русса, трехъ братьевъ, отъ которыхъ произошла Поляки, Чехи (Богемцы) и Русскіе. «Кекропсъ, прибывшій изъ Египта, основалъ городъ Аены. Кадмъ прибылъ изъ Финикіи и поселившись въ Вiotin, основалъ городъ Кадмею, названный послѣ Фивами. Данай прибывшій изъ Египта, поселился въ Аргоиду. Пелопсъ прибылъ изъ Азіи въ южную часть Греціи, названную, вѣроятно, по его имени, Пелопонезомъ» (стр. 54.) И все это вздоръ: о Кадмѣ, Данай и Пелопсѣ вы видѣли отзывъ просвѣщеннаго Грека; послушайте, что говорятъ новѣйшіе о Кекропсѣ. Славный Отеридъ Мюллеръ давно замѣтилъ (Orchomenos, p. 106, 107), что этого почтеннаго Кекропса выводятъ именно изъ Самса; а не забудьте, что Самсъ былъ столицею династіи Псамметиха, который вступилъ на египетскій престолъ съ помощію іонійскихъ наемниковъ. Какъ же было послѣ того не избрѣсти басни, которая представляла бѣ давнюю связь Египта съ Іоніанами? Однако жъ, *древніе* греческіе писатели ровно ничего еще не знали о Кекропсѣ: объ немъ нѣтъ ни полслова ни у Гомера, ни у самаго Геродота, который путешествовалъ по Египту и въ Самсъ. Какъ этого героя породило желаніе представить отдаленною связь Іоніанъ съ Египтянами, такъ Пелопса

произвело на свѣтъ корнесловіе. Названіе Пелопонеса составлено изъ двухъ словъ: *пелопс*, черноокій, чернолицый; *нисосъ*, островъ: следовательно, Пелопонисосъ по Русски будетъ значить: *островъ чернолицыхъ, смуглыхъ*. Явно, что Эллины прозвали такъ эту землю потому, что нашли ее во владѣніи племенъ смуглыхъ, какихъ либо Азіатцевъ, Финикіянъ или Каріянъ. Доказательствомъ справедливости такого объясненія могутъ служить не-греческія черты лица на древнѣйшихъ тамошнихъ гробницахъ. Но это казалось очень низко: названіе страны должно быть заимствовано отъ царя, владыки, и вотъ вамъ Пелопсъ королевичъ! . . . Вообще надо сказать: очень, очень бы не худо господамъ историкамъ заглядывать въ сочиненія греческихъ писателей, оставивъ въ покоѣ новѣйшихъ компиляторовъ. Тогда только перестали бы *реблаться* въ древней исторіи, какъ справедливо сказалъ Шлѣцеръ; перестали бы ставить на ходули тогдашнихъ Грековъ, и творить множество *царствъ* на такомъ пространствѣ земли, на которомъ едва умѣстилась бы *одна русская губернія*.

Но мы уже слишкомъ отвлеклись —» возвратимся къ «Руководству». Повторяю: подробно разбирать не достало бы ни мѣста ни терпѣнія. Для этого надо бы самому изяснить происхожденіе и взаимныя отношенія эллинскихъ племенъ, изъ борьбы которыхъ развивается вся внутренняя исторія Греціи; должно бы представить полное обзорѣніе греческой философіи, греческаго права, греческаго искусства — все это существенные элементы исторіи Эллиновъ, и ничего этого нѣтъ въ «Руководствѣ, или — извините — есть, но въ такомъ видѣ, что лучше бы оно вовсе не беспокоилось говорить обо всемъ этомъ: такъ все сбито, неясно. Вотъ причина, по которой мы ограничимся одними бѣглыми замѣчаніями:

«Внутренніе раздоры, несогласія и

вторженіе въ Грецію *Ираклидовъ* и *другихъ народовъ*, побуждали Грековъ оставлять свое отечество» (стр. 68.) На одномъ экзаменѣ вѣрно было ученику разсказать про нашествіе Дорійцевъ на Пелопонесъ. Онъ молчалъ. Его спросили: скажите, по крайней мѣрѣ, подъ чьимъ предводительствомъ они пришли? Ученикъ молчалъ. Его спросили, развѣ онъ вовсе не слыхалъ объ Ираклидахъ? Онъ сказалъ, что знаетъ: «это были разные народы, которые вторглись въ Грецію, откуда неизвестно.» — Помилуйте, сказалъ экзаминаторъ: Ираклиды были не народъ, а нѣсколько чело-вѣкъ, именно потомки Геркулеса; они ушли къ Дорійцамъ и привели ихъ съ собою на Ахеянъ, владѣвшихъ Пелопонесомъ, которымъ тогда Дорійцы и овладѣли. — А кто такіе были Дорійцы? спросилъ простодушный мальчикъ; и когда ему сказали, что Греки же, такъ какъ и Ахеяне, — «а я думалъ, что Ираклиды вовсе были не Греки» и въ доказательство сослался на «Руководство.» Дѣлать было нечего; экзаминаторъ смирился передъ такимъ авторитетомъ.

«Ксерксъ собралъ 2,600,000 сухопутнаго войска. Войско свое онъ подкрѣпилъ флотомъ изъ 1,200 кораблей и 3000 галеръ?» (стр. 72.) Еслибъ авторъ прочиталъ, когда нибудь на досугъ, разсужденіе извѣстнаго англійскаго историка Юма «о населенности древнихъ народовъ;» то, навѣрное можно сказать, постыдился бы повторять эти, до нелѣпости преувеличенные, разсказы хвастливыхъ Грековъ. Новѣйшія разысканія о древней Персидской исторіи, Эрмана и другихъ, вовсе неизвестны почтенному автору.

Исторія Пелопонесской войны можетъ ли быть понятною, когда не объяснятъ намъ, что сущность ея заключалась въ борьбѣ двухъ партій: Аристократической съ Демократическою, Спартанскою съ Аѣнскою, Дорійскою съ Іонійскою — старая, племенная

вражда не потухала и вспыхнула при первомъ случаѣ, разразясь войною пелопонесскою. И это важное событіе какъ представлено въ «Руководствѣ»? «Перикль, будучи не въ состояніи дать Грекамъ отчетъ въ управленіи общественною казною, старался обратить вниманіе на другой предметъ. Аѳиняне начали притѣснять слабѣйшихъ. Недовольные прибѣгнули къ Спартѣ» (стр. 77 — 78) Удивительно справедливо, основательно и giusto! . . . Такъ точно рассказана и вся эта послѣдняя борьба эллинскихъ племенъ за право первенства въ Греціи.

Отзывъ объ Александрѣ замѣчательнъ своею оригинальностью: «Поелку никто не видѣлъ Александра отдыхающимъ на своихъ трофеяхъ, то посему и не можно справедливо судить о дѣлахъ его» (98 стр.) Такъ отзываються о македонскомъ героѣ, забывая, что онъ утверждалъ перенство Европы надъ Азією, разнесъ по всѣмъ странамъ греческое образованіе, познакомилъ всѣ народы съ языкомъ греческимъ, который сдвинулся съ того времени какъ-бы общимъ, и на который вслѣдъ же затѣмъ была переведена Библія. Свѣтъ истинной религіи началъ съ того времени озарять умы язычниковъ, и Александръ, въ этомъ смыслѣ, былъ какъ бы предуготовителемъ языческихъ народовъ къ слушанію божественнаго откровенія на греческомъ языкѣ. . .

Римская Исторія верхъ совершенства: «Многія монархіи древняго свѣта появились на свѣтъ *вдругъ во всей силѣ и силѣ*. Скорость появленія ихъ была причиною скорого ихъ паденія. Римская монархія, напротивъ того, произошла въ ненавѣстности, младенчествовала, укрѣплялась и наконецъ пала» (стр. 110). Смыслъ увѣрить, что всѣ государства проходили эти степени бытія своего, и *ни одчо въ свѣтъ* не появлялось *вдругъ во всей силѣ и силѣ*.

Изъ первобытной Римской исторіи авторъ хочетъ замѣтить только до-

стовернѣйшее», стр. 111 и что же вы находите въ этомъ достовѣрнѣйшемъ: «изъ разоренной Греками Тронъ, Эней прибылъ въ Италію, въ землю Латинцевъ. Царствовавшій тогда въ сей странѣ, Латинъ, далъ ему въ супруги дочь свою, Лавинію, въ честь коей Эней основалъ городъ Лавиніумъ. Сынъ Энея, Асканій и т. д. и т. д. (стр. 111). И это пишутъ о Римѣ, въ наше время? и это называютъ достовѣрнѣйшимъ? . . . Вообще и слѣдѣнѣтъ, чтобы «руководству» были извѣстны хоть какіе нибудь новѣйшіе труды о Римской исторіи: въ немъ все по старому обстоитъ благополучно. «Сенаторы умертвили Ромула, и развѣяли слухъ въ народъ, что самъ Марсъ взялъ его на небо. Сей обманъ имѣлъ *вліяніе на характеръ Римлянъ и на судьбу всего древняго свѣта*» (стр. 113.) чудный обманъ!

Разсказавъ о Муціи Сцеволя, какъ онъ сжегъ себѣ руку, авторъ говоритъ: «сіе произшествіе *устрашило* Порсену» (стр. 123.) Такъ устрашило, что изъ страха этотъ владѣтель Этрусскій отрывалъ у Римлянъ часть земель ихъ: чудный страхъ! . . . Впрочемъ, кажется, можно бы упомянуть, что еще въ половинѣ прошедшаго столѣтія; Луи Бюфуръ указывалъ на тѣ мѣста изъ Плинія и Тацита, въ которыхъ два эти писателя сомнѣваются въ справедливости розсказней о Порсентѣ; но «Руководству» жаль видно разставаться во всѣмъ сказочками.

«Марцій за взятіе главнаго города Вольсковъ, Коріолана, заслужилъ славное имя *Коріолана*» (стр. 126.) Главнѣйшій городъ Вольсковъ назывался *Коріога*, а за взятіе его Марцій названъ *Коріолсимъ*. Бѣдные мальчики, не знающіе по латыни, удивляются и не понимаютъ какъ и городъ и Марцій имѣли одно имя: Коріоланъ. А это все просто—авторская ошибка!

Камиллу восписуются всѣ возможныя похвалы (стр. 130, 132), и нарочно умалчиваютъ объ его никакой зависти,

погубившей знаменитаго Манлія Капитолійскаго, спасителя Капитолія.

«Самнитскій полководецъ, Понцій, провелъ Римлянъ сквозь такъ называемое иго или каудинскіе фуркулы» (стр. 133.) Въ ученомъ примѣчаніи, авторъ объясняетъ: «Сіе иго или каудинскіе фуркулы было *ущелье* между горами при городѣ Каудіумъ.» Извѣстно ли «Руководству» выраженіе *mittere sub jugo, mittere sub jugum?* сомнительно: такъ назывался у италійскихъ племенъ обычай проводить побѣжденныхъ сквозь рядъ копій съ перекладинами, устроенными на подобіе висѣлицъ; а «Руководство» подумало, что *иго* значить *ущелье* между горами!

«Карфагенская республика начала стремиться ко *всѣмирному* владычеству» (стр. 136) — и не думала: она заботилась о торговлѣ, и для того желала имѣть Сицилію, какъ важный въ торговомъ отношеніи пунктъ на Средиземномъ морѣ.

«На поляхъ Замы брошенъ былъ жребій, кому изъ двухъ соперницъ республикъ *обладать свѣтомъ.*» (стр. 144.) Если вѣрять «Руководству», такъ каждый народъ стремится къ *завоеванію* цѣлаго міра, разумется *въ его книги только.* Пуническія войны изложены довольно хорошо; но къ сожалѣнію промежуточные періоды, отъ 238 года по 219 и съ 202 по 149, весьма важные, разсказаны очень поверхостно, особенно время отъ конца первой до начала второй войны, и потомъ послѣднія усилія Аннибала.

Паденіе Греціи подъ иго Римлянъ было чрезвычайно важнымъ событіемъ въ отношеніи къ развитію образованности: дикіе, варварскіе Римляне поработивъ себя просвѣщенныхъ сыновъ Эллады, пришли съ ними въ самую тѣсную связь, слѣдствіемъ чего было развитіе образованія и просвѣщенія въ самомъ Римѣ. Руководство посвящаетъ такому важному событію нѣсколько.... *строкъ:* «Консулъ Муммій, вторгнувшись съ войскомъ въ Грецію, *стаетъ*

великодушный Коринозъ, и поступками своими въ Греции доказалъ, что *подъ иго* Коринеа погребена навсегда *свобода всѣхъ Грековъ*» (стр. 150). И ни строчки болѣе; а гораздо бы лучше, вмѣсто великодушнѣйшей фразы, поговорить хоть безъ фразъ, но — о дѣлѣ, какъ сами видите, оченъ любопытномъ и занимательномъ.

«*Честомобивый и развращенный* Катилина составилъ заговоръ противъ Республики; *злоумышленники* возмѣрились зажечь Римъ и во время пожара *истребить Сенаторовъ* и *огрabitъ доли богатыхъ* Римлянъ: . . . Катилина былъ разбитъ и умеръ отъ ранъ, со многими участниками своего злодѣянія. Цицеронъ былъ почтень отъ Сената титуломъ отца отечества.» (стр. 137.) Такъ разсказываетъ «Руководство», повидимому вовсе не зная, *какъ* судятъ новыя англійскіе писатели объ этомъ предметѣ. На чемъ основываются всѣ прежніе разсказы о Катилинѣ? На сочиненіи Саллюстія: «Заговоръ Катилины»; но это книга, по мнѣнію Англичанъ, есть *острый и краснорѣчивый пасквиль*, котораго правдивость они сильно оподозрили. Оказалось, что у Саллюстія множество несообразностей и противорѣчій: по его разсказамъ, Катилина былъ злодѣй, погрязшій въ безднѣ преступленій; но изъ описанія какъ самого же Саллюстія, такъ и другихъ писателей той эпохи, видно, что этотъ человекъ былъ другомъ Цезаря и Цицерона, идоломъ народа, умѣлъ привлечь на свою сторону большую часть гражданъ, значительное число патриціевъ. Его домъ, говорятъ, былъ сходбищемъ всѣхъ развратниковъ и развратницъ; онъ собственною рукою убилъ своего сына, обезчестилъ Весталку, хотѣлъ уничтожить всякую подчиненность и разгрѣбить городъ. Но, какъ же у такого чудовища было множество друзей въ Сенатѣ и въ народѣ? и значить, людей почтенныхъ, сильныхъ, когда Цицеронъ долженъ былъ у него оспаривать консульство.

Сообщниками Катилины были первые богачи, которые больше всѣхъ должны бы потерпѣть отъ анархическаго переворота; и неужели такіе люди, какъ Юлій Цезарь, Лентулъ, Крассъ, вмѣстѣ съ другими богатѣйшими патриціями, задумали составить заговоръ съ цѣлюю обобрать тѣхъ, которые были въ десятеро, въ сотеро, можетъ быть, бѣднѣе ихъ. Правительство, говорятъ, знало о заговорѣ; однако жъ, оно не помѣшало Катилинѣ, — челоуѣку столь опасному по уму, знатности, мужеству и связямъ, — уйти изъ города и возвратиться съ войскомъ осаждать Римъ. Утверждаютъ, будто бы гладиаторы и невольники составляли часть его войска; а послѣ видно изъ *Саллюстія* же, что глава заговора отказался принять невольниковъ и гладиаторовъ «боясь, чтобъ не смѣшали ихъ дѣла съ дѣломъ гражданъ». И такъ — по сознанию даже враговъ — граждане участвовали въ замыслѣ Катилины? И такъ, сей гнусный челоуѣкъ, заманилъ въ свои стѣны еслы не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ большую часть соотечественниковъ; склонилъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ владѣльцевъ, чиновниковъ, сжечь собственный городъ, и слѣдственно; истребить все свое имущество? Воля ваша, тутъ что нибудь да не такъ . . . А что жъ случилось, когда заговоръ былъ открытъ? Вмѣсто того чтобъ возсылать благодаренія тому сановнику, который защитилъ ихъ, граждане оскорбили его, запятнали его консульство знакомъ безславія, и самого, вскорѣ потомъ, подвергли строгому наказанію. Только слишкомъ легковѣрный можетъ повѣрить подобному описанію, которое противно и здравому смыслу, и сверхъ того — написано врагами, обвинителями Катилины? . . . Когда сражающіяся партіи долго оспариваютъ другъ у друга побѣду, и побѣдители пищутъ исторію на трупахъ побѣжденныхъ, то могутъ ли безпристрастные люди вѣрить тѣмъ историкамъ? Помпей, выдвигъ

сильнымъ войскомъ, имѣя многочисленныхъ друзей, угрожалъ Римской республикѣ. Многіе вооружились противъ него: иные, самыя смѣлые, самыя запальчивыя, бросились впередъ; таковъ былъ Катилина вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами. Другіе, болѣе осторожные, обезопасили себѣ возвратный путь и поставили себя въ такое положеніе, чтобы въ всякомъ случавъ, — успѣть Катилина или падеть, — имъ самимъ быть въ возможности извлечь свою пользу изъ того и изъ другаго положенія. Отражать силу силою — сдѣлалось уже политическою привычкою Римлянъ; всѣ начальники партій, Гракхи, Марій, Силла, потомъ Юлій Цезарь и Помпей, поступали точно также, какъ и Катилина. Онъ былъ побѣжденъ. Торжествующая партія, въ отмщеніе, употребила всѣ противузаконныя средства; а желая нѣкоторымъ образомъ оправдать мѣры, противныя народнымъ постановленіямъ, подтверждала всѣ клеветы на враговъ своихъ. Саллюстій признается, что вся публика почитала эти обвиненія неосновательными и несправедливыми; рѣчь и переписка Цицерона также показываютъ, что дѣйствительно таково было общественное мнѣніе. И не всегда ли, — спрашиваетъ разсудительный Англичанинъ, — сильнѣйшая партія сперва клеветала на слабѣйшую, а потомъ уже подавляла ее? Саллюстій же, какъ заключаетъ этотъ писатель, или передѣлывалъ факты въ угожденіе какой нибудь партіи; либо самъ не могъ отличить истины отъ лжи, среди противорѣчащихъ слуховъ, которыми вооружала одна партія противъ другой общественное мнѣніе.

Раздоры погубили республику; она пала. Выскнувъ основательно въ постепенный ходъ ея внутренней исторіи, всякій легко убѣдится, что, съ распространеніемъ ея предѣловъ, она болѣе не могла существовать. Если бы «Руководство» представило краткую, но полную картину развитія Римскаго государственнаго права, тогда все было

бы ясно; читатели ясно увидели бы, что, при новыхъ условіяхъ народнаго бытія, прежнимъ постановленіямъ надлежало замѣниться новыми, республикъ превратиться въ монархію. Ничего этого не найдете въ «Руководствѣ», и оттого-то не можете постигнуть, какъ тотчасъ же послѣ Августа начинается рядъ бѣдствій для Рима.

А эти бѣдствія были неизбежны, потому что непрочны были основанія, на которыхъ утвердилась монархическая власть въ Римѣ. Августъ не хотѣлъ, да и не смѣлъ быстро измѣнить коренныя государственныя постановленія. Хитрый внукъ Цезаря помнилъ смерть дѣда, и не хотѣлъ назвать себя царемъ, титуломъ, которое было ненавистно для Римлянъ. Онъ принялъ на себя всѣ высшія титула республиканскія, слѣдственно, не противорѣча кореннымъ постановленіямъ, онъ дѣлался полнымъ государемъ, сосредоточивъ въ своей особѣ всѣ высшія достоинства, и въ то же самое время по наружной формѣ, онъ былъ только первый чиновникъ республики; слѣдственно, онъ былъ такой же гражданинъ, только уполномоченный народомъ, въ лицѣ сената, принимать на себя всѣ званія, соединить въ своемъ лицѣ всѣ должности. Въ дѣйствительности, Августъ былъ истиннымъ самодержцемъ; а по наружности только *тѣмъ* государя. Какъ скоро истекалъ срокъ его какой либо должности, онъ принуждалъ народъ просить себя о продолженіи управленія. Въ сущности это была комедія, но такая комедія, которая скоро разыгралась трагически. Народъ привыкъ думать, что если онъ самъ, въ лицѣ сената, вручаетъ власть императору, то вправдѣ передать ее другому. Гибельныя слѣдствія такого шапкаго основанія монархической власти, должны были оказаться тѣмъ скорѣе, что по смерти Августа престолъ не могъ сдѣлаться наследственнымъ. Это обстоятельство внушило людямъ мысль, что и они,

принявъ на себя званіе представителей народа, могутъ распоряжаться престоломъ. Ужасныя слѣдствія такого положенія общества очень хорошо всѣмъ известны...

Не понявъ ничего этого, по крайней мѣрѣ не сказавъ ничего, «Руководство» предобродушно увѣряетъ, будто бы «по убіеніи Домиціана наступилъ *златый вѣкъ счастья и благоденствія Римлянъ*» (стр. 175). Я не буду опровергать такого поверхностнаго сужденія, а приведу слова одного изъ нашихъ писателей, И. П. Шульгина, который такъ краснорѣчиво выразилъ мысли свои объ этомъ предметѣ. Въ сочиненіи своемъ «Изображеніе характера и содержаніе новой исторіи» (гл. трет.), разсмотрѣвъ возможные способы къ огражденію безопасности государствъ другъ отъ друга, онъ основательно заключилъ, что война не можетъ смолкнуть на землѣ даже и тогда, когда бы утвердилась Всемирная Монархія; что миръ есть смерть для народа завоевательнаго, который легко можетъ обратить оружіе на самого себя. «Всякая такая остановка есть обратное шествіе. Бѣдное и разслабленное внутри; войска, одичавшая въ войнѣ, или въ мирѣ необузданныя, праздныя, утратившія свой воинственный духъ; народъ — сборище расточителей и нищихъ, безъ силы и характера: въ такомъ видѣ явится, рано или поздно, всякое государство, которое живетъ завоеваніями, коль скоро наконецъ искусственное напряженіе ослабеветъ, и оно принуждено будетъ остановиться.» А въ доказательство справедливости этого, г-нъ Шульгинъ приводитъ Римскую Имперію, и спрашиваетъ: «когда въ Римѣ, по утверженіи его всемірнаго (*) владычества, происходили

(*) Не понимаю рѣшительно, по какой причинѣ до сихъ поръ во всѣхъ исторіяхъ говорится, будто бы Римъ достигъ всемірнаго владычества. Римъ владѣлъ всего

наиболѣе ужасныя сцены, какъ не въ то время, коль скоро прекращались завоеванія вѣншія? И обновился ли, усилился ли, облагородился ли Римъ, въ этотъ — столь несправедливо историками называемый — золотой вѣкъ Римской Имперіи, отъ Нервы до кончины Марка Аврелія? Еслибы действительно обновились его силы и возвратились къ нему прежнія доблести, то возможно ли, чтобы по кончинѣ Марка Аврелія, столь быстро и неудержимо имперія устремилась къ своему паденію? Нѣтъ, и въ сіи, несправедливо превозносимыя времена, человечество подъ властію Римлянъ страдало во прежнему; это счастье, по словамъ Лудена, состояло въ спокойномъ отдохновеніи людей утомленныхъ; состояло въ привольной тишинѣ послѣ страшныхъ, бурь; состояло въ удобствахъ жизни, въ нѣгѣ и сластолюбіи. — Разрушеніе продолжалось; но не столь было примѣчаемо: это былъ тихій сонъ больного, котораго желать сладкія видѣнія!» (§ 32).

Въ жалкомъ положеніи находилась и литература этого падающаго общества. Еслибъ «Руководство» само прочло произведенія Римлянъ въ этомъ періодѣ неопредѣленной монархіи, никогда бы не рѣшилось оно съ такою явною несправедливостію выставлять *обманцами* то, что не можетъ и подумать объ этой чести. На стр. 192 оно истощаетъ всѣ похвалы: хотъ бы взглянуть въ новѣйшія сочиненія и почитать, какъ судятъ обо всемъ этомъ люди глубоко образованные. Англійскія періодическія изданія представляютъ въ семъ отношеніи богатѣйшій

западною и южною Европою, переднею Азіею и сѣвѣрною Африкою — только: гдѣ же всемірное владычество. Пора бросить это хвастливое, несправедливое выраженіе Цицерона! Приводя слова Г. Шульгина, съ которыми вполне согласенъ, я долгомъ поставилъ сдѣлать эту оговорку.

матеріалъ для историка римской литературы, которая была живымъ изображеніемъ разрушающагося общества. Если «Руководство» не знаетъ по англійски, оно могло бы воспользоваться этими превосходными разсужденіями во французскихъ переводахъ въ *Revue Britannique*. Этотъ журналъ познакомилъ бы автора съ идеями *современными*, и навелъ на сужденія болѣе справедливыя, болѣе основательныя, нежели его собственныя сужденія о римской литературѣ, отразившей въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, всѣ недостатки и пороки своей эпохи.

Римъ палъ. Грозныя сыны Сѣвера обрушили великолѣпное зданіе цезарей: потрясенное внутри, оно не выдержало ихъ напора, и изъ развалинъ возникли новыя государства. Любопытную картину представляетъ время это: на востокѣ Европы возникаетъ огромное государство Болгарское *); на западѣ отъ него, по южному Балтійскому поморью, находится, подъ властію умныхъ правителей, земля Винетская **); къ югу отъ нихъ Лихи, Сербы, Чехи ***), Франки; далѣе, по Рейну, вооружаются племена Тевтонскія или Нѣмецкія. Франки устремляются на Галлію, и начинаютъ постепенно покорять ее; раздоры за наслѣдство франкскихъ завоеваній въ Галліи даетъ поводъ Болгаріи вмѣшаться въ дѣла за-

*) Унами у Грековъ назывались Болгары. Это фактъ, засвидѣтельствованный греческимъ патриархомъ Никифоромъ, и, какъ увидимъ далѣе, подтверждаемый множествомъ доказательствъ.

***) Венеды = Winden = Windeln = Wandali, суть иностранныя имена Винетлянъ: Winden, форма сѣвѣрно нѣмецкая, Windeln южно нѣмецкая, Wandali латинская. Туземное названіе заимствовано отъ города Винета.

***) Чехи болѣе известны были подъ мѣстнымъ названіемъ, Марко-мановъ: такъ звали ихъ Нѣмцы по рѣкѣ Моравѣ (Mare),

падной Римской Имперіи, в грозный поход знаменитаго Бича-Божія лишает имперію лучших областей ея; Атилла вгоняет Италію въ ея собственные географическія предѣлы. Самобытность европейскихъ племенъ, уничтожаемая Римлянами, воскресаетъ — на всемъ западѣ Европы начинаются кодификаціи, *leges barbarorum*, возникаютъ новыя государства изъ развалинъ имперіи: въ Африкѣ и Испаніи Византское или Вандальское, въ Галліи Франкское, въ Британіи Англо-Сакское, по Дунаю отъ западныхъ Балкановъ къ Аппенинамъ Сербское; отъ Сѣверной Италіи до Дуная Словенія, которой наконецъ возвращена свобода, послѣ пятилѣтняго рабства подъ игомъ Римлянъ. Но такой ударъ уже слишкомъ силенъ: одряхлѣвшая имперія, терзаемая внутри, потерявъ столько земель, уступленныхъ столь грознымъ соседямъ, не можетъ просуществовать долго: еще ударъ мечемъ Одоакра, и слѣдъ ея исчезъ — развалины ея покрыли самую Италію, между тѣмъ какъ на востокъ Европы грозное могущество Болгаръ, покровителей всей восточной Германіи, дѣлаетъ ихъ первенствующею державою въ цѣлой Европѣ, и доставляетъ имъ тотъ перевѣсъ, которымъ доселѣ пользовалась Римская Имперія. И до самыхъ временъ Карла Великаго продолжалось такое состояніе Европы, измѣненное его могучимъ гениемъ: политика Византійцевъ указала ему цѣль, а мечъ довершилъ остальное: перевѣсъ переданъ Франкамъ, и возстановитель титла Западнаго Римскаго Императора возвращаетъ всю Западную Европу отъ развитія самобытнаго опять къ развитію Римскому, подчиняетъ ее вліянію Римскихъ идей, столь гармонирующихъ съ его собственными, столь сообразныхъ съ его задушевною мыслию — составить изъ всего запада одно огромное государство.

Такъ станеть разсматривать событія будущей исторіи паденія Римской Им-

періи, отвергнувъ рассказы новѣйшихъ историковъ — компиляторовъ, которые находятся въ такомъ явномъ противорѣчій съ рассказами современниковъ той эпохи. Видя множество именъ, и не сообразивъ, что каждый народъ можетъ имѣть ихъ по нѣскольку, изъ которыхъ только одно будетъ собственнымъ народнымъ, а всѣ прочія — иностранныя прозвища, или мѣстныхъ названій, эти господа поняли однакожъ, что въ Европѣ столько народовъ жить не могло и потащили ихъ изъ Азіи. Современники никогда не говорили объ ихъ приходѣ изъ Азіи; азіатскіе писатели знать не знаютъ объ этихъ народахъ; но историкамъ надобно было обозначить гдѣ нибудь жилища этихъ племенъ — они и сдѣлали такъ: приписали всѣхъ этихъ народовъ къ Монголамъ, и двинули ихъ изъ средней Азіи въ Европу. Ориенталисты сами нынѣ смѣются надъ покойникомъ Дегинемъ, который пустилъ въ ходъ смѣшную гипотезу о выходѣ Гунновъ изъ Азіи, и, хотя еще не знаютъ истиннаго значенія греческаго имени Унны, однакожъ рѣшительно отрицаютъ ориентальность этого народа, и говорятъ (совершенно справедливо), что утверждать это и называть Гунновъ азіатскимъ народомъ могутъ теперь только тѣ люди, которые не имѣютъ ни малѣйшаго понятія объ исторической критикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, *одно созвучіе* — еще плохое доказательство; а Дегинь былъ введенъ въ ошибку созвучіемъ: Унны и Хун-ну. Отчего даются соседями другія собственные имена, нежели какія употребляются туземцами, иногда объяснить очень трудно, иногда совсѣмъ невозможно: отчего мы прозвали Тейчеровъ Нѣмцами, а Французы Аллеманами, объяснить еще можно; но отчего же Скипетаровъ одни зовутъ Албанцами, другіе Эпиротами, третьи Арпаутами? этого объяснить невозможно. *Имена разные, а народъ одинъ.* Такъ и *Византійцы, по свидѣтельству Патріарха Никифора,*

(стр. XLIV) *Узнали называли Болгарь.* Это, важное для насъ, I) Свидѣтельство Византійца подтверждается: II) Славянскими именами вождей Гуннскихъ: Владъ, Борисъ, Едиконъ, Скотанъ, Душанъ, Гордашъ, Воеславъ, Велемиръ, Нигишъ (Нѣгишъ), Баянъ, Забереганъ, Рѣкана и проч. III) свидѣтельствомъ всѣхъ Византійцевъ, что языкъ Гуннскій принадлежалъ къ семейству языковъ Европейскихъ, отчего теперь и понятно, почему IV) Славянскія названія городовъ и мѣстечекъ появляются въ Балканскомъ полуостровѣ только съ появленія Гунновъ; наконецъ V) путешествіе Приска Ритора, бывшаго секретаремъ византійскаго посольства къ Атилѣ: прочтите его описаніе нравовъ, обычаевъ, образа жизни и всего быта Гунновъ, и послѣ того вы уже никогда не осмѣлитесь сказать, будто бы это народъ Азіатскій, никогда не осмѣлитесь назвать ихъ грубыми, невѣжественными дикарями, только что ворвавшимися въ Европу. Постоянная осѣдлость, одежда, наружный видъ, употребленіе меду и квасу: все это послужитъ самымъ яснымъ доказательствомъ справедливости Патріарха Никифора и покойнаго Венелина, который первый возсталъ противъ возможности слиянія народовъ и нелѣпой теории переселенія народовъ, противной положительнымъ свидѣтельствамъ Византійцевъ и исторической логикѣ. Къ сожалѣнію, смерть воспрепятствовала Венелину вполне развить свои мысли. Но его мнѣнія, кромѣ тѣхъ доказательствъ, которые приведены имъ самимъ, могутъ быть подтверждены еще множествомъ другихъ свидѣтельствъ. Присоедините сюда VI) почти все европейскія лѣтописи тѣхъ вѣковъ, которыя называютъ столицю этого народа Кіевъ: *Sedes Hippogum Kiowia*. Послушайте ориенталистовъ: отецъ Іакинѣвъ вамъ скажетъ, что VII) «вторженіе Гунно-Монголовъ въ Европу и до сего времени ни однимъ историческимъ фактомъ

не подкрѣплено. Даже слово Атила не походить на монгольское.» Прочтите его переводы изъ китайскихъ лѣтописей, и увидите, что VIII) до самыхъ временъ Чингизъ-Хана, Монголы не отходили отъ китайскихъ границъ, да и тогда нашествіе на Россію было совершено не самими Монголами, а Турками подъ предводительствомъ монгольскихъ князей; и что IX) самое производство Гунновъ изъ Азіи, *вопреки всемъ фактамъ*, основано было только на сходствѣ звуковъ: Дегины зналъ, что въ Европѣ когда-то грѣмѣлъ народъ Гунны, но видно еще не дочиталъ, *кое* разумѣли Византійцы подъ этимъ именемъ. Въ то время, изъ китайскихъ лѣтописей узналъ, что Китайцы называли Монголовъ ругательнымъ именемъ Хун-ну (злые, непочтительные рабы). Обрадовался ориенталистъ и думалъ, что сходство звуковъ должно служить всему основаніемъ, потащилъ Злыхъ Непочтительныхъ Рабовъ (т. е. Хун-ну) въ Европу; а того и не сообразилъ, что если бъ въ самомъ дѣлѣ, эти Монголы ворвались въ Европу, то вѣрно уже не стали бы называть себя китайскимъ ругательнымъ прозвищемъ, вмѣсто собственнаго народнаго имени. Другіе писатели не хотѣли повѣрить Дегины, на слово ему увѣровали и стали провозглашать гипотезу его, за доказанную истину. Но если такъ ложно основаніе, то можно ли было долго держаться гипотезъ? И вотъ, въ наше время, явился человекъ, *) ополчился удивительно сильною логикою и бросилъ яркія идеи о томъ

(*) Венелинъ, въ сочиненіи „Древніе и нынѣшніе Болгаре.“ Равнодушіе публики и нашихъ ученыхъ не дозволило автору продолжать этого важнаго труда. Передъ смертію, Венелинъ, не смотря на крайнюю бѣдность, приступилъ было къ печатанію втораго тома; неожиданная кончина не допустила его совершить своего предпріятія.

времени, и — следовательно — начал подкапываться под шаткое здание гипотезы мнимаго переселенія народовъ. Конечно, только равный ученостію Венелину, можетъ продолжать гениальный трудъ его и представить намъ въ истинномъ свѣтѣ исторію Европы съ III вѣка почти до половины IX вѣка; однакожъ исторія все таки должна пока воспользоваться добытыми результатами и внести ихъ въ свои страницы.

Исторія Гунновъ (или Болгаръ, по собственному признанію Византійцевъ, какъ мы видали выше) тѣмъ важнѣе, что изъ отношеній Гунновъ или Болгаръ къ восточной и западной Римской Имперіи развиваются всѣ важнѣйшія событія до самыхъ временъ Карла Великаго. По свидѣтельству его секретаря, Эгингарда, Карлъ Великій отторгъ отъ Гунновъ или Болгаръ значительную часть Германіи, и тѣмъ ограничилъ ихъ вліяніе на западъ. Съ другой стороны, призваніе Рюрика и еще болѣе дѣйствія Олега отторгли отъ Болгаріи собственно Русь, въ слѣдствіе политики Византійской, которой до сихъ поръ и не замѣчаютъ наши историки... Съ тѣхъ поръ Болгарія всегда ограничивалась только странами Дунайскими.

Если же, начиная съ IV и оканчивая половиною IX вѣка, Болгарская держава (въ соединеніи съ Русью) простиралась отъ Волги до горъ Балканскихъ; то возможно ли пробраться въ Европу такому множеству народовъ, будто бы изъ Азіи, какъ увѣряютъ историки-компиляторы? Разумвется, нѣтъ! Болгарія тогда бы должна была совсѣмъ погибнуть подъ ихъ ударами; если же она продолжала существовать, значить, никто не врывался въ Европу, черезъ такое огромное государство. Но откуда такое множество именъ? Да кто же вамъ велитъ не различать собственное имя народное, и множество именъ собственныхъ же, но иностранныхъ, иногда же мѣстныхъ. Тогда откроется,

что имена Савиры, Авиры, Авары, Акатзиры, Казары, все разныя имена одного и того же народа. Тогда вамъ не покажется страннымъ, отчего изъ Приска вы положительно узнаете, что Кавказомъ владѣютъ Гунны; а Моисей Хоренскій, историкъ армянскій, скажетъ, что Кавказъ принадлежалъ Болгарамъ; отчего наконецъ западные писатели употребляютъ по видимому странное, но въ сущности справедливое выраженіе: Hunni Abari Cosari dicti, и другіе: Hunni Abari Bulgari dicti. Такимъ тройнымъ сложнымъ именемъ они просто желали выразить, что все это разныя имена одного и того же народа.

Все это, кажется, долженъ знать, *въ наше время*, писатель, который принялся бы составлять всеобщую исторію. Въ двадцатыхъ годахъ не было еще ни Венелина, ни переводовъ отца Іакинѳа, ни другихъ важныхъ матеріаловъ для исторіи. Теперь, историкъ обязанъ предварительно *изучить* все это, если не хочетъ отставать отъ современнаго хода науки. Къ сожалѣнію, ничего этого нельзя сказать о «Руководствѣ». Оно повторяетъ все прежнія разсказы, перетрачивая старинку. Оттого-то въ немъ такая бездна ошибокъ: вотъ доказательство.

Стр. 187: «Гунны, народъ *татарскаго или монгольскаго* покровнія, двинулись изъ *сѣверныхъ странъ Китая* въ Европу;» — далеко-онько-таки, нечего сказать: порядочная прогулка! Впрочемъ, во второй части (стр. IV и V) «Руководство» разсказываетъ и *причины* мнимыхъ выходовъ мнимо-азійскихъ племенъ. «Сии такъ называемые варвары не чувствовали выгодъ земледѣлія и пріятностей тихой, постоянной жизни, (*вотъ-что*) не знали наукъ и мирныхъ художествъ (*ужъ впринпѣ—у нихъ не было ни Академіи Наукъ, ни Академіи Художествъ*) охотнѣе проливали свою кровь, нежели потъ (*именно такъ*). Обыкновеніе, свойственное всѣмъ кочу-

ющими народамъ, переселяться изъ одного мѣста въ другое, побудило сихъ народовъ устремиться на южныя, теплѣйшія, плодоноснѣйшія и богатѣйшія области.» Видите ли, какъ *обыкновенно, свойственно вѣкъ* компиляторамъ проналаго вѣка, *переселить* небывалыхъ — азіійскихъ народовъ, *побудило устремиться на изысканіе* небывалыхъ причинъ небывалаго дѣйствія, и называть Гунновъ «монгольскимъ или татарскимъ племенемъ.» Въ этихъ словахъ что слово, то ошибка. Пора бы, кажется, узнать изъ сочиненій Такинова, что «Татары» — *слово вымышленное Европейцами.* Собственно всѣ племена, которыя мы называемъ Татарами, известны въ *вѣкъ* исторіяхъ подъ общимъ названіемъ *Турки.* Вотъ опять два имени: собственное народное Турки, собственное иностранное Татары. Слѣдственно, Татары не существуютъ и не существовали въ цѣломъ мірѣ, а есть на свѣтѣ только одни Турки; точно также какъ не существовали Казаре, Авары, и были только одни Болгаре. Изъ словъ же «Руководства» слѣдуетъ, что Гунны племени *выдуманнаго Европейцами* (т. е. татарскаго) или *монгольскаго.* Оно такъ и есть. Нелѣзное мнѣніе должно и выражаться нелѣзно: это очень справедливо.

Ч. вт. стр. 21. «Болгаре были отрасль народовъ *татарскаго* поколѣнія.» Болгаре, которыхъ языкъ употребленъ для перевода Библии! И такъ въ нашей церкви Богослуженіе совершается на турецкомъ (татарскомъ) языкѣ? Вотъ что правда, то правда.

Тамъ же: «Авары, народъ азіятскій, вытѣсненные *Турками* изъ *Татаріи*, явились на берегахъ Дуная.» Вытѣсненные Турками изъ *небывалой* страны? вѣдь Татаріи нѣтъ и не было, а есть и былъ только Туркистанъ. «Сей страшный народъ въ началѣ IX вѣка *исчезъ,*» на вѣрное сквозь землю провалился.

Стр. 22. Со временъ Святослава «Ха-

зары *начали исчезать*», т. е. подниматься на воздухъ, что-ли, какъ мечта?

Тамъ же: «Венгры отрасль Гунновъ или Туркомановъ». Мадыры, которыхъ мы называетъ Венграми или Уграми, никогда не были Гуннами. *Византійцы ихъ называли не Гуннами, а Турками*; и дѣйствительно, языкъ Мадыровъ, въ отношеніи грамматическомъ, до сихъ поръ сохраняется въполнѣ слѣды *не европейскаго*, но азіатскаго происхожденія; а въ лексикографическомъ отношеніи, онъ и теперь очень сходенъ съ турецкимъ, такъ что знающіе хорошо по венгерски могутъ понимать и по турецки. Какъ же можно смѣшивать ихъ съ Гуннами или Болгарами, которыхъ языкъ относится къ семейству европейскихъ нарѣчій? «Руководство» отъ всей души вѣрнѣе еще, будто подъ именемъ Германцевъ разумѣлись у Римлянъ *только Нѣмцы*, тогда какъ они были известны Римлянамъ подъ собственнымъ (Teut-cher) Teut-оновъ, и только отчасти подъ именемъ Германовъ, которое падало вовсе не на Нѣмцевъ. Не распространяюсь объ этомъ важномъ и любопытномъ предметѣ потому, что въ «Отечественныхъ запискахъ» прошлаго года (№ 10) я уже имѣлъ случай подробно развить мысль эту, по случаю «Исторіи Сербіи» Г. Момировича.

Такова-то вся классификація народовъ въ первый періодъ. Нужно ли вполнѣ все выписывать далѣе, и вполнѣ все потомъ опровергать? кажется довольно и показанныхъ примѣровъ. Авторъ, кажется, еще самъ не знаетъ, что всѣ нынѣшнія государства средней Европы развились изъ борьбы Гевтонскихъ племенъ съ Славянскими, и потому не ищите у него исторіи ни великой Сербіи (Германской), ни Чехіи (Богеміи), ни Моравіи, ни Болгаріи, ни Сербіи подунайской — все это пропущено въ «Руководствѣ», которое въ началѣ обѣщало намъ исторію *всѣхъ* государствъ. Послѣ этого, можете ли ожидать связнаго изложенія событій, когда

въ «Руководствѣ» нѣтъ никакого взгляда на ходъ тогдашнихъ происшествій? Разверните книгу въ любомъ мѣстѣ—посмотримъ:

Стр. 3: «Одна изъ важнѣйшихъ вышнихъ европейскихъ монархій, Французская, имѣла то счастье, что основатель ея принявъ Христіанскую Вѣру, и сей *спасительный примѣръ* подвигствовалъ на многихъ его подданныхъ?» И только? мало же! Припятіе Христіанства Клодовикомъ имѣло цѣлю не одно желаніе подать «спасительный примѣръ», но было *важною политическою мерою*: въ Галліи исповѣдывали вѣру христіанскую римско-католическую; принявъ именно это вѣроисповѣданіе, Клодовикъ усилилъ себя всюю массою туземнаго народонаселенія, которое тогда соединилось съ побѣдителями крѣпкими узами религіознаго братства. Другая часть этой страны, подвластная Бургундамъ и Готамъ, пейавида ихъ какъ еретиковъ, естественно должна была встрѣчать Клодовика, какъ избавителя. Такимъ образомъ, принятіе католицизма сообщило новому этому государству и рѣшительный перевѣсъ надъ всеми соседними народами и внутреннюю, большую прочность власти Франковъ, нежели въ другихъ земляхъ, отторгнутыхъ отъ Рима.

Стр. 4: «Въ царствованіе Лотаря II и наследниковъ его, власть государственныхъ министровъ или палатныхъ меровъ начала возрастать». Названіе государственнаго министра не только ничего не объясняетъ, переносъ въ прошедшее наши современные понятія, совсѣмъ несходныя съ тогдашними, напротивъ, можетъ подать поводъ къ самымъ неточнымъ и несправедливымъ понятіямъ. Когда совершилось покореніе всей Галліи, то часть земель утверждена была за туземцами, другая за побѣдителями; третья, самая большая, принадлежавшая римской казнѣ, оставлена въ непосред-

ственную собственность всего общества побѣдителей, почему и удержала прежнее римское названіе *казенной* (fiscus). Управление этими землями и смотрѣніе какъ за ними, такъ и за всеми доходами, ввѣрялось старшинѣ дома (Major Domus) или палатному меру, который сперва избирался съ общаго согласія, и долженъ былъ отдавать, въ мартовскихъ или майскихъ собраніяхъ, отчетъ всему обществу. Въ послѣдствіи, и эти казенныя земли розданы всѣ въ частную собственность, подъ обязательствомъ всегда быть готову идти на войну, подъ знаменами короля. Тогда кругъ дѣятельности палатныхъ меровъ значительно распространился: на нихъ лежала обязанность наблюдать за каждымъ вассаломъ, копѣйковать выморочныя лены, передавать другимъ лицамъ земли тѣхъ, которые не исполняли принятыхъ на себя обязанностей. Власть и значеніе палатнаго мера возрасли до высокой степени; въ достоинство это начали избирать на всю жизнь, а избраніе изъ одной фамиліи превратило это достоинство въ наследственное. Послѣ того, понятно стремленіе палатныхъ меровъ, какъ истинныхъ правителей государства, завладѣть престоломъ; понятна причина, по которой послы Пипина явились въ 751 году къ папѣ Захарію и предложили вопросъ: «кто настоящій король? тотъ ли, кто носить на себѣ только имя короля; или тотъ, кто руководитъ всеми силами государства во время войны и мира?» Ответъ папы рѣшилъ участь Хильдерика III: корона была передана Пипину.

Стр. 6: «Одоакръ, предводитель Геруловъ, низвергнувъ съ римскаго престола императора Ромула Августула, основалъ въ Италіи новое итальянское королевство. Вскорѣ Ост-Готы, подъ предводительствомъ храбраго и благоумнаго Феодорика, основали сильное ост-готское царство». Что пойметъ ученикъ изъ такого голаго разказа, не

оживленного никакой мысли? Почему же были так непрочно завоеванія Одоакра и Теодорика? на эти вопросы, самые важные и существенные, которые объяснили бы все, ученикъ не найдеть ни полслова отвѣта. «Руководству» надлежало показать, что Одоакръ, служивъ прежде императору и приобрьвъ имперію безъ боя, хорошо зналъ Римлянъ, покровительствовалъ имъ и долженъ былъ заслужить ихъ любовь. Но, съ другой стороны, отобравъ у нихъ треть земель для себя и своего войска, онъ возстановилъ противъ себя общее мнѣніе, какъ этою мѣрою, такъ и еще болѣе, можетъ быть, арианствомъ, которое рзко отдѣлило побѣдителей и побѣжденныхъ. Притомъ же, собственно говоря, Герулы составляли не *одинъ* народъ, а войско изъ многихъ племенъ, отчего разумется и не могло быть никакой почти возможности содержать ихъ въ порядкъ, а туземцевъ предохранить отъ насилій. Вотъ почему государство Одоакра не могло долго существовать, не имѣя прочнаго основанія, равно какъ и государство Теодорика. Это государство также не имѣло единства въ составѣ своего народонаселенія ни по вѣроисповѣданію ни по родству племенному; Теодорикъ покорствовалъ Далмацію, Иллирію, Италію, Сицилію и земли за Альпами; слѣдственно, прочныя были даже географическіе предѣлы его государства, столько разрозненнаго, и въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ?

Стр. 7 «Албоинъ положилъ основаніе лонгобардскому царству. Царство Лонгобардовъ вскорѣ явилось *сильнымъ и славнымъ*: въ немъ было видно болѣе вѣротерпимости, нежели въ другихъ государствахъ, болѣе *ума съ политическими учрежденіями и законами*.» А вотъ что говоритъ объ этомъ же г. Шульгинъ: «подъ начальствомъ короля своего Албоина, они отправились въ Италію съ смѣлыми надеждами; но сія надежда не могла быть

Часть VI. Гл. IV.

болѣе тѣхъ успѣховъ, какими ознаменовано ихъ первое вторженіе. Дякою толпою разлились Лонгобарды по всему полуострову отъ сѣвера къ югу. Цѣль однако жъ была не совсѣмъ достигнута: Италія не досталась имъ *вса*; предводители дружинъ слишкомъ торопились вознаграждать себя за трудъ завоеванія: брали земли по мѣрѣ того, какъ приобрьтали оныя, и *при самомъ началѣ раздробивъ свои силы и основавъ болѣе 30 разныхъ владѣній*, сами поставили тѣмъ *непреборимое препятствіе къ полному владычеству надъ Италією* и вмѣстѣ съ тѣмъ положили основаніе раздѣльности, въ какой страна сія осталась и до нашихъ дней.» (Гл. I, § 21.) Судите же по этому, какъ справедливо ученіе «Руководства.»

Стр. 7 «Въ сіе время вліяніе римскихъ первосвященниковъ на Европу содѣвалось уже ощутительнымъ. Превосходство ума ихъ, народное къ нимъ уваженіе и признательность Пипина положили твердое основаніе будущей власти ихъ.» Возможно ли этимъ ограничиться, говоря о папской власти, которая играла такую важную роль въ среднихъ вѣкахъ? Какими средствами папы старались приобрьсть всеобщее уваженіе, освободиться отъ власти византійскихъ императоровъ, побороть грубую желѣзную силу феодализма — объ этомъ и помину нѣтъ. Великія дѣйствія двухъ Григоріевъ, Николая I, Ивокентія III, не обозначены ни одною чертою. Надъ папою Николаемъ видно сжалилось «Руководство»: этому знаменитому политику по крайней мѣрѣ удѣлена въ руководство — *одна* строчка: «напа Николай I является духовнымъ монархомъ.» (стр. 42.) Въ борьбѣ римскаго двора съ государями «Руководство» видитъ только «споръ за инвеституру» (91), нисколько не примѣчая тайнаго желанія подчинить себя всякую свѣтскую власть.

Стр. 8. «Вест - Готы содѣвались

«владычествующимъ народомъ на пиринейскомъ полуостровѣ.» А какія обстоятельства содѣйствовали тому? Завоеванія Франками земель до Пиринеевъ, принятіе католицизма и прочія весьма важныя происшествія, должны были оказывать какое-нибудь вліяніе — или авторъ ничего этого и не предугадывалъ?

Стр. 9 «Жестокая участь постигла Британію. Дикіе жители Шотландіи начали вторгаться въ оную. Угнетенные *Британцы обратились съ прошеньемъ* помощи къ Саксонцамъ. Толпы воинственныхъ Англовъ и Саксонцевъ подъ предводительствомъ Генгиста и Горзы, немедленно прибыли въ Британію.» Такъ рассказываютъ вездѣ; но сквозь эту сказку о добровольномъ призваніи, довольно ясно просвѣчиваетъ истинное событіе, если внимательно разсмотримъ связь тогдашнихъ происшествій. Саксонцы обитали въ низовьяхъ Рейна, и отсюда сносились съ Римлянами и Франками, двумя врагами Гунновъ (Болгарь). Атила хорошо понималъ, какое сильное подкрѣпленіе могли имѣть Азій и Міровей въ Саксонцахъ, и двинулъ часть своихъ войскъ въ Нидерланды. Вотъ что было причиною переселенія некоторыхъ дружинъ англо-саксонскихъ въ Британію: они спасались туда отъ грознаго непріятеля; но, будучи сильныя Британцевъ, рѣшились покорить ихъ. — Такъ будетъ рассказывать исторія, когда перестанутъ представлять себѣ то время хаосомъ, который потому и разбирать будто бы не должно.

Стр. 10 «Легче и скорѣе можно показать причины паденія западной римской имперіи, нежели долговременнаго существованія восточной: ибо, вникая во внутреннее состояніе восточной римской имперіи, и обращая вниманіе на вѣдшія обстоятельства ея, легко усмотрѣть можно все то, что влечетъ за собою неминуемую гибель государствъ.» Вмѣсто всякаго отвѣта, я приведу нѣсколько строкъ изъ брошюры Ю. И. Венелина: «о характерѣ пѣсенъ Славянъ

Задунайскихъ.» Желая разыскать причины, почему задунайскія пѣсни посвяты на себѣ такой характеръ ожесточенности, этотъ писатель обратился къ ихъ исторіи, и высказалъ много чрезвычайно вѣрныхъ и новыхъ мыслей. Между прочимъ, вотъ что писалъ онъ: «не надобно и въ исторіи упускать изъ виду это ожесточеніе, столь свойственное человеческой природѣ: остревеніе имѣетъ въ исторіи европейской свою же исторію. Мало ли кто судилъ о римской имперіи и о причинахъ ея паденія: все соображено, кромѣ важнѣйшей причины, кромѣ ожесточенія. Историки обыкновенно говорятъ, что Римляне завоевали ту или другую страну тогда-то, и вели войну съ тѣми или другими соседями тогда-то: но во всѣхъ этихъ исчисленіяхъ видамъ одну только исторію *маленій*, а не исторію *слаблѣнн...* Известно, что Дунай отъ Чернаго Моря по Рейнъ, что Рейнъ отъ своего источника по Нѣмецкое море, составляли пограничную линію между владѣніями Рима и европейскими народами. Вся эта линія укреплена была, со стороны Римлянъ, укрепленными лагерями: вся она торчала оружіемъ, какъ ежеобразная змѣя. Эта линія, проходя по самой срединѣ Европы, должна была произвести непремѣнную перемѣну въ характерѣ по-дунайскихъ и по-рейскихъ жителей. Не смотря на, немножко, варварское понятіе о варварахъ Европы, допустимъ однако поверхностное выраженіе, что западная имперія должна была скорѣе разрушиться оттого, что варварамъ былъ врожденъ духъ рыцарства и добычи. Но между тѣмъ, отчего же восточная римская не разрушилась? Али Азія не имѣла варваровъ? Оттого именно, что въ линіи восточной имперіи упиралась, кромѣ Персін, *не объ народы*, а въ моря: тамъ линія могла имѣть дѣйствіе развѣна-характера тюленей; а народы, цѣлкомъ порабощенные, лишенные оружія, лишались и *бодрости*: вотъ

почему восточные подданные Италіи предались чувству евнушества, рабства; токовы были жители Іудей, Сиріи, Анатоліи, даже отчасти и Греки (стр. 56.)» Къ этому прекрасному разсужденію Венелина уже нечего прибавлять: дѣло говорить само за себя.

Стр. 12 «Законы Юстиніановы (законоположеніе, Дегестъ или Пандекты, Институціи, Новеллы и проч.) сколь ни великую похвалу приписываютъ имъ многіе историки, суть недостаточны, запутаны, противорѣчатъ одинъ другому.» Такъ отзываются о Римскомъ Правѣ, представляя идеаломъ Права Египеть, можетъ лишь человекъ, не имѣющій никакого понятія о Правахъ. Это впрочемъ обличаютъ и слова, будто бы это все были *законы* только *одного* императора, знаменитаго нашего соплеменника — Серба Управды, котораго латинское имя было переводомъ сербскаго. Не ужли и этого еще не знаю «Руководство?»

Мы разобрали только 12 страницъ II-й части, и то еще не вполне: на каждую страницу можно по самой меньшей мѣрѣ, положить по одной ошибкѣ, — а такъ точно составлена вся вторая часть, — представьте жъ, сколько ошибокъ должно заключаться на 168 страницахъ. Выйдетъ, по самой меньшей мѣрѣ, 168. Если же захотите исчислять все, то смѣло можете полагать вдвое болѣе на страницу; слѣдственно, въ цѣлой второй части, 336 ошибокъ. Не говорю уже о *пропускахъ*, и какихъ! Постепенное развитіе феодальной системы, усиленіе и возвышеніе власти папъ, образованіе городскихъ общинъ, сосредоточеніе государствъ монархической властью, введеніе постоянныхъ войскъ сперва во Францію съ 1445 года, борьба Сорабовъ и другихъ германскихъ Славянъ съ тевтонскими племенами, вся исторія Богеміи (Чехіи), Моравіи, Сербіи, Болгаріи, и проч. — Не упоминаю о *несоразмѣрности описаній* съ важностію са-

мыхъ событій: война Карла Великаго съ Саксонцами занимаетъ двѣ страницы (34 — 35); борьба Гвельфовъ и Гибелиновъ, несравненно важнѣйшая, разсказана только на 8 *строчкахъ* (132 — 133); жизни Колумба посвящено полстранички, открытію же Америки только 2 *строчки* (стр. 123); авторъ, какъ будто принявъ за правило: чѣмъ огромнѣе событіе, тѣмъ меньше говорить о немъ. — Странность сужденій бросается иногда прямо въ глаза. Знаете-ли что произвело, напримѣръ, Крестовыя походы? «Духъ геройства, заставившій *никогда* Грековъ предпринять походъ въ Колхиду и въ малую Азію, вытѣснившій Норманновъ изъ Сѣвера и быстро пронесшій ихъ по Европѣ, царствовалъ въ сіе время въ Европѣ и двинулъ ее противъ Азіи» (стр. 99.) Почему жъ именно въ это время, а не въ другое? развѣ геройствомъ отличалась Европа только въ это время? . . . На цѣлой страницѣ (34 — 35) разсуждается о томъ; «для чего Карлъ Великій принуждалъ Саксонцевъ?» и все это разглагольствіе можно привести, не опуская ничего, къ слѣдующей формулѣ: «не принуждать бы, не поступать бы жестоко, анъ было бы лучше» — мысль, конечно справедливая, но стоило-ль тратить на перифразъ ея цѣлую страницу? — Загляните на примѣчанія къ стр. 68, и вы убѣдитесь, что авторъ никогда и не читалъ даже превосходныхъ изслѣдованій барона Розенкампа, которыми неоспоримо доказано, что *Русской* области никогда и не бывало въ Швеціи, что Родс-лагенъ есть мѣстное имя и значитъ по Русски: пристанище для гребцовъ. Разсужденія «Руководства» о Рос-лагенѣ (т. е. о Родс-лагенѣ) производятъ невольную улыбку. Объ изысканіяхъ г-на Морощкина, который официальными актами Нѣмецкой Имперіи доказалъ бытіе Славянской Руси прибалтійской, и помину нѣтъ. Довольно ли для доказательства, что всѣ новѣйшіе историче-

скіе труды вовсе неизвѣстны «Руководству?»

И неужели, послѣ всего этого, вы потребуете, чтобы критикъ подробно разбиралъ каждую страницу изъ числа остальныхъ 156, составляющихъ вторую часть — *сiе море пространно и велико, въ немъ же нѣсть числа* ошибокъ всякаго рода.

Въ первыхъ двухъ частяхъ «Руководства» нѣтъ никакой системы. Въ третьей части есть система, впрочемъ не *естественная*, которая вытекала бы прямо изъ фактовъ и тѣмъ самымъ, вѣрно ихъ объясняла бы; но *искусственная*, которая только по наружности связываетъ факты, не проникая въ ихъ сущность. Въ основаніе системы положена Гереновская мысль, будто цѣлю всѣхъ европейскихъ войнъ было стремленіе поддержать «политическое равновѣсіе, состоящее въ свободѣ и независимости всѣхъ государствъ и во взаимномъ вооруженіи оныхъ противъ честолюбивыхъ завоевателей.» (стр. IV). Если бъ въ самомъ дѣлѣ такъ было, то какъ же исчезла свобода Венгрии, Богеміи, Венеціи, Шотландіи и многихъ другихъ государствъ? Однакожъ, «Руководство» почти на каждой страницѣ твердитъ о политическомъ равновѣсіи. Смѣемъ увѣрить его, что мысль эта совершенно ложная, и беремся доказать слова наши самымъ изложеніемъ дѣла. Натягивать факты — можно; за то и система, утвержденная на ложномъ основаніи, немедленно вся распадется, какъ скоро безпристрастная критика взглянетъ ей въ лицо.

Разкажемъ факты, гдѣ только можно, собственными словами «Руководства», и тогда всякій убѣдится, какъ шатко это основаніе. Разбирать самую подробность не позволять предѣлы статьи: въ такомъ случаѣ пришлось бы самому излагать многія событія вполнѣ, съ начала до конца. И потому, разберемъ основанія, пѣсколько *особенно важныхъ* подробностей, взглянемъ на изображе-

нія характеровъ, и заключимъ общими выводами.

Первый періодъ новой исторіи начинается въ «Руководствѣ» описаніемъ Итальянскихъ войнъ (1494 — 1515), перваго событія, въ которомъ проявилось, будтобы, стремленіе заключать союзы противъ честолюбивыхъ завоевателей, для поддержанія системы политическаго равновѣсія въ Европѣ. Какъ это вѣрно, сейчасъ увидимъ. Король французскій Карль VIII «предпринялъ отважнѣйшее намѣреніе изгнать Турковъ изъ Европы и возстановить восточную Римскую Имперію. Для достиженія сей цѣли, онъ вознамѣрился — покорить Италію» Чудесно! Карль VIII вспомнилъ, что Неаполемъ владѣли нѣкогда графы Анжуйскіе, отрасль французскаго королевскаго дома, и объявилъ свои притязанія на Неаполь. Счастіе всюду сопровождало Карла VIII: онъ овладѣлъ Неаполитанскимъ королевствомъ. Между тѣмъ, Испанія также имѣла свои виды на эту несчастную землю; Испанскому же Королю, Фердинанду Католику, Императоръ Максимилианъ былъ родственникъ.*) Союзниковъ имъ легко было отыскать: владѣнія Папы теперь граничили съ землями отважнаго Карла VIII; а на сверь, Миланомъ владѣлъ Людовикъ Моро, другъ французскаго короля, и потому опасный сосѣдь Венеціи. Тогда *собственные выгоды* (а не желаніе сохранить политическое равновѣсіе въ Европѣ) заставили Фердинанда Католика вмѣстѣ съ императоромъ, Папу и Венецію заключить союзъ противъ Карла VIII. Онъ узналъ объ этомъ венеціанскомъ союзѣ и принужденъ былъ удалиться изъ Италиі. — Наслѣдникъ Карла VIII, Людовикъ XII вспомнилъ, что его предки, герцоги орлеанскіе, по женской линіи, происходили отъ дома

*) Сынъ императора, Филиппъ Красивый, былъ женатъ на Іоаннѣ, дочери короля испанскаго. Отъ этого брака произошло знаменитый Карль V.

Висконти, владѣвшаго Миланомъ; а Людовикъ Моро происходилъ отъ побочной лѣвнн того же дома. Король французскій склонилъ на свою сторону и Папу и Венецію, объявилъ Миланъ своею собственностью и овладѣлъ имъ. Людовикъ Моро, взятый въ плѣнъ, скончался во Франціи. Тогда французскій король вступилъ въ переговоры съ Испаніею: положено было Людовику XII взять сѣверо-западъ и столицу съ титуломъ Королевства, а юго-востокъ Фердинанду Католику. Хитрый Испанецъ обманулъ своего родственника, короля неаполитанскаго: прислалъ къ нему войска, которыя тотчасъ же и присоединились къ непріятелямъ; какъ скоро показались Французы. Тогда приступили къ дѣлежу добычи (для поддержанія политическаго равновѣсія!), разсорились, и Французы, разбитые Испанцами, оставили неаполитанское королевство, которе все досталось Фердинанду Католику. За Людовикомъ XII осталось одно миланское герцогство.— На папскій престолъ вступилъ Юлій II. Онъ поссорился съ Венеціею за владѣнія Цезаря Борджин, которыя достались ей. Юлій II предложилъ Италіи и Франціи (конечно, для сохраненіе политическаго равновѣсія, т. е. свободы и независимости всѣхъ государствъ) отнять у Венеціи все ея владѣнія и раздѣлить на трое. Людовикъ XII и Фердинандъ Католикъ вмѣстѣ съ императоромъ изъявили согласіе на предложеніе Юлія, и между ними заключенъ союзъ въ Камбре. Папа налагаетъ на Венецію проклятіе, а король французскій начинаетъ военныя дѣйствія. Тогда Венеціане, увидѣвъ себя въ необходимости согласиться на требованія Папы, уступили пять городовъ Фердинанду Католику; но, въ отмщеніе Людовику XII, своему грозному сосѣду-врагу, обратили всѣхъ на него, пригласивъ даже и Швейцарцевъ и Англію. Заключили Святой союзъ, и *всѣ* бросились на Людовика XII, (опять для сохраненія по-

литическаго равновѣсія). Французы были вытѣснены изъ Италіи.

«Руководство» такъ все заштукатурило, пропусками фактовъ и непрерывными возгласами о равновѣсіи, что поневоля у всякаго ученика останется хаосъ въ головѣ по прочтеніи этой главы. Изложеніе настоящихъ фактовъ кажется должно всякаго убѣдить, что Итальянскими войнами началась безпрерывная связь между западными государствами, *связь*, составляющая отличительный характеръ новой исторіи, какъ справедливо утверждалъ М. П. Погодинъ. Политическое жъ равновѣсіе Европы, или сохраненіе *свободы и независимости всѣхъ* государствъ, даже и въ голову никому не приходило, какъ мы уже видѣли и какъ еще увидимъ далѣе.

Наслѣдникъ Людовика XII Францискъ I, истинный рыцарь на престолѣ, хотѣлъ загладить пораженія, нанесенныя двумъ его предшественникамъ и завладѣлъ (1515) Миланомъ. Между тѣмъ скончался Фердинандъ Католикъ; внукъ его Карлъ (1616) получилъ въ наслѣдство блистательную корону Испаніи, Неаполя, Сициліи, промышленныхъ Нидерландъ и всѣхъ земель открытыхъ Колумбомъ. Вскорѣ Пизарро и Кортесъ покорили Мексику и Перу, и безчисленныя богатства Америки явились въ распоряженіи юнаго Карла, который сверхъ того получилъ по смерти другаго дѣда, престолъ императорскій (1519). Такимъ образомъ, счастливый Карлъ сдѣлался первымъ по силѣ государемъ въ Европѣ, на сухомъ пути и на морѣ; потому что Испанія владѣла уже флотомъ, совершившимъ много великихъ подвиговъ. А другіе дворы европейскіе спокойно смотрѣли на это, и нисколько не думали воспротивиться такому страшному соединенію огромнѣйшихъ силъ въ одной рукѣ Франциска также искалъ короны императорской; получивъ же отказъ, глубоко оскорбился, хотя и говорилъ, волочась за одною красавицею: «не должно

сердиться на того, кого предпочтетъ она.» Юный Карлъ не удовольствовался столькими коронами: онъ пожелалъ отнять у Франциска Миланъ и Бургундію; а для французскаго измѣнника, Карла Бурбона, Провансъ и Дофине. Англія должна была явиться посредницею между Карломъ и Францискомъ: оба монарха желали преклонить ее на свою сторону. Англія, разумется, видѣла явную несоразмѣрность силъ обоихъ противниковъ, и, не смотря то, объявила себя на сторонѣ Карла; а все это почему? у англійскаго короля, Генриха VIII, былъ любимецъ, Вольсей: Карлъ обещалъ ему папскую тиару, и Вольсей убѣдилъ своего государя послать войско противъ Франциска. Венеція, Генуя, герцогъ феррарскій, маркизъ мантуанскій пристали также къ Карлу. Вотъ какъ всѣ заботились о поддержаніи политическаго равновѣсія! Императоръ два раза обманулъ Вольсея: по смерти папы Льва X, доставилъ папскую тиару своему учителю, Адриану угрехтскому; а послѣ Адриана, Клименту VII. Тогда только Вольсей началъ склонять Генриха VIII помочь Франциску. Однакожъ, Англія скоро одумалась; она теперь хорошо поняла: кому выгоднѣе помогать? и — конечно для уравнишенія противниковъ, опять перешла на сторону сильнѣйшаго. По миру въ Крепи, 1544 Франція отказалась отъ правъ на Миланъ, Неаполь, Артуа, которые перешли къ Карлу; Булонь осталась за Генрихомъ*). Такъ-то окончилось почти тридцатилѣтнее соперничество между Францискомъ и Карломъ (1515 — 1544), при посредствѣ Англіи, которая почти во все это время держала сторону сильнѣйшаго, ко-

*) Отъ притязаній на Бургундію Карлъ отказался еще послѣ второй войны по миру въ Камбре, 1529: Г-ндъ Кайдановъ говоритъ: „Карлъ удержалъ право на Бургонь.“ А у Герена именно сказано: Карлъ обязался не требовать...

нечно «для поддержанія системы политическаго равновѣсія!»

Въ то же самое время Карлу хотѣлось утвердить власть свою неограниченно надъ всею Германіею — помогать ли же кто протестантскимъ владѣтелямъ? никто! Взглядъ «Руководства» на Реформацію, какъ на дѣйствіе чисто церковное, заимствованъ изъ нѣмецкихъ сочиненій, пристрастныхъ къ лютеранизму. Но Мишле давно уже сказалъ (въ Hist. Mod.) настоящую причину. Сосредоточеніе государствъ, не задолго передъ тѣмъ совершившееся, передало всю власть, дотолѣ раздробленную, въ однѣ руки; но правительства, имѣя множество нуждъ, еще не имѣли столько источниковъ, еколько было необходимо для покрытія всѣхъ издержекъ непредвидѣнныхъ и расходовъ постоянныхъ. Такимъ образомъ, затруднительное положеніе финансовъ, при несоразмѣрности нуждъ со способами удовлетворять имъ, болѣе всего располагало германскихъ владѣтелей къ принятію такого ученія, которое обещало имъ всѣ сокровища богатаго духовенства: сами обращаясь къ ученію Лютера, они вмѣстѣ съ этимъ обращали всѣ церковныя имущества и земли въ гражданское вѣдомство и тѣмъ усиливали казну свою. Только!

Отторженіе Нидерландовъ отъ Испаніи не было прямымъ слѣдствіемъ ни Реформаціи, ни системы политическаго равновѣсія. Гоненіе на реформатовъ началось еще при Карлѣ V, однакожъ Нидерланды не возмутились. Вильгельмъ также не слишкомъ заботился о религіи: по рожденію, онъ былъ лютеранинъ; получивъ воспитаніе при дворѣ Карла V, и желая пріобрѣсть полную довѣренность и любовь его, Вильгельмъ отрекся отъ лютерова ученія и принялъ католическое вѣроисповѣданіе; потомъ, при Филиппѣ, хотѣлъ получить мѣсто правителя Нидерландовъ, и когда это не удалось, то бѣжалъ въ Германію и отрекся отъ католицизма,

чтобы получить помощь от тамошних владѣтелей противъ Филиппа. Нѣмцы денегъ, онъ принужденъ былъ въ послѣдствіи прибѣгнуть къ налогу, и налогъ 10 пфенинговъ произвелъ въ этихъ приверженцахъ протестантизма такое же волненіе, какъ Испанскія войска. Дворянство негодовало на Филиппа также по своимъ причинамъ: при отцѣ его, оно дѣйствовало, сражаясь въ войскахъ его, употреблялось при посольствахъ; на все это нужны были деньги; при наслѣдникѣ Карлѣ, дворянство нидерландское почувствовало слѣдствіа прежней роскошной жизни: оно совсѣмъ обездешежило, а всѣ выгодныя мѣста отданы были Испанцамъ. Безденежье соединилось съ праздноствіемъ и произвело всеобщій ропоть. Высшее духовенство негодовало на увеличеніе числа епархій, отчего власть должна была раздробиться между нѣсколькими лицами. Купечество продолжаетъ по прежнему торговать, богатѣть; а войско Вильгельма во всемъ терпитъ недостатокъ — пожертвованій нѣтъ, а если и были, то вынужденныя. И самое войско это изъ кого было составлено? Верно, все Нидерландцы? Ничего не бывало: Итальянцы, Нѣмцы, все наемники. Гдѣ же то стремленіе къ протестантизму, о которомъ натолковалъ Шиллеръ? . . . А какъ дѣйствовали Генрихъ IV французскій и Елисавета англійская? Генрихъ IV старался питать раздоры въ Нидерландахъ, надѣясь овладѣть ими для своей Франціи — мысль перешедшая потомъ къ Людовику XIV. Елисавета не рѣшалась до тѣхъ поръ, пока не узнала, что испанскій правитель Нидерландовъ, Денъ-Жуанъ благопріятствуетъ Маріи Стюартъ, и пока сама не поссорилась съ Филиппомъ за колоніи. Гдѣ же и въ этомъ происшествіи мысль о равновѣсіи? . . .

Ее не было ни у кого и въ тридцатилѣтнюю войну, 1618 — 1648. Лютерово ученіе въ Богеміи (Чехія), Моравіи и Саксоніи вовсе не было новостью: оно

само, вмѣстѣ съ ученіемъ Іоанна Гуса, было занесено сюда Болгарами, послѣдователями Богумила. Чехи видѣли стремленіе Австрійскаго Дома утвердиться наслѣдственно на ихъ престолахъ — вотъ настоящая причина возстанія Чеховъ! лютеранизмъ былъ въ этомъ случаѣ двоякъ постороннимъ. Это имъ не удалось. Избранный ими въ короли, курфирстъ Пфальдскій, Фридрихъ V бѣжалъ, а Императоръ Фердинандъ II лишилъ его самаго и дѣтей его курфирштескаго достоинства, безъ согласія членовъ имперіи. Датскій король, какъ членъ имперіи, объявилъ было войну, но принужденъ былъ смириться; а изъ государствъ не-германскаго союза никто и не думалъ помогать Фридриху и обуздать честолюбивые виды императора. Французскій министръ, кардиналъ Ришелье, рѣшился воспользоваться обстоятельствами и завоевать Эльзасъ; съ этою цѣлью, онъ вошелъ въ сношенія съ Густавомъ Адольфомъ, который также хотѣлъ покорить себя Померанію. Сверхъ того, Густавъ былъ лично оскорбленъ Валенштейномъ и не любилъ Императора, благосклоннаго къ Польшѣ, съ которою Швеція была во враждебныхъ отношеніяхъ. Они соединились, вовсе не думая ни о политическомъ равновѣсіи, ни о протестантизмѣ, но — какъ видите — по личнымъ видамъ. Да и сами протестанты очень хорошо понимали это, и не хотѣли дѣйствовать заодно съ Густавомъ: Саксонія только тогда присоединилась къ шведскому королю, когда не успѣла въ своихъ притязаніяхъ на Магдебургъ, назначенный императоромъ для своего сына. Зачѣмъ же представлять эту войну религиозною? . . . Зачѣмъ обвинять и Валенштейна въ небывалыхъ преступленіяхъ? «Справедливымъ кажется,» говоритъ Руководство, «что Валенштейнъ не могъ истребить въ себѣ пагубнаго чувства мщенія и несправности къ Фердинанду II, втайнѣ составлялъ противъ него опасныя замыслы, и вошелъ въ переговоры

съ Францією и Швецією.» Такъ у насъ привыкли повторять вслѣдъ за Нѣмцами, но — едва ли справедливо. Во первыхъ: до вѣсти Пикколомини до сихъ поръ не подтвержденъ ничѣмъ, и многіе почитаютъ обвиненія эти просто *штукою* со стороны подозрительнаго Фердинанда, который не зналъ какъ отдѣлаться отъ Валленштейна. Во вторыхъ: не забудьте, что Валленштейнъ былъ природный Чехъ. Каково же было его сердцу, когда императоръ опустошалъ его отчину несмысланно-ужаснымъ образомъ и покусился уничтожить бытіе ея? Валленштейнъ однако жъ не измѣнялъ императору, въ службѣ котораго находился. Онъ собралъ войско, которое содержалъ на свой счетъ, служилъ Фердинанду вѣрно, и доставилъ ему торжество надъ графомъ Мансфельдомъ, надъ королемъ датскимъ. Но хитрый кардиналъ Ришелье, собираясь ополчить на Фердинанда силы Шведовъ, хотѣлъ прежде всего лишить имперію лучшаго ея полководца: началъ черезъ своихъ агентовъ внушать Фердинанду, что сынъ его тогда только получитъ титулъ Римскаго Короля, когда онъ удометворитъ общему желанію — отстранить Валленштейна отъ командованія войскомъ. Императоръ послушался; но едва только Валленштейнъ получилъ отставку, Густавъ Адольфъ вступилъ въ Германію. И тутъ Валленштейнъ неизмѣнилъ Императору, не перешелъ къ непріятелю, а только удалился въ родимую Чехію и тамъ жилъ частнымъ человекомъ. Побѣды Густава Адольфа и смерть Тилли заставили неблагогоднаго Фердинанда обратиться къ тому, котораго самъ прежде отставлялъ. Гордость знаменитаго Чеха, которому такую неблагогодарностью отплатилъ императоръ, теперь проснулась. Онъ соглашался вновь принять начальство надъ войскомъ, но съ условіями: 1, ему должна быть дана полная власть надъ войскомъ, съ правомъ награждать и наказывать по своей волѣ, не относясь къ

императору; 2, чтобы императоръ переехалъ изъ Вѣны въ Прагу — важное условіе, на которое не хотѣтъ обратить вниманія! Не измѣняя присягъ, онъ *переводилъ Императора къ себѣ, въ Чешскую землю*, въ Прагу; слѣдственно, Прага становилась *средоточіемъ государства*, и все послѣдующее развитіе должно было по этому *сообщить Австріи Славянскій характеръ*: въ Европѣ возникло бы огромное Государство Славянское. Таковъ былъ планъ этого необыкновеннаго человека, котораго король французскій называлъ Cousin, и которому Ришелье предлагалъ Чешскую корону. Императоръ согласился на всѣ условія. Смерть Густава Адольфа облегчила его душу, и, подозрительный, онъ окружилъ Валленштейна подкупленными убійцами: великій мужъ палъ подъ ударами неблагодарности. Фердинандъ, въ радости, теперь только вспомнилъ заслуги Валленштейна, и — убійца велѣлъ отслужить 3000 панихидъ за упокой души убитаго... Тридцатилѣтней войной всегда занимались нѣмецкіе писатели: они проникали тайную мысль Валленштейна, ненавидѣли его за нее, обвинили въ мнимой неблагодарности къ императору, и всѣ факты представили по своему. Другіе народы, въ томъ числѣ и Русскіе, привыкли смотрѣть на все глазами Нѣмцевъ, и вслѣдъ за ними старались чернить великаго мужа мнимымъ преступленіемъ... Геніальная мысль сверкнула въ умъ предприимчиваго Юсіа II, который хотѣлъ было объявить свое государство Славянскою Имперією. Бунты, предвѣстники Революціи, и преждевременная смерть, не допустили совершиться этому великому событію. Исполнились мысли Валленштейна или Юсіа II, и теперь, въ числѣ пяти великихъ державъ въ Европѣ, мы считали бы своихъ единоплеменниковъ: къ именамъ Англіи, Франціи, Пруссіи, Россіи присоединилось бы имя не Австріи, но

Славянской Имперіи. Нѣмцы тогда имѣли бы одинъ голосъ въ общемъ великомъ конгрессѣ европейскомъ: ихъ представительницей была бы только одна Пруссія; славянское жъ племя подавало бы теперь два диктаторскихъ голоса, въ лицѣ Россійской Имперіи и славянскаго государства. . . Нѣмцамъ, повторяю еще, прѣстительно ругать Валленштейна: а намъ? . . .

У насъ на сѣверѣ, война за Лияландію, между Россією, Швеціей, и Польшею, и война Швеціи съ Польшею за наследство шведскаго престола, вовсе не были слѣдствіемъ мысли о политическомъ равновѣсїи, а произошли въ слѣдствіе частныхъ видовъ каждаго государства порознь: этого, кажется, и доказывать нечего.

Обратимся ко второму періоду. Неужели не шутя можно времена Людовика XIV, войны за наследство Австрійское и войну семилѣтнюю, называть періодомъ *полнаго утвержденія* системы политическаго равновѣсїи? Неужели для сохраненія этого «равновѣсїя, т. е. сохраненія *свободы и независимости всѣхъ государствъ*», Англія, и Швеція соединились съ Людовикомъ для уничтоженія Голландіи, бывъ за мѣсяць ея союзницами? Или думали о «равновѣсїи, т. е. свободѣ и независимости всѣхъ государствъ», бросаясь на Испанію, еще до смерти короля ея, и предполагая захватить: кто Нидерланды, кто Неаполь, кто Американскія колоніи? Или, когда Испанія, Саксонія, Баварія, Франція, Пруссія, кинулись на Марию Терезію, желая отнять у ней отцовскія владѣнія? Или когда столько державъ обратились на Фридриха II? . . . Или у насъ на сѣверѣ, Петръ, воздвигал свою имперію, думая объ этомъ равновѣсїи? . . . А третій періодъ, времена французской Революціи, Наполеона и войны всей Европы съ Россією? Неужели и это все было стремленіемъ къ «равновѣсїю, т. е. свободѣ и независимости всѣхъ государствъ?»

Разборъ такъ много занялъ мѣста, что мы не можемъ останавливаться на этомъ. Пропускаемъ и мѣлкія ошибки, напримѣръ, будто бы герцоги Гизы были во Франціи чужеземцы (стр. 76,) тогда какъ они были уроженцы Лотарингскіе (Lorraine); пропускаемъ нечиркредливыя характеристики, на пр. Христіана II, и многихъ другихъ лицъ. «Руководство» кажется, отъ души вѣрять, и исповѣдуетъ будто Фридрихъ II-й воевалъ семь лѣтъ» со всею Европою,» (стр. 163) и будто «пожаръ Московскій до сего времени остается еще загадкою» (стр. 272.) Два эти событія, слишкомъ велики слишкомъ важны для Русской Исторіи, и потому не можемъ оставить ихъ безъ усомнѣнія, особенно послѣднее. Относительно перваго, отсылаемъ читателей, къ «Запискамъ Наполеона» (гл. IX, § 1.) Первый полководецъ напѣлаго вѣка покажетъ самымъ подробнымъ разборомъ событій, какъ несправедливо такое мнѣніе. Относительно втораго, мы имѣемъ актъ самаго Наполеона (Моск. телеграфъ, 1828, ч. XXIV, № 2, стр. 383—408,) и свидѣтельство очевидцевъ, участниковъ отечественной войны. Быловремя, когда, изъ зависти, Французы упрекали насъ пожаромъ, называлъ—варварами; но теперь, это уже прошло, и они же первые отдають полную справедливость подвигу, *вознесшему нравственную силу народа до высшей степени героизма*, какъ выразился покойный партизанъ — поэтъ Д. В. Давыдовъ. Сами Французы, называя Ростопчина *Néotrate sublime*, говорятъ, что высокая слава этого патріота должна перейти въ роды родовъ. . .

Вотъ нашъ разборъ и конченъ. Въ свое время «Руководство къ всеобщей политической исторіи» г-на Кайданова было явленіемъ замѣчательнымъ: правильный языкъ, чистый и даже мѣстами пріятный слогъ, многія подробности тогда еще новыя — заслужили этъ книжъ похвалу единогласную. Но съ

тѣхъ поръ прошло очень, очень много времени: Исторія, дѣятельно разрабатываемая нѣмецкими, французскими, англійскими учеными, шла быстро впередъ. Г-нъ Кайдановъ, какъ видно изъ его сочиненія, или не слѣдовалъ за ходомъ науки, или не хотѣлъ исправлять своего «Руководства»: мудрено ли что оно такъ ужасно устарѣло? Исправленія автора слишкомъ незначительны и послѣднее изданіе не порадуешь читателей. Въ немъ, какъ мы видали,

а) Нѣтъ никакой системы, перваго условія всякой учебной книги.

б) Не соблюдено ни какой соразмѣрности въ важности событій, отчего война Карла съ Саксонцами занимаетъ двѣ страницы, а открытіе Америки только двѣ строки, и т. под.

в) Пропущены цѣлыя государства: Индія, Китай, Бактрія, Сербія, Чехія (или Богемія), Болгарія, древняя Русь до призванія Рюрика и проч.

г) Не обращено должнаго вниманія на такія событія, которыя наполняютъ собою цѣлые періоды, на пр. завоеваніе Нѣмцами восточной Германіи у Славянскихъ племенъ, покореніе Славянами Греціи, борьба Гельгофовъ и Гибелиновъ, развитіе феодализма, усиленіе панства, подвиги Кортеса, Пизарро и проч.

е) Множество старыхъ сказокъ, давно отвергнутыхъ, выдаются еще за чистую истину.

ж) Характеры многихъ замѣчательныхъ лицъ всеобщей исторіи представлены въ ложномъ свѣтѣ, отъ незнанія новѣйшихъ сочиненій; наконецъ

з) Глядя на происшествія по большей части, глазами Нѣмцевъ, авторъ, по недостатку самобытности не могъ проникнуть въ истинную сущность многихъ важнѣйшихъ событій; на примѣръ, отторженіе Нидерландовъ, тридцатилѣтняя война; по этой же самой причинѣ не могъ видѣть, каимъ образомъ исторія восточной Европы примыкаетъ къ исторіи запада, въ средніе и новыя вѣки.

Теперь возникаетъ вопросъ:

Можетъ ли, при всѣхъ этихъ недостаткахъ, такъ называемое «Руководство» книга г-на Кайданова, служить въ наше время *руководствомъ къ изученію всеобщей политической исторіи*?

Отвѣчать на вопросъ, предоставляю самимъ читателямъ.

Н. САВЕЛЬЕВЪ.

САМОУЧИТЕЛЬ ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА ПО МЕТОДУ А. Ф. ЯЗВИНСКАГО, ИЗДАННЫЙ ИЗОБРЕТATEЛЕМЪ МЕТОДА. САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1840 ГОДА.

Наконецъ Г-нъ Язвинскій рѣшился издать Самоучитель Французскаго языка по своей методѣ. Отъ души благодаримъ почтеннаго автора за такое доброе дѣло.—Безспорно, метода его изъ всѣхъ по нынѣ извѣстныхъ — самая лучшая. Превосходство ея въ особенности состоитъ въ томъ, что изученіе языка основывается здѣсь не на одной только памяти, но вмѣстѣ и на соображеніи. Язвинскій, такъ сказать, дѣйствуетъ разомъ на эти двѣ важныя способности нашего ума. Главнымъ орудіемъ служить ему Пиеагорова таблица. «Надобно десять такихъ квадратовъ», говоритъ сочинитель, «для составленія таблицы, которая можетъ служить для фоническаго распредѣленія всѣхъ словъ языка.» Странно однакожъ, почему въ концѣ Самоучителя приложено 100 такихъ квадратовъ. Сверхъ того не извѣстно еще почему въ некоторыхъ клеткахъ этихъ послѣднихъ квадратовъ поставлены точки, въ другихъ — нули, а въ прочихъ нѣтъ ничего. — Далѣе: о буквѣ sh замѣчено, что звукъ ея соответствуетъ цифрѣ 6; если ова будетъ стоять въ началѣ словъ съ одною согласною. Спрашивается теперь, по какой причинѣ слово chaire помѣщено въ 659; вѣдь здѣсь имѣются двѣ согласныя, а не одна. Еще не излишне было бы написать, что все, сказанное о буквѣ sh, должно

разумѣть о буквахъ g и j. Отчего такая скупость на объясненія? Къ чему заставлять учащаго ломать голову, пересчитывать нѣсколько разъ книгу, чтобъ только добиться, куда помѣстить слово giberne, jattei и тому подобное. Вотъ другое горе: Г-нъ Язвинскій ничего не говоритъ, куда слѣдуетъ помѣщать слова съ 4-мя и болѣе смягчимыми согласными. Бѣроятно, онъ обращаетъ вниманіе только на первыя три буквы, а остальныхъ не беретъ въ счетъ. Положимъ такъ; однако не мѣшало бы сказать объ этомъ прямо; иначе отнимается много времени на подобныя догадки. — Окончу статью мою двумя замѣчаніями: а) при размѣщеніи согласныхъ въ первыхъ десяти кляткахъ, авторъ слѣдовалъ, кажется произвольному порядку; по моему мнѣнію азбучный порядокъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ буквъ, гдѣ это возможно, былъ бы гораздо выгоднѣе; онъ скорѣе затверживается, и долѣе остается въ памяти: б) Въ объясненіи не показано какъ должно учить слова, расположенныя по кляткамъ, а это очень важно для учащагося; иначе нельзя будетъ видѣть, чѣмъ новая метода превосходитъ другія. — Вотъ всѣ недостатки, какіе только можно было найдти въ сочиненіи Г-на Язвинскаго; впрочемъ ихъ очень немного; и достоинство сочиненія отнюдь этимъ не унижается; одна уже мысль — сдѣлать свою методу доступною для каждаго — вполне заслуживаетъ искренней признательности почтенному автору отъ лица ученаго міра.

И. З.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКАГО ТЕАТРА издаваемый *Лесоцимъ*. **Плантеонъ** Русскаго и всѣхъ Европейскихъ театровъ издаваемый *Поляковъ* подъ редакцію *Э. А. Кош.*

Прежде нежели мой неутомимый товарищъ кончитъ нелицеприятную ста-

тью свою о Русскихъ драматическихъ произведеніяхъ и изданіяхъ, и о драматическомъ искусствѣ вообще, мнѣ хочется сказать нѣсколько ласковыхъ словъ объ этихъ двухъ сборникахъ.

Многіе предлагали и рѣшали вопросъ, который изъ этихъ двухъ сборниковъ лучше? — Одни доказывали, что **РЕПЕРТУАРЪ** лучше, потому де, что въ немъ участвуютъ лучшіе наши литераторы и драматурги; другіе точно также краснорѣчиво доказали, что **Плантеонъ** лучше, потому что въ немъ участвуютъ лучшіе наши литераторы и писатели драматическіе.

По моему — оба *лучше!* А еще бы лучше — оба сочетать въ одинъ. Тогда и конецъ раздорамъ. Исторія нашей литературы, увы, тысячу разъ свидѣтельствуетъ, что на участіи лучшихъ писателей основывать достоинство изданія нельзя, по вричинѣ частыхъ перекочевокъ одного и того же писателя отъ одного изданія къ другому, смотря по состоянію метеорологіи, неуловимой въ ея прихотяхъ.

Появленіе этихъ двухъ сборниковъ и хорошій приемъ въ публикѣ, показываетъ, что время ихъ пришло, что они нужны. Но таковы ли они, какими бы надлежало имъ быть, еслибъ литература наша вообще шла надлежащимъ путемъ и ходомъ? — Это другой вопросъ. Наскоро и налегкѣ нечего и приниматься за такой трудный и важный вопросъ. Подождемъ, пока мой товарищъ соберетъ всѣ необходимыя данныя, выстроитъ, по возможности, прочный фундаментъ для критико-драматическаго трибунала — тогда, посмотримъ. А теперь скажу только, что драматическая литература, какъ часть общей литературы, непременно содержитъ въ себѣ и красоты и безобразія общей литературы съ ея тономъ, духомъ, направленіемъ, съ ея пользою и вреднымъ вліяніемъ на сценическое искусство, а обоихъ вмѣстѣ — на общество; такъ что сказанное о той, увы, безъ

гртпно можетъ быть приложено и къ этой. Какъ общая литература увлекла своимъ потокомъ представителей своихъ въ численныя уже ошибки и заблужденія, (ч. IV. гл. IV. ст. IV) точно тоже сдѣлала и драматическая литература съ своими представителями и служителями — дѣло изъ «пріятнаго» переходить въ весьма непріятное и въ весьма важное, которое должно разсмотрѣть со всѣми возможнымъ вниманіемъ; только не теперь, какъ я уже сказала.

Ни кто не вправе требовать отъ издателей, чтобъ ихъ изданія сей часъ же были таковы какими имъ быть должно; но нельзя не желать, чтобъ они выяснили себѣ и вамъ истинную цѣль, средства и направленіе драматическаго искусства, и старались бы всѣми силами, сообразно со всѣмъ этимъ, держать и вести свои изданія. Но здѣсь то и бѣда. Силы ихъ слабы, потому что раздѣлены и въ матеріальномъ и въ искусственномъ отношеніяхъ. Драматическихъ писателей, (а хорошихъ и подавно) у насъ такъ мало; хорошихъ драматическихъ произведеній (и у насъ и вездѣ) такъ мало, — чѣмъ прикажете наполнять двѣ ежемѣсячныя книжки? — По неволѣ станешь нагружать повѣстями, анекдотами, разною разностю, тяжкимъ баластомъ легкаго чтенія; но по моему, это значить уже заходить въ чужіе удылы, и сливаться съ обыкновенными журналами, исключительно посвященными легкому чтенію.

Въ *матеріальномъ* отношеніи: *пять рублей* серебромъ за 12 книжекъ... это не естественно! Что можно приобрести съ такими ничтожными средствами, едва окупающими типографскія издержки, чѣмъ вознаградить большой трудъ хорошаго писателя? На какія деньги сдѣлаете значительный заказъ? — Судите сами! Странная мысль, угодить обществу одною дешевизной. Денегъ ни кто не жалуетъ, предложите лишь цѣнную вещь! Потребуйте вдвое, втрое — вамъ дадутъ, потому что съ утروен-

ными средствами вы будете въ состояніи сдѣлать вдесятеро лучше. Расчетъ самый простой!

Въ *искусственныхъ* отношеніяхъ: соедините всѣ разрозненные таланты въ одно мѣсто и ваше изданіе въ четверо выиграетъ, и вамъ не будетъ уже необходимости наполнять чѣмъ ни попало. Правда, безъ соперничества можетъ вкратиться монополія; но, во первыхъ, вовсе не замѣтъ слабой соперничества *Репертуара съ Платеономъ*, кромѣ обоюднаго изнеможенія, котораго, ноты, картинки, и другія приманчивыя приложенія, ни какъ заштукатурить не могутъ, и кромѣ литературныхъ дразговъ, перебранокъ и ссоръ между причастными литераторами; во вторыхъ, монополія изданія возможна лишь на годъ. Общество и критика сейчасъ подмѣтятъ вашу неисправность, упадокъ усердія, добросовѣстности издателя или редактора; и злоупотребленія само себя накажетъ, общемою холодною и невниманіемъ.

Однимъ словомъ, я, кажется, справедливо сказала вначалѣ, что гораздо лучше Платеонъ соединить съ Репертуаромъ, — оба выиграютъ во всѣхъ отношеніяхъ. Еслибъ они послушались, и при будущей подпискѣ соединились, въ одно изданіе, хоть подъ такимъ заглавіемъ: *Репертуаръ и Платеонъ Русскаго и всѣхъ Европейскихъ театровъ*, объявили бы цѣну вмѣсто *пяти* — *пятнадцать* рублей, издавали бы вмѣсто *пяти*, *десять* — *двѣнадцать* листовъ, и направились бы исключительно не къ вздорному легкому чтенію, а къ истинному драматическому искусству, тогда они воишь могли бы процвѣтать и производить благотѣльное вліяніе на драматическое и сценическое искусства, и на самое общество — статья священная! — о чемъ теперь ни тому ни другому и думать нечего. Остальное докончила бы критика другихъ изданій.

Совсѣмъ тѣмъ и теперь въ Репертуаръ и Платеонъ помѣщаются

замѣчательныя драматическія произведенія, я поговорю о нихъ, опираясь пока на тотъ кодексъ драматическихъ законовъ, въ силу котораго они были написаны.

П. К.

ПАРАША СИБИРЯЧКА, Русская была въ двухъ дѣйствіяхъ, съ эпилогомъ, соч. Н. А. Полеваго. (Помѣщенная во 2-й книжкѣ Русскаго репертуара, изд. И. Песоцкимъ) 1840.

Жалеть или радоваться, что новѣйшій романтизмъ разбилъ оковы схоластики если не въ школахъ, то по крайней мѣрѣ въ большинствѣ умовъ?

Вотъ вопросъ, который—на зарѣ веселаго, яснаго дня, вошелъ въ голову одному изъ маячныхъ сторожей, пока онъ сложа руки—отъ нечего дѣлать, зѣвалъ на Божій міръ съ своей вышки. Углубленный въ созерцаніе, онъ слычалъ дѣло рукъ человѣческихъ съ изяществомъ Божескихъ созданій. И вотъ онъ, принявъ было за рѣшеніе своего вопроса, какъ вдругъ, думается къ нему въ гости старинный знакомецъ его *здравый смыслъ*.

— Добраго здоровья!

— Милости просимъ!

— О чемъ такъ призадумался, старый пріятель.

Старый пріятель повторилъ свой вопросъ; старый гость улыбнулся.

— Новѣйшіе романтики, сказалъ онъ, воюютъ на дѣтей, которые вырвавшись изъ рукъ школьныхъ педагоговъ, попадаютъ подъ власть своихъ новыхъ начальниковъ по службѣ. Ферула схоластики была вредна и полезна. *Вредна* тѣмъ, что налагала на генія тяжкія вериги какой-то смѣшной важности, условнаго достоинства, ходульнаго величія въ принятыхъ словахъ, въ указанныхъ формахъ выраженій, вредна тѣмъ, что при нестерпимой сухости, мертвящемъ холодѣ, натянутомъ изысканномъ педантизмѣ, она ставила себя въ-

ше человѣчества, тогда какъ она только его созданіе и слуга, она требовала для себя не чловѣка, а размышляющаго автомата, безъ чувства, безъ сердца, безъ воли говорить и писать такъ, какъ влечетъ его живая, неугомонная, дѣятельная природа, требующая не только умнаго, разсудительнаго, но вмѣстѣ и излщпаго, тепаго, вкуснаго, и ни подъ какимъ видомъ — холоднаго, сухаго, тѣснаго, принужденнаго, — кѣроче, схоластика мѣшала дѣйствовать по лучшему разумію, чувствованію и воленію; *полезна* тѣмъ, что мѣшала бездарности соваться куда не слѣдуетъ и производить. . . . уродовъ.

— Я не понимаю тебя. Развѣ законы искусства существовали прежде самаго искусства?

— Разумется да и нѣтъ; да, потому что всякое *дѣйствіе* предполагаетъ существованіе *закона*; нѣтъ: потому что эти усматриваются, выясняются послѣ образцовъ искусства — на практикѣ, обнаучиваются умомъ въ книгахъ.

— Стало быть въ послѣднемъ случаѣ романтики правы. *Всѣ* законы и правила въ литературѣ, а особливо въ драматургіи, какъ усы для генія вредны: они стѣсняють его воображеніе, превращаютъ высшее занятіе ума чловѣческаго въ механизмъ ремесленника.

— Сказавъ *есть*, ты произнесъ клевету на истину, издавъ звукъ невыражающей мысли; свобода для разума, свобода для генія именно заключается въ *покорности законамъ*; потому что и въ гениальныхъ произведеніяхъ только то хорошо, что сообразно съ вѣчными законами: истины, добра и красоты — непременно всѣхъ трехъ. Объяснись прежде о какихъ законахъ и правилахъ ты хотѣлъ упомянуть!

— Разумется — о правилахъ древней пѣтики, о трехъ французскихъ единствахъ и тому подобныхъ глупостяхъ схоластическаго педантизма. Ни безсмертный Шекспиръ, ни колоссальный

Гете, ни великій Шиллеръ, ни всѣ великіе нашего времени не заботились объ этихъ дриздахъ.

— И тутъ опять, даль ты новый промахъ. Два единства: единство *мысли* и *времени*, я охотно тебѣ уступаю. Они точно стѣсняютъ полетъ воображенія, сжимаютъ многолѣтніе подвиги въ гомеопатическій объемъ сущаго дѣйствія; заключаютъ широкія размахи жизни или черты характера въ тѣсную раму мѣстности чуть чуть не микроскопической; но единства *интереса* (основной идеѣ драмы, характера лицъ) не уступлю никому. Безъ него, безъ этого *единства интереса*, не можетъ существовать ни одно гениальное произведеніе, ни одно истинно-поэтическое созданіе въ стихахъ или прозѣ.

— Поэтическое созданіе въ прозѣ?

— Точно также, какъ прозаическое въ виршахъ. *Поэзія* (творчество) заключается не въ одномъ *гладкомъ стилѣ*, (кто ихъ нынче не пишетъ?) а въ истиннѣ, добронравности и въ *изящности мысли* (основной идеѣ), въ *картинности образовъ* (дикціи), въ *естественной* сердечности и народности *выраженія*. Вотъ непреложные вѣковые законы творчества, начертанные въ умахъ всѣхъ великихъ поэтовъ. даже и безъ сознанія ихъ; ими руководились они во всѣхъ своихъ гениальныхъ созданіяхъ; гдѣ же отступали отъ этихъ законовъ, тамъ произведенія сихъ великихъ творцовъ, были не изящны, не гениальны. Стихъ и проза сѣтъ только оболочки поэзіи, съ тою разницею, что стихъ часто походить на тѣсный, кургузый фракъ, а проза — просторный, великолѣпный нарядъ востока, въ которомъ поэзія движется какъ хочеть, и движеть заразъ и умъ и сердце и душу, а стихъ, подъ часъ, нѣжить только ухо, и ссорится съ умомъ и сердцемъ.

Что упрочило славу Шекспирова *Макбета*, *Гамлета*, *Лира*, *Отелло*,

Ромео и *Юлія*, *Ричарда III*-го и другихъ менѣе изящныхъ произведеній?... Единство основной идеи, картинность и въ тоже время простота и естественность изложенія. Гдѣ авторъ ихъ отступалъ отъ этого правила, тамъ онъ становился ниже своей славы. Въ такихъ созданіяхъ останутся, конечно, слѣды его могучей дѣятельности, но цѣлое слабо; читатель или слушатель холодѣетъ къ главному лицу или дѣйствию, а съ нимъ вмѣстѣ и ко всему созданію; въ цѣломъ нѣтъ стройности, нѣтъ общаго интереса. Такъ — на примѣръ — Шекспировъ Юлія Цезарь представляетъ двѣ трагедіи. Лицо, Цезаря, поражаетъ васъ своей колоссальною истинной — въ первыхъ дѣйствіяхъ драмы; въ послѣднихъ начинается новая трагедія — *смерть Брута*. Читатель и зритель вовсе бы позабыли о Цезарѣ, еслибы не мелькнула передъ ними тѣнь — *злой духъ Брута* *) передъ рѣшительной битвой. Герой этой новой трагедіи — есть уже не Цезарь, а Брутъ — или даже — Брутъ и Кассій. Тѣнь Цезаря играетъ въ ней почти одну роль съ призракомъ убитаго царя, являющагося въ Гамлетѣ. Но въ этой послѣдней трагедіи интересуется насъ не призракъ, а дѣйствительность — самъ Гамлетъ — настоящий и постоянный герой высокаго созданія. Вотъ причина по которой Гамлетъ, взятый въ эстетической его общности, будетъ всегда выше Юлія Цезаря въ ряду великихъ гениальныхъ произведеній. И такъ, допуская *эпизоды въ драмахъ* или сценическихъ представленіяхъ, изящность требуетъ, чтобы они были не пришивкою къ цѣлому, какъ послѣсловіе какаго нибудь дѣйствія въ романѣ, въ разсказѣ; они должны быть пополненіемъ изложенія, послѣднимъ штрихомъ картины,

*) Evil ghost — собственные слова Цезаревой тѣни у Шекспира.

представляющей всю полноту сценического события или характера главного лица.

Сторожь Маяка принужденъ былъ согласиться, что старый другъ его — правъ, и тутъ же записалъ весь разговоръ въ свою памятную книжку.

Маякъ современнаго просвѣщенія и образованности, совершенно отличенъ, въ устройствѣ своемъ, отъ всѣхъ деревянныхъ и каменныхъ Маяковъ Европы. Изъ него видно какъ на блюде не только все поле наукъ и обыкновенной литературы, но и самая сцена разныхъ театровъ.

Посмотримъ — что сегодня на Александринской сценѣ? ... *Параша Сибирячка*, Русская была въ двухъ дѣйствіяхъ, съ *эпилогомъ*. Охъ! ужъ мнѣ эти эпилочи, и гдѣ жъ еще? въ театральнхъ произведеніяхъ! бѣда и только, подумалъ я, вспомни разговоръ свой съ старымъ пріятелемъ *здравымъ смысломъ*! Не станемъ однакожъ судить и осуждать, пока не увидимъ, не прочтемъ. И вотъ я увидѣлъ чего такъ хотелось мнѣ посмотреть; я опять въ терему своемъ: да! я видѣлъ на отечественной сценѣ *Парашу Сибирячку* съ ея *эпилогомъ*: насладился спектаклемъ во всей полнотѣ этого слова. Видѣлъ не Каратыгина б., а настоящаго *ссылыаго*, (главное драматическое лицо этой трогательной были), видѣлъ не Асенкову м. а истинную *Парашу*, и пробредилъ о нихъ всю ночь. Описывать ли мнѣ всѣ ощущенія этого пріятнаго вечера? Нѣтъ: мнѣніе мое о самой пьесѣ Полеваго было бы слишкомъ пристрастно, если бы я изложилъ его подъ влияніемъ сценическаго очарованія. Ему повѣрили бы только тѣ, кому также какъ и мнѣ, удалось видѣть *Парашу* на сценѣ: другой пріятель бы слова мои за сказку: и тотъ кто не былъ, и тотъ кто имѣлъ

свои причины судить о пьесѣ *особымъ образомъ*.

Подождемъ же печатной *Парашы* И вотъ она печатная; ее приносятъ ко мнѣ во 2 й книжкѣ нынѣшняго «Русскаго Репертуара.» Читаю, перечитываю, и выводъ почти одинъ и тотъ же: *хорошее — хорошо на сценѣ и въ книгѣ*. О многихъ ли театральнхъ произведеніяхъ можемъ высказать этотъ афоризмъ? Не думаю.

Совершенно согласенъ съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ журналистовъ, чтъ *Параша Сибирячка* многое теряетъ въ чтеніи, послѣ сцены, что *Ньмал мелодрама* прощанья *Парашы* съ кровомъ родительскимъ, есть одна изъ трогательнѣйшихъ сценъ, когда либо представленныхъ очамъ зрителей *), и гораздо эффектнѣе на театрѣ чѣмъ въ книгѣ. Но по чьей же программѣ представлена эта сцена? Кто далъ просторъ актрисѣ играющей *Парашу*, если не Полевой? Кому другому, а не ему, не писателю столь близкому къ духу народности Русской, принадлежать элементы того наслажденія, которое сцена эта производитъ на зрителей, не смотря на изысканность ученой музыки

*) Булгаринъ совершенно противнаго мнѣнія: ему не нравится эта *мелодрама*. *Je gustibus non est disputantur!* Согласны — что музыка здѣсь побочное средство или говоря технически — одна изъ *эффективныхъ сценическихъ машинъ*; но, по мнѣнію нашему, есть случаи, въ которыхъ и условная природа можетъ быть допущена на сценѣ. Не будь тутъ музыки, не расположи она своей аудиторіи къ патетизму, на мимическое прощаніе *Парашы* не обратила бы публика и половины вниманія; Полевой знатокъ сцены, это почувствовалъ и прибавилъ *мелодраму* — краткую, какъ ей слѣдовало быть: будь она длиннѣе, весь эффектъ бы пропалъ и замѣчаніе Булгарина оправдалось бы на дѣлѣ. Но такъ ли теперь? Публика, кажется, рѣшила уже вопросъ сей безъ апелляціи.

г. Боле? **) Будемъ же справедливы къ даровитому нашему поэту, — Полевою. здѣсь поэтъ души, даже и въ самой прозѣ; скажемъ откровенно. скажемъ не обинуясь, что и въ печатной Парашѣ много, слишкомъ много хорошаго, достойнаго благодарности Русскихъ людей.

Разсмотримъ ближе это примѣчательное явленіе, такъ ярко блеснувшее въ нашей драматической литературѣ.

Основаніемъ пьесы служитъ истинное событіе, подвигъ дѣвицы Луполовой, героини дѣтской любви, которая — одна, безъ денегъ безъ всякой помощи — однимъ Христовымъ именемъ, дошла изъ Сибири пѣшкомъ въ Москву на Коронацію блаженной памяти Императора Александра, и выпросила у *Благословеннаго* помазанника Божія прошеніе своему отцу, сосланному на поселеніе. Подвигъ высокій въ летописяхъ христіанскихъ добродѣтелей событіе славное для Россіи, для Царя ея и для героини этого событія.

Авторъ не могъ выбрать сюжета болѣе трогательнаго, болѣе привлекательнаго для чисто Русской драмы. Огромный успѣхъ его произведенія оправдалъ столь благоразумный выборъ. Но исполненіе отвѣчаетъ ли выбору сюжета? По крайности публика Русская не наглядится на родную картину сего событія, не наслушается роднаго говора, которымъ эта драматическая Русская *быль* рассказана на отечественной сценѣ. И что же? Мы слышали критиковъ, или лучше сказать, осудителей не пьесы, — а Полеваго, которые ставятъ ему *почти въ вину* выборъ

самаго предмета: по мнѣнію ихъ — романъ или повѣсть г-жи Коптень служила ему основою! Но откуда же г-жа Коптень почерпнула свою основу? Странное сужденіе! какъ будто колодезь, изъ котораго пилъ одинъ, не можетъ служить къ утоленію жажды другаго? По этому суду и пересуду — послѣ Эдипа Софоклова не лзя было ни какому трагику трактовать тотъ же сюжетъ на сценѣ? Стало быть послѣ Д. Карлоса Шиллерова не могъ Альфьери написать своего Филиппа II-го; послѣ Иогеніи древнихъ не имѣлъ права Гёте представить публикѣ свою Иогенію въ Тавридѣ? Давно ли запрещено драматическому автору трактовать сюжеты описанные не только въ исторіи, но и другими авторами? Тогда бы не имѣли мы ни Макбета Шекспирова, ни его Юлія и Ромео. Первый взятъ *цѣликомъ* изъ старинной Шотландской хроникѣ Галлиншеда (Hollinshead's Chronicle), вторая изъ Итальянскаго сборника Новеллъ, котораго заглавія теперь не припомню, и въ этомъ ссылаюсь на всѣхъ комментаторовъ гениальнаго Британца — на Варбуртона, Доктора Джонсона, Эшенбурга и пр. и пр. и — если нужно — *докажу это текстуальными выписками*. Нѣтъ, Мм. Гг. этотъ аргументъ вапъ ad hoc нейдетъ здѣсь вовсе къ дѣлу.

Но обратимся къ Парашѣ. Первое дѣйствіе открывается сборомъ *Смыннаго* и нѣсколькихъ Тунгусовъ на медвѣжью охоту. Является проходій утомленный дальнимъ путемъ и заблудившійся въ тундрянной пустынѣ: его встрѣчаетъ Русская дѣвушка; родимые звуки Русской пѣсни поражаютъ его слухъ и оживляютъ странника надеждою. Дѣвушка указываетъ ему дорогу въ Тобольскъ, говоритъ ему о дальнемъ Кіевѣ и приглашаетъ отдохнуть подъ убогимъ кровомъ своихъ родителей. Эта дѣвушка — героиня *были* — Параша. Четвертая сцена открывается

**) Мы слышали, что Параша имѣла въ Москвѣ такой же успѣхъ какъ и въ Петербургѣ: Полевой былъ трижды вызванъ и нашъ известный Русскій Maestro А. Н. Верстовскій обѣщаль написать новую Русскую музыку дал мелодрамы. Да поможетъ ему Орфей купно съ Аполлономъ.

ея бесѣдой съ матерью *), о прохожемъ, котораго онъ пріютили. Отецъ возвращается съ добычею ловли и, къ досадѣ своей, узнаетъ о новыхъ идеяхъ сообщенныхъ Парашѣ, боится за ея будущность, почти сердится за гостепрѣимство, оказанное прохожему. Но какъ явился сюда этотъ прохожій? Пилигримомъ въ дальній Сибирскій монастырь! Не во гнѣвъ уважаемому нами автору, появленіе это нѣсколько *натянуто* **).... Является снова Параша: опасенія отца подтвердились на дѣлѣ; въ душѣ невинной дѣвушки пробудились мысли объ обществѣ, съ которымъ судьба ее разлучила. Въ девятой сценѣ приходитъ гость, отдохнувшій съ дороги. Хозяинъ узнаетъ въ немъ стараго своего друга. Онъ говоритъ несчастному о быломъ, освѣжаетъ душу его надеждою лучшей будущности, по случаю вступленія на престолъ юнаго милосердаго Монарха. Смыслъный не хочетъ вѣрить надеждѣ и убгааетъ — почти въ отчаяніи. Но слова мира не пропали, ихъ слышала

*) Критика порицала автора за ничтожность характера матери Параша. Справедливо ли? Не раздѣлился ли бы, не ослабился ли бы тогда интересъ главнаго лица? По моему — этотъ вопросъ подлежитъ еще разсмотрѣнію. Дѣло въ томъ, что мать Параша — не лишняя въ пьесѣ Полеваго: можетъ быть, при большемъ развитіи изложенія, можно бы придать этому лицу матери болѣе *краткаго* патетизма.

**) Мы очень рады, что другой критикъ Параша сошелся съ нами въ этой мысли и указалъ автору возможность оправдать иначе это появленіе. Разборъ нашъ хотя и не могъ выдти прежде критики Булгарина, былъ однакоже написанъ за недѣлю прѣжде его статьи. Булгаринъ это знаетъ, хотя и не читалъ еще нашего разбора; но посторонніе живые свидѣтели читали его; впрочемъ мы не ведемъ и не во всемъ согласны съ Булгариннымъ въ отношеніи Параша.

Часть VI. Гл. IV.

Параша, притязавшая за занавѣсью. И вотъ ей запалъ на сердце лучъ надежды: она рѣшилась освободить отца своего изъ заточенія, испросить ему прощеніе у Царя милосердаго; она передаетъ надежды свои пришельцу и вмѣстѣ съ нимъ рѣшается идти пѣшкомъ... въ Москву, на Коронацію Государя; рѣшается покинуть своихъ ненаглядныхъ — для испрошенія имъ пощады, для возвращенія ихъ на родину!... высокій подвигъ дочерней любви! Рѣдкій примѣръ дѣтскаго самоотверженія!... Всѣ зрители, слушатели, читатели у которыхъ въ груди сердце, а не камень — принимаютъ живѣйшее участіе въ судьбѣ юной, неопытной героини. Естественность, простота, глубокое чувство оживляютъ здѣсь каждое слово, каждое движеніе несравненной Параша. Самъ Богъ путеводитель ея, безмолвныя молитвы всѣхъ и каждаго сопровождаютъ каждый шагъ этого высокодраматическаго лица, этой милой Параша, когда она — ежеминутно готова открыть тайну свою родителямъ — прощается съ ними, какъ бы на сонъ грядущая! И вотъ она простилась, разсталась съ отцомъ и съ матерью. Тѣло ея готово въ дальній путь, но душа остается въ Сибирской хижинѣ, гдѣ протекли невинные годы ея младенчества, гдѣ покидаетъ она все драгоцѣннѣйшее для нея въ мірѣ. Мелодраматическую безмолвную сцену послѣдняго прощанія Параша, которою заключается первое дѣйствіе, сцену означенную конспективно въ пьесѣ, надобно непременно видѣть на театрѣ, а не описывать. Только здѣсь, только въ этой патетической сценѣ — проза словъ ниже поэтизма дѣйствующихъ.

Второе дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ. Въ ожиданіи успѣховъ своего ходатайства, покровитель Параша помѣстилъ ее на хлѣбъ къ одной вдовѣ. Лицо этой хозяйки, матери большаго семейства, есть прототипъ мѣлкихъ чиновницъ тогдашняго и *всегдашняго*

времени. Основной Русскій дух влечетъ ее къ добру, къ гостепримству; глупое понятіе о чести канцелярскаго сословія дѣлаетъ ее грубою; ограниченность состоянія заставляетъ быть — скупой. Она попеременно является то нѣжною матерью несчастной скитальницы, то отталкиваетъ отъ себя *безымянную*; какъ существо высшаго разряда въ попыхахъ *аристократизма чиновницъ*; она цѣлуетъ какъ офицерша или говоря языкомъ разночинцовъ — какъ *благородная*! Навивность Параша и заступленіе ея покровителя суть два добрые генія этого оригинальнаго лица — прямо списаннаго съ природы; подъячій Писулькинъ есть геній зла, ожесточающій Оеклу Федосьевну грозою полиціи, за пристанодержательство безпаспортной Сибирячки. По счастью оригиналы этой копій съ отвратительнаго идеала подъячихъ, перевелись у насъ на Руси или *облагородились* въ формахъ, начавъ кругъ дѣйствій en grand! Если есть въ пьесѣ Полеваго, такъ называемый — charge, допускаемый теоріею искусства, то конечно — въ лицѣ Писулькина; онъ служить какъ бы тѣнью въ этой светлой картинѣ добродѣтелей Русскихъ. Но за то какъ мастерски схваченъ этотъ подъячій прошлаго вѣка! какъ хороша Параша Полеваго въ этомъ очеркѣ мѣстныхъ правовъ! Какъ выпукло рисуется ея прекрасный, чистый характеръ въ борьбѣ съ гнетущимъ ее рокомъ! Не возможно естественнѣе обрисовать этого ангела, идеала цѣлности и драматической силы! Она проста и могуча какъ сама природа и какъ она привлекаетъ сочувствіе наше сильнѣе всякой вычурной фантазіи.

Но вотъ декорация переизмѣняется. Театръ представляетъ Кремлевскую площадь. Звонъ на Иванъ Великомъ, толпа народа на площади; слышны говоръ и шумъ. Начинаются народныя сцены — то странныя, то смѣшныя, то эффект-

ныя, умиленные до патетизма. Народъ Русскій здѣсь обрисованъ широкими чертами. При усиленномъ звонѣ, толпа кричитъ: — Государь, Государь! — идетъ, идетъ! шапки долой! ура! ура! все бѣгутъ въ одну сторону, сцена почти пуста. Духъ Русскій чувствуетъ отца своего, и актеры и зрители прерываются на встрѣчу къ *благословенному* . . .

Федосью Федосьевну почти душать въ толпѣ, не смотря на то что она чиновница, благородная! Радость Русская ничего не помнитъ кромѣ того, что для ней дороже жизни — Царя, отца всѣхъ Русскихъ!

— Видѣли! видѣли! кричитъ снова толпа, привалившая на сцену.

— Онъ кланялся вѣдмѣ!

— Какой красавецъ!

— Какой милостивый! —

И подлинно милостивый, во всемъ смыслѣ этого слова: онъ простилъ отца Параша — по слезному воплю благочестивой дочери, по трогательной мольбѣ простыхъ, незатѣливыхъ Русскихъ сердецъ, по великому своему милосердію. Онъ не хотѣлъ чтобы въ день всеобщей радости, въ день торжества великой семьи его Россіи, могли плакать хоть одни очи Русскія; онъ хотѣлъ чтобы все благословляло его торжественное вѣнчаніе на Русское Царство — всѣ молитвы за него и всѣ благословенія Русскихъ людей на него — свыше Благословеннаго Небесами!

Не вхожу ни въ какія дальнѣйшія подробности; не холожу изложенія замѣткой нѣкоторыхъ погрѣшностей этой народной картины *); онъ ослабили бы мой сердечный разсказъ. Кто хотѣлъ знать болѣе, прочтѣ самую пьесу, или лучше поди посмотри ее на Русской сценѣ, если въ сотое представленіе *Параша Сибирячки* найдеть билетъ. Такъ полонъ бываетъ театръ, когда ее представляютъ!

*) Булгаринъ весьма рачительно ихъ исчислялъ.

Стало быть тут и конец? спросать меня читатели, готовые не хвалить, а осуждать всякое новое произведение. А эпизод? да — эпизод! Но чтожь скажут намъ новаго въ этомъ эпизодѣ? весьма не многое, мм. гг., если вы ищете новыхъ приключеній: эпизодъ, какъ и всѣ послѣсловія, есть не иное что какъ пополненіе дѣйствія, онъ просто — исполненіе воли Царской, объявленной въ концѣ 2-го дѣйствія. Параша и братъ ея, Леонидъ — вводное, не лишнее, но *слабо очерченное* лицо, появившееся при концѣ этого 2-го дѣйствія, ѣдутъ въ Сибирь за отцомъ и матерью. Стало быть, скажутъ нѣкоторые критики, весь эпизодъ — hors-d'oeuvre, не придающій пьесѣ ни какого новаго интереса. И гг. критики ошибутся: онъ производитъ величайшій эффектъ на сценѣ и въ чтеніи: онъ — какъ бы послѣдній штрихъ этой милой, увлекательной картины. Изъ разговора *смыслаго* съ его женою, легко убѣдиться что Г. Полевой самъ отецъ семейства: только одинъ чадолюбивый отецъ можетъ выразиться такимъ сердечнымъ языкомъ, какъ этотъ ссыльный:

— А знаешь ли? говорить онъ женѣ своей: мнѣ . . . мнѣ хотѣлось бы *опять* прочитать письмо Параша . . . Дай мнѣ его . . . *Сегодня мы еще его не читали?*

Сколько чувствъ въ этихъ немногихъ словахъ! По моему это — одно изъ превосходнѣйшихъ мѣстъ не только въ пьесѣ, но и на сценѣ.

Приходить исправникъ. Вопреки всѣмъ юмористическимъ и романтическимъ описаніямъ исправниковъ на сценѣ и въ повѣстяхъ, исправникъ этотъ — существо, съ коимъ весело встрѣтиться не только въ тундрахъ Сибири, но и въ столицѣ: чистая Русская, не поддѣльная душа, принимающая такое же участие въ судьбѣ страдальцовъ какъ и всѣ зрители, всѣ читатели Параша. Онъ боится поразить смертельною радостію вѣстей, которыя, *по долгу службы,*

поручено ему сообщить двумъ страдальцамъ, уже растерзаннымъ напрасными ожиданіями. Неловкость его, самое неумѣнье скрывать что чувствуетъ, все отзывается чистымъ Русскимъ духомъ, Русскою добротою. . . .

Минута когда онъ общается ссыльному сперва письмо отъ его дочери, потомъ говорить:

— Ну, была не была! . . . Умирай же отъ радости: ты прощенъ — дочь твоя, видѣла Государя — она ѣдетъ сюда! — превосходна! Весь остатокъ этой сцены, свиданіе отца съ дѣтми производитъ такой эффектъ, что едва ли бывали примѣры всеобщаго восторга публики — какой встрѣчаетъ каждое слово этой сцены въ каждое изъ представлений Параша.

— Благословенный! говорить въ заключеніе пьесы помилованный, обращаясь заочно къ Царю избавителю: да встрѣтятъ тебя Ангелы такою радостію, когда ты будешь *наше ангель на небесахъ!*

Превосходное повтореніе всѣмъ знакомаго диктона: *notre ange est aux cieux!* и какъ оно здѣсь кстати!

Такова пьеса Полеваго, восхитившая всю публику нашу своими чисто Русскими красотами. Нѣкоторые любители изящнаго критикуютъ въ ней отрывчатость изложенія, другіе недостатокъ вымысла въ завязкѣ, третіе упрекаютъ автора въ излишней роскоши эффектовъ, четвертые — сравнивая ее съ извѣстною польскою драмою, на тотъ же предметъ написанною, — винятъ автора въ томъ, что — при *неотъемлемомъ его талантѣ*, — не увеличилъ онъ драматизма пьесы, придавая къ ней *любовный романъ* и не сдѣлавъ изъ Параша своей *бессмертнаго* творенія для нашей сцены. Иные нападаютъ на него за то, что развязку пьесы можно предвидѣть съ 1-го дѣйствія *).

*) Если это вѣннимъ въ недостатокъ Полевому, то ни одинъ историческій

Есть другіе критики, которые — не читавъ этой Польской пьесы — по *однимъ слухамъ до нихъ дошедшимъ*, укоряютъ Полеваго въ подражаніи Польскому автору, на произведеніе котораго Русская Параша похожа, почти также, какъ *аршинъ на седро*, или какъ *Малкъ*, нами издаваемый, похожъ на *Малкъ — трагедію*, сочиненную Э. Гувальдомъ и переведенную Г. Носковымъ! И по дѣломъ ему — колдуу Полевоу за обаяніе пьелой публики Русской! . . . И за что еще не порицаютъ автора Параша! . . . На всѣ эти обвиненія мы, *безъ гнѣва и пристрастія*, возьмемъ смѣлость отвѣчать слѣдующее: мм. гг! авторъ предложилъ вамъ не романтическую, вымышленную драму, а чистую Русскую *быль*, даже не назвавъ ее пышнымъ титуломъ *драматическаго представленія*. Развѣ могъ онъ поступить иначе? Эта *быль*, однакоже, потрясла и потрясаетъ всѣ сердца Русскія отъ высшаго круга до низшаго и, по словамъ автора, лучшею наградою его было — всеобщее умиленіе публики, перешедшее въ души всѣхъ и каждаго, въ комъ только есть душа способная чувствовать, въ комъ есть сердце способное любить. Вотъ собственныя слова Полеваго, взятая изъ посвященія пьесы — сестрѣ автора К. А. А — вой:

Я видѣлъ, дочь Владыки полусвѣта —
Прекрасная, какъ Божья благодать,
Какъ свѣтлая, святая мысль поэта,
Явилась намъ — страданью сострадать,
И плакала, какъ чистый апельъ свѣта. . . .

сюжетъ не долженъ быть представляемъ на сценѣ. Странное обвиненіе! по этому, не говоря даже о второстепенныхъ созданіяхъ, всѣ историческія трагедіи Гете, Шекспира и древнихъ слѣдовало бы согнать со сцены и замѣнить ихъ нелпыми вымыслами новѣйшей школы, въ которыхъ, чтобы зрители не отгадали конца, такъ безбожно коверкаютъ исторію: заводятъ Франциска 1-го въ кабаки, тигровъ дѣлаютъ ягнятами, а ягнятъ — львами! хороша теорія изящнаго!

Въ тотъ свѣтлый мигъ, какъ я благоговѣлъ, —
Я говорить не могъ и не умѣлъ.

Не увлекался ни чьими теоріями и руководствуясь собственнымъ нашимъ чувствомъ, мы сознаемъ недостатки въ изложеніи *Параша Сибирячки*: многое въ ней представлено слишкомъ *эскизно*, появленіе прохожаго на сценѣ — не вѣроятно и паянуто; не всѣ характеры лицъ эстетически обрисованы; но избытокъ хорошаго искупааетъ несовершенства, и въ этой увѣренности, мы благодаримъ Полеваго за доставленное намъ наслажденіе, приглашаемъ его продолжать въ томъ же родѣ и облагородить на сценѣ нашей Русскую народную драму, не пренебрегая для этого и быта другихъ собратій нашихъ — народовъ. Конечно ихъ частности для насъ мертвы, и горе тому кто *только на нихъ* строитъ свой писательскій успѣхъ; но если дарованіе подсмотреть, подслушаетъ, схватитъ и у нихъ человека — онъ для насъ родной! добро пожаловать!

И увѣренъ, что *самый строгій судья* уголовного или гражданскаго трибунала, *воротясь домой послѣ представленія Параша*, въ какой бы странѣ она ни была разыграна, *дважды подумаеть — подписать ли ему или нѣтъ смертный приговоръ или разореніе цѣлаго семейства?* Вотъ лучшая похвала, которою можемъ мы отплатить автору «Параша Сибирячки» за примѣчательный его трудъ.

П. К.

ВЕЛИЗАРІЙ, драма въ 5 дѣйствіяхъ, сочиненіе Эдуарда *Шенка*, передѣланная для Русской сцены П. Е. *Ободовскимъ*, и помѣщенная въ 1-й книжкѣ Пантеона Русскаго и всѣхъ иностранныхъ театровъ, издаваемого книгопродавцемъ В. *Поляковымъ*.

Мы не враги Нѣмцовъ — добрыхъ геніевъ; не враги даже и *полугеніевъ*

ихъ, за неизвѣннѣмъ *цѣльмъ*, совершеннѣйшихъ творцевъ. И гдѣжь взять намъ этихъ цѣльмъ совершенныхъ творцовъ? вѣдь гении не грибы! много ли ихъ родилось въ цѣломъ свѣтѣ — не только въ Германіи? Стало быть, кто ближе къ совершенству, условному со стороны формы, и безусловному съ духовной стороны созданія, тотъ и хороше для своего вѣка. Къ числу такихъ хорошихъ писатлей Германіи, не обинуясь причисляемъ мы Шенка, — автора драмы *Велизарій*, напечатанной въ 1-й книжкѣ *Цантеона Русскаго и всѣхъ иностраныхъ театровъ*. Драму эту видѣли мы на сценѣ, прочли ее дома, въ кабинетной тиши, и съ удовольствіемъ повторимъ опять сказанное о Парашѣ: *хорошее — хорошо на сценѣ и въ книгѣ*

Хорошее! но все ли хорошо въ Велизаріи? точно также не все — какъ и въ Парашѣ. И на солнцѣ и на лунѣ есть пятна! и драма Велизарій дѣло рукъ человѣческихъ! но въ ней много прекраснаго; а всего лучше выборъ сюжета. Мы не знаемъ на сценѣ ничего выше и эффектнѣе борьбы великаго мужа съ несчастіями, а здѣсь она развита драматическимъ образомъ. Велизарій — высокое драматическое лицо, а трогательная повѣсть его бѣдствій — настоящая драма въ исторіи, олицетворенная картина превратностей человѣческаго величія, картина близкая къ сердцу каждого, и потому самому возбуждаетъ сочувствіе всѣхъ и cadaго, отъ вельможи до поселянна, отъ старца до юноши. Я живо помню еще то время когда мнѣ въ младенчествѣ читали повѣсть о бѣдствіяхъ Велизарія: сердце мое расширилось при разсказѣ объ его подвигахъ; я плакалъ навзрыдъ, когда читали мнѣ объ ослабленіи великаго мужа по приказанію завистливаго Юстиніана; а когда вышла Французская пѣсня о бѣдствіяхъ Греческаго слѣпца, то я затвердилъ ее цанзустъ и всегда заслушивался ее у Фуртепьянъ, за которыми

панѣвали ее тогдашніе диллетанты: я переспосился въ вѣка минувшіе; завидовать отроку, которому суждено было служить опорой лавроносному страдальцу. Прекрасный переводъ романа сего Мерзляковымъ былъ во всѣхъ устахъ; все доброе, все благородное восхищалось этимъ прелестнымъ стихотвореніемъ. Много драмъ, оперъ, трагедій и повѣстей написано было на эту тему: ни одна изъ нихъ не тронула меня подобно Велизарію Шенка, весьма удачно переданному П. Г. Ободовскимъ. Какъ искусный подражатель, онъ усвоилъ ее нашей отечественной сценѣ; выпустилъ многія нѣмецкія длинноты и весьма искусно скрасилъ народную сцену (V явленіе IV дѣйствія) вводнымъ лицомъ, панѣвающимъ исторію героя пѣсы передъ самимъ героемъ: эффектъ этой сцены поразителенъ; восторгъ публики такъ великъ, что въ каждое представленіе Велизарія, она заставляетъ Г-жу Самойлову м. повторять эту трогательную пѣсню. Сюжетъ Велизарія представлялъ всегда одно отвратительное лицо на сценѣ — Юстиніана. Авторъ сумѣлъ облагородить его, придавъ Юстиніану всю неумолимость законодателя и отстранивъ отъ него всякую личность. Не такъ довольны мы его Антонново: конечно мстительность ея — въ духѣ Гречанки среднихъ вѣковъ; но средства ея не совсѣмъ театральны: *жена Велизарія* унижается до подлой жи и низость эта сдѣлала бы ее нестерпимою на сценѣ, если бы авторъ не внушилъ ей нѣкоторыхъ бореній, во время оклеветанія героя и жестокаго отчаянія при концѣ пѣсы. По мнѣнію нашему въ первой сценѣ лучше бы вовсе не выводить ее, и представить просто подписанный ею обвинительный листъ. Такое глубокое униженіе второстепенныхъ лицъ нѣсколько тривіально, много вредитъ изящности цѣлаго и напоминаетъ трагедію Спартакъ, соч. Сореня, гдѣ всѣ лица и самая исторія пожертвованы возвеличенію героя. Недостатокъ

этотъ менѣе ошутителевъ въ Велизаріи и нѣкоторымъ образомъ оправдывается романтизмомъ завязки. Вотъ въ чемъ дѣло. Велизарій видѣлъ въ молодости своей сонъ и астрологи растолковали этотъ сонъ слѣдующимъ образомъ:

„Что сынъ ему родится
„Который мечъ противъ него подниметь
„Съ врагами родины, и будетъ самъ врагомъ.
„Тогда ужасное замыслилъ Велизарій“....

Онъ усыпилъ жену свою соннымъ зельемъ, взялъ отъ груди ея соннаго младенца и приказалъ его умертвить, жертвуя сыномъ своимъ мнимому благу отечества. Суевѣріе великаго мужа непротивно современнымъ понятіямъ о возможности предсказаній, и совершенно въ духъ тогдашняго варварскаго патриотизма. Но служитель не имѣлъ силъ выполнить безчеловѣчное велѣніе своего господина. Онъ скалился надъ осужденнымъ младенцемъ и

„Въ душѣ рѣшился пощадить его.“

Онъ положилъ его на берегу морскомъ и ребенокъ пропалъ безъ вѣсти, но не погибъ. Онъ

„Найдень въ пеленахъ на берегу морскомъ

„Купцами смирскими и Вандалами былъ проданъ.“

Царь Гелимеръ замѣнилъ ему отца и воспиталъ его. Разсказъ объ этомъ и сближеніе лѣтъ мнимаго Аламира, воспитанника Гелимерова, съ обстоятельствами жизни Велизарія, возбуждаютъ его сомнѣнія. Но увѣренность въ исполненіи своего кроваваго приговора, вскорѣ убѣждаютъ его въ противномъ. Съ этимъ то плѣнникомъ въ свитѣ своей возвращается Велизарій въ триумфъ послѣ пораженія Африканскихъ Вандаловъ. Но несчастія мнимаго Аламира и истиннаго влеченіе его къ берегамъ Босфора, привлекаютъ сочувствіе триумфатора: онъ усыновляетъ юношу и вводитъ его въ свое семейство. Прибытіе Аламира пробуждаетъ воспоми-

нанія Антонины, которой Клеомень, наперстникъ мужа ея, передъ кончиной своей открылъ истину. Разтерзанная мать превращается изъ вѣрной жены въ раздраженную львицу, клянется погубить двоубійственнаго мужа. Завистливыя Велизарія, пользуясь довѣренностью Антонины, склоняютъ ее быть доносчицею на Велизарія и, поддѣлавъ его къ ней письма, обвинить его въ государственной вѣжливости. Герои Велизарія приговариваютъ къ смерти; Юстиніанъ, помня заслуги мнимаго преступника, не утверждаетъ приговора судей.

„Пусть далеко отъ насъ въ извѣстные дни влечить . . .
говорить онъ двумъ клеветникамъ Руфину и Евтропю:

„Пускай отъ васъ онъ приговоръ услышитъ:

„Пусть удалится онъ, и позаботьтесь вы,

„Чтобъ моего лица во вѣкъ онъ не увидѣлъ.“

Два злодѣя, которымъ монархъ поручилъ исполнить волю свою, даютъ превратный смыслъ словамъ императора, и мастерски толкуютъ его въ свою пользу:

„Такъ вотъ - какой намъ Кесарь далъ приказъ:

„Буквально мы его теперь должны исполнить.“

Евтропій.

«Чтожь дѣлать?»

Руфинъ.

Ослѣпить.»

Изверги ослѣвляютъ героя, будто бы по повелѣнію царскому. Несчастнаго Велизарія изгоняютъ изъ столицы, запрещаютъ ему, подъ смертною казнью, возвращаться когда либо въ Византію. Незвѣстный мальчикъ предлагаетъ тюремщику быть проводникомъ знаменитаго слѣпца и раздѣлать нищету его. Съ Велизарія снимаютъ оковы, выводятъ его за городъ, передаютъ неизвестному отроку, они остаются одни. Сцена эта образецъ патетизма — производитъ необыкновенный эффектъ и въ

чтении и на сценѣ. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать изъ нее нѣсколько стиховъ:

ВЕЛИЗАРІЙ.

“Такъ видно здѣсь

“Нѣтъ у меня друзей, кромѣ, тебя дитя?

“Ты кажешься мнѣ добръ: о мнѣ ты

горько плакалъ;

“Ты не откажешь мнѣ и въ просьбѣ.

МАЛЬЧИКЪ.

А въ какой?

ВЕЛИЗАРІЙ.

Ты знаешь ли, дитя, гдѣ домъ мой?

МАЛЬЧИКЪ.

Знаю.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Бѣги туда какъ можно поскорѣе,

А я здѣсь подожду. — Бѣги туда —

МАЛЬЧИКЪ.

За чѣмъ?

ВЕЛИЗАРІЙ.

Вотъ видишь, у меня есть дочь, дитя
родное;

Пока еще отсюда не ушелъ,
Хотѣлось бы ее хоть разъ еще уви-
дѣть.

— Увидѣть! Ахъ! еще я не отвыкъ
Отъ слова: — нѣтъ, ее я видѣть не
могу.

Услышать бы ее хотѣлось голосъ,
Въ послѣдній разъ благословить ее.

Но, воспѣвши, скажи, что я желаю
Въ послѣдній разъ ее къ груди при-
жать —

И полетитъ во слѣдъ тебѣ стрѣлою:
Елену знаю я!

Мнимый Мальчикъ — ЕЛЕНА.

(у ногъ его)

Родитель!

ВЕЛИЗАРІЙ.

Что за голосъ?

ЕЛЕНА.

Родитель!

ВЕЛИЗАРІЙ.

Здѣсь Елена, дочь, ты — здѣсь!

ЕЛЕНА.

“Въ проводники тебѣ я вызвалась, ро-
дитель;

“Одѣлась мальчикомъ, и смѣло за
тобой

, пройду я сквозь толпу враговъ тво-
ихъ.

Велизарій поднимаетъ ее, прижима-
етъ къ груди своей и говоритъ:

О! еслибъ могъ еще отъ радости я пла-
кать!

Увы! И плакать я несчастный не могу.

Послѣ жалобъ своихъ на Юстиніана,
онъ наслаждается торжествомъ дочер-
ней любви своей цовой Антигоны, и
продолжаетъ:

Безъ ужаса на что рѣшилась ты! —

Какой тернистый путь открылся предъ
тобой!

ЕЛЕНА.

Вѣдь ты со мной пойдешь и терны я
стерплю.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Свой нѣжный полъ забыла. . .

ЕЛЕНА.

Возмужаю

любовью дѣтскою.

.....

ВЕЛИЗАРІЙ.

Мы съ голоду умремъ.

ЕЛЕНА.

Вѣдь у меня есть руки!
За милостыней ихъ охотно протану,
Для нѣжнаго, несчастнаго отца.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Ты можешь заболѣть.

ЕЛЕНА.

Меня ты уврачуешь.

ВЕЛИЗАРІЙ.

Ты можешь умереть.

ЕЛЕНА.

Отиметь ли Господь

Послѣдній посохъ у слѣпаго старца?

ВЕЛИЗАРІЙ.

Ну, если я умру, что будетъ съ сиро-
той?

ЕЛЕНА.

Меня призритъ тогда отецъ небесный.

ВЕЛИЗАРІЙ.

На перекоръ судьбѣ! Съ тобой иду
Елена.

Ты все: ты жизнь моя; я предаю тебѣ.

Будь ангеломъ моимъ. Изъ жизненной
пустыни

Путями темными къ блаженству при-
веди.

Дай посохъ мнѣ. Помолимся. — Иди!

Этой превосходной сценой кончат-
ся третіе дѣйствіе.

Мнимый варваръ — Аламиръ, возму-
щенный жестокостью Юстиніана, кли-
чется отмстить за нее всей Греціи и
накликаетъ на нее безчисленныя толпы.

Вѣсть о томъ, какъ ужасная гроза, пролетаетъ по всей Имперіи и достигаетъ до Юстиніана. Все ополчается на защиту отечества. Дикіе Алапы вторгаются въ восточную Имперію, предводимые Царемъ своимъ, Октаромъ и непримиримымъ мстителемъ Аламиримъ, «Велизарій и мщеніе!» Вотъ ихъ лозунгъ. Послѣ народной сцены съ романсомъ, о которой мы говорили, Велизарій — узнаанный ветераномъ Евлампіемъ, слышитъ въ честь себѣ восторженные клики. При вѣсти о нашествіи варваровъ, поселяне бѣгутъ, ветеранъ предлагаетъ составить ополченіе и избрать Велизарія въ полководцы. Его приглашаютъ идти за прочими, но герой отвѣчаетъ.

Отъ враговъ не бѣгалъ Велизарій!
И остается.

Аламиръ узнаетъ своего благодѣтеля, предлагаетъ ему начальство надъ варварами. Велизарій съ презрѣніемъ отвергаетъ соблазнителя и при помощи объясненій, переданныхъ Еленѣ самой матерью ея Антониной, узнаетъ въ немъ Лидора, своего потеряннаго сына. Онъ запрещаетъ ему воевать противъ Императора. Октаръ требуетъ отъ Лидора исполненія даннаго обещанія, Велизарій умоляетъ его разрѣшить Лидора отъ сей отцеубійственной клятвы: изумленный варваръ соглашается и спѣшитъ съ полчищами своими къ стѣнамъ Византіи.

Восторженный слѣпецъ кричитъ имъ въ слѣдъ

Спѣшите! На стѣнахъ священной Византіи

Не водрузить вамъ вражескихъ знаменъ.
Тамъ встрѣтите меня — въ лицѣ моихъ полковъ.“

И этимъ заключается 4-е дѣйствіе.

Въ пятomъ дѣйствіи невинность Велизарія объяснилась; завистники его казнены; герою поручено главное начальство надъ ратью Римскою, враги разбиты, но побѣда стоила Велизарію — жизни! Смертельно раненнаго героя

приносятъ на цитахъ. Онъ примиряется съ женою, которая умираетъ въ безуміи, и съ Императоромъ, которому поручаетъ дѣтей своихъ.

“Кто плакалъ на землѣ, утѣшится за гробомъ.“

Последнія слова умирающаго: онъ испускаетъ духъ въ объятіяхъ своихъ двухъ дѣтей. Римскіе орлы преклоняются передъ нимъ. Юстиніанъ, въ горести, закрываетъ лице руками. Общее уныніе. Занавѣсъ опускается.

Такова трагедія Шенка, передѣланная П. Г. Ободовскимъ. Стихи Русскаго подражателя достойны своего предмета. Не одинъ иностранный авторъ пожелалъ бы встрѣтить такихъ даровитыхъ переводчиковъ. Если вась упрекнуть опять за *мнимое* снисхожденіе къ разбираемому произведенію — пусть докажутъ противное — не словами; пускай докажутъ публикѣ, что она должна звать, а не плакать объ Велизаріи. Пусть *немногіе* убѣдятъ *всѣхъ*, что эти *всѣ* ошибались. . . . Но пока это не исполнится, никто не въ правѣ запретить намъ въ свою очередь утверждать что Велизарій Шенка, *передѣланный* Ободовскимъ, есть украшеніе *нынешней* Русской сцены; точно также какъ и украшеніе *Пейтеона Русскаго* и *всѣхъ иностранныхъ театровъ*, издаваемого книгопродавцемъ Поляковымъ.

И. КОРСАКОВЪ.

Руководство къ изученію Испанскаго языка. Соч. Як. Рута, Библіотекаря Императорскаго С. Петербургскаго Университета.

«Языки суть проводныя стези въ царство учености,» такъ гласитъ французскій эпитаграфъ избранный почтеннымъ авторомъ сего руководства. Къ сожалѣнію — многія *руководства къ языковѣденію* не могутъ быть подведены подъ эту категорію: *проводныя стези* сіи часто бываютъ проложены по такой непроходимой дебри или по такимъ

топкимъ трясинамъ; онъ до того бывають завалены валежникомъ или напитаны болотною грязью, что бѣдный странникъ, не дойдя до своей цѣли, рискуетъ, если не сломить себѣ шею на пути, то по крайности ободаться до крови или завязнуть по уши въ тинь: перспектива вовсе не завидная! И вотъ почему такъ мало охотниковъ прибѣгаетъ къ печатнымъ самоучителямъ и руководствамъ при изученіи иностранныхъ языковъ. Вся вина въ этомъ случаѣ падаетъ на инженеровъ путей сообщенія проложившихъ сѣи стези; вся бѣда въ томъ, что эти господа приступаютъ къ дѣлу не методически, безъ плана, безъ знанія мѣстности, и по этому самому находятъ по нѣмецкой пословицѣ: *unter alle Eititit* (ниже всякой критики). Избави Богъ нашихъ юныхъ самоучекъ отъ подобныхъ учебниковъ: преслѣдовать ихъ, не смотря на приведенную нами пословицу, есть прямая обязанность рецензента, точно также какъ долгъ благоустроеннаго медицинскаго факультета преслѣдовать врачей шарлатановъ. Тѣ заблуждаютъ умъ; эти—разотриваютъ тѣло.

Не къ руководству Г. Рута, однакоже, относится наша диатриба противъ плохихъ учебниковъ. Книга его заслуживаетъ одобреніе и похвалу, не потому только что она первая въ своемъ родѣ на Русскомъ языкѣ, но по убѣжденію въ дѣльности ея содержанія. Она составлена изъ четырехъ отдѣленій, на которыя сдѣлаемъ, по порядку ихъ, нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній.

Отдѣленіе I. Испанская грамматика, въ которой почтенный авторъ, какъ видно, старался сообразить и вмѣстить все полезное для начинающихъ учиться по Испански, изъ руководствъ Зандеорса, Вагенара, Кейля, Людгера, Франсезона, Мартинеса, Фонсеки, Норіеги и Мек-Генри. Объ извѣстной грамматикѣ Собрино оно вовсе не упоминаетъ, хотя по ней учатся и теперъ еще всѣ французскіе испаноязыки. Какъ бы то ни было, мы должны отдать Г. Руту полную

справедливость: эта часть труда его, занимающаяся Кастильскою этимологіею, отчасти просодіею, довольно хорошо обработана и, по мнѣнію нашему, достаточно для начинающихъ учиться по Испански, т. е. для желающихъ выучиться читать и понимать прочитанное: само по себѣ разумѣется въ послѣднемъ случаѣ ученикъ долженъ составить себѣ предварительный запасъ словъ и рѣченій, который найдетъ онъ отчасти приготовленный для него авторомъ во II Отдѣленіи — *Vocablos y dialogos classicos, familiares y otros* (слова и разговоры классическіе, общежитейные и иные). Отдѣленіе III заключаетъ въ себѣ краткую исторію Испанскаго языка и его литературы. Статья эта хороша, но неполна и доведена только до семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. О новѣйшихъ авторахъ нѣтъ въ ней ни слова; хотя и между ими есть много заслуживающихъ изученія. Отдѣленіе IV — *собраніе отрывковъ въ прозѣ и въ стихахъ*, нѣчто въ родѣ хрестоматіи для учащихся съ пояснительнымъ Испано-Русскимъ словаремъ при концѣ книги.

Изъ краткаго обзоренія сего руководства, читатели Маяка увидятъ, что авторъ расположилъ трудъ свой методически, толково и дѣльно, сколько краткость книги то позволила. Убѣжденные въ этой истинѣ, мы смѣло рекомендуемъ сочиненіе Г. Рута всѣмъ желающимъ ознакомиться съ прекраснымъ, звучнымъ и богатымъ языкомъ Сервантеса, Кальдерона, Лопе, Кевезо, Сотомасара, Моратина, Герреры, Рохаса, Урданьеты и Мартинеса де ла Роза. Пожелаемъ почтенному автору, чтобы книга его была скорѣе раскуплена, и тогда, при второмъ изданіи сего руководства, приглашаемъ его пополнить полезную книгу свою новыми историческими фактами и нѣкоторыми образцовыми произведеніями писателей современныхъ, которые—не смотря на революціонный пожаръ испепелившій ихъ родину —

продолжают украшать поле своей народности свѣжими, прекрасными, не поддѣльными цвѣтами.

П. К.

Ковзарь, Т. Шевченка. С. Петербургъ, 1840. Въ Тип. Фишера.

Кобзою называется въ Малороссіи осьмиструнная бандура, кобзаремъ — бандуристъ, напѣвающій по деревнямъ и городамъ народныя пѣсни, аккомпанируя себѣ на этомъ національномъ инструментѣ. Еще въ дѣтствѣ моемъ, проживая у родственниковъ моихъ въ Малороссіи, я любилъ слушать тамошнія напѣвы, которыми убаюкивалъ меня слѣпой кобзарь Грицько. По большой части это были народныя мелодіи о любви козака къ козачкѣ, цѣлыя поэмы и думы о подвигахъ Палея, Богдана Хмѣльницкаго, о смѣлыхъ наездахъ Запорожцовъ на Крымъ, о походахъ удалцовъ нашихъ на дальнюю Синопу и Трапезонду. Ничего нельзя вообразить себѣ трогательнѣе и торжественнѣе этихъ мелодій, и Н. А. Маркевичъ *) оказалъ истинную услугу отечественной музыкѣ, приступивъ къ изданію въ свѣтъ Малороссійскихъ народныхъ мотивовъ. Не менѣе драгоценна для литературы отечественной и вновь изданная книжка малороссійскихъ стихотвореній, подъ скромнымъ именемъ «Кобзаря». Онъ написаны совершенно въ національномъ духѣ: полны чувства, неподдѣльной граціи и простоты. Къ этой книжкѣ приложена прелестная литографія, сдѣланная по рисунку извѣстнаго Штернберга: на ней изображенъ слѣпой кобзарь наигрывающій національныя мелодіи, кобзарь-пѣвецъ прототипъ тѣхъ народныхъ баяновъ, которые подъ именемъ

бардовъ, минстрелей, труровъ, редерейкеровъ, трубадуровъ и миннезенгеровъ, оглашали своими пѣснями, балладами, легендами, бардитами и кирвентами все государство Европы. Сами кобзари сдѣлались теперь довольно рѣдки въ полуденной Россіи; но мелодіи ихъ звучать еще въ устахъ пѣвучей Малороссіи; но стихи этихъ очаровательныхъ напѣвовъ не замерли еще въ памяти народа: они отзываются въ ней какъ преданія его славы, ума и чувствованій.

Малороссійское нарѣчіе, которымъ говорить нѣсколько миллионъ единоверцевъ нашихъ въ полуденной Россіи и Галлиціи, возбудило уже вниманіе всехъ любителей древностей Русскихъ. Въ немъ таится еще много драгоценныхъ преданій, недоступныхъ для тѣхъ изслѣдователей исторіи, которые говорятъ о немъ съ презрѣніемъ, какъ о какомънибудь безграмотномъ jargon или patois Французскихъ провинцій. Мы не разделяемъ ихъ мнѣнія и не перестанемъ присоединять слабый голосъ нашъ къ похваламъ просвѣщенныхъ критиковъ, которыми осыпаютъ они умныхъ дѣлателей въ этомъ свѣжемъ цвѣтистомъ саду — покойнаго Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго, Грицька Основьяненка, Гребенку, и другихъ. Сочинитель кобзаря Г. Шевченко обладаетъ — какъ слышали мы — не однимъ талантомъ писать малороссійскіе стихи, онъ художникъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Авторъ высочайшей поэмы нашего вѣка, «Разрушеніе Помпей», К. П. Брюлловъ, есть геній — наставникъ Г. Шевченки; а у такого наставника есть чему поучиться! Пока успѣхи молодого художника живописца еще не выставлены передъ публикою, полюбуемся его свѣжимъ даромъ поэзіи въ отечественныхъ стихахъ. Эти стихотворенія принесли бы честь любому имени во всякой литературѣ.

Книжка начинается воззваніемъ Кобзаря на чужбинѣ переносится душой въ Украину вспоминая какъ,

*) Авторъ новаго, весьма примѣтельнаго сочиненія «Исторія Малороссіи», которую готовилъ онъ для печати и. изъ которой мы уже прелстали читателямъ нашимъ отрывокъ въ V части Маджа,

Тамъ широко, тамъ весело
 Отъ краю до краю . . .
 Якъ та воля, що минулася;
 Дніпръ широкій — море,
 Степь и степь, ревуть пороги,
 И могилы — горы.
 Тамъ родилась, гарцювала
 Казацкая воля;
 Тамо Шляхтой, Татарами
 Засівала поле,
 Засівала труномъ поле,
 Поки не остыло
 Легла спочити . . . а тымъ часомъ
 Выросла могила,
 А надъ нею орелъ черный
 Сторожемъ літає
 И про неї добрымъ людемъ
 Кобзарі співають,
 Все співають, якъ далося
 * А я . . . а я
 Тилько вмюю плакати,
 Тилько слѣзы за Украину
 А слова . . . не має . . .

 Не хай змідни живуть три дни —
 Я ихъ заховаю,
 Заховаю змю люту
 Коло свого сердца,
 Щобъ вороги не бачили
 Якъ лихо смѣтця . . .
 Нехай думка, якъ той воронъ,
 Літає, та кричє
 А серденько соловейкомъ
 Щебече, та плаче
 Нышкомъ — люди не побачуть
 Тай не засміютьця . . .
 Не втырайтежъ мой слѣзы,
 Не хай собі льютця
 Чуже поле поливають
 Що дня и що ночи,
 Поки попы на засыплють
 Чужимъ пяскомъ очи . . .
 Оттаке-то . . . а що робить!
 Журба не поможе.
 Хтожъ сиротѣ завидує
 Карай того, Воже!

Думы мой, думы мой,
 Квіты *) мой, діты!
 Выростає васъ, доглядає васъ —
 Дежъ мині васъ діты? . . .
 Въ Украину ідите, діты!
 Въ нашу Украину,

*) Квіты

Попадъ-тыньку сиротами,
 А я — тутъ загину.
 Тамъ найдете ширє сердце
 И слово ласкаве,
 Тамъ найдете ширю правду,
 А ще, може, й славу . . .
 Привітай же, мое ненько!
 Моя Украина!
 Мохъ дітокъ нерозумныхъ,
 Якъ свою дітину.

Мы увѣрены что не только Украина,
 но и мать ея, великая Россія, приметъ
 какъ дѣтей своихъ *розумныхъ*, цвѣти-
 стыхъ дѣтокъ любезнаго нашего кобза-
 ря. Кромъ этого трогательнаго воззва-
 нія; въ сборникѣ Г. Шевченки находят-
 ся слѣдующія стихотворенія: *Пробедня*,
 посвященная Е. Н. Гребенкѣ; *Кате-
 рина*, цѣлая поэма — романъ въ V пѣс-
 няхъ, посвященная В. А. Жуковскому;
Тополя, пось. П. С. Петровской; *Дум-
 ка*; *До Основьяненка* (послание); *Изъ
 Пидкова*, Легенда, пось. В. И. Штерн-
 бергу; *Тарасова нить*, воспоминавіе ко-
 бзаря пось И. Н. Мартосу. Всѣ они
 полны чувства, ума, простоты, граціи
 и *широй правды*. Отъ души рукопле-
 щемъ автору и пѣвцу такихъ милыхъ
 пѣсень, усердно благодаримъ просвѣ-
 щеннаго издателя за напечатаніе этой
 прелестной книжки!

П. К.

ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

Chronicles of Rabbi Joseph the Sphar-
 di, 1836. (Лѣтопись Раввина Іосифа
 Саарди, 1836). 2 Ч.

Книга эта — любопытный матери-
 алъ въ области наукъ, достойный обра-
 тить на себя вниманіе публики, и какъ
 мы не припомнимъ ни одного крити-
 ческаго разбора сего сочиненія на Рус-
 комъ языкѣ, то и почитаемъ не изли-
 шнимъ сообщить здѣсь просвѣщеннымъ
 читателямъ нашего Маяка краткое со-
 держаніе этой книги.

Раббинъ Іозефъ, Бенъ-Іозуа, Бенъ Меиръ, *Сфарди* (т. е. Испанецъ), потомокъ Испанскихъ жидовъ-изгнанниковъ, родился (1496) въ Авиньонѣ; потомъ — перекочевалъ на жительство въ Геную, гдѣ и написалъ свою исторію въ подражаніе древнимъ Еврейскимъ лѣтописцамъ. Ф. Блаллоблочки (Bialloblotzky) перевелъ ее съ Еврейскаго на Англійскій и издалъ въ 1836 году въ двухъ частяхъ. Первая часть доведенная отъ Адама до 1520 года по Р. Х. содержитъ въ себѣ все что Раббинъ Іозефъ могъ собрать любопытнѣйшаго изъ преданій своихъ единовѣрцовъ о гоненіяхъ претерпѣнныхъ Евреями во время крестовыхъ походовъ. Вторая часть, обнимающая только одно тридцати-трехлѣтіе послѣ означеннаго 1520 года, заключаетъ въ себѣ разсказъ о томъ что пережилъ, перевидѣлъ и переслышалъ самъ авторъ. А онъ жилъ въ ужасный вѣкъ, во время завоеванія Константинополя, возстанія государей противъ папскаго владычества, борьбы ихъ съ дворянствомъ и кровавыхъ распръ реформаціи, потрясавшихъ тогда всю Европу, и приготовившихъ великій религіозно-политическій переворотъ въ умахъ и дѣлахъ повѣйшаго поколѣнія. Раббинъ Іозефъ былъ свидѣтелемъ заговора Фіеско въ Генуѣ и былъ лично знакомъ съ знаменитымъ Андреемъ Доріа. Онъ даетъ читателямъ самое подробное описаніе Павійской битвы и множество любопытныхъ подробностей о черныхъ Бандитахъ Бурдонскихъ, о разграбленіи ими, послѣ занятія Рима, церквей и замковъ владѣльческихъ, о похищеніи отсюда всей золотой и серебряной утвари и священныхъ сосудовъ; о томъ какъ грабители эти, *«рыская по сто-намъ стапъывали въ грязь сѣлтыню»* *) (Израиля); *послѣвались кардиналамъ и*

священнослужителямъ и богохульно зрывались въ ихъ убожища» — и потомъ *«производили тѣже грабительства между Іудеями и многихъ изъ нихъ умертвили.»* — «Всѣ тогдашніе христіане, говоритъ Раббинъ Іозефъ, припомнивъ времена гоненій въ язычество, сближались тѣснѣйшею братскою любовію, и единовѣріемъ, ожидая — въ восторженномъ одушевленіи своемъ, втораго пришествія своего Спасителя и его тысячелѣтняго царствія.» — «Подобно имъ и Евреи, науганяныя преслѣдованіями, (въ этихъ среднихъ вѣкахъ) сближались другъ съ другомъ въ томъ же единовѣрїи и надеждѣ. И они ожидали исполненія пророчествъ *сто-ихъ*, по которымъ сѣмя Авраамово должноствовало вознестись превыше всѣхъ народовъ въ Сїонъ и предисылавать оттуда законы свои другимъ племенамъ вселенной.» Между тѣмъ въ католицизмъ того вѣка ходило другое сказаніе о соединеніи колѣнъ Израилевыхъ въ вѣру Христову. Это обстоятельство объясняетъ намъ возможность одного тогдашняго событія разсказаннаго Раббиномъ Іозефомъ о прещлецѣ Давидѣ и о Саломонѣ Молхо. Мы выищемъ изъ книги его этотъ любопытный разсказъ — какъ матеріалъ для аналитико-критическихъ выводовъ изъ исторіи среднихъ вѣковъ.

«Іудейнинъ, именемъ Давидъ, прибылъ тогда изъ дальнихъ странъ Индіи ко двору Португальскаго Короля и сказалъ ему: «Я Еврей, боюсь Господа Бога Небеснаго; братъ мой, царь Іудеевъ, посылаетъ меня къ тебѣ, государь, за помощію. Будь нашимъ поборникомъ, и мы возстанемъ войною на Турчанина Солимана; и исторгнемъ изъ рукъ его обтраванную землю.» И король сказала ему: «Миръ тебѣ! иди отсюда, ступай къ первосвященнику, и да будетъ по слову его: что онъ велитъ, то исполню.» И онъ вышелъ отъ Короля и пребылъ еще нѣсколько дней

*) Слова Еврея, разумѣющаго здѣсь въ-рваніе своего народа.

въ Лисабонѣ. И *порабощенные* (?) *христиане* *) повѣрили словамъ его, и каждый говорилъ своему сосѣду: «вотъ нашъ избавитель! Самъ Богъ намъ посылаетъ его!» И они собрались къ нему и почтили его честию великою. И мужъ сей отшелъ оттуда въ Испанію, и вездѣ, гдѣ онъ ни проходилъ, стекались къ нему многіе тамъ развѣшныя, и онъ былъ для нихъ камнемъ преклоуенія. И онъ продолжалъ путь свой во Францію и прибылъ въ Авиньонъ, и оттуда прошелъ въ Италію, искусно устроивъ для себя хоругвь, на которой написалъ имя Святаго. И человекъ сей посвятилъ Болонію, Феррару и Мантую говорилъ повсюду что онъ, по волю царя необрѣзанныхъ, намѣренъ вести всѣхъ Іудеевъ на мѣсто ихъ и въ землю свою. И онъ бесѣдовалъ также съ папою, и сыны Израіля убоялись страхомъ великимъ. И это случилось во время разговоровъ ихъ съ нимъ: «И чтожь будетъ съ женами нашими, въ тѣ дни, когда мы пойдемъ на битву, и что будетъ съ дѣтьми, которыхъ онъ воздвигъ?» И онъ отвѣчалъ имъ: «воистинну, въ странѣ нашей много есть такихъ жепъ; не бойтесь: Господь избавитъ насъ вскорѣ.» И онъ изобрѣлъ въ умѣ своемъ посланіе, и сказалъ: «Братія! царь пославшій меня запечатлѣлъ посланіе мое своимъ царственнымъ перстнемъ.» И случилось однажды — что его тайна была открыта, и ему перестали вѣрять; ибо онъ издавалъ бесполезныя вѣщанія.»

Потомъ, Раббинъ Іозефъ повѣствуетъ, какъ Саломонъ Молхо, сынъ Іудейскаго вѣроотступника, юноша даровитый, убѣжденный Давидомъ обратиться къ вѣрѣ праотцевъ, приобрѣлъ сильное влияние на умы своихъ единовѣрцовъ. Самъ Раббинъ Іозефъ думалъ было что «Духъ Господень говорилъ устами его.»

*) Евреи называютъ христианъ *рабами*, *голами*.

Молхо издалъ окружное посланіе къ начальникамъ Синагогъ. Наконецъ дерзость его дошла до того, что онъ осмѣлился было приступить къ обращенію въ Іудейство самаго Императора Карла V. Но Императоръ, по сказанію Раббина Іозефа, велѣлъ захватить его въ плѣнъ вмѣстѣ съ другомъ его Давидомъ и ихъ клеветами;—и привелъ за собою окованнаго въ Мантую. И Императоръ, по обыкноуенію своему, совѣщался о нихъ съ людьми, и они нашли его достойнымъ смерти и сказали: «вели отвести его и сжечь.» И приговоръ сей былъ исполненъ при заклепанныхъ устахъ виновнаго. Когда подвели его къ *сокрушенной* толпѣ, нѣкто изъ Императорскихъ дворянъ велѣлъ вынуть кляпъ изъ устъ преступника и общалъ ему прощеніе и свободу, если онъ обратится. Но обвиненный отвѣчалъ языкомъ святыхъ или ангеловъ господнихъ: «творите что заблагоразсудите, но обновленная юностию душа моя возвратится въ домъ отца своего, и ей будетъ тамъ лучше нежели теперь. . . .» И они принесли его въ жертву всесозженія Господу и Господь обонялъ благоуханіе: и принялъ чистую душу жертвы и она ликуеть съ Нимъ. . . .»

Вопреки этому сказанію (пишетъ Іозефъ) многіе въ Италиі полагаютъ, что Раббинъ Соломонъ Молхо, ухитрился избавить себя отъ рукъ угрожавшихъ его жизни и избѣжалъ огня. Одному всемогущему Богу извѣстна истина!»

Такова лѣтопись Іозефа Серарди, въ которой онъ преимущественно занимался собираніемъ матеріаловъ для исторіи своего народа. Изъ приложеннаго отрывка видимъ, что компиляторъ всѣхъ этихъ легендъ, сообщая ихъ текстуально, не скрываетъ отъ читателя своихъ собственныхъ заблужденій, въ неосновательности которыхъ отъ убѣдился, и не стыдятся признается въ обаяніи себя молвою, какъ напимѣръ — въ мнѣ,

мой святости прошеца Саломона Моло, опровергаемой послѣдующими извѣстіями. Желательно чтобы и другіе собиратели современныхъ легендъ, столько же мало увлекались духомъ партій, тогда бы сборщики ихъ были существенно полезны для будущихъ историковъ.
П. К-вз.

Essai sur les Fables Indiennes et sur leur Introduction en Europe, par Loiseleur Deslongchamps Paris 1838. (Опытъ объ Индѣйскихъ басняхъ и о введеніи ихъ въ Европу, соч. А. Луазелера-Делоншанъ. Парижъ 1839.

Одна изъ послѣднихъ книжекъ Foreign-Quarterly Review, отдавая полную справедливость необыкновенному трудолюбію автора этой превосходной книги, почитаетъ нужнымъ обратить на нее особенное вниманіе читающей публики. Въ книгѣ сей подъ скромнымъ заглавіемъ *опыта*, собрано все, что только было говорено въ ученомъ мірѣ объ этомъ любопытномъ предметѣ. Изложеніе автора отличается ясностью и точностью. Книга сія раздѣлена на двѣ части—*Бидпай и Сендабадъ*. Последняя не есть сокращенный переводъ *Арабскихъ ночей* изданныхъ въ Калькутгѣ, но возобновленная *повѣсть о семи мудрцахъ* (учителяхъ мудрости) *Рима* (Рума?), въ оргинальной формѣ своей.

Басня Пильпая или *Бидпая*, удивлительно изложенная въ Санскритской *Гетопадетъ* или прототипъ ея *Цайта Тантра* *) (*пяти-главию*), до-

*) Объ этомъ примѣчательномъ сочиненіи издана дс сертація Гг. Вильсона, читанная въ засѣданіи Азіатскаго общества въ юнѣ 1824 года (См Transactions of the Royal Society of Great Britain and Ireland, T. I, ч. II, стр. 155 — 200), подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Hogase Naupan Wilson,

волью древнемъ произведеніи Индѣйской литературы. *Калила* и *Димна* или два Шакала; *Анварь Согай-и* или отблескъ звезды Канопуса; *Айяри Данушъ* или оселокъ всевѣденія: суть новѣйшія передѣлки басенъ Бидпаевыхъ. Всѣ эти сочиненія не иное что какъ рассказы искусно связанные между собою, наподобіе арабскихъ ночей. По Персидскимъ легендамъ, басни Бидпаевы изобрѣтены Царемъ Гушингомъ, вторымъ изъ Пиндадіанской династіи; достались послѣ него Индѣйскому Царю Дабешелму, но порученію котораго переведены на Санскритскій языкъ Брамивомъ, Бидпаемъ.

Въ 560 году по Р. Х. Нуширванъ первый, изъ тойже династіи, получилъ изъ Индіи списокъ съ этого сочиненія, и заставилъ врача (лѣкаря) Бузоргомира перевести его на нарѣчіе *Пелливи* (Pehlivi); по низверженіи его династіи и утвержденіи Калифата въ Багдадѣ, переведено было это сочиненіе съ Пелливійскаго нарѣчія на Арабскій языкъ, а съ сего послѣдняго составлены уже всѣ новѣйшія Персидскія преложенія. Рассказы эти оказались также на языкахъ Еврейскомъ, Сирскомъ, Греческомъ и Латинскомъ. До насъ дошелъ печатный Латинскій переводъ *Калилы и Димны*, составленный между 262 и 1278 годами, крещенымъ жидомъ Іоанномъ Капуанскимъ. Въ предисловіи своемъ, переводчикъ утверждаетъ, что подлинникъ этихъ повѣствованій сочиненъ на Индѣйскомъ языкѣ, съ котораго переведенъ на Персидскій, съ Персидскаго на Арабскій, а съ сего послѣдняго на Еврейскій языки. Вѣроятно — этотъ Латинскій Пильпай есть тотъ источникъ, изъ котораго почерпнута

Secretary to the Asiatic Society of Bengal, *Analytical account of the Panca-Tantra*, illustrated with occasional translations.

Редакт.

Большая часть восточных сказок западной литературы и множество других легенд укоренившихся на западъ въ объевропейномъ ихъ видѣ, Приключенія Шейлока (Shulock) и его обязательство — очевидный сколокъ съ Персидской повѣсти *Казы-Эмесса*; точно тоже можно сказать и о Персидскомъ переводѣ *Мушим* (Moonshée) изданномъ Гладиномъ. Профессоръ Г. Вильсонъ въ *Анализѣ Панга Тамтры*, замѣчаетъ, что восточное происхожденіе большой части этихъ повѣстей, возбуждавшихъ изобрѣтательность нашихъ предковъ, неоспоримо дознано. Примѣчанія Делопшана также любопытны какъ и самый текстъ. Однимъ словомъ, эта книга совершенно объясняетъ предметъ свой и достойна всякаго одобренія.»

• 848-22-01-18-103 •

НЕОРАМА,

СМѢСЬ И РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Письмо Доктора Максимилиана Гейне къ Редактору Маяка С. Бурачку.

Въ V Томѣ Маяка, ярко освѣщаемаго, напечатана сообщенная мною статья: *Нѣчто о восточной Чумѣ и леченіи оной*; тамъ, упоминая о миазмахъ и о заразѣ, я мимоходомъ сказалъ, что холеру можно приписать заразительной миазмѣ.

Вы, Милостивый Государь, сдѣлали на это слѣдующее замѣчаніе: „холера не принадлежитъ ни къ миазмѣ ни къ заразѣ въ ней нѣтъ ни даже гомеопатической маковинки яду; это просто, чистѣйшій процессъ динамической силы; и если господа медики не расхохочутся, то я рашительно скажу, что холера есть одно изъ явленій гальванизма.“

Прочитавъ это мнѣніе, я какъ медикъ, но долгу заванія не взымаю къ Гиппократу за нарушение нашихъ докторскихъ привилегій; не желаю закрыть истины густой пылью ученыхъ париковъ,—нѣтъ, въ 1840 году каждый свѣдущій и размышляющій человекъ можетъ судить

свободно объ ученыхъ предметахъ, и я тѣмъ болѣе радуюсь этому, что взгляды наши весьма сходны. Вы конечно не ожидали этого, бросая ваше свѣтающееся ядро въ фалангу медицинскихъ теорій о холерѣ. Замѣтите, что говоря о миазмахъ я разумью миазмы, порождаемыя не только въ воздухѣ, но и въ землѣ, на которыя я обращалъ всегда наибольшее вниманіе. Явленія болѣзни извѣстны намъ коротко; но, донинѣ тщетно отыскиваемъ *конечную ея причину*. Такъ точно и съ миазмами, такъ и съ заразой. Мы не знаемъ, напримѣръ, конечной причины производящей миазмы въ землѣ; но я полагаю съ достовѣрностью, что электричество, особенно гальваническое, играетъ въ этомъ главнѣйшую роль. Доказательствомъ этой вѣроятности служитъ чума, появляющаяся болѣею частью вмѣстѣ съ землетрясеніемъ. Припомните сказанное въ моей статьѣ о *теплотныхъ силахъ*, къ которымъ принадлежитъ и гальваническое

электричество, что онѣ необходимы для возбужденія и развитія дремлющей заразы. И такъ, предполагая миазму, въ особенности порождаемую въ землѣ, причиною холеры, допуская, что эта миазма можетъ быть слѣдствіемъ гальванизма, мы противъ всякаго ожиданія, оба совершенно согласны. Жаль только, что намъ столько же трудно доказать наше мнѣніе, сколько другому его *опровергнуть*. Увѣренный, что каждому образованному читателю Маяка извѣстны: и миазма порождаемая въ землѣ, и электричество и гальванизмъ въ ней находящіеся, и явленія ихъ, я не считаю нужнымъ входить въ дальнѣйшія объясненія, и полагаю изложенныя разсужденія достаточно ясными.

Доказательствомъ же, почему я полагаю причиною холеры миазму, порождаемою въ землѣ, служитъ слѣдующій фактъ, на который прошу васъ, милостивый государь, и почтеннѣйшихъ читателей, обратить все вниманіе.

Въ началѣ Сентября 1837 года, находился я въ Германіи, въ деревнѣ, близъ Гамбурга. Погода была хорошая. Однажды, вечеромъ, былъ я приглашенъ въ гости, въ городъ; гдѣ я и пробылъ до четырехъ часовъ утра. Утро было ясно, до деревни только пять верстъ; и я рѣшился воротиться домой пешкомъ. Дорога была черезъ лугъ, совершенно похожий на обгибающій нашу Петровлавловскую яркость на Петербургской сторонѣ. Легкій туманъ подымаясь съ земли. На серединѣ пути я случайно нагнулся къ самой землѣ, и почувствовалъ какое то совершенно особенное испареніе почвы, и чѣмъ ближе я нагибался, тѣмъ запахъ становился разительнѣе и острѣе. Чѣмъ долѣе я разсматривалъ, наблюдалъ, и размышлялъ, тѣмъ болѣе казалось мнѣ, что это особенный запахъ я чувствовалъ уже раза два въ моей жизни. И въ самомъ дѣлѣ, въ 1831 году, во время бывшей въ Бессарабіи холеры, и въ 1832 во время холеры въ Польшѣ, чувствовалъ я тотъ же самый особенный запахъ и замѣтилъ это же самое испареніе въ сильнѣйшей только степени. Описать этого запаха невозможно, онъ какъ то особенно сладкозатхлый, тещый и сырой; но, кто разъ его узналъ, тотъ никогда не

забудетъ. Прийдя домой, я записалъ это явленіе съ примѣчаніемъ, о предположеніи моемъ, что въ Гамбургѣ или въ его окрестностяхъ, вѣроятно явится скоро холера — не прошло недѣли, какъ я услышалъ о ея появленіи.

Докторъ Медицины и Хирургія Гейнне.

Отъ глубины уваженія моего къ обширнымъ познаніямъ и пламенной любви къ истинѣ почтеннаго автора сего письма, благодарю его за умный и справедливый отзывъ о всеобщемъ врагѣ нашемъ — холерѣ, съ которымъ я дважды былъ на самой короткой ногѣ, лицомъ къ лицу: въ 1832 и 1830 годахъ. Не могу сію минуту, въ отвѣтъ ученому автору письма, покуситься на послѣнное доказательство того, что холера *дѣйствительно есть одно изъ явленій земнаго гальванизма*. Сдѣлать кое какъ не хочется, а для порядочнаго, фактическаго изложенія ладно и порыться, и попрочестъ, и поприскать заброшенныя замѣтки, и поразмыслить, короче, „собраться съ духомъ.“ Во всякомъ случаѣ, въ одной изъ слѣдующихъ частей, хоть съ горемъ пополамъ отвѣтъ да приложу, только бы не оставаться въ долгу передъ такимъ заманчивымъ вызовомъ, который — легко можетъ стать — поведетъ людей, болѣе меня знакомыхъ съ дѣломъ, къ новому пересмотру явленій холеры, съ другой точки зрѣнія п — дай Господи! — хоть къ малѣйшему прозрѣнію въ непроницаемую тайну причинъ холеры. С. Б.

ПРОТИВЪ ИЗБУШКИ КЛѢТКА.

Письмо къ Редакторамъ Маяка.

Вы такъ радушно приглубили меня, господа, напечатать въ III части вашего Маяка статью мою о „Русскихъ повѣстьяхъ Французской работы,“ что я вызываюсь къ вамъ охотно въ постоянное корреспонденты. Въ Библиотекѣ Избранныхъ сочиненій, IV Части Маяка, нашелъ я столько матеріаловъ для будущихъ *широкоутихннй* *), что и у меня

*) Новый терминъ введенный юною критикою въ нашу бедную устарѣлую литературу. Сов.

старика невольно зачесались руки. Получал всё новости отечественной литературы и повтряя их съ требованіями нашего вѣка, я подвиглся, какъ до сихъ поръ въ такомъ множествѣ литераторовъ нашихъ не нашлось человѣка, который бы, какъ говорите вы, отложя въ сторону свое *любезное я*, осмѣлился твердою ногою стать на поприщѣ критики, принести себя *одного* въ жертву *всѣмъ*, оправдать возможность вашего *свѣтлаго идеала* и высказать землякамъ своимъ ширую русскую правду; правду безобидную для частности лицъ, но полезную для цѣлаго сословія нашей пишущей братіи. Вы бросили первую перчатку, откровенный, добросовѣстный критикъ, и я подумавъ, погадавъ, рѣшился поднять ее, рѣшился отвѣчать на благородный вашъ вызовъ и поразвить нѣкоторыл, вами брошенные уже мысли.

Что причиною столь продолжительнаго застоя въ томъ упадкѣ нашей литературы, который вы такъ вѣрно описали? Вотъ что: а) *Безусловное* подражаніе иноземнымъ моднымъ *г.уио-стямъ*, если еще не *хуже* чѣмъ *глупостямъ*. б) Совершенное *отсутствіе духа истинной критики, въ литературу*, въ теченіе многихъ и премногихъ лѣтъ, критики, при ясномъ свѣтѣ которой всегда нашлись бы дѣлатели, если не *гениальныя*, то ужъ вѣрно *способныя* подвинуть впередъ наше умное, оригинальное русское слово.

Вы доказали намъ, что можно философствовать не отстрачивая читателей отъ философскихъ истинъ, что *можно и должно* облекать ученость въ пріятныя формы, доступныя каждому мыслящему существу: я не говорю о читателяхъ *безсловесныхъ*. Отрицать эту возможность значило бы запретить профессору философіи одѣваться въ обыкновенное платье, а вѣлѣть ему при пятнадцати градусахъ жару—напяливать на себя долгополый черный плащъ и четырехугольную докторскую шапку. Что бы тогда сказали проказливые студенты? они просто подняли бы профессора на смѣшки. Пусть же извинять и меня господа записные схоластики, если я заговорю съ ними безъ вычуръ.

Одинъ изъ васъ, Гг. Редакторы Маяка, помнитъ мнѣ, объявилъ своимъ читате-

лямъ благое намѣреніе побесѣдовать съ ними „о чопорности и цинизмѣ въ нашей литературѣ;“ другой не разъ толковалъ о вредѣ, которымъ грозитъ любознательности человѣческой неопредѣленность философскаго языка и туманное изложеніе мыслей автора; изложеніе, которымъ малодушіе или слабоуміе нѣкоторыхъ писателей, прикрывается какъ древнею тогою, въ намѣреніи засыпать глаза читателей ученою пылью. Пока вы еще не высказали вашего мнѣнія, позвольте мнѣ предложить вамъ нѣсколько словъ въ подтвержденіе той истины, что и критики наши тоже въ числѣ *первыхъ виновниковъ упадка нашей литературы*.

Недавно попались мнѣ въ руки два Петербургскіе журнала. Къ чему тутъ обидки? Назовемъ вещи просто, по имени; журналы эти—*Литературная Газета* и *Сынъ Отечества*. Если вы позволили себѣ называть нѣкоторыхъ извѣстныхъ литераторовъ въ вашихъ критическихъ статьяхъ, и сумѣли говорить о нихъ безъ обиды для ихъ личности (мнѣнія особъ статья); то кто же закажетъ мнѣ обратиться прямо къ литературнымъ статьямъ Гг. безыменныхъ критиковъ и спросить ихъ прямо, откровенно и добросовѣстно: на какихъ началахъ приличіи и издѣчнаго вкуса основаны ихъ выходки? Кому изъ насъ какаѣ нужда знать, любить ли или нѣтъ безыменный критикъ „Литературной газеты“ Полеваго и Вулгарина, которыхъ избралъ онъ постоянною мишенью своего тупаго остроумія? а также, кому нужно знать, *презираетъ* ли или нѣтъ рецензентъ „Сына Отечества“ самія „Отечественныя записки“ или „Литературную Газету“? Какую пользу принесетъ словеснымъ наукамъ неизвѣстный критикъ Литературной Газеты и Отечественныхъ записокъ, если скажетъ, что ему совѣстно *наклониться до Сына Отечества*? Или на оборотъ, если безыменный рецензентъ Сына Отечества возражаетъ ему, напримѣръ, хоть слѣдующимъ привѣтствіемъ. „Сынъ Отечества не пойдетъ на поприще состязанія съ вами, боюсь наступить на нихъ, любя опрятность и уважая публику и читателей? О какомъ уваженіи говорить здѣсь критикъ? скажите мнѣ, Феба-радъ, Гг. издатели Маяка; какимъ *уваженіемъ* обязаны мы читате-

ли безименнымъ или—пожалуй—хоть и
имянитымъ критикамъ подобнаго разра-
да? И между тѣмъ это факты! Это все
напечатано, обнародовано *въ изиданіе не-*
офитовъ! И все это написано людьми, ко-
торые тутъ же толкуютъ вамъ *о вѣжливос-*
ти и приличіяхъ! Какъ будто неучитовъ
одного, даетъ право и отвѣтчику быть не-
вѣжено? Читалъ ли эти господа—а если чи-
тали—то помнятъ ли одинъ прекрасный
Библейскій диктопъ, (не говорю уже о
Евангельскихъ) „Блаженъ мужъ иже не
иде на совѣтъ нечестивыхъ“ или „не
ревнуй лукавующимъ“! Объ этомъ у нихъ
вѣроятно не было и въ поминѣ. И отче-
го? кто виною? Не *любезное ли я*, про-
клятое Богомъ, еще до созданія міра; не
прищипчивое ли я—дозунгъ демона соблаз-
нителя? И вотъ, напримѣръ, хоть я самъ
—вздумайся мнѣ раскритиковать другихъ
—чтожь бы вышло? меня вѣрно похва-
лять тѣ, чье самолюбіе не задѣто; по-
коснись *его*—именя назовутъ неучемъ, нелит-
тераторомъ—за поздалымъ умомъ; ма-
ло этого—похвали я автора, ненавистнаго
иному журнальному критику: мени
осыплютъ тѣми же ругательствами, и го-
тovy заматать хотъ каменьями; и это
называется у насъ *безпристрастіемъ*. Иной,
чтобы похвалить либимаго писателя, на-
примѣръ хотъ Гоголя или другаго ему
подобнаго даровитаго прозаика или поэта,
не умѣетъ иначе этого сдѣлать какъ вби-
валъ въ грязь другихъ даровитыхъ же
писателей—*не своего прихода*. . . . неужели
это критика? Были и такіе рецензенты
—благодаря Фебу, они теперь попригудли-
такіе рецензенты, повторяю я, которые,
говоря объ одномъ извѣстномъ писателѣ,
приказывали слугѣ своему дать ему *три*
оршка! Не жалость ли читать подобныя
пошлости? разумѣется, прочтя ихъ, не-
волью улыбнешься; но кому?—критикъ
или надъ критикою? а если критикуемый
авторъ стоящій, то кто знаетъ! можетъ
быть онъ еще и переживетъ не только
рецензію, но и репутацію своего рецен-
зента? Есть еще и такіе журнальные кри-
тики, которые представляютъ примѣры
совсѣмъ другой методъ: что похвалить
одинъ, то непремѣнно обручаетъ другой
и на оборотъ, и это все не по внутрен-
нему убѣжденію; а такъ здорово живешь!
Не разъ смѣялся я въ душѣ, читая по-

добныя мнѣнія; напримѣръ, хотъ бы о
двухъ новѣйшихъ изданіяхъ „*Литтонъ* и
Репертуаръ“, изъ которыхъ сдѣлали ка-
кихъ то двухъ враждующихъ братій
Этеокла и Полиника. Одного расхвалили
въ Сѣверной Пчелѣ и разругали въ Оте-
чественныхъ Запискахъ; другаго превоз-
носятъ въ Отечественныхъ Запискахъ;
и осмѣиваютъ въ Пчелѣ. Чье мнѣніе спра-
ведливо? кто правъ? кто виноватъ? Оба
критика правы и оба виноваты. Оба смо-
трятъ на вещи въ очки умышленно бли-
зорукихъ и, увъ! по слабости человѣче-
ской, безотчетно хвалятъ и безотчетно
бранятъ. И кто же опять имъ повѣритъ
на слово? Публика прочтетъ сама, посу-
дить и осудитъ или критики или изда-
ніе: но осудитъ неумытно за дурное, но
похвалитъ отчетливо за хорошее. Такъ
и быть должно: и хорошее и дурное
есть во всѣхъ изданіяхъ, какъ и во всѣхъ
дѣлахъ рукъ человѣческихъ: совершенны
одни дѣла Рукъ Божіихъ; да и тѣ еще,
прости Господи! частенько искажаются,
попавъ въ нечистыя челоуѣчьи руки!
Не лучше ли бы, не достойнѣ ли знанія
критика разобрать доказательно, то, о
чемъ говоришь? Кажись такъ; анъ выхо-
дитъ на выворотъ! „Слуга покорный, Г.
умникъ, примѣрьте ка на себя, да послѣ
и толкуйте.“ „Извольте, господа: готовъ
примѣрить, и докажу вамъ совѣстно и
чистосердечно, что изъ перваго обругав-
шаго статью мою писателя—если въ немъ
есть хотъ искра дарованія—я готовъ вамъ
выставить красоты, (опять таки на усло-
віи буде *онѣя по справкѣ окажутся*); за не-
справедливость не похвалю брата родна-
го, а дарованію, хотъ бы заклятаго вра-
го—готовъ протянуть не замаранную
пристрастіемъ мою руку.“—„а вотъ уви-
димъ!“ „Увидите коли дастъ Богъ здо-
ровья и вамъ и мнѣ.“

Пока я чертилъ эти строки, лягавый
щенокъ мой задралъ съ бульдогомъ во-
шедшаго ко мнѣ гостя. За что бы вы ду-
мали? За обглоданную кость! Мы разог-
нали враговъ и выбросили кость за окно,
потомъ помирили ихъ давъ каждому по
подачѣ—сытые враги пречинно усѣлись,
перенюхались и заиграли по братски.

Не тоже ли и у насъ на бѣломъ свѣтѣ? ска-
залъ мнѣ мой гость насмѣшливо улыбаясь,

Пока мы распивали чай, а собаки наши подбирали подачки; посетителю моему захотѣлось узнать, что я пишу. Я показалъ ему написанное, а онъ рассказать мнѣ довольно кстати, слѣдующій *искомысленный* анекдотъ *).

„Во время знаменитой борьбы учениковъ Декарта съ послѣдователями Аристотеля, жилъ былъ во Франціи одинъ весельчакъ, у котораго находилось во дворѣ четыре собаки: два пса и два щенка. Одного изъ старыхъ псовъ прозвали онъ Декартомъ, а другаго Аристотелемъ; каждому онъ придалъ по щенку ученику, готовому хоть на ножъ за своего патрона. И псы и щенки приучены были ненавидѣть своихъ противниковъ не хуже тогдашнихъ партизановъ Декарта и Аристотеля. И жалко и смѣшно было смотрѣть какъ эти животныя грызлись между собою.“

„Когда проказникъ хозяинъ затѣвалъ съ ними торжественную потѣху, онъ пускался гулять по улицамъ Парижа, сопровождаемый этими непримиримыми псами. Онъ кликалъ ихъ по имени: Декартъ бѣжалъ по лѣвую его сторону, Аристотель по правую, каждый клиентъ слѣдовалъ за своимъ патрономъ. Около чудака хозяина собиралась обыкновенно толпа народа и начиналось презабавное *exordium* (вступленіе). Хозяинъ останавливался и увѣщевалъ Аристотеля примириться съ Декартомъ: Аристотель показывалъ зубы, огрызался при одномъ имени Декарта, яростный лай и злоба сверкавшая въ глазахъ неистоваго пса, ясно показывали увѣщевателю непримиримость увѣщываемаго. Тогда онъ обращался къ Декарту: тѣже убѣжденія, тотъ же неистовый отъзвѣвъ. Посмотримъ, продолжалъ проказникъ, сохранилъ всю оффиціальную важность миротворца,—не счастливы ли будутъ взаимные переговоры пашин, Гг. псы, чѣмъ убѣжденія пастороннаго доброжелателя—и онъ страдаливалъ двухъ противниковъ: обитюхавъ другъ друга, они начинали тихо ворчать, какъ бы выясняя другъ другу свои частныя мнѣнія: сперва шло дѣло поочередно, какъ будто бы одинъ другаго спрашивалъ, а

тотъ отвѣчалъ на вопросы. Непримѣтнымъ образомъ враждебная воркотня становилась громче и отрывистѣе, голоса сливались въ одинъ протяжный вой, беспорядочный вой превращался въ бѣшеный лай, которому усердно вторили визгомъ своимъ щенки клиентъ, и тутъ уже каждый изъ соеяззателей бросался на противника своего съ такимъ остервененіемъ, что иногда не помогала и власть хозяина: диспутантовъ часто надобно было разливать водою. Толпа помирала со смѣху, шерсть летѣла клочьями, а кровь лилась ручьями. Чудаку хозяинъ четвероногихъ Аристотеля и Декарта называлъ обыкновенно свалку ихъ *Философическимъ Диспутомъ*.“

Не походили ли на нихъ многіе безименные критики? Не тотъ же ли самый смѣхъ толпы, а вмѣсто шерсти и крови, нѣсколько завѣданныхъ авторскихъ репутаций, нѣсколько пучковъ притупленныхъ перьевъ и столько же дестей запачканной бумаги. А успѣхи ума? а вкусъ? а литература? . . . увы! увы! увы! . . .

Сидоръ Книгомановъ.

ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВЫЯ ОБЩЕСТВА.

I.

Если мореплаваніе сдѣлалось для міра источникомъ новыхъ благъ, то завоеваніе это приобретено человѣчествомъ не иначе какъ чрезъ пожертвованія великія. На сушѣ, человекъ, для отвращенія опасностей грозившихъ его жизни, находить около себя всѣ средства къ само-сохраненію, какія только даетъ ему природа и его собственная смѣлленость; на Морѣ же, напротивъ, средства истощаются по мѣрѣ того какъ увеличиваются опасности. Онъ носителъ какъ перо среди этого грознаго уединенія; только доской отдѣленъ отъ пропасти; въ минуты кризиса ему грозятъ смерти и небо и вѣтры и волны. . . Въ особенности около нашихъ (Французскихъ) береговъ, почти вездѣ опоясанныхъ грядками утесовъ, рѣдко опасность не переходитъ въ бѣдствіе. За то сколько же и крушеній ежегодно около этихъ береговъ. . . Сколько драмъ, раздирающихъ сердце, случается намъ быть

* См. Nouvelle Bibliothèque de Société (Variétés historiques) T. 11. p. 107 et 108.

правдыми свидетелями у этих берегов?... Эти злополучныя сцены возобновляются въ каждое равноденствіе, съ каждою зимою и мы не можемъ уменьшить числа жертвъ ихъ. Не бываетъ бури, которая не произвела бы глубокой раны въ сословіи мореходцевъ!.. Неужели человечеству предназначено вѣчно страдать отъ этого бѣдствія и никогда не быть въ силахъ отвращать его?... Неужели ни Филантропія, столь изобрѣтательная въ своихъ умозрѣніяхъ, ни наука, столько заслужившая чрезъ свои драгоцѣнныя открытія и полезныя приложенія, не могутъ ничего сдѣлать для уменьшенія этихъ бѣдствій, для сохраненія жизни столькимъ несчастнымъ?... Нѣтъ, это не правда. Не смотря на равнодушіе нашего національнаго характера ко всему тому, что не поражаетъ непосредственно общественнаго мнѣнія, а—общественное мнѣніе во Франціи, по несчастію, есть мнѣніе Парижа,—голосъ вопіющаго человечества раздастся слишкомъ громко, для того, чтобъ люди ученые и просвѣщенные не старались изыскивать средствъ къ уменьшенію числа этихъ бѣдствій. Въ последнее время изобрѣтено множество разныхъ машинъ и снарядовъ для спасенія жизни терпящихъ крушеніе, часто не смотря на все совершенство ихъ морскаго искусства; но, высокая цѣна на эти предметы и непростительная безпечность Французскаго Правительства сдѣлали эти человеколюбивыя изобрѣтенія слишкомъ не общенародными:—нѣтъ отъ нихъ той пользы, какой ожидаетъ, человечество. Едва ли на всемъ протяженіи нашихъ береговъ найдете хотя нѣсколько изъ этихъ машинъ, которыхъ, правительству предусмотрительному и человеколюбивому надлежало бы образовать цѣлыя депо во всѣхъ приморскихъ городахъ. За то и случается постоянно, что терпящимъ крушеніе у нашихъ береговъ не подается ни какой помощи!.. Вотъ причина столькихъ несчастій!.. Скажите на милость, не прискорбно ли помыслить, что изъ восьми или десяти тысячъ мореходцевъ ежегодно погибающихъ у западнаго берега Европы, покрайней мѣрѣ три четверти можно бы спасти!... Это обстоятельство не надо при-

писывать недостатку самоотверженія въ нашихъ прибрежныхъ обитателяхъ; нѣтъ, вы не найдете другаго сердца въ которомъ бы героическое отверженіе всѣхъ эгоистическихъ чувствъ доходило до такой степени, какъ у этихъ моряковъ нашихъ; привыкшіе бороться съ моремъ, у котораго ежедневно принуждены оспаривать средства своего пропитанія, они съ запальчивостью бросаются въ опасности на помощь несчастнымъ, бурю прибитымъ къ берегамъ ихъ... Но что можетъ сдѣлать одна отвага человѣческая въ борьбѣ съ разъяренными стихіями!... Если и случается имъ иногда вырвать нѣсколько жертвъ изъ челюстей смерти, за то сколько разъ порывы этой возвышенной доблести лишь увеличивали число жертвъ!..

И такъ скажемъ съ однимъ изъ нашихъ благороднѣйшихъ Филантроповъ, съ Г. Кастера: „мы не имѣемъ недостатка ни въ усердіи къ изысканіямъ средствъ, насъ нельзя упрекнуть ни недостаткомъ чувствъ самоотверженія—и въ этомъ отношеніи множество героическихъ подвиговъ говорятъ въ пользу нашего національнаго характера; но все у насъ дѣлается частно и случайно; ничего отъ власти Правительства; ничего отъ лица общества; ничего отъ благородной предусмотрительности; изъ этого вышло, что всѣ изобрѣтенныя средства остались въ книгахъ; забвеніе о нихъ обратилось въ предубѣжденіе противъ нихъ, а время заклеяло ихъ печатью давности. Этому и быть надлежало; чтобъ убѣдиться въ томъ, достаточно взглянуть на вопросъ съ указанной точки зрѣнія и показать отношенія его къ намъ. Столица нашего Королевства не прилежитъ къ Океану; кораблекрушенія совершаются далеко отъ ея ученыхъ, отъ ея художниковъ и дѣйствуютъ своими ужасами только на тѣхъ людей, передъ глазами которыхъ разыгрываются эти плачевныя драмы; люди эти дѣлятся на два класса: собственно на приморскихъ жителей имѣющихъ болѣе практики нежели познаній и слишкомъ обремененныхъ матеріальными заботами для того, чтобъ вдаваться въ область мысленія, и на арматоровъ, хотя вообще гораздо болѣе образованныхъ, но столько занятыхъ расчетами частныхъ

выгодъ, что имъ вовсе нѣтъ времени думать о пользѣ общед. Великъ дѣло касалось до какого нибудь корабельнаго усовершенствованія, до средства дать судну большую вѣстительность, она видѣли бы въ этомъ возможную выгоду и занялись бы ею; но если дѣло касается до обузданія стихій для спасенія утопающихъ, они видятъ въ этомъ отвлеченности ипотетическія и оставляютъ ихъ въ покоѣ.“

Ужъ съ давнихъ поръ промышленность изобрѣла средство предохранять отъ гибели капиталы свои въѣрлемые полянамъ Океана, но до сихъ поръ еще и не думала она сдѣлать что нибудь для уменьшенія числа погибающихъ своихъ матросовъ!...

И такъ, это необходимость священная, долгъ человечества—основать и образовать по всему протяженію береговъ нашихъ Филантропическія общества, въ коихъ мудрая предусмотрительность сосредоточила бы все, что только нужно для спасенія жизни и для помощи потерпѣвшимъ крушеніе, гдѣ, кроме того, люди, занимающіеся совѣтаннымъ искусствомъ, могли бы найти все что только когда либо изобрѣтено было для уменьшенія бѣдствій на морѣ.

Англія, въ которой все что только касается до мореплаванія всегда возбуждаетъ глубокое сочувствіе, давно подала намъ примѣръ подобныхъ человѣколюбивыхъ обществъ, составившихся съ единственною цѣлью помогать и благотворить потерпѣвшимъ крушеніе. Сдѣлать этою обществамъ со всѣмъ жаромъ и со всею готовностію возвышеннаго сердца, вызвались всѣ самые почетные и достойные люди въ Государствѣ. Въ своихъ торжественныхъ собраніяхъ, общества эти объявляютъ имена тѣхъ лицъ, которыя или своимъ самоотверженіемъ или своею изобрѣтательностью заслуживаютъ ихъ признательность и признательность человечества. Эти почетныя имена обнародываются чрезъ періодическія изданія и вписываются въ протоколы обществъ.

Лондонское Королевское Общество также послѣднее приняло участіе въ благотворномъ соревнованіи этихъ новородившихся обществъ, которыя вскорѣ на-

и.т. себѣ множество подражаній по всѣмъ берегамъ соединенныхъ Королевствъ, такъ что всякая новая идея, всякое новое изобрѣтеніе, клонящееся къ пользѣ человечества вполне можетъ быть увѣрено, что найдетъ въ Англіи и участіе и поощреніе и вспоможеніе; за то, ежедневно новыя и почти неожиданныя результаты радуютъ сердца основателей и покровителей столь полезнаго дѣла. Мы хотимъ сообщить здѣсь только одинъ случай и показать, съ какою скоростью суда потерпѣвшія крушеніе получаютъ вспоможеніе на англійскихъ берегахъ.

Была глубокая ночь; вѣтеръ ревелъ съ жестокостью рѣдкою даже на нашихъ моряхъ; волны пѣною разстилались далеко по берегу усѣянному камнями, какъ вдругъ силою вѣтра и волненья прибило къ этимъ камнямъ большой купеческій бригъ. Тотчасъ же изготовили на берегу спасительную шлюпку Грיתהдову (Great-head), шлюпку незатопляемую и отправили къ судну ежминутно готовому разсыпаться въ щепы... Но будемъ лучше говорить словами Г. Кастера.

„Особенно замѣтны были въ толпѣ два Лорда, подмавившіе собою примѣръ матросамъ и пособлявшіе имъ снаряжать и отправлять благодѣтельную шлюпку, которая послѣ достопадной борьбы съ яростью буруновъ, успѣла перенести на берегъ весь довольно многочисленный экипажъ брига. Случись это: крушеніе у нашихъ береговъ, ни одинъ изъ этихъ несчастныхъ не спасся бы, и смерть ихъ обвиняла бы беззаботность народа просвѣщеннаго и человѣколюбиваго, который не могъ помочь имъ даже этимъ проетымъ и извѣстнымъ средствомъ, которое онъ видитъ у своихъ соседей и которому даже самъ имѣетъ нечто подобное въ нѣкоторыхъ изъ своихъ портовъ.“

Если Англія первая подала примѣръ, къ этимъ человѣколюбивымъ учрежденіямъ, то Франція соперница ея во всемъ что только носитъ на себѣ печать прекраснаго и высокаго, не осталась равнодушною при рѣшеніи проблемы имѣющей предметомъ жизнь человѣческую. Общества для вспоможенія потерпѣвшимъ крушеніе образовались въ двухъ изъ нашихъ портовъ. Уже въ 1827 году общество города Вулони (приморской) сла-

вилося многочисленностью жертвъ спасенных его человеколюбивымъ содѣяніемъ. А съ того времени сколько еще несчастій предотвращено на этомъ берегу бдительными попеченіями того же общества?.. Дюнкеркъ также соревнуеть Булоньи *)); но раздѣленіе, въ какомъ по необходимости находятся эти два благотворительныя общества, препятствуетъ распространенію круга ихъ дѣйствій. Мало того если эти общества будутъ заботиться только о нѣкоторыхъ точкахъ нашего берега, надобно чтобъ они обнимали его весь безъ изыятія. Центральное общество учрежденное въ Парижѣ должно бы быть естественнымъ средоточіемъ всѣхъ этихъ маленькихъ побережныхъ обществъ, которыя такимъ образомъ всѣ связывались бы между собою и получали отъ Парижскаго общества всѣ новѣйшія открытія, всѣ новѣйшія изобрѣтенія по части советажнаго искусства; но для быстраго осуществленія этой идеи нужно покровительственное содѣяніе какого нибудь посторонняго общества, тѣла уже организованнаго.

„Для преодоленія препятствій рождающихся изъ самой природы вещей, говоритъ авторъ того же мемуара Г. Castéra, обращаясь къ *Обществу поощреній*, для сокращенія этихъ проволокъ безъ которыхъ не можетъ выйти въ употребленіе ни какое новое открытіе или усовершенствованіе, для покоренія недоброжелательства и сопротивленія предубѣжденій, надобно чтобъ побужденіе дано было изъ одного центра и съ точки возвышенной, чтобъ поддерживала его воля сильная, чтобъ помогало ему посредничество постоянное, и только одно ученое и почтенное общество заслуживающее

общую довѣренность и по своимъ сношеніямъ и по своимъ полезнымъ дѣламъ, въ состояніи исполнить это благородное призваніе. Мы знаемъ, что оно не чуждо намъ, и радуемса видя что эти чувства касаются до обязательствъ вашихъ столько же сколько и согласуются съ вашимъ сердцемъ.....

II.

Мы скажемъ, что бѣдствія безпрестанно совершающіяся на нашихъ берегахъ во время равноденственныхъ приливовъ и зимнихъ бурь, что безполезность героическаго самоотверженія нашего прибрежнаго населенія, въ слѣдствіе невѣденія вспомогательныхъ средствъ созданныхъ наукою, громко требуютъ учрежденія человеколюбивыхъ обществъ, и не хотимъ упустить случая представить нашимъ читателямъ еще нѣкоторыя поясненія, оправдывающія мысли наши объ этомъ предметѣ, — вотъ письмо полученное нами отъ того извѣстнаго Филантропа, слова котораго мы уже приводили какъ несомнѣнный свидѣтельство.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО КОРАБЛЕ-КРУШЕНІЙ.

Парижъ, 26 Іюля. 1834.

Господину Редактору журнала „*France Maritime*“

Милостивый Государь!

Не иначе какъ чрезъ благонамѣренныхъ и человеколюбивыхъ соединенія трудовъ, приобретаются великія умственныя и нравственныя улучшенія, а потому для полученія ихъ и надо обращаться къ этому благотворительному и постоянному источнику. Душа природы, духъ общительности преобладаетъ во всѣхъ земнородныхъ, но наиболее впечатлѣный въ человека, онъ заставляетъ его творить чудеса; онъ соединяетъ людей, создаетъ націи и порождаетъ гражданственность. Этими то многочисленными соединеніями людей подъ именемъ обществъ религіозныхъ и ученыхъ, земледѣльческихъ и мануфактурныхъ, обдана Англія своею рачнею зрѣлостью и всѣмъ, что только важно-

*) Г. Карліе возмѣщавшій благотельное намереніе учредить въ Дюнкеркѣ человеколюбивое общество по образцу Булоньскаго, — предложилъ принимать и дѣлать въ члены этого общества. Вотъ примѣръ достойнаго подражанія. Будемъ надѣяться что эти два города чрезъ благотельныя слѣдствія своихъ человеколюбивыхъ заведеній, подвигнутъ къ подражанію и другіе наши приморскіе города.

часть она въ себя великаго и благоденствующаго. Тому же самому обязана Америка тѣмъ, что въ 80 лѣтъ прожила нѣсколько вѣковъ; а Франція большею частью своихъ богатствъ, своей комерціи и своихъ промысловъ, и въ этомъ отношеніи ощутительнѣе только одинъ недостатокъ требуемый и нашими нуждами и нашими правами. У насъ во всѣхъ Департаментахъ распространены и общества образовательныя и общества благотворительныя; мы имѣемъ нѣсколько обществъ въ пользу заключенныхъ и мы не имѣемъ ни одного въ пользу кораблекрушеній! — Произоситъ приговоръ средствамъ для этого изобрѣтенныхъ, есть обязанность опыта, но обязанность сердца состоитъ въ томъ чтобъ заботиться о безопасности мореходцевъ.

Нынѣ существенный вопросъ состоитъ для насъ въ томъ, чтобъ знать за подлинно, можно ли превратить эти бѣдствія или только уменьшать ихъ, и для насъ достаточно будетъ если люди здравомыслящіе раздѣлятъ наше мнѣніе на счетъ того, какое участие, во всякомъ случаѣ, должны принимать эти челоѣколюбивыя общества. Положимъ, что было доказано множествомъ поступковъ героизма и возвышеннаго самоотверженія, и въ особенности, примѣромъ этихъ великодушныхъ обитателей острова „Сенъ“ столь отважныхъ и столь гостеприимныхъ, что во все времена умѣли они спасти отъ потопленія тысячи несчастныхъ; но и тутъ, посредничество общества, имѣющаго исключительную цѣль внушать подобные подвиги блистательной доблести, награждать такіа добродѣтели, было бы однимъ изъ благотѣльнѣйшихъ учреждений; и даже положимъ что дѣйствія его ограничивались бы только нравственнымъ вліяніемъ на прибрежныхъ жителей, все такъ это было бы великое благодѣяніе и для мореходства и для страны и для челоѣчества. За тѣмъ чтобъ тронуть столицу, которая изъявила свои чувства столь торжественнымъ образомъ *), мы

*) Мы почитаемъ своею обязанностью обратиться при этомъ случаѣ вниманіе читателей нашихъ на одно обстоятельство торжественнаго, заведенія Академіи „des Trois Industries“ потому что оно пріятно для

не употребили увѣрки Антонія разстилающаго плащъ Цезаря, не будемъ опшесывать ужасныхъ несчастій случившихся этому зиме, мы не представимъ картины Булонскаго рейда и крушенія „Амфитриды“, умолчимъ объ этомъ длинномъ рядѣ гробовъ, заключающихъ въ себя трупы выброшенные на берегъ, и о погребальномъ шествіи цѣлаго народонаселенія той части приморья; мы замѣтимъ только, что эти ужасныя катастрофы возобновляются въ каждое равноденствіе и губятъ ежегодно отъ 10 до 20 тысячъ челоѣкъ! 20 тысячъ челоѣкъ!... Какая утрата для мореходства! Какая рана для челоѣчества!...

Мы скажемъ гражданину гордющемуся славою нашего флага — подумайте объ опасностяхъ тѣхъ храбрыхъ, которые прославили его въ сотни битвъ! Негоцианту богатѣющему отъ комерціи двухъ міровъ, — подумайте о бѣдствіяхъ тѣхъ людей, которые открываютъ для васъ пути Океана! Красавицѣ, украшающей себя произведеніями четырехъ материковъ, подумайте, о вдовахъ и сиротахъ тѣхъ людей, которые погибаютъ, желая удовлетворить нашимъ прихотямъ, содѣйствуйте крайней мѣрѣ вашимъ вѣсомъ въ обществѣ къ принятію средствъ противъ этихъ бѣдствій, къ спасенію моряковъ. Но, не въ пустыхъ сожалѣніяхъ о судьбѣ своей нуждаются они, имъ нужны мѣры скорныя, существенныя.

Да, настало то время, что мѣры эти будутъ исполнены. Наука можетъ,

моряковъ и похвально для жителей столицы Въ ту минуту какъ Президентъ вызвалъ Г. Кастера для получения медали присужденной ему Академіею, — началъ говорить о его филантропическихъ предпріятіяхъ, рукоплесканія сопровождавшія всю эту рѣчь, слышались оглушительныя при словахъ „Fondateur de la Société centrale des Naufrages“, основатель центрального общества кораблекрушеній“ и этия за-свидѣательствали то живое участіе, какое съ этихъ поръ Парижская публика постоянно принимаетъ будетъ въ многочисленныхъ и драгочѣнномъ классѣ людей,

общественное мнѣніе хотеть. Готовность видна повсюду. *Человѣколюбивое общество* въ Булоньи, въ продолженіе урагановъ обуревавшихъ тотъ берегъ, преобразовалось въ *Общество Кораблекруженій* и свято исполняетъ свои обязанности. Точно такое же общество основалось въ Дюнкеркѣ и имѣеть въ виду распространять свое вліяніе такъ далеко какъ только средства позволяютъ, и такимъ образомъ нужно можетъ быть лишь послѣдить учрежденіемъ центрального общества, для того, чтобъ самъ собою образовался этотъ „благодѣтельный союзъ друзей чело-вѣчества, должествующій обнять берега наши, раздѣляться на части межъ нашими приморскими городами и связываться однимъ общимъ Комитетомъ засѣдающимъ въ столицѣ“ (Отрывокъ изъ рѣчи читанной въ Академіи Наукъ 25 Февраля 1833 года и помѣщенной въ *Annales maritimes*).

Прошу Васъ, милостивый государь, принять мои сердечныя благодаренія за полезное участіе, какое принимаетъ въ этомъ дѣлѣ вашъ уважаемый журналъ. Именно Редактору журнала „*Fran-се Maritime*“ ужъ столь извѣстному мор-рякамъ своими замѣчательными трудами, по преимуществу, принадлежить право говорить во всеуслышаніе: *Salvons les marins! Спасемъ мореходцевъ!* слово, которое прогресситъ нѣкогда по всей Европѣ, а пока, это слово есть знакъ соединенія, лозунгъ основателей будущаго центрального общества, тѣхъ самыхъ, кото-рые въ самомъ началѣ ободрили мои пла-ны и поддерживали мои усилія, да полу-чать здѣсь и они свидѣтельство моеи признательности; они дѣлаютъ благо современникамъ, но потомство не забудетъ заслугъ ихъ, потому что народы пой-мутъ наконецъ, что наиболее достойны ихъ памяти и одобренія, труды посвя-щенные отечеству и услуги оказанныя чело-вѣчеству! *)

Примите и проч. *Настера.*
съ Франц. Н. С.—нѣ.

*) Мы читали въ одномъ изъ журналовъ, что недавно въ Англии Г. Маккинтошъ изобрѣлъ новаго рода советажную шляпку, сдѣланную изъ резины и столь легкую, что когда вышущена изъ нее вода, то

ВЕДРО И НЕНАСТЬЕ,

ПРОСТОЙ РАЗСКАЗЪ.

Погода была самая благопріятная для прогулокъ. Вчера ѣздила я на пароходѣ въ Кронштатъ. Кто не знаетъ Кронштата? Но всѣ ли понимаютъ, что такое Кронштатъ — этотъ *спинецъ горды*, безцѣнная жемчужина Россіи, щитъ-Палладіонъ Петровой столицы? . . . Сколько отраднхъ чувствъ возбуждаетъ видъ Кронштата въ душѣ моей — не могу вамъ выразить; тутъ надежды мои — какъ Русскаго, тутъ надежды мои — какъ отца *); тутъ развѣваются флаги и выпелы цѣ-лыхъ поколѣній того знаменитаго боти-ка, который, по справедливости названъ *дѣдушкой Русскаго флота*; тутъ видимъ олицетвореніе Петровыхъ надеждъ. Что создалъ въ умѣ своемъ великій предокъ, то осуществилъ его доблестный пото-мокъ, подѣ державой котораго такъ хо-рошо, такъ привольно живетъ въ Рос-сіи. Петръ сказалъ, воссоздавая ее: *Россія должна быть новою частью свѣта — и бысть!* Россія должна быть щитомъ правды и порядка въ Европѣ — *я бысть!* Россія дол-жна быть убѣжищемъ наукъ, художествъ, промышленности — *я бысть!* И мы дожи-ли до этого благодатнаго времени: всѣ полезнѣйшія изобрѣтенія перенесены къ намъ изъ за моря, изъ за тридцати зе-мель, и водворены у насъ какъ дома, и усвоены нашей почвѣ какъ драгоценныя чуждыя произведенія привитыя рукою искуснаго садовника къ нашимъ роднымъ стеблямъ: *гальванопластика, электроходъ, примѣчательнѣйшія открытія новѣйшаго времени, родились въ Россіи!* весело быть Русскимъ въ нашъ вѣкъ: *нѣ квакшия на-триотизмъ*, какъ сказалъ нѣкто, *а сознаніе*

однѣмъ чело-вѣкъ можетъ нести ее подѣ мыш-кой; между тѣмъ, какъ будучи надута, эта резиновая шляпка поднимаетъ до де-сяти чело-вѣкъ. Филантропическое изобрѣтеніе Г. Маккинтоша обратило на се-бя вниманіе цѣлой Англии, столь внима-тельной ко всему, что только касается до блага ея отличныхъ моряховъ.

*) Смыслъ автора имѣеть честь служить въ Балтійскомъ флотѣ.

*собственных силъ, радуется здѣсь о воз-
величеніи своей родины...*

Ваглянувь—хоть на Кронштатъ, такъ живописно развивающійся передъ глазами вашими, какой Русской не скажетъ гордому иностранцу: милости просимъ, гости незваные, мнимые господа всѣхъ морей! попытайтесь, пройти съ вашими бродячими твердынями и *насилно* отвѣдать нашего хлѣба соли! Посмотрѣль бы какъ вы пройдете сквозь этотъ дѣсь мачтъ, сквозь эту флангу батарей и фортвъ оцетинившихся пушками. Прислушайтесь къ говору ихъ огненныхъ жерлъ и вы, право, сдѣлавъ шагъ впередъ отступите на два, уберетесь домой *за добра ум.*... Милости просимъ къ намъ и вы, мирные сѣтели полезного, вы—проводники богатствъ земныхъ, благоденствія народовъ—суда купческія! Васъ ждеть у насъ Русское радушное гостепріимство. Мы рады мѣняться съ вами избытками нашего Русскаго ума, нашей Русской почвы; готовы встрѣтить васъ какъ друзей и по братски прижать къ нашей Русской груди, усыновить все ваше умное, полезное, дѣльное. Не ѣздите только къ намъ съ предательскими совѣтами вашей мнимой филантропін, вашего выпереняго космополитизма, который, называя отечествомъ своимъ всю вселенную, живетъ вездѣ какъ *бездомный бобыль*, почитаетъ отчизной своей не родину предковъ, страну которой онъ обязанъ и жизнию и первоначальнымъ образованіемъ, а мѣсто—гдѣ привольнѣе жить его любезному я; поберегите *мировыя* теории ваши для себя: право—мы не хуже васъ понимаемъ, что намъ полезно и вредно; а кто самъ не счумѣлъ, тому дали ощупать это вредное и полезное—какъ дважды два четыре. Опытность заставила насъ убѣдиться въ одной изъ вашихъ аксіомъ: „Le Soi disant mieux est l'en nemi du bien.“ Хозяинъ огромнаго дома Русскаго, глава великой семьи Славяно-Русской знаетъ, что дѣлаетъ и доказалъ вамъ это на дѣлѣ.... Вотъ мысли, которыми, какъ пріятныя грѣзы, убаюкивали меня на пароходѣ, когда я возвращался домой изъ дивнаго Вѣнца-города, въ нашу сѣверную столицу. Погода переменилась—изъ ведра въ ненастье, и я молча сидѣлъ въ углу каюты Бертова парохода

„Софья“, самаго неудобнаго-изъ всѣхъ его пароходовъ по медленности его и тѣснотѣ душевныхъ, закупоренныхъ каютъ, въ которыхъ набралось *многое множество людей со всѣхъ поморій Тира и Сидона!* Тутъ вычисляли два Датчанина всѣ петербургскіе товары, которыми предполагали нагррузить корабли свои: тамъ два гордыхъ Албюнца толковали между собою о томъ, какъ придется одному изъ нихъ, сдать товаръ свой въ Ливерпуль, плыть въ Индію, а другому изъ Корка въ Кантонъ. При словѣ Кантонъ я примѣтилъ улыбку самодовольствія на устахъ одного черноглазаго молоденькаго Янки (сѣвероамериканца), весело покуривавшаго свою гавацскую сигару и стучавшаго витой тросточкой о каютный полъ. Эта сардоническая улыбка вскорѣ объяснилась по выходѣ двухъ краснощекихъ Джонъ-Булей. „Имъ додго еще придется возиться съ Китайцами за свой Индостанскій опиумъ.“—А вы господа Нордъ-Американцы, сказалъ я, грѣетесь у пожара друзей нашихъ Англичанъ, продавалъ Китайцамъ ваши вооруженныя суда. „Хороши друзья, отвѣчалъ мнѣ молодой Янка,—мы скоро покажемъ имъ дружбу на Канадской границѣ, если Конгрессъ приметъ предложеніе Преаидента Фауъ Бюрена объ увеличеніи нашего войска.“—Лучше бы вамъ скорѣе кончить войну Флоридскую, гдѣ цѣлая бригада ваша болѣе трехъ дѣтъ не сладитъ съ полутора тысячами дикарей.—, Флорида дѣло другое: тамъ такіе болота и дѣса, что въ однихъ увязнешь по горло, а въ другихъ свѣту Божьяго невидать. Но война эта скоро кончится: для Американца нѣтъ ничего невозможнаго. Знаете ли, что мы сдѣлали во время нападенія Англичанъ на нашъ Вашингтонъ: *въ шесть недѣль* выстроили, спарядили, спустили на воду и вооружили цѣлый флотъ... *изъ сыраго лѣса!*“ Я невольно размѣялся. „Вы не вѣрите, сказалъ хвастливый Янка, оттого что не знаете нашихъ средствъ. У насъ въ каждомъ портѣ есть верфи, къ каждому порту ведетъ или желѣзная дорога или каналъ или судоходная рѣка. Лѣсамъ нашимъ предѣловъ нѣтъ—впрочемъ о всемъ этомъ напечатано въ Нью-Йоркскихъ газетахъ.“... Положимъ, возразилъ я, что флотъ вашъ *волшебнымъ* жезломъ патріотизма

выстроился *въ шесть надѣль изъ сыраго лпса*, но къ чему былъ выстроены этотъ флотъ, и на долго ли? Развѣ на шесть новыхъ медѣль.—„Ну, это особѣ статья; но я говорю что онъ точно былъ выстроены и напугалъ Англичанъ.“—Прекрасно! Но чтожъ онъ сдѣлалъ? „Какъ что?“...—Не защитилъ даже вашего капитолия!—Американецъ мой смѣшался. Его кто-то кликнулъ и онъ ушелъ, оставивъ во мнѣ самое несприятное впечатлѣнiе о хвастливости и пристрастiи своемъ къ пучкамъ. Дождь продолжался еще на верху, и я рѣшился, скуки ради, развернуть одну изъ взятыхъ съ собою газетъ. Знаете ли на чемъ остановилось мое вниманiе подъ готовленное мечтами о Петрѣ Великомъ? На *Вѣдомостяхъ С. Петербургской Городской Полици*!

Вотъ забавно скажете вы: да что же имѣетъ общаго С. Петербургская Полицейская Газета *) съ великими начинанiями Петра и Его славнаго потомства? Многое, весьма многое—болѣе чѣмъ вы думаете. Каждое доброе звѣно есть часть великой цѣпи Государственнаго благоустройства. Газеты этой не доставало у насъ въ столицѣ: по многимъ отношенiямъ, ее можно назвать бесѣдой Правительства съ народомъ Русскимъ, бесѣдой умной, дългной, полезной, искренней. Сколько ложныхъ толковъ, сколько вздорныхъ сказокъ она предвѣщаетъ! Вынало какое нибудь ничтожное событiе возбуждаетъ такiя комментарiи городскихъ вѣстовщиковъ, такiе толки праздношатающей болтовни, что ни одна варианцiа на музыкальную тему не могла сравниться съ нею. И отчего? Отъ бездальницы... у насъ не было Полицейской Газеты, не было извѣстiй изъ первыхъ рукъ, прямыхъ свѣденiй отъ городского начальства, о томъ что случилось въ столицѣ, и широковыщательная молва, отъ нечего сдѣлать, дразна горло,—

да такъ, что уши влм! На это могутъ мнѣ возразить, и не безъ основанiя, что оффиціальныя листы сообщали по временамъ все важнѣйшее. Но сколько разъ эти полсенiя выходили *post festum*? Но сколько частныхъ мѣлочей, сколько случаевъ ежедневныхъ оставались загадкою для публики? Объ нихъ не было ни мѣста, ни возможности печатать въ обоихъ оффиціальныхъ листахъ; и записнымъ вѣстовщикамъ и всемъ паразитамъ застольнымъ было тогда раздолье. Смѣю увѣрить, и пресерьозно, что размноженiе оффиціальныхъ правдивыхъ газетъ по всемъ отраслямъ Администраци, ведетъ весьма успешно къ возворенiю нравственности въ обществѣ. Что прежде всего служитъ источникомъ порчи нравовъ и всего безнравственнаго?—Ложь, праздношатающiеся обоюга, и праздношатающiеся обоюга. Пока этимъ господамъ и господамъ есть что развѣсывать, пока имъ предстоитъ обширное поприще для словесной литературы вымысла и толковъ,—до тѣхъ поръ они, какъ домашнiя насѣкомыя, всюду заплозаютъ, размножаются и принимаются какъ необходимость и украшенiе быта, на ровнѣ съ учеными попугаями, скворцами и москками. Но доставьте возможность каждому достоверно знать самому все случившееся—кончена статья!—Праздношатающiеся, въ ожиданiи открытiя новой статьи праздношатающiеся, или попрячутся въ свои норки, или примутся за полезное и почтенное занятiе. А гдѣ трудъ, тамъ уже большая стѣна между порокомъ и обществомъ. „Вольныя“ газеты—иное дѣло: имѣя привилегiю „сочинять“ что угодно, было бы только „ново“, интересно, онѣ, безъ умысла, служатъ лучшимъ наземомъ празднословiя, праздношатающiеся etc. etc. etc.—Загляните въ Англiю и другiя вольныя многогазетныя углы Европы. Къ счастью, у насъ такъ мало еще „вольныхъ“ газетъ, что онѣ едва успѣваютъ

*) Название Газеты: Вѣдомости С. Петербургской Городской Полици. Содержанiе ихъ раздѣляется на двѣ части: Часть оффиціальная состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣленiй: *Распоряженiя и Постановленiя Правительства.*—*Объявленiя отъ Полици.* Вторая Часть неоффиціальная, называется: *Прибавленiя*

къ Вѣдомостямъ С. Петербургской Городской Полици, состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣленiй: *Событiя въ столицѣ.*—*Частныя объявленiя.*—*Смѣсь.*—*Разныя извѣстiя.*

Изъ одного уже содержанiя можно видѣть важность материаловъ въ ней помещаемыхъ, столько же какъ и замѣательность и ежедневный интересъ статей,

передавать одно дальное и необходимое.

Есть мѣлочн чрезвычайно важныя для народонаселенія огромной столицы, важнѣе чѣмъ полагаютъ многіе недовольно знакомые съ народнымъ нашимъ бытомъ. Эти господа забываютъ, что любопытство есть прародительскій грѣшокъ, переданный намъ отъ матери нашей Еввы. Петръ Великій это постигъ и завелъ у насъ первыя вѣдомости на манеръ Голландскихъ городскихъ *курантовъ*: въ этой первой газетѣ, прародительницѣ всѣхъ нашихъ журналовъ и газетъ, помѣщалось все: и политика, и ученость, и Государственные акты и *городскія вѣсти*—откровенно, ясно, хоть и *некрасно*. Стало быть Петръ Великій, (а его мнѣше можно кажется принять за авторитетъ во всемъ русскомъ), считалъ это обобщеніе городскихъ вѣстей нужнымъ для своего любезнаго Питера. Но тогда Петербургъ былъ едва ли болѣе одной нынѣшней Петербургской части. Людей было менѣе, слѣдовательно и вѣстей городскихъ. Въ наше время послѣднимъ сдѣлалось тѣсно въ общихъ оффиціальнхъ вѣдомостяхъ. Надобно было открытъ имъ новый отдѣльный выходъ и Правительство наше такъ мудро, такъ фактически дѣйствующее въ духѣ Петра Великаго, признало это за благо. Отъ благаго намѣренія до прекраснаго исполненія у насъ одинъ шагъ. И вотъ родились газеты Губернскія—проводницы всего добраго, нужнаго, полезнаго для Россіи, лучи новаго свѣта въ дѣлахъ общественныхъ, и вотъ точно также родилась и С. Петербургская Полицейская Газета, которой любозытливныя, несомнѣнныя извѣстія перепечатываются во многихъ изданіяхъ, и которой пользу и необходимость почувствовала не одна столица: газеты этой въ короткое время ея существованія разошлось, какъ слышалъ я, около четырехъ тысячъ экземпляровъ, если только не болѣе. Отчего? отвѣтъ готовъ: она *кстати*; она умно составлена, прекрасно издана,—а что кстати, умно и дѣльно, то рано или поздно—должно имѣть успѣхъ. Въ газетѣ этой не одно оффиціальное, существенно дѣльное: въ ней есть и занимательное для читателей даже не дѣловыхъ; въ ней соединено *utile cum dulci*—пріятное съ полезнымъ; въ ней есть для каждаго усть

„пожина,“ есть все, кромѣ лжи иностраннхъ газетъ сего рода; кромѣ невѣрныхъ слуховъ передаваемыхъ кумушкою Соломониною тетушкѣ Улятѣ, чтобы эта—вывернувъ ихъ улиткою, передала другимъ сплетницамъ въ новомъ искаженномъ видѣ; а, что также вещь не послѣдняя въ публикѣ—цѣлое полутодіе этой газетѣ, которой выходитъ по два нумера и по два прибавленія въ недѣлю—выдается подписчикамъ за *полтора рубля серебромъ*—почти за даромъ. Жаль одного, что прозектъ—сдѣлать газету сію, ежедневною, еще не осуществился: тогда ея обращеніе еще бы усилилось и принесло гораздо болѣе пользы. Отъ души желаемъ умной и благонамѣренной редакціи всевозможныхъ успѣховъ въ исполненіи видовъ ея основателя.... Но вотъ входитъ въ каюту пріятель мой, Янки, уроженецъ славнаго города Нью Йорка, сей столицы американской дѣятельности и великолѣпнѣйшихъ въ мірѣ пуффовъ. Не о новыхъ пуфахъ была, однакоже, рѣчь: дѣло шло о перемѣнѣ дожда на ведро. Весело выбѣжалъ я изъ душевной кѣлты на свѣжій воздухъ, небо прояснилось—величественный Петербургъ съ своими пышными вабережными, дворцами, церквами и памятниками, а что всего отраднѣе, съ своею жизнью, дѣятельностью, народнымъ умомъ, любовью къ Царю и отечеству—широко и пестро разстилался по волшебной скатерти зеркальной Невы. О Петръ—отецъ Петербурга! гдѣ ты? взгляни на засѣянную тобою ниву, подлюбуйся какъ слабый стебель, тобою выращенный, раскинулъ многосѣнныя вѣтви свои подъ рукою дельющаго ихъ Вертоградаря! Какіе плоды принесло это многосѣнное дерево потомку обрѣтыхъ тобою бородачей!... Пароходъ нашъ остановился у пристани, я воротился домой и спѣшилъ записать мысли свои, не измѣнивъ въ нихъ ни слова.... П. К.

О МРАМОРОВИДНОМЪ КАМНѢ,

Изобрѣтеніе Гг. Теремина и Джуліани.

Въ Генварѣ сего года Journal de St. Petersburgъ извѣстилъ публику о мраморѣ

вною изобрѣтенномъ Инженеръ Подполковникомъ Тереминомъ и Коллежскимъ-Ассессоромъ Джулиани. Отголоскомъ лестнаго отзыва Journal de St. Petersburg о семъ мраморѣ въ послѣдствіи были С. Петербургскія Академическія Вѣдомости, Инвалидъ, Сѣверная Пчела и журналъ Отечественныхъ записокъ; но какъ мы не имѣли подъ глазами образцовъ камня названнаго изобрѣтателями мраморовиднымъ (Marbre lithoide), мы умолчали предъ нашими читателями о еемъ открытіи, могущемъ, при распространеніи производства сего, быть новою вѣтвью для промышленности. Мраморъ этотъ готовится изъ Рижскаго нежелезнаго гипса, который по расплюскѣ на плиты или куски известнаго размѣра, посредствомъ химическаго процесса получаетъ крѣпость и качества настоящаго мрамора. Сверхъ того онъ имѣетъ два важныя преимущества: дешевизну и разнообразіе цвѣтовъ, зависящихъ отъ воли производителей. Желательно, чтобы Гг. Тереминъ и Джулиани распространили производство открытаго ими мрамора; ибо результаты полученные изобрѣтателями изъ опытовъ произведенныхъ въ большомъ размѣрѣ, доказали несомнѣнную пользу и денежныя выгоды сего открытія.

НОВЫЙ РОДЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Болѣе 10.000 иностранцевъ ежегодно посѣщаютъ Ферне, преждебывшій замокъ Вольтера близъ Женевы и приносятъ сторожу этого замка доходъ, который едва ли не превышаетъ всѣ доходы его прежняго хозяина. Вотъ какъ одинъ женевскій ариометикъ расчитываетъ его разныя отрасли:

За продажу 8.000 бюстовъ Вольтера по 1 франку каждый	8.000
За 1.200 истинныхъ (?) автографовъ Волтеровой руки по 20 ф. каждый	24.000
За 500 настольныхъ: (sic!) тростей философа-поэта по 50 ф. каждая.	25.000

За 300 собственныхъ (!!!) париковъ того же великаго мужа по 100 ф. каждый	30.000
Итого 87.000	

Стало быть на каждыя десять лѣтъ придется сторожу Фернейскому запасти 80.000 бюстовъ, 12.000 истинныхъ автографовъ, 5.000 настольныхъ тростей и 3.000 собственныхъ париковъ мудреца Женевскаго, а въ двадцать лѣтъ вдвое!!! И послѣ этого скажутъ, что спекуляція на легкомъ вѣрѣ ближняго не надежна!... Скорѣе Гг. спекулянты, скорѣе бѣгите въ Женеву; учреждайте компанію на акціяхъ; заводите фабрики, литографин. Для вашихъ бюстовъ, автографовъ, тростей и париковъ открывается вѣрный сбытъ, если вы только поладите съ новымъ потребителемъ этихъ издѣлій — сторожемъ Фернейскаго Замка.

НОВАЯ ВОЗДУШНАЯ ПОЧТА.

Surge puer... ad astra!

Благодаря новымъ открытіямъ въ Аэростатикѣ, шутки юмористовъ перестаютъ быть пухами; фантастическія путешествія могутъ легко осуществиться и мы рискуемъ до крылатой воздушной почты... Неутомимый воздухоплаватель Г. Гринъ (Green), которому поднебесье почти также знакомо какъ свой карманъ; Г. Гринъ, уже совершившій въ жизни своей столько заоблачныхъ путешествій, нашель — какъ кажется — великій секретъ „управлять воздушными шарами, подниматься и опускаться на нихъ по произволу.“ Механизмъ его новаго сварда весьма простъ: онъ весь основанъ на веревѣ или оси (Pivot). У конца этой веревы расположены два маховыхъ крыла, а къ кормѣ лодочки прикрѣплено крыло замяняющее собою руль или правило. Измѣняя горизонтальность положенія и наклонность маховыхъ крыльевъ, воздухоплаватель можетъ — по желанію своему — подниматься и опускаться,

Ведчайшая выгода этого изобретения состоитъ въ томъ, что аэроплатъ можетъ подниматься въ заоблачную высь не сбрасывая балласта, и столь же удобно спускаться внизъ не выпуская ни одной унции газа. Для достиженія этой цѣли, ему стоитъ только измѣнить направленіе крыльевъ аэростата.

При помощи своего новаго снаряда, Р. Гринъ намѣренъ, для перваго опыта, нынѣшнимъ же лѣтомъ, перепорхнуть изъ Европы... въ Америку, черезъ весь Атлантическій океанъ! Говорятъ, что онъ отложилъ уже 500 ф. ст. (3000 руб. сер.) на расходы этого полета, а тысячу другихъ фунтовъ стерлинговъ хочетъ оставить въ Англии, въ видѣ заклада противъ того кто усомнится въ успѣхъ его попытки. Щастливый путь! да напутствуютъ воздухоплатателя всѣ благопріятныя пассатныя вѣтры!

МИКРОСКОПИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Въ числѣ разныхъ ученыхъ обществъ и клубовъ Англии открылось недавно въ Лондонѣ *Общество Микроскопическое*, состоящее не изъ инфузорій рода человеческого, даже и не изъ Дилипутовъ, какъ то можно бы полагать, судя по странному его названію. Члены его—люди обыкновеннаго роста, а иные даже годны въ гренадерскія гвардейскія роты. Названіе общества сего дано ему по существу его любимыхъ занятій: цѣль общества систематически слѣдить успѣхи учености въ «физиологическихъ наблюденіяхъ, посредствомъ микроскопа. Первое засѣданіе, 19 Февраля нынѣшняго года по н. с., открыто было президентомъ общества профессоромъ Овеномъ (Owen). Между разными трудами членовъ, читана въ этотъ разъ Диссертація „О Микроскопическихъ изслѣдованіяхъ устройства зуба, для ближайшаго объясненія ископаемыхъ остатковъ (животныхъ?)“ Подобныя изслѣдованія дадутъ конечно способы и геологамъ извлечь для науки своей несомнѣнныя пользы изъ микроскопа. Можно бы подумать что ископаемыя кости Маманта всего менѣе способны къ наблюденіямъ

сего рода, но объясненія Профессора Овена удостовѣряютъ, что органамъ допотопнаго животнаго царства можетъ быть подверженъ тѣмъ же ученымъ изслѣдованіямъ, посредствомъ микроскопа, какъ и мельчайшія инфузоріи.

ВОЕННЫЯ СИЛЫ ВЪ КИТАѢ.

Итогъ всѣхъ войскъ въ Китайской Имперіи, полагая въ числѣ ихъ и морскихъ солдатъ, простирается до 766,222 человекъ, за исключеніемъ милиціи и Моегловъ, составляющихъ особую резервную массу. Въ Китаѣ два флота: одинъ рѣчной, другой морской. Первый состоитъ изъ 1036 судовъ съ 9500 человекъ экипажа, послѣдній изъ 918 судовъ, со 107,921 человекъ моряковъ. Организациія армій подобна всѣмъ арміямъ вообще, съ тою только разницею что цифры ея никогда не состоятъ на лицо: это просто скелетъ арміи или кадръ—грозный и значительный только на бумагѣ. Солдаты Китайской дерется не изъ любви къ отечеству, но какъ служитель полиціи, или Императорскій охотникъ, проживающій большую часть времени дома и занимаясь какимъ нибудь промысломъ или торгомъ. До сихъ поръ не настало никогда надобности въ полномъ комплектѣ военныхъ силъ, которыхъ одна десятая часть постоянно была подъ ружьемъ, а девять десятыхъ всегда въ разбродѣ.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СОЮЗЪ.

Полина де Мелонъ, молоденькая дѣвушка изъ хорошей Парижской фамиліи, лишилась родителей и принуждена была сама заботиться о своей судьбѣ. Она сдѣлала попытку обезпечить содержаніе свое литературными трудами. Послѣ долгихъ усилій, удалось ей пріютиться къ редакціи журнала „Publiciste“, которая такъ выгодно оцѣнила ея занятія, что

она могла существовать безбѣдно. Но вотъ — вдругъ — она заболѣла, и эта болѣзнь довела ея до крайней нищеты. Однажды поутру получаетъ она пакетъ съ запечатанною въ немъ статьею, написанною совершенно въ ея духъ и ея слогомъ, для журнала „Публицистъ;“ къ статье было приложено письмо отъ неизвестнаго, который обещалъ ей присылать и впередъ, отъ времени до времени, подобныя статьи, пока она сама будетъ въ состояніи заниматься своимъ дѣломъ. Обещаніе свято исполнялось во все продолженіе ея болѣзни. И редакція журнала продолжала производить ей съ точностію условную плату за присылаемыя статьи. Не вдругъ, однакожъ, послѣ выздоровленія своего удалось ей удовлетворить свое любопытство — узнать неизвестнаго своего благодѣтеля, какъ воть — является къ ней блѣдный, стройный молодой человекъ, съ кроткимъ выразительнымъ лицомъ и объявляетъ, что онъ ея неизвѣстный сотрудникъ. Гармонируя между собой въ отношеніи литературномъ, они скоро сошлись и въ отношеніи сердечномъ: полюбили другъ друга, женились и продолжаютъ жить счастливо и согласно. Между тѣмъ, обстоятельства перемѣнились, блѣдный молодой человекъ сдѣлался въ послѣдствіи однимъ изъ уч-

нѣйшихъ Государственныхъ мужей Франціи, былъ нѣсколько разъ Министромъ: однимъ словомъ — это... знаменитый Гизо (Guizot)! —

НОВЫЕ АНГЛІЙСКІЕ РОМАНЫ.

Леди Блессингтонъ издала недавно новый романъ „Гувернантку“ въ двухъ частяхъ, превзошедшій, успѣхомъ своимъ въ публикѣ, всѣ прежнія произведенія знаменитой Леди. Истина и правдоподобіе рассказа, умная характеристика дѣйствующихъ лицъ изъ самаго высшаго круга и мѣстный колоритъ изложенія, возвышаютъ достоинство романа сего передъ всѣми произведеніями (того же рода) въ Британской словесности. И Мистрисъ Грей издала также новый романъ свой „Герцогъ“, въ трехъ частяхъ, обнаруживъ въ немъ необыкновенное дарованіе въ очеркѣ самыхъ живыхъ картинъ, взятыхъ изъ современнаго быта. Докторъ Фр. Штегеръ перевелъ оба романа на Нѣмецкій языкъ; переводы его дѣлательно печатаются у Эдуарда Лейброка въ Брауншвейгѣ и весьма скоро выдутъ въ свѣтъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Желющие благоволят адресовать подписку на Маякъ, а равно и присылку статей, на имя котораго либо изъ Редакторовъ-издателей: *Петра Александровича Корсакова* въ домъ Цыrkовыхъ на Калининской площади, или *Степана Онисимовича Бурачка* на Васильевскомъ Острове по 14 линіи близъ большаго проспекта въ домъ Мальгиной № 24.

На случай же ихъ отсутствія или перемѣны квартиръ, всего лучше прямо адресоваться: или въ *Газетную Экспедицію* С. Петербургскаго почтамта, или въ отдѣленіе С. Петербургскаго Почтамта на Васильевскомъ Острове, на имя чиновника того же Почтамта, *Александра Ивановича Лауица*, между 7 и 8 линіями по большому проспекту.

Въ Москвѣ въ подписку принимается у книгопродавца *А. С. Ширлева*.

Кто получилъ V часть у кого либо изъ книгопродавцевъ, (во всѣхъ книжныхъ лавкахъ можно получить Маякъ) тотъ непременно получить въ томъ же мѣстѣ и остальные части. Медленно тѣ или приволочка въ выдачу или экзем-

пляровъ, могутъ произойти единственно оттого, что книгопродавецъ не обратился своевременно съ надлежащими требованіями къ издателямъ, которые, съ своей стороны удовлетворяютъ всѣ такіа требованія безъ озабоченно.

Во всякомъ случаѣ, подписавшіеся благоволятъ прописывать свои адреса четко и акуратно, и о перемѣнѣ мѣста жительства уведомлять заблаговременно.

За *четыре* слѣдующія части Маяка (V, VI, VII и VIII.) *четыре* рубля серебромъ, съ доставкою *пять*. —

За *восемь* частей (V — XII) *восемь* рублей серебромъ, съ доставкою *девять*.

За всѣ *двѣнадцать* частей (I — XII) *двѣнадцать* рублей, съ доставкою, *тридцать*.

Редакція, составъ и содержаніе Маяка, условія приѣма статей и выхода книгъ, остаются на томъ же самомъ основаніи, какъ это было изложено въ *объявленіи* припечатанномъ въ концѣ III части.

VII часть поступила въ печать.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

ГЛАВА II. СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

Псаломъ на единоборство Давида съ Голиафомъ. И. <i>Бороздна</i>	11
Псаломъ 83. (Преложение). И. <i>Бороздна</i>	—
Разсудокъ и сердце (Апологи) Князь А. <i>Шаховской</i>	12
Борьба. П. <i>Корсаковъ</i>	13
Человѣчскія желанія. П. <i>Корсаковъ</i>	14
Рыбная ловля Я. <i>Щеткинъ</i>	15
Успокоенье. Ст. <i>Степановъ</i>	15
Море. П. Б.	—
Пѣсня. Ст. <i>Степановъ</i>	16
Кошки. (Васня).....	—
Р. В. Кроуль, А. <i>Высской</i>	17
Созданіе очей. В. <i>Зотовъ</i>	—
Небесная нива. В. <i>Зотовъ</i>	18
Три эпиграмы. <i>Коломенскій Старожилъ</i>	—

ПРОЗА.

Нѣсколько писемъ Суворова къ Императрицѣ Екатерицѣ II и къ Князю Пошемину.....	36
Вспуленіе въ мое наземное поприще. Князь А. <i>Шаховской</i>	41
Это не онъ. Эпюды великолѣпной повѣсти. И. <i>Лихаревъ</i>	45
Заупреян Святлаго Христова Воскресенья.....	57
Новый Недоросль. Комедія. Сергѣй <i>Навроцкій</i>	63

ГЛАВА III. МАТЕРІАЛЫ.

Пребываніе Петра I-го въ Парижѣ.....	77
Марциальныя воды въ Олопецкой губерніи Пешрозаводскаго уѣзда. В. <i>Дашковъ</i>	81
Спаривныя свѣпочныя пѣсни.....	86
Прогудка по Дунаю отъ Регенсбурга къ Вьенѣ.....	92
Женскій полъ въ Индостанѣ.....	108
Программа исторіи кораблестроенія въ Россіи. С. <i>Навроцкій</i>	115
Объ атмосферахъ земной и лунной.....	130
Нѣсколько словъ о половыхъ отношеніяхъ въ царствѣ животныхъ. С. <i>Куторга</i>	132
Путешествіе въ Китай. Статья П.	140

ГЛАВА IV. БИБЛИОТЕКА ИЗБРАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

Учебники. Статья П. Исторія. И. *Сивельевъ* Самоучитель Французскаго языка. А. Ф. *Лавинскаго*. — Репертуаръ Русскаго театра. Папсонъ Русскаго и всѣхъ Европейскихъ театровъ. — Параша Сибирячка. — *Велизарій*, драма въ пяти дѣйствіяхъ. — *Руководство* къ изученію Испанскаго языка. — *Кобзарь*, Т. *Шевченка*. — *Chronicles of Roldi Joseph the Sphardi*. — *Essai sur les fables Indiennes et sur leur introduction en Europe*, par A. Loiseleur Deslongehanys.

ГЛАВА V. НЕОРАМА, СМѢСЬ И РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Письмо Доктора Максимилиана Гейде къ Редактору Маяка С. Бурачку. Прошнвъ избушки кляшкя, Письмо къ Редакторамъ Маяка — Человѣчюлюбивыя общества. — Ведро и венасье. — О мраморовидномъ камнѣ. — Новый родъ промышленности. — Новая воздушная почта. — Микроскопическое общество. — Военныя силы въ Китаѣ. — Необыкновенный союзъ. — Новые Англійскіе романы.

Digitized by

